

Евгений Костюченко Блюз для винчестера

Блюз для винчестера – 1

Г.Любавина: gurongl@rambler.ru <http://www.fenzin.org>
«Блюз для винчестера»: 2004
ISBN 5-94371-40-81

Аннотация

Степан Гончар — менеджер крупной транспортной компании. Он объездил весь мир, отлично говорит по-английски, неплохо стреляет и всегда добивается своей цели. Еще он любит гонять на машине по пустынным ночным дорогам, а однажды зимней ночью, подобрав на шоссе красивую молодую женщину... ..оказывается на Диком Западе 1876 года. На том самом Диком Западе, где ковбои и индейцы, где за виски расплачиваются золотым песком, а самым веским аргументом считается кольт...

Евгений "Краев" Костюченко Блюз для винчестера

Часть первая

1. ПОЛЕТЫ В ТУМАНЕ

Степан Гончар любил водить машину ночью. Наверно, потому, что днем он всегда был занят работой. С утра до позднего вечера бесконечные звонки, факсы, переговоры. Если надо было слетать из офиса в порт, то его возили на разъездном "паджеро", а он в это время, трясаясь на заднем сиденье, сверял бумаги или продолжал телефонные переговоры.

Степан работал в отделе международных перевозок крупной транспортной компании. Ему нравилось дело, которым он занимался. Нравилось, что в этом деле он все понимал и всегда добивался результата. Он мог часами дозваниваться до нужного абонента, чтобы

потом, в двухминутном разговоре, убедить его подписать контракт с шестизначными цифрами. А еще он мог, сопровождая контейнеры, договариваться с грузчиками в любом порту от Новороссийска до Нью-Йорка и Вальпараисо. И клерки, и докеры принимали его за своего, и это нравилось Степану.

Но больше всего ему нравилось то, что, приходя на работу, он каждый день словно оказывался на пороге всего мира. Огромная карта двух полушарий на стене офиса была испещрена флажками, отмечавшими места, где побывали работники компании. Несколько таких флажков воткнул сам Степан, возвращаясь из командировок. И глядя, как много еще свободного места на карте, он надеялся, что работа подарит ему не один новый маршрут.

В глазах начальства Степан Гончар был ценным кадром — молодой, но опытный специалист, одинокий, легкий на подъем. Наверно, опасаясь его потерять, шеф убедил Степана взять ссуду в фирме и купить квартиру. Шефу Гончар уступил. Но категорически отверг попытки сослуживцев задарить его мебелью. Вся обстановка его квартиры состояла из компьютера, дивана, холодильника и пары дорожных сумок, всегда готовых к путешествию.

Если в выходные дни вдруг оказывалось, что ему не надо заниматься отправкой груза или вести в ресторан важных клиентов, то Гончар выбирался в лес, вооружившись старенькой двустолвкой, и стрелял по шишкам и мухаморам.

Но самым любимым развлечением Степана Гончара была езда по ночному городу. Пролететь по проспекту Славы на скорости в сто сорок и испариться за один перекресток до гаишника с радаром. Или просто катиться вдоль Невы, любуясь мостами. Или подвезти красивую женщину и при этом не взять с нее не только денег, но даже и номера телефона... вот и сегодня он притормозил под "американским" мостом на Обводном канале, заметив женскую фигурку с поднятой рукой на обледеневшей дороге. В таком глухом месте и днем-то пешехода не встретишь. Что здесь делает женщина зимней ночью?

Она была в короткой дубленке и джинсах, заправленных в высокие рыжие сапоги. Длинные черные волосы двумя гладкими крыльями опускались из-под ковбойской шляпы. "Иностранка", — мгновенно определил Степан Гончар. Только иностранцы могут одеваться так дорого и безвкусно.

Он остановился и, не задавая вопросов, открыл перед ней дверь. Женщина уверенно села рядом, наполняя салон ароматом незнакомых духов, и сказала:

— Эйрпорт, плииз.

— Какой аэропорт, мэм? — переспросил Степан по-английски, щегольнув своим произношением. — Международный или внутренний? Какой рейс вы встречаете?

Она была без вещей, поэтому он и решил, что она никуда не летит. А зачем, в таком случае, ей нужен аэропорт? Кого-то встречает, конечно.

— Я не встречаю. Я должна проводить человека, — ответила она. — Поехали, у нас мало времени.

Степан пожал плечами. Уточнить маршрут можно будет и позже, подъезжая к повороту на Пулков-2. К чему лишние разговоры? Ясно одно — сегодня он попадет домой на час позже.

Он подкрутил настройку радиоприемника, потому что зазвучал его любимый Эрик Клэптон, "I Shot A Sheriff"¹.

— Не слишком громко?

— О'кей, — иностранка благосклонно кивнула.

— Не могу определить стиль этой песни. По ритму — рэгги. А по сути — натуральный блюз.

— В чем, по-вашему, суть блюза?

— Ну, есть же классическое определение. Блюз — это песня о том, что хорошему

---

¹ Я застрелил шерифа" (англ.).

человеку плохо. Хороший человек подстрелил шерифа и честно в этом признается. Но он не убивал помощника шерифа, а ему и это вешают. Он клянется, что стрелял исключительно в целях самозащиты, но судьи его и слушать не хотят. Есть от чего загрустить. Натуральный блюз.

— Любите блюз?

— Кто ж его не любит. Хотя... — Гончар пожал плечами. — У меня нет ни одного знакомого, кто тоже любил бы блюз.

— Я люблю.

— Ну вот, теперь у меня есть такой знакомый, — сказал Степан.

Он подумал, что после такой реплики было бы естественно познакомиться. Но такое продолжение стало бы вопиющим нарушением его традиций. Впрочем, иностранка никак не отреагировала на последнюю фразу и молча смотрела перед собой.

Обычно в это время Пулковское шоссе бывает загружено едва ли не меньше, чем днем. Но сегодня, свернув с кольца вокруг площади Победы, Степан оказался в одиночестве. Не было ни череды спящих фар на встречной полосе, ни красной гирлянды габаритов и стоп-сигналов впереди. Только желтый огонек светофора мигал ему издалека сквозь ночной туман. Гончар поддался искушению и вдавил педаль газа в пол.

Если дорога свободна, значит, надо прибавить скорость. А если мешает туман, значит, надо ехать еще быстрее, чтобы в тебя никто не врезался сзади.

Возможно, с его рассуждениями не согласился бы не только работник ГАИ, но и любой здравомыслящий водитель. Но Степана не волновало их мнение. Его волновала скорость и неизвестность. Уж так он был устроен.

И к "здравомыслящим" он себя не относил. Иначе не стал бы браться за такие командировки, куда обычно посылали только в виде наказания. С его положением в фирме он спокойно мог бы раз в год летать в Штаты или Европу. Но Степан предпочитал сложные маршруты. Например, в Бангладеш через Иран на трех видах транспорта. Вот это была командировка!

— Вы едете слишком быстро, — вдруг сказала женщина. — Зимний туман очень опасен. Дорога скользкая. И вы не можете видеть, что у вас впереди.

— Я знаю, что у нас впереди, — ответил Степан, понемногу сбрасывая скорость.

— Никто не знает, — печально проговорила иностранка.

— У меня впереди пост ГАИ. А у вас впереди — встреча и расставание. Кстати, если вы проводите своего человека достаточно быстро, я могу подождать вас и отвезти обратно. О'кей?

— Вы очень любезны.

— Просто у меня есть свободное время. Вы из Америки?

— Да.

— Отличная страна, — сказал Гончар, чтобы польстить попутчице. — Я был в Нью-Йорке, Бостоне, Сиэтле. Я люблю Америку.

— За что? Что вам так нравится в Америке?

— Скорость, — подумав, ответил Гончар. — Американцы все делают очень быстро. Второе — там всегда тепло и чисто. Третье — все вокруг улыбаются.

— Я ждала другого ответа. А как насчет свободы, демократии? Как насчет Голливуда, Бродвея, Вегаса?

— Это тоже хорошие штуки, демократия и Бродвей. Но они не касаются моей работы. Для меня главное — работа. В Штатах легко работать и удобно жить. Все делается быстро и четко. Мне это нравится.

— Работа — это еще не все. Разве человек создан для того, чтобы работать?

— Именно так, — уверенно ответил Степан. — Потому что никто, кроме человека, работать не может. Ни дельфины, ни обезьяны, никто. Работает только человек. И если он хорошо работает, то и живет хорошо.

— Дельфины и обезьяны живут хуже людей?

— Не знаю. Никогда не жил с обезьянами.

— О'кей, — женщина рассмеялась. — Считается, что лучше всех живут миллионеры. Разве они работают лучше всех?

— Не знаю. С миллионерами я жил еще меньше, чем с обезьянами. Но вот что я вам скажу, мэм. В Америке, конечно, много богатых бездельников. Но самые первые миллионеры, я уверен, и в самом деле работали лучше всех. У вас там были совсем другие правила игры, не такие, как в Европе или в России. Надо было только иметь голову на плечах и какой-то начальный капитал. В те времена никто не мешал человеку разбогатеть.

— Никто, — согласилась американка. — Кроме других людей, которые тоже хотели разбогатеть.

— Ну, от таких было чисто американское средство, — сказал Степан. — Называется "кольт".

Туман сгустился так, что лучи фар не пробивали молочно-белую стену.

— Остановите здесь, — попросила женщина.

Степан удивился, но ничего не спросил. Он сбросил скорость, свернул в правый ряд и остановился, когда под колесами захрустел гравий обочины.

— Вы можете мне помочь, — сказала она.

— Конечно, — ответил Степан.

До него не сразу дошло, что она и не спрашивала его. В ее словах звучала простая констатация факта. Он может помочь ей.

— Нам надо выйти из машины. — Она посмотрела ему в глаза.

Степан заглушил мотор.

— Надо — выйдем. А мы не опоздаем в аэропорт?

— Не опоздаем, — сказала женщина. — У нас еще много времени.

— Десять минут назад его было мало, — напомнил Степан, задержавшись перед открытой дверью. — Что-то изменилось?

— Разве вы не заметили? — улыбнулась иностранка, и он удивился ее красоте.

Куда же он смотрел все это время? Почему он до сих пор не разглядел этих глаз, этих высоких скул и этих по-детски свежих губ?

Посмеиваясь и качая головой, он достал фонарик, выбрался на дорогу и обошел машину, чтобы открыть дверь для пассажирки.

Выйдя, она поправила шляпу и осмотрелась. Степану показалось, что она видит в тумане гораздо больше, чем он. Женщина кивнула и вытянула руку:

— Нам сюда.

Она уверенно пошла впереди, и Степан двинулся за ней.

Плотный холодный туман окутал его. Отойдя на пять шагов от машины и оглянувшись, Степан едва смог различить ее задние огни. Они тускло светились, как два тлеющих уголька в толще золы.

— Не идите так быстро, — сказал он, пытаясь разглядеть в тумане женщину. — Мы можем потерять друг друга.

— Мы найдем друг друга, — прозвучал ее голос.

По лицу хлестнула ветка дерева, и Степан остановился, поняв, что сошел с обочины. Женщины здесь не оказалось, и в желтом луче слабого фонарика колыхались клочья густого тумана. Гончар повернул вправо, но под ногами вместо твердого асфальта продолжали хрустеть ветки.

Ему стало смешно. Заблудился на шоссе. В десятке шагов от машины. Да еще с красоткой. Которая, кажется, тоже заблудилась.

— Мэм, встречаемся у машины! — позвал Степан.

Не дождавшись ответа, он развернулся и решительно зашагал обратно. Длинная разлапистая ветка со свистом скользнула по кожаной куртке.

"Никогда не замечал, что здесь столько деревьев", — удивился Степан. Он отвел ветку от лица и в следующий миг почувствовал, что нога повисла над пустотой.

Яма? Люк открытый? Кювет? Не удержавшись, он сорвался вперед. В пустоту. Ветка выскользнула из руки, больно расцарапав ладонь, и Степан Гончар покатился вниз... наверно, он на какое-то время потерял сознание. Голова еще гудела после удара, и почему-то кругом был рыхлый снег. Откуда здесь столько снега? Он не мог вспомнить, как оказался в этом сугробе. Встав и ощупав себя, Степан огорчился. Пропали часы. Это было непонятно. Потеря бумажника была легко объяснима — он просто вывалился из кармана во время падения. Но как Степан мог потерять свои часы? Швейцарский браслет не расстегивается сам собой. Получается, он был не совсем швейцарским. Обидно.

Туман понемногу рассеялся, и Гончар видел в темноте перед собой крутой склон, покрытый редкими искривленными деревцами, между которыми белели полосы снега. Где-то вверху расплывалось и подрагивало пятно света. Хватаясь за гибкие стволы, Степан пробирался наверх, оглядываясь и ощупывая склон перед собой. Где-то впереди, в вышине за туманом, послышался женский голос.

— Одну минуту, мэм! — крикнул Степан. — Я уже возвращаюсь! Подождите минуту!

Не обнаружив по пути ни часов, ни бумажника, он думал только о том, как ему теперь довести американку до аэропорта, не имея документов на машину. Потеря денег и "омеги" была не страшна. На обратном пути он еще раз, с фонариком, обследует это заколдованное место. Но что делать, если его тормознут гаишники?

"Договоримся как-нибудь, — решил Гончар. — Я трезвый, в бардачке лежит пропуск в порт и другие бумажки. Гаишники тоже люди. Пуштунские заставы меня пропускали, неужто я с русскими не договорюсь? Да и с чего бы им меня останавливать? Довезу пассажира, потом разберемся. Эх, да с документами любой доедет, а ты попробуй вот так".

Повеселев, он быстрее зашагал вверх. Из-под ног вылетали камешки и катились, громко цокая по заледеневшему склону. Степану пришло в голову, что камни, судя по звукам, улетали слишком далеко. Похоже, что ему еще повезло, когда он застрял в том сугробе.

— Эй, кто там? — послышался сверху голос американки.

— Это я, мэм! Подождите минутку, не бойтесь!

Наконец он выбрался на обочину шоссе. В тумане казалось, что сразу за обочиной стоит непроницаемая черная стена. Световое пятно, к которому так стремился Гончар, оказалось вовсе не лучами фар. Источник света находился на уровне земли, и Степан не сразу понял, что это был небольшой костер.

Справа послышался странный звук. Словно фыркнула лошадь. Цок-цок — ударили подковы, будто лошадь переступила на месте. Скрипнули, проворачиваясь, деревянные колеса.

"Куда я вышел? — недоуменно оглядывался Степан. — Какая-то конюшня? Колхоз? Кажется, при Пулковской обсерватории есть подсобное хозяйство. Но как меня занесло в обсерваторию?" — Вот он, стоит впереди! — раздался высокий мужской голос.

"Еще иностранец появился", — подумал Степан, потому что мужчина говорил по-английски.

— Эй, ты! Положи оружие на землю! — скомандовал иностранец. — А потом медленно подходи!

— У меня нет оружия! — сердито ответил Степан и пошел на голос.

— Я сказал "медленно"! — закричал мужчина, и его голос сорвался на визг. — Стой! Один шаг, и ты покойник!

— О'кей, сэр, — миролюбиво произнес Гончар, принимая нелепую игру, и даже на всякий случай поднял руки.

— Подходи медленно!

От костра тянуло запахом подгоревшего хлеба.

В неверных отблесках огня сверкнули глаза и оскаленные зубы черной лошади. За ней стояла другая лошадь, светлая, положив свою голову на круп черной. Дальше виднелись очертания высокого фургона.

"Что за цирк шапито?" — подумал Степан. Он остановился у огня, оглядываясь. Людей не было видно. Но из темноты прозвучал властный голос иностранца:

— Эй, ты! Что тебе надо?

Гончар разозлился и, забыв о присутствии женщины, от всей души послал незнакомца туда, куда обычно направлял слишком несговорчивых грузчиков.

В ответ раздался громкий металлический щелчок. Степан понял, что с ним не шутят. Он успел инстинктивно пригнуться, и тут же из темноты вырвалась оранжевая вспышка. Жесткий порыв ветра взъерошил волосы на голове Степана. Неведомая сила заставила его вмиг повернуться и сломя голову кинуться прочь от этого костра. За спиной ударил еще один выстрел. Степан бежал, не чувствуя ног под собой, и ветки хлестали по его щекам.

Но снег под ногами становился все глубже, и в конце концов Гончар провалился в него по пояс. Он замер, прислушиваясь.

Никто не гнался за ним.

В вышине просвистел ветер, и голые ветки деревьев выбили барабанную дробь.

Степан с трудом развернулся в снегу и побрел обратно по глубокой тропе, которую сам же и пробил в сугробах.

Тучи над головой раздвинулись, и лесную поляну залил холодный лунный свет. Степан хорошо видел свои следы и смог выбраться по ним на твердую дорогу. Отряхнувшись от снега, он огляделся.

Черные ели окружали его со всех сторон. Гончар зашагал по накатанной узкой дороге. Она вела вверх, и подъем становился все круче.

"Куда я попал?" — думал Степан, непрерывно оглядываясь. Все вокруг было совершенно незнакомым, и даже воздух казался чужим. Но больше всего удивляла его темнота. В небе отчетливо виднелись мириады звезд, и горизонт над черными макушками леса был таким же густо-синим и прозрачным, как небо над головой. Куда же подевалось городское зарево?

Легкий морозец пощипывал уши, и Гончар поднял капюшон кожаной куртки.

Дорога круто сворачивала вверх по склону, и Степан остановился на повороте. Отсюда ему было видно необъятное черное пространство — и ни одного огонька до самого горизонта. Внизу простирался бесконечный лес.

Он протер глаза, пытаясь избавиться от наваждения. Но картина не изменилась. Черный лес под ногами, и черное небо над головой. Вот где-то внизу высветились отблески костра — наверно, там греются те, кто стрелял в Степана.

— По крайней мере, ясно, куда идти, — сказал себе Гончар, и странно было слышать собственный голос в этой морозной тишине. — Внизу я уже был. Там ничего хорошего. Значит, надо идти вверх.

Он посмотрел на звезды и увидел ковш Большой Медведицы.

— Замечательно! Я могу определить направление на север, — громко сказал Степан. — Ну и что с того? Какая теперь разница, где север, а где юг? Вот дорога, по ней и пойдем. Все равно делать больше нечего.

Степан Гончар не привык забивать голову бессмысленными вопросами. Каким образом он оказался здесь, в этом лесу? Куда ведет дорога? Кто был придурок, что стрелял в него? Нет никакого смысла гадать.

Не останавливаясь, он проверил карманы. Носовой платок. Складной нож. И все, больше ничего не осталось. Куда-то пропали и мобильный телефон, и пейджер, и записная книжка... Пропали и деньги, вместе с кошельком.

— В следующий раз, выходя из тачки, возьму с собой спички и запас продуктов, — громко пообещал Степан.

А будет ли он, следующий раз? Отбросив очередной бессмысленный вопрос, Степан Гончар шагал по дороге, гулко топая по мерзлой земле.

2. В НЕБРАСКЕ ТОЖЕ ЛЮДИ ЖИВУТ

Дорога петляла, ведя все выше по склону, а потом вдруг после очередного поворота пошла под уклон. Теперь идти было легче. К тому же скоро Степан увидел впереди пламя далекого костра.

На этот раз он был осторожнее. Когда до костра оставалось метров сто, Степан остановился. Неизвестно, что за люди греются там, у придорожного огня. Может быть, благоразумнее будет прокрасться мимо них и шагать себе дальше?

Нет, кто бы там ни сидел, это все-таки люди.

Костер вдруг стал ярче и выше — наверно, подбросили дров. В его свете блеснуло окно. Поначалу Гончару показалось, что это окно автобуса или прицепа-трейлера. Темнота снова сгустилась, но он успел осознать, что у дороги стоит не автомобиль, а какая-то высокая повозка. Карета? Нет, скорее фургон или дилижанс. Степан даже успел разглядеть, что на крыше повозки приторочены тюки и ящики.

В светлом пятне мелькнули тени, раздался звон упавшей металлической посуды, а потом послышалась ругань. Гончар не смог разобрать ни слова, но догадался, что это именно ругань, и более того — американская ругань.

"Везет мне сегодня на штатников", — подумал Степан. Он зашагал дальше, сунув руки в карманы и беспечно насвистывая, чтобы убедить всех в своей полной безвредности. Почему-то озябшие губы упрямо выбирали одну и ту же мелодию: "Взвейтесь кострами, синие ночи..." — Эй, кто это там? — настороженно окликнули его из темноты.

Гончар остановился.

— Могу я подойти к вашему огню?

— Ну, попробуй.

Он сделал только несколько шагов, вынул руки из карманов и встал так, чтобы его освещал костер.

Над огнем на треноге висел полукруглый котел. Рядом на камнях стоял кофейник. Дальше в темноте блестели белыми спицами высокие колеса, и огонь отражался двумя желтыми зигзагами в двух окошках на дверцах фургона. Людей не было видно.

— Покажи твои руки и повернись.

Разведя руки в стороны и медленно поворачиваясь, Степан сказал, отчетливо выговаривая каждое слово, как будто обращался по телефону к далекому индийскому или арабскому контрагенту:

— Я не могу найти свою дорогу. Пожалуйста, покажите дорогу в город.

— Ты шутишь, друг? Дорога у тебя под ногами.

— Мне нужна дорога в город, — повторил Степан.

— Здесь нет других дорог. Мы тоже хотим попасть в Эшфорд.

— Какой Эшфорд?

— Во всей Небраске только один Эшфорд.

Степан присел и вытянул руки над костром. Пламя обжигало кожу, дым ел глаза, черные сучья потрескивали под голубыми и желтыми языками огня. Все это было реальным, настоящим, подлинным. Это не снилось ему.

Значит, не снится и голос. Эшфорд. Небраска. Здесь нет других дорог.

Еще и еще раз Гончар пытался прокрутить в голове все последние события. Он вышел из машины. Оступился. Долбанулся головой. Очнулся на склоне... Очнулся? Значит, он на какое-то время потерял самоконтроль. Кстати, потерял и кое-что еще — часы и бабки, не говоря о документах. Стоп. Хватит о потерях.

Итак, пока он был без сознания, его перебросили с Пулковского шоссе в Америку. Штат Небраска.

Кто перебросил? Зачем? Стоп, стоп, стоп! Снова бессмысленные вопросы. Бессмысленные, потому что некому их задать. В жизни, впрочем, случаются события и покруче. Подумаешь, человек пропал. Эшелоны пропадают, и то никто не удивляется. А тут — всего лишь человек...

При современном состоянии авиации это заняло бы часов десять. Какой тут часовой пояс? "Все срывается, — подумал Степан, радуясь хотя бы такому объяснению, более или менее рациональному. — Неважно, кто это сделал и с какой целью. Но если меня вырубили, тайно доставили на борт и выбросили в Америке, то сейчас тут как раз и должна быть глубокая ночь. Ладно, в Небраске тоже люди живут. Вот уж не думал, что в Штатах остались такие глухие места. Экологический беспредел. Никаких признаков рекламы и уличного освещения, никаких промышленных запахов. Да еще и любители экстремального туризма за каждым кустом".

Из-за фургона показался темный силуэт. Высокий мужчина в широкополой шляпе приблизился к кругу света возле костра, и Степан увидел у него в руках ружье.

— Проклятый туман, — сказал мужчина. — Из-за него мы застряли на перевале. Будем ждать рассвета. Можешь остаться с нами, если тебе надо в Эшфорд.

Степан кивнул. Он оставался неподвижным, пытаясь разобраться в ситуации. А ситуация менялась. Глаза привыкали к освещению, и Степан разглядел новые лица у костра.

Благообразный джентльмен с бакенбардами устроился на раскладном стуле. Он поминутно поправлял складки своего длинного плаща, с откровенным интересом разглядывая Гончара. У его ног примостилась, кутаясь в рыжую лохматую шубу, девочка лет двенадцати, в меховой шапке с опущенными клапанами.

Вышел из темноты и еще один вооруженный мужчина, в короткой двубортной куртке, отороченной белым мехом. Он присел на корточки, опираясь на ружье, и вытянул над огнем длинный шомпол с насаженным куском хлеба.

— Откуда идешь, друг?

Степан молча показал большим пальцем за спину.

— Снизу? И давно шагаешь?

Степан неопределенно пожал плечами.

— Ты отчаянный парень, — сказал любитель жареного хлеба. — Пешком, в одиночку пройти перевал Вэйна? На такое не каждый решится даже днем. Хочешь хлеба?

Он переломил обугленную горбушку и протянул половинку Степану.

— Спасибо.

— Хочешь кофе? Дуглас, ты все равно стоишь, подай-ка еще одну кружку.

— Любишь ты командовать, Гарри, — покачал головой высокий, который стоял, опираясь на свое длинное ружье.

Не сходя с места, он потянулся к заднему ящику фургона, откинул его боковую стенку, выудил из ящика кружку и кинул ее к костру. Разговорчивый Гарри ловко поймал ее одной рукой, а во второй руке у него уже был закопченный кофейник.

— Тебе повезло, друг. Я только что расплескал почти весь наш кипяток, но в кофейнике осталось как раз на одну кружку. И это твоя кружка. Человек, прошедший перевал Вэйна ночью, заслужил того, чтобы отдать ему остатки кофе. Зимней ночью добрый глоток кофе стоит столько же, сколько целая пинта воды в жару, верно, друг?

Гончар вспомнил, где он слышал такое произношение. Похожим образом переговариваются в нью-йоркском порту — гнусавыми скороговорками, с особыми словечками из тамошнего жаргона. Он мог бы и сам ответить в такой же манере, если бы стоял сейчас на терминале и следил за погрузкой. Но здесь, на ночной дороге, такое пижонство было неуместным. Здесь надо говорить так, чтобы тебя поняли сразу. И незачем притворяться местным.

Кроме необычной речи, эти американцы удивили Степана еще одной особенностью — они не улыбались. Дуглас и Гарри глядели на него довольно дружелюбно, но их обветренные лица оставались суровыми и непроницаемыми. Джентльмен с бакенбардами бесцеремонно рассматривал покрой куртки Степана, словно видел впервые такую диковинку. А девчонка угрюмо уставилась в огонь немигающим взглядом. Никто из них не завел со своим случайным попутчиком вежливой беседы о погоде и спортивных новостях. И только Гарри, наверно, ждал, что Степан оценит его гостеприимство.

— Хорошая штука — горячий кофе, верно, друг? — спросил он, видимо надеясь услышать от Степана хоть какую-то ответную реплику.

В общении с иностранцами всегда трудно произнести первые слова, потому что приходится перешагивать какой-то внутренний барьер. Боишься, что тебя не поймут. Бесследно выветриваются из памяти все глаголы. Кажется, что, кроме мычания и жестов, у тебя ничего не осталось. Но Степан Гончар знал одно простое средство от этой напасти. Он никогда не заговаривал первым, а старался как можно дольше послушать собеседника. После двух-трех фраз он уже переставал мысленно переводить на русский каждое слово, а просто понимал смысл сказанного. С пониманием возвращались к нему и уверенность, и позабытые слова.

Так поступил он и на этот раз. Отхлебнув осторожно горячей жижи, в которой плавали крошки, Степан заметил:

— Не все на этой дороге так добры. На той стороне я тоже видел костер, но вместо кофе и хлеба меня угостили двумя пулями.

Гарри повернулся к Дугласу:

— Я же говорил, что был выстрел!

— Ты не мог слышать выстрел с той стороны перевала, — спокойно ответил Дуглас и взглянул на Степана. — Скажи нам, друг, кто были те люди, которые стреляли в тебя?

— Не знаю. Они забыли представиться. Могу точно сказать, что у одного из них женский голос.

Американцы переглянулись.

— Вот такой? — спросил Гарри и просипел фальцетом: — Отвали, придурок!

Степан кивнул, и Гарри снова оглянулся на Дугласа. Тот присел к огню, положив ружье рядом на землю, и подержал руки над пламенем, сгибая и разгибая длинные узловатые пальцы.

— Я думаю, доктор Фарбер, что туман уже рассеялся и мы можем ехать. — Он поднял лицо к благообразному джентльмену, который сидел напротив на складном стуле. — Луна высокая, дорогу видно хорошо. Нет смысла ждать здесь.

— Особенно когда банда Сиплого ошивается поблизости, — добавил Гарри.

— Вам виднее, джентльмены, — ответил доктор Фарбер. — В любом случае лучше двигаться, чем стоять.

— Двигаемся, Дуг! — скомандовал Гарри. — Займись лошадьми, а я наведу порядок.

Уже в следующую секунду кофейник и котелок были опрокинуты над костром, и пламя исчезло под белым паром. "Эти парни умеют быстро собираться", — подумал Степан Гончар и вылил остатки своего кофе на шипящие угли.

— Прошу на борт, мэм! — Гарри шутливо поклонился, открывая дверцу фургона перед девчонкой.

Доктор Фарбер жестом пригласил Степана, пропуская его в повозку, и забрался следом за ним. Последним на скрипучий диванчик уселся Гарри. Заскрипели, проворачиваясь, колеса, и фургон покатило куда-то, переваливаясь на неровной дороге.

"Странная какая-то здесь Америка, — с нарастающей тревогой думал Степан. — Дорога явно грунтовая. Как же они ездят по этому перевалу в дождь? Да, правильно говорят, в Америке есть все. Даже грунтовые дороги".

Он снова успокоился и устроился в уголке поудобнее, сунув руки в карманы. Доктор Фарбер протянул ему что-то колючее, свернутое в рулон.

— Для ног, — коротко произнес он, и Степан заметил, что его попутчики уже укрыли свои колени такими же одеялами.

Укутывая ноги, он увидел, что на стенках фургона тут и там поблескивают латунные доньшки гильз. Степан не удержался и провел рукой по стенке. Так и есть — его пальцы наткнулись на патронташ.

Вот и еще одна версия: он попал в компанию любителей старины, которые разыгрывают свои исторические постановки.

Мерно громыхали колеса по мерзлой дороге. Фургон покачивался, убаюкивая седоков. Степан задремал, продолжая прислушиваться к разговорам своих странных попутчиков. Он почти ничего не понимал из их речи, да и не напрягался особенно, чтобы перевести. Гарри и доктор Фарбер тихо обсуждали возможный маршрут через верховья Миссури, когда в их беседу неожиданно вступила девчонка.

— Папа, а почему мы все время удираем от какого-то Сиплого? — невинно поинтересовалась она. И тут же добавила своим ангельским голоском, не дожидаясь ответа: — Почему бы нам не подождать его за поворотом и не отбить охоту преследовать нас?

— Каким образом, дитя мое?

— Папа, ты же сам учил меня, что бешеных псов не лечат, а уничтожают. Пара добрых выстрелов из мушкета², и мистер Сиплый потеряет всякое желание гоняться за нами. Я с удовольствием взяла бы на себя труд вышибить последние мозги этому негодяю, если позволишь.

— Заслушаться можно! И как же ловко выражается наша девочка! — восхитился Гарри. — Мне так в жизни не завернуть. Взяла бы на себя труд вышибить последние мозги!

— Хорошо, что нас не слышит миссис Фарбер, — вздохнул доктор. — Мне бы досталось за то, что я плохо воспитываю ребенка. Да, возможно, я плохой воспитатель. Но природу невозможно переделать по правилам хорошего тона. "Вышибить"! Почему бы не употребить правильное слово — "выбить"?

— Хорошо, папочка, — согласился ангелочек. — Я выбью ему последние мозги, и он их развесит на кустах для просушки.

— Да таких словечек я и от портовых оборванцев не слыхивал, — с уважением заметил Гарри. — А я ведь там, можно сказать, вырос, в порту. Там грудные младенцы вместо соски грызут кастет, а приличные люди вместо "спасибо" говорят "отдай все". Но так, как ты, Милли, им в жизни не сказануть.

— Гарри, Гарри, не стоит хвалить ее за это. Я бы и сам хотел надеяться, что моя дочь когда-нибудь превратится в настоящую леди. Но чего можно ожидать от девочки, которая родилась в походной палатке? А ее няньками были ирландцы, рабочие моей первой экспедиции.

— Это не мое дело, док, но я в толк не возьму — зачем надо было брать с собой в экспедицию беременную жену? Почему бы ей не сидеть дома, пока муж занят делами?

— Потому что в те годы у нас не было дома. Мы жили в дороге.

— И сейчас живем в дороге, — добавила девчонка. — И ничего в этом страшного. Папа, а Расскажи Гарри про то, как нас расстреливали.

— Это долгая история. Почему бы нам просто не поспать немного?

"Отличная идея, док!" — мысленно согласился Степан и прислонил голову к мягкой стенке.

Ночью надо спать. Даже если тебя забросило к черту на рога, ночью надо спать. И если бы Степана Гончара похитили инопланетяне, он ухитрился бы выспаться в их летающей тарелке. Когда Степан служил в армии, ему приходилось урывать часок мирного сна в самых необычных условиях. Например, устроившись между котлами в гарнизонной кухне. А как сладко спалось в кузове "Урала", который вез его из дальнего караула в теплую казарму! Так что здесь, в этой тряской телеге, он ощущал себя вполне комфортно. Лишь бы не лезли в голову бессмысленные вопросы.

Больше всего Степан боялся, что все происходящее на самом деле только снится ему или мерещится. А что? Вполне реальная вещь — вкололи какой-то наркотик, вот и начались глюки. Лес, горы, американцы — все это только галлюцинация. А в действительности Гончар сейчас, например, валяется где-нибудь в реанимации. Или в обычной палате, но в коматозном состоянии.

---

² Мушкет — принятое в Америке название для армейской винтовки.

"Нет, есть штуки и похуже комы", — решил Степан, прислушиваясь к голосам попутчиков.

Хуже всего, если окажутся правы все эти маги, колдуны и бабы Фроси с третьим глазом. Хуже всего, если там, на Пулковском шоссе, Степан угодил в какую-нибудь черную дыру между параллельными мирами.

Почему это хуже всего? Во-первых, потому, что совершенно непонятно, как можно вернуться обратно в свой мир. Во-вторых, потому, что Степан Гончар твердо убежден, что никаких параллельных миров не существует, а магия, астрал и третий глаз — это всего лишь варианты лохотрона. К лохотронщикам любой специализации Степан относился крайне негативно. Они делали деньги на человеческой глупости и жадности. А он вовсе не считал, что зарабатывать на жизнь можно любым способом. Очень даже не любым.

"Если это галлюцинация, то я не смогу заснуть, — подумал Степан. — А если засну, то обязательно проснусь, и тогда все встанет на свои места".

Он заснул. А когда проснулся, увидел перед собой все того же благообразного джентльмена с бакенбардами. Девчонка спала, пристроив голову у него на коленях. Рядом со Степаном дремал Дуглас, а Гарри, по всей видимости, сменил его на месте кучера.

Взгляд Степана скользнул по стенкам, обитым полосатой тканью. На дверцах, под окошками, в два ряда висели патронташи — сверху с большими гильзами, снизу поменьше. В каждом углу фургона виднелись приклады ружей, установленных стволом вниз, и еще два длинных ружья были закреплены под потолком.

За мутным окошком разворачивалась снежная долина с редкими голыми деревьями, а вдалеке чернел густой лес.

— Где мы сейчас? — спросил Степан.

— Это долина Черной реки.

— Прекрасно. Я знаю десять тысяч Черных рек, — буркнул Гончар.

— У тебя странная речь, — сказал джентльмен с бакенбардами. — Очень европейская. Мы едем всю ночь и до сих пор не удосужились представиться. Будем знакомы. Я — доктор Фарбер, профессор геологии. Моя дочь Мелисса. Мы из Филадельфии. Наши проводники, мистер Дуглас Бакстер и мистер Гарри Хук. Они, насколько мне известно, жители Вайоминга.

Степан Гончар долго обдумывал, как представиться, потому что не хотел называть свое настоящее имя. Американцы не любят напрягаться, запоминая незнакомые слова. А если перевести "гончар", то получится Поттер. Отпадает. И тут он вспомнил, что когда-то в доках Фамагусты русские звали его Степой Питерским, а для местных он был просто Питерс.

— Меня зовут Питерс, — сказал он. — Стивен Питерс.

— Чем собираешься заняться в Эшфорде?

— Не знаю.

Профессор испытующе поглядел на Степана.

— Если не хочешь говорить о себе, не говори. Здесь никто не спрашивает лишнего. Но мне кажется, тебе нужна помощь. Обычно люди, которые остаются живыми после встречи с бандитами, нуждаются в помощи.

— Спасибо. Я не встречался с бандитами, — ответил Степан и снова откинул голову к стенке, прикрыв глаза.

Скрипели колеса, стучали копыта. Так прошло еще минут пять, прежде чем доктор Фарбер сказал:

— Если у тебя нет никаких дел в Эшфорде, ты можешь заняться моими делами. Я хорошо заплачу. Ты хочешь заработать?

Степан хотел заработать. Потому что он очень хотел поскорее выбраться отсюда. Но чтобы выбраться, надо остаться живым. А чтобы выжить, нужны деньги. Все очень просто. Да, Степан очень хотел заработать, но он никогда не брался за первую попавшуюся работу.

— А какими вашими делами надо заниматься? Вы охотники?

— Почему ты так решил?

Вместо ответа Степан щелкнул пальцем по ближайшему патронташу.

— Нет, мы не охотники. Просто в этих местах принято брать в дорогу весь необходимый инструмент. Разное оружие нужно для разных случаев. Винчестер — чтобы свалить лошадь под индейцем, если он за тобой гонится. А дробовик — от тех, кто уже лезет в фургон. Разные случаи, разное оружие, — повторил профессор. — Я занимаюсь геологическими исследованиями. Ты знаешь, что такое геология?

— Конечно. Собираете камни. Ищете нефть.

— Правильно, — кивнул профессор. — Мы собираем камни. Но ищем кое-что более ценное, чем нефть. Уголь, свинец, олово. Обычно я нанимаю рабочих в экспедицию. Но до сезона еще далеко. Поэтому сейчас я могу дать тебе только какое-нибудь поручение с разовой оплатой. Ты способен пройти пешком десять миль?

— Да.

— Тебе надо будет дойти до стойбища оттава и забрать бобровые шкурки, которые они приготовили для меня. Я заказал эти шкуры весной, и они собирали их весь год. Теперь их надо забрать. Ты просто скажешь, что тебя послал доктор Фарбер.

Профессор говорил медленно, простыми короткими фразами, как и сам Степан когда-то говорил со своими собеседниками где-нибудь в Бразилии или на Кипре. Гончара немного задевала такая снисходительная манера, но он не возражал. Кроме того, в речи профессора ему встретилось непонятное словосочетание.

— Как называется стоянка? — переспросил он. — Оттава? Мы в Канаде?

— До сих пор я был уверен, что мы в Небраске, — иронично поднял брови доктор Фарбер. — Ты думаешь, что остатки племени оттава сохранились только на канадском берегу Мичигана? Нет, Стивен, они еще встречаются и там, где цивилизация уже проложила свои дороги. Я имею дело с ними, потому что оттава хорошие охотники. Их стоянка здесь недалеко, две мили от дороги. Мне бы не хотелось терять целый день на визит к ним. Поэтому твоя помощь будет очень ценной. Тебе надо только пройти по тропе через лес, и через час ты увидишь стойбище. Не отказывайся, когда они пригласят тебя к обеду. Не накормить гостя — позор для индейца. Связки шкур они держат где-то в лесу, в тайнике. Пока ты будешь обедать, дети сходят за ними. Но будь внимателен: на каждой шкуре должна быть бирка с названием реки, где бобр был пойман.

— Сколько таких рек? — Степан поднял голову. — Две, десять, сорок? Сколько будет шкур?

— Хороший вопрос. Я не знаю, сколько будет шкур. Но ты возьмешь у них только по два бобра с каждой реки. И за каждую пару дашь по одному моему чеку. С собранными шкурами приходишь на почтовую станцию — индейцы проводят тебя, это пять миль — и ждешь меня там. Через два или три дня я буду ехать обратно через станцию, заберу шкуры и оставшиеся чеки. А ты получаешь по доллару за каждую пару и десять долларов за работу.

— Сколько? — переспросил Степан. Ему приходилось жить на доллар в день, но он сомневался, что обнаружит в этом лесу лавку с чипсами, крекерами и бесплатной водой. — Десять?

— Мне понятно твое удивление. Но мои работники всегда хорошо зарабатывают, — без тени иронии произнес профессор. — А в сезон кроме разовых выплат они получают еще и тридцать долларов в месяц. В этих краях можно неплохо жить с такими деньгами. Согласен?

— Я получаю долларами или вашими чеками?

— Конечно, долларами. Магазины принимают чеки только от индейцев. Итак, твое решение?

Гончар не торопился отвечать. Конечно, предложение профессора было как нельзя кстати. Задание нетрудное, заработок гарантирован, кормежка — тоже. Кроме того, Степану нравилась эта компания. По крайней мере, они его выбрали, обогрели. За таких людей надо держаться, особенно в чужой стране. Смущало Степана только одно обстоятельство — он никогда не имел дела с индейцами. Но все, что он знал о краснокожих, не прибавляло ему

энтузиазма.

И все-таки он сказал:

— Я согласен. Но у меня еще один вопрос. Вы давно знаете этих индейцев, оттава?

— Этих? Я был у них весной.

— Вы уверены, что они не снимут с меня скальп и не заберут все ваши чеки?

— У тебя какие-то особые счета с оттава? — спросил доктор Фарбер. — За что им снимать с тебя скальп? К тому же, насколько мне известно, они вообще не практикуют скальпинг. Это обычные охотники, они ни с кем никогда не воевали. Я же не посылаю тебя к сиу, шайенам или черноногим. Оттава — мирные безобидные люди. Сущие дети, если разобраться.

— Вопрос решен, — кивнул Степан Гончар. — Давайте обсудим такую позицию контракта, как непредвиденные обстоятельства. Что будет, если моя операция с индейцами не состоится? Они могли перейти на другое место. Они могли за зиму продать эти шкуры кому-то. В конце концов, шкуры могли пропасть по каким-то другим причинам. Что мне делать в таком случае?

— Понимаю, ты хочешь застраховать себя. Вот чеки, — профессор протянул ему тонкий блокнотик. — Если ты не получишь шкур по той или иной причине, то просто вернешь мне мои чеки, а я заплачу тебе твои десять долларов за прогулку. Но должен сказать, что оттава никогда еще не нарушали своих обязательств. Поэтому я предпочитаю иметь дело с ними, а не с перекупщиками пушнины. У индейцев есть только один существенный порок. Пьянство. Возможно, они будут просить у тебя ром вместо чеков. Не покупай им ром. Индейцам нельзя пить. В обмен на чеки они получают все, что им нужно для охоты. Ром не нужен для охоты, не так ли?

— Охота бывает разная, — заметил Степан.

Он по привычке попытался рассчитать альтернативные варианты конвертирования чеков Фарбера в доллары США. Другими словами — нет ли в условиях контракта каких-нибудь лазеек для получения односторонних выгод? Нет, не видно.

Заказчик рискует только своими чеками или чем-нибудь еще? Только чеками. Да и их он может отпечатать сколько угодно.

Глянем с другой стороны. Как может повести себя недобросовестный исполнитель? Получить от индейцев лишние шкурки и продать их. Кому? По какой цене? И откуда они возьмутся, эти лишние шкурки?

Второй вариант: получить от индейцев целую гору шкурок, продать их и смыться с деньгами. Куда смыться?

Кажется, профессор имел основания доверять эту работу первому встречному. Он ничем не рисковал, потому что Степану было гораздо выгоднее честно выполнить условия сделки, чем ловчить и обманывать.

— А могу я узнать, какая связь между мехами и геологией?

— Я как раз это и хочу выяснить, — ответил доктор Фарбер. — Все, что скрыто под землей, каким-то образом проявляет себя на поверхности. Например, красный лишайник выдает залежи железной руды. Есть и другие знаки, тысячи других знаков. Но мы их пока не понимаем. Возможно, что и не поймем никогда. Но попытаться все-таки следует. А бобровые шкуры могут подсказать очень много. Я буду очень признателен тебе, если ты выполнишь мое поручение. Самое главное — не поддавайся уговорам индейцев и не покупай для них ром. Помни о бирках. Итак, сегодня десятое февраля. Значит, двенадцатого февраля мы с тобой увидимся на почтовой станции Эшфорда.

— Что? Двенадцатого февраля?

"Вот оно, начинается, — подумал Степан. — Сегодня же двадцать первое января! Было. Где же меня носило эти три недели?" Гончара так и подмывало спросить, а какой сегодня год, но он боялся, что такая информация может серьезно отразиться на его поведении. Нет, еще рано. Надо сначала привыкнуть к перемене места. А с переменной времени лучше подождать.

Фургон остановился, и высокий проводник, Дуглас Бакстер, открыл дверь, кивком пригласив Степана на выход.

Гончар сошел на укатанный снег дороги и огляделся.

— Слушай, Стивен, — сказал проводник. — Я не знаю, откуда ты взялся. И не мое дело, зачем ты сюда пожаловал. Но мне не нравится, как ты одет. Индейцы не станут с тобой разговаривать.

— А в чем проблема? — спросил Степан, машинально проверив ширинку. — Что тебе не нравится в моей одежде?

— Кое-чего не хватает, — сказал Бакстер и протянул ему ружье. — Возьми хотя бы дробовик. Здесь не принято ходить без оружия. Можешь ходить без штанов, но ствол должен быть у каждого мужчины.

— Я не могу купить твое ружье, — признался Степан. — Нет денег.

— А я и не продаю. Вернешь его, когда мы подберем тебя на станции.

Гончар бережно обтер ладонью темно-синие стволы.

— Вот тебе патроны. — Дуглас снял с дверцы оружейный пояс и повесил его на плечо Степану.

— Эй, Стивен! — закричал с облучка Гарри. — Если завалишь бизона, то язык — мне. Договорились? Это ведь мой "паркер". Дуглас щедро раздает чужие вещи, но я не в обиде. Не встретишь бизона или лося, не беда, я не откажусь и от фазана. Договорились?

— О'кей, — сказал Степан Гончар.

Он застегнул тяжелый пояс, повесил дробовик за спину и зашагал по тропинке к прозрачному лесу.

За спиной щелкнул бич, заскрипели колеса фургона. Но мягкий перестук копыт вдруг оборвался, и Степан оглянулся. Почему-то ему показалось, что фургон остановился из-за него.

Так и было. На дорогу спрыгнула маленькая фигурка. Путаясь в длинной шубе и придерживая шапку рукой, к Степану бежала дочка профессора, Милли.

— Мистер Стивен! — запыхавшись, она остановилась подле него так резко, что наверняка упала бы, если б он не подхватил ее обеими руками за острые локотки. — Мистер Стивен, Дуглас говорит, что у вас нет денег. У вас нет даже сумки. У вас ничего нет. Я не хочу, чтобы кто-то умер от голода и холода. Возьмите!

Она быстрым движением сунула ему что-то в карман куртки и убежала.

Когда фургон скрылся за деревьями, Степан вынул из кармана серебряный доллар.

— Интересно, — сказал он, — как эта монета может согреть и накормить человека в лесу?

Он вдруг вспомнил свой разговор с той американкой, которую куда-то вез в своей машине. Кажется, они говорили об Америке, стране огромных возможностей. Что ж, теперь у него было все, чтобы стать миллионером, — голова на плечах, оружие в руках и начальный капитал в кармане.

3. ПЕРВЫЙ ВЫСТРЕЛ

Это была не первая смена обстоятельств в жизни Степана Гончара, но никогда еще его жизнь не менялась так круто.

К примеру, в мае девяносто первого года он ушел в армию, чтобы охранять священные рубежи государства. Он думал, что ему чрезвычайно повезло, потому что не каждому удается служить в таком райском уголке, как Абхазия. Однако все прелести курортной жизни слишком быстро сменились грязью и кровью войны. Больше того, за те два года исчезла даже сама страна, чьи рубежи так рвался охранять Степан Гончар.

Случилась с ним и более серьезная ломка. Сразу после окончания Академии имени Макарова ему удалось устроиться — по знакомству и с небольшой доплатой — на работу в экспедиторскую компанию. Август девяносто восьмого Степан встретил в порту Фамагусты,

с двумя контейнерами трикотажа и без единого доллара в кармане. Хозяева его компании посчитали, что после дефолта им дешевле исчезнуть, чем расплачиваться по непредвиденным долгам. Но Степан не мог последовать их примеру. Три месяца он прожил на причале, организовав бригаду сторожей из таких же, как он, брошенных за границей экспедиторов и матросов. А в декабре появился новый хозяин контейнеров, и он вызволил Степана с его бригадой и со всем спасенным товаром. В результате Гончар доставил в Петербург не два, а четыре контейнера и получил должность в новой мощной компании.

Были и другие случаи, когда казалось, что все рушится. Но жизнь научила Степана не отчаиваться и не задавать себе бессмысленные вопросы. В любой ситуации можно найти и плюсы, и минусы. И все кончится хорошо.

Потому что все всегда кончается. И это — хорошо.

Небраска? Да еще со сдвигом по времени? Даже в такой ситуации есть чему порадоваться. Например, хорошему, настоящему оружию в руках.

Оказаться в глухом лесу с ружьем в руках — и ни разу не выстрелить?

Степан терпел сколько мог, выжидая, пока фургон отъедет достаточно далеко, чтобы никто не расслышал его выстрелов. Он переломил дробовик и увидел в стволах блестящие капсулы. Оставалось выбрать подходящую мишень.

Он шагал по тропе, и снег мягко поскрипывал под ногами. Вокруг него все чаще стали попадаться склоненные голые ивы. Иногда они стояли группами по три, по четыре, и такие места немного возвышались над белым пространством. Степан догадался, что тропинка ведет его через торфяник.

Его руки нетерпеливо сжимали ложу дробовика, но глаз не мог отыскать никакой мишени. "То ли дело наш лес, — вспоминал Степан Гончар. — На каждом шагу то бутылка, то банка". Рядом с тропинкой из снега торчали сухие стебли, а чуть дальше он увидел запорошенный бугорок. До него было метров пятнадцать — двадцать.

"Сойдет и бугорок, — решил Степан. — Надо же хотя бы проверить оружие". Он вскинул тяжелый дробовик и прижал приклад к плечу.

И вдруг запорошенный холмик среди стеблей взорвался целым облаком снежной пыли!

Крупная белая птица, громко и часто хлопая крыльями, вспорхнула из-под снега и полетела прочь, роняя серые перья.

Вот так мишень! Голубь? Нет, куропатка?

Степан настолько растерялся, что забыл выстрелить вдогонку. Птица взмыла над рядом густых кустов и нырнула вниз, скрывшись за сетью ветвей. Неужели упустил? Что же это за птица? Куропатка?

Какая разница! Потом разберемся! Гончар спохватился и побежал следом.

Он был уверен, что птица не улетит далеко. Она казалась тяжеловатой для долгих перелетов. Наверняка сейчас сядет там, за кустами, и замрет, чтобы стать невидимой на фоне снега. Шаги охотника, конечно, снова вспугнут ее, но на этот раз Степан не даст ей улететь далеко.

Пробежав по колено в снегу метров тридцать, Степан обогнул кустарник. Но куропатки здесь не было. Он успел краем глаза заметить какое-то движение совсем в другой стороне. Повернулся и увидел, как птица скользит над снегом, почти касаясь его кончиками крыльев. Вот она снова взмыла и пропала за длинным сугробом.

"Одурачила! — возмутился Степан Гончар. — Какой маневр! Но не может же она его проделать два раза подряд!" Он рванулся по глубокому снегу, готовый выстрелить в любую секунду. Перед ним появилась запорошенная коряга. Держа дробовик в одной руке, другой он оперся о широкий ствол поваленного дерева и, оттолкнувшись, перемахнул через него.

Ноги его провалились в снег гораздо глубже, чем он ожидал, и наткнулись на что-то мягкое. Степан потерял равновесие и рухнул в сугроб под корягой. В ноздри ударил резкий запах псины и еще какой-то дряни. Прямо под собой он вдруг увидел широкую собачью морду с оскаленными желтыми клыками.

Испуганно отталкивая эту морду дробовиком, Степан попытался выбраться наружу.

Оглушительно ударил выстрел, ружье чуть не вырвалось из руки. Что-то горячее брызнуло в лицо Степану. Он рванулся и вцепился в сук, торчавший из коряги. Еще рывок, и он перевалился через дерево на другую сторону.

Отдышавшись, он вытер лицо снегом. Увидел красные слипшиеся комки и понял, что испачкался кровью. Быстро переломил дробовик, из которого вылетели дымящиеся гильзы. Трясущимися пальцами вставил новые патроны и на четвереньках отполз по снегу подальше.

Ему стоило немалых усилий заставить себя вернуться к коряге. Едва заметный пар клубился над разворошенным, в мелких красных пятнах, снегом. Тишина.

Степан понял, что убил собаку, лежавшую под корягой. Откуда там могла взяться собака? Может быть, барсук?

Да нет, он точно помнил эту плоскую серую морду. Собака вроде кавказской овчарки. Ему не хотелось снова заглядывать за корягу, и Степан повесил дробовик за спину.

Хватит, настрелялся. Ему было стыдно. Дурацкая шалость с оружием закончилась тем, что он нечаянно убил ни в чем не повинного пса. И какого черта собака забралась под ту корягу? Называется, нашла укромное местечко... На ходу оттирая снегом лицо и грудь от крови, Степан Гончар снова выбрался на свою тропинку и зашагал по ней к лесу.

Стоянка индейцев оттава выглядела именно так, как представлял себе Степан. На поляне, окруженной высокими елями, стояли три заснеженных конуса с торчащими наверху кончиками жердей. "Вот они, вигвамы", — догадался Степан.

Две серые лайки выбежали из-за вигвамов и залаяли, не приближаясь к пришельцу. Степан на всякий случай остановился.

В ближней палатке откинулся полог, и в проеме показалось бледное лицо. Собаки мгновенно умолкли и уселись на снег. Индеец стоял на коленях, придерживая полог рукой. Кожа его была совсем не красной, а сероватой, как оберточная бумага. Черные прямые волосы выбивались из-под засаленной шляпы с куцыми полями. Оттава, не мигая, смотрел на Степана и не поднимался с колен.

"Ну и как прикажете вступать с ним в контакт? — призадумался Гончар. — На каком языке тут принято общаться?" Он подошел ближе и сказал, указывая на себя пальцем:

— Я — Стивен. Сти-вен.

Затем он показал индейцу блокнотик с чеками:

— Доктор Фарбер. Бобры. Я брат бобры. Для доктор Фарбер. Давать тебе чек. Много бобер. Много чек. Понимаешь?

За спиной индейца захныкал ребенок. Оттава с трудом поднялся на ноги и вышел из палатки, опустив полог за собой. На нем был длинный, ниже колен, балахон песочного цвета, с темно-коричневой полосой по нижнему краю, с болтающимися деревяшками вместо пуговиц. Индеец запахнул полы своей одежды, продев деревянные в плетеные петельки, и разгладил пальцами пряди волос, заводя их за уши.

— Мои дети плачут от голода, — сказал он. — Мое ружье и капканы украли белые. Все мои соседи умерли. Мы ждали смерти, но вместо нее пришел ты. Ты понимаешь, что я говорю?

Он говорил важно и медленно, его узкие черные глаза оставались полужакрытыми, и только с последними словами индеец посмотрел в лицо Степана.

— Может быть, ты знаешь только три слова — "бобры", "чеки" и "доктор Фарбер"?

— Это уже четыре слова, — сказал Гончар. — Не беспокойся, я все понимаю. Просто я никогда не говорил с индейцами.

— Я вижу. Значит, ты Стивен? Меня зовут Ке Шау Тин. Заходи, сейчас мы приготовим еду. А потом пойдем за бобрами для доктора Фарбера.

Степан, пригнувшись, шагнул под полог. В центре вигвама тлел среди камней слабый костер. Тонкие волокна дыма взвивались к отверстию в крыше. Неосторожно вдохнув добрую порцию спертого кислого воздуха, Гончар стиснул зубы, чтобы подавить рвотный рефлекс. Он разглядел в полумраке несколько бледных лиц с черными блестящими глазами. Дети лежали на шкурах, кутаясь в драные бурые одеяла.

Ке Шау Тин указал ему на место за очагом, напротив выхода, и произнес короткую фразу. Степан осторожно пробрался вдоль наклонной стены, опустился на корточки и протянул озябшие руки к огню.

Дети зашевелились, усаживаясь вокруг очага. Один из них, мальчонка лет десяти, поднялся, затягивая пояс на своем балахоне, и вышел вслед за отцом. Из проема повеяло таким свежим морозным воздухом, что Степан не выдержал и выбрался из вигвама.

Ке Шау Тин стоял на коленях перед лайкой, держа ее морду обеими руками. Собака беспокойно виляла хвостом, но не вырывалась. Вторая лайка лежала рядом на снегу, понуро опустив морду на вытянутые лапы.

— Она была хорошей собакой. — Оттава повернулся к Степану: — Я хотел убить ее завтра, но придется сделать это сейчас. Нам нужна горячая еда.

После ночи на перевале и прогулки по лесу Гончар не возражал бы против горячей еды. Но как только он понял, что индеец собирается накормить его мясом лайки, голод куда-то пропал. Зато вернулась способность соображать.

— Подожди! — Гончар схватил индейца за плечо. — Если ты хочешь приготовить еду, не надо убивать свою собаку. Пойдем со мной.

Ке Шау Тин молча смотрел на него, не выпуская морду лайки из рук.

— Пойдем со мной, — повторил Степан. — Я покажу тебе другую собаку. Уже убитую. Что ты смотришь? Пойдем, пока ее не нашли вороны. Это близко. Я застрелил ее по дороге.

Индеец встал, отряхивая снег с пол балахона.

— Ты застрелил свою собаку?

— Нет. Не свою.

Ке Шау Тин повернулся к мальчишке и произнес несколько коротких фраз на своем языке. Из вигвама выбралась старуха, следом за ней — еще двое детишек. Индеец и им что-то приказал, после чего снова обернулся к Степану.

— Идем, Стивен, — важно сказал он.

Гончар ломал голову, как бы объяснить индейцу, откуда взялась эта убитая собака. Но, к счастью, оттава больше ничего не спрашивал, неторопливо шагая вслед за Степаном. Двигался он легко и бесшумно, и Степан слышал только собственные шаги. Почему-то под ногами индейца даже снег не скрипел.

Над корягой взлетели две вороны, недовольно каркая.

— Уже нашли, — Степан погрозил им кулаком. — Хорошо, что мы успели. Иди, она там, за деревом.

Ке Шау Тин лег поперек ствола и посмотрел вниз. Потом встал на корягу и огляделся по сторонам.

— Как ты нашел эту яму? — спросил он.

— Случайно.

— Никто не ходит по болоту, даже случайно, — сказал оттава. — Поэтому медведь выбрал эту яму, когда ложился спать. Он был умный. Он знал, что здесь никто не станет искать его. Рядом дорога. Рядом люди. В таких местах никто не ищет медведей. Это был очень умный медведь.

— Какой медведь?

— Твой медведь. Которого ты называл собакой.

Ке Шау Тин вынул из-под балахона топорик, одним ударом отрубил длинный сук и, наклонившись, опустил его в окровавленный снег.

— Мертвый, — сказал он, поковырявшись палкой в яме. — Хороший выстрел, Стивен. Между глаз. Жалко, что мозги разбросало. Помогите мне вытащить его отсюда.

Степан долго не мог понять, шутит индеец или говорит серьезно. И только когда они выволокли тяжелую тушу на снег, он убедился, что и в самом деле побывал в медвежьей берлоге.

То была молодая медведица, как определил индеец, ловко орудуя топориком. Он

отрубил лапы и связал их попарно. Передние отдал Степану, задние взвалил себе за спину. Медвежью печень Ке Шау Тин обернул тряпкой и спрятал за пазуху. Оставшуюся часть туши затолкал в глубь берлоги и завалил снегом, долго его притаптывая. Когда они отошли от коряги, на снегу не осталось ни капли крови.

— Не пропадет остальное мясо? — спросил Степан.

— Если мы останемся на старом месте, то завтра перенесем мясо к себе, — сказал оттава. — А если уйдем на новое место, то заберем с собой отсюда. Утром будет видно.

— Зачем тебе уходить на новое место?

— Здесь мы умрем, — просто ответил Ке Шау Тин. — Нет ружья, нет охоты. Нет охоты — нет еды.

— Тогда почему ты не ушел раньше?

— Доктор Фарбер не знает, куда я могу уйти. Он знает, что я жду его здесь. А теперь ты возьмешь его шкуры. И мы вместе с тобой пойдем на станцию. Я куплю новое ружье. И моя семья уйдет на новое место, поближе к родичам. Но, может быть, мы останемся здесь.

Ке Шау Тин свернул с тропинки, и Степан пошел за ним, полагая, что индеец выбрал более короткий путь для возвращения к стоянке. Но, пробравшись через густой невысокий ельник, они остановились перед небольшой круглой поляной. Среди мертвой осоки над снегом виднелись невысокие и узкие шалаши, покрытые еловыми лапами. Их было, наверно, десятка два: четыре шалаша на ближнем краю, с десятков на дальнем, несколько посередине.

— Вот здесь остались все мои соседи, — сказал оттава. — Я хочу проститься с ними. И просить прощения у них. Их убила болезнь, которую принесли белые. Мы умеем лечить наши болезни, но против чужой у нас нет никаких средств. Наши ягоды, травы и кора бессильны против ваших недугов. Сначала у человека идет кровь из горла, потом он становится горячим, потом теряет слух, или зрение, или рассудок. А потом умирает. Муж моей сестры перерезал себе горло в самом начале болезни, потому что не хотел быть обузой. Он был хороший охотник и сильный человек. Я тоже болен, но не могу умереть, потому что надо спасать семью. Я ходил на почтовую станцию, чтобы обменять ондатровые шкуры на еду и патроны. Но по пути встретил скупщиков, и они угостили меня ромом. Я три дня пил. А когда очнулся, у меня уже не было ни шкур, ни ружья, ни капканов. Я слабый человек. Лучше бы я перерезал себе горло, а муж сестры остался бы жить. Скоро от нашего племени не останется ничего, кроме этих могил. Но и они исчезнут весной.

— Почему они исчезнут?

— Лед растает, и мертвецы опустятся в болото. Видишь эти шалаши, пустые? Я их приготовил для своей семьи. Боялся, что умру первым и дети не справятся. Но теперь я буду жить. Постой здесь, не ходи за мной.

Он обошел поляну по краю и остановился перед дальними могилами. Опустившись на колени, зачерпнул снег обеими руками и высыпал его поверх еловых стенок шалаша. Такой же обряд совершил оттава и перед всеми остальными могилами.

Вернувшись, он объявил:

— Родичи отпускают меня. Завтра мы уходим на новое место.

Подходя к стоянке, Степан издали увидел высокий костер, который горел между палатками. Над костром на треноге висел котел, и старуха помешивала в нем длинной деревянной ложкой.

Отдав старухе печень, Ке Шау Тин сказал Степану:

— Сиди у огня. Жди меня. Мы с сыном принесем шкуры для доктора Фарбера.

— Зачем мне сидеть у огня? Нет, лучше я пойду с тобой, — решил Степан. — Я могу взять больше груза, чем твой сын.

— Ты оставляешь много следов, — сказал оттава. — Будет плохо, если по твоим следам чужие люди найдут мой сунжегвун.

— Твой — что?

— Сунжегвун. Место, где мы прячем шкуры. Стивен, ты первый раз в лесу?

— В этом лесу — да, первый раз. Ладно, я подожду тебя здесь, — неохотно согласился

Гончар.

Он сидел у огня, глядя, как старуха режет печень на плоском камне. Пару кусочков она бросила лайкам, остальное бережно опустила в кипяток, после чего принялась подсыпать в котел какие-то ссохшиеся комки из двух тряпичных мешочков. Скоро от огня потянуло аппетитным паром.

Степан Гончар никогда еще не пробовал медвежатины, но слышал, что это мясо опасно есть из-за глистов. "Где, когда, от кого я это слышал? — подумал он. — Зачеркнем и забудем. Все это было не здесь и не сейчас. А здесь, в Небраске, я могу всю оставшуюся жизнь питаться одной медвежьей печенью. Вот уж не думал, что можно завалить настоящего медведя из дробовика. Понятное дело, выстрел в упор. Даже мозги разбросало. Наверно, индеец огорчился из-за этих мозгов. Наверно, это деликатес. Ничего, сойдет и печень. А в следующий раз буду стрелять уже с умом".

Он вдруг понял, что с этого случайного выстрела начинается новый отсчет времени и событий в его новой жизни. Первый доллар. Первый выстрел. Первый медведь.

"Не знаю, что будет дальше, но начало мне нравится", — решил Степан Гончар.

4. ТРИЗНА

Все могло бы повернуться иначе, если бы Степана не сморил сон. Старуха в очередной раз помешала ложкой варево, а потом подсыпала в котел сушеных ягод. "Вкусно пахнет", — подумал Гончар, опуская потяжелевшую голову на колени. А в следующую секунду он вдруг обнаружил себя лежащим на снегу в обнимку с дробовиком.

Старуху потрепала его по плечу и что-то сказала на своем языке, в котором не было ни одного знакомого Гончару звука. Но ее палец показывал на вигвам, и Степан все понял. Он кивнул и побрел к палатке. Дети закопошились, уступая ему место, и он повалился между ними на шкуры. Странное дело, теперь он не замечал никаких неприятных запахов. Ему даже нравилось, как остро пахнет бурая свалывшаяся шерсть старого одеяла, которым он укрылся.

Его разбудили голоса, которые показались знакомыми. Степан прислушался и понял, что возле вигвама появились новые люди. И один из них — тот самый Сиплый, который так невежливо обошелся с Гончаром ночью на перевале.

— Почему ты не продашь мне шкуры, Кеш? — спрашивал Сиплый.

— Я уже говорил тебе, — отвечал оттава. — Эти бобры принадлежат доктору Фарберу.

— Его здесь нет. Я пришел первым. Значит, я имею право купить их у тебя.

— Доктор Фарбер уже купил их.

— Что ты заладил одно и то же! Доктор Фарбер, доктор Фарбер! Я заплачу тебе настоящими деньгами, а не бумажками.

— Заплати кому-нибудь другому. За болотом стоят оджибвеи, у них тоже есть бобры.

— Но мне нужны твои.

Степан Гончар приподнялся на локте, пытаясь встать, но чья-то рука удержала его. Оглянувшись, он увидел рядом с собой девушку. Он и не замечал ее до сих пор под ворохом одеял. Она отрицательно помотала головой и приложила ладонь к губам. Гончар кивнул, поняв, что от него требуют тишины. Но все же подобрался к выходу и осторожно оттянул полог, заглядывая в щель.

Ке Шау Тин стоял между двумя всадниками, держа на плече связку блестящих черных шкурок. Лошади, одна черная, другая серая, нетерпеливо переступали, выдыхая струи пара, и теснили его к костру. Оба всадника держали винтовки поперек седел. Один из них говорил с индейцем, а второй настороженно оглядывался по сторонам.

— Ладно, краснокожий, я вижу, что ты уперся и не уступишь, — говорил Сиплый. — Эти шкуры ты приготовил для Фарбера. Черт с ним. Но остальные ты продашь мне. Договорились?

— У меня нет других бобров.

— Ты уверен? А если поискать? Поищи в своих палатках, может быть, найдется связка

или две? Я хорошо заплачу, не сомневайся.

— У меня нет других бобров, — устало повторил Ке Шау Тин, бросив связку на снег и наступив на нее.

— Ты уверен? Это точно? Слышишь, Гомес, это последняя связка. Разве мы можем уйти без нее? — Сиплый уже держал винтовку в руке, стволом вниз.

Его спутник ответил:

— Нет. Не можем.

Их голоса звучали спокойно и негромко, но Степану стало не по себе. "Когда двое вооруженных мужчин хотят отобрать у одного безоружного связку бобровых шкур, то не знаю, как по-американски, но по-русски это называется ограбление. Надо бы отшить этих уродов, — подумал Степан Гончар, пытаясь нащупать дробовик. — Только как это сделать? Может быть, у них тут принято вести деловые переговоры в такой манере? Вон, старуха даже головы не поднимает, все колдует над котелком. И Кеш стоит спокойно. Он или слишком крутой, или просто цену набивает своим бобрам. Черт, но если они заберут шкуры, я останусь без заработка".

Стоя на коленях у самого полога, он потянулся за ружьем.

— Не выходи, — прошептала девушка. — Это злые люди.

Гончар хотел успокоить ее, но не увидел на лице девушки ни волнения, ни страха. Раздался выстрел, и девушка прикрыла глаза.

— Не выходи, — повторила она.

Степан выглянул из вигвама и тут же спрятался обратно, продолжая наблюдать через щелку.

Он увидел, что Ке Шау Тин лежит на снегу поперек связки шкур. Сиплый прыгнул с коня и ногой перевернул тело индейца.

— Готов, — проговорил он. — Гомес, не топчись на месте, какдохлая крыса. Догони мальчишку.

— Может, кто-то из нас и топчется, но только не я, — ответил напарник. — Надо было стрелять сразу. Ты слишком много говорил с ними.

— Ты ни черта не смыслишь, — раздраженно выкрикнул Сиплый своим бабьим голосом. — Мне нужны именно эти шкуры. Мне надо точно знать, что это золотые бобры. Догони мальчишку, я сказал!

— Не волнуйся, амиго. От моего "спрингфилда" еще никто не убежал.

Второй всадник развернул коня и помчался к лесу. Сиплый перешагнул через убитого и подошел к старухе, которая безучастно сидела возле костра. Она медленно подняла ладонь, словно заслоняя лицо от яркого света.

Сиплый приставил ствол винтовки к ее груди. Выстрел повалил старуху на снег. Она упала, раскинув руки.

Оцепенев от ужаса, Гончар смотрел, как Сиплый поднимает бобровую связку, как он перебирает шкурки, как привязывает их к седлу. В мертвой тишине только скрипел снег под сапогами убийцы. Да где-то тревожно прокричала ворона. Вот из леса донесся залиvistый лай двух собак. Но он оборвался после гулких далеких выстрелов.

Сиплый отвел скобу затвора книзу, перезарядив винтовку, и заглянул в дальний вигвам, затем в соседний. Потом направился к тому, где стоял на коленях Гончар. Снег хрустел все громче с каждым шагом. Степан попятился внутрь, не вставая с колен. Опустил руку и не глядя схватил свой дробовик. Он направил ружье на проем палатки, и как только полог откинулся и в белом треугольнике вырос черный силуэт — Степан нажал на спусковой крючок.

Дробовик подпрыгнул в руках. Степан ничего не видел из-за дыма, который заполнил все тесное пространство вигвама.

Девушка подтолкнула его в спину, и он вскочил и, откинув полог, и с ружьем наперевес выскочил наружу. Сейчас он был готов зубами впиться в глотку любому противнику.

Но противник уже лежал на снегу, задрав бороду к небу, и медленно двигал ногами,

словно пытался отползти. Его грудь была залита блестящей ярко-красной кровью, и густой пар клубился над ней.

Степан подобрал чужую винтовку и стряхнул налипший снег со ствола.

— Слева! — закричала девушка.

Стоя на колене, он повернулся влево и вскинул винтовку. Приклад с железной накладкой плотно уперся в плечо. Степан едва разглядел непривычно низкую мушку, прежде чем подвести ее под голову всадника. "Метров сто", — прикинул он дистанцию и прицелился чуть ниже. Нажал на спуск. Отдача оказалась весьма жесткой и болезненной, но он не отрывал приклад от плеча. Затем он быстро отвел скобу затвора точно таким же движением, вниз, как это только что делал Сиплый.

Попал! Там, где только что чернела фигура всадника, взметнулась и опала высокая волна снега. Продолжая глядеть вперед поверх прицела, Степан видел, как бьет ногами упавшая лошадь, как она тянет вбок гибкую шею и снова роняет голову на снег. Рядом с лошадью выросла человеческая фигура, Гончар подвел мушку под нее, выстрелил, передернул затвор и выстрелил снова по тому месту, куда повалился противник. Вскочил, перебежал вперед, упал в снег. Прижимая винтовку к груди, откатился в сторону. Перезарядил и снова прицелился. Он хорошо видел черную куртку противника, его сгорбленную спину между двумя снежными кочками. Спина оставалась неподвижной, и Гончар тщательно подвел мушку, целясь в снег ниже виднеющегося силуэта, задержал дыхание и выстрелил. Противник едва заметно вздрогнул и застыл.

"Надо проверить. Иди проверь", — приказал себе Степан. Ноги не слушались его, но он все же дошел до убитого, опираясь на винтовку, словно старик на клюку.

Напарник Сиплого лежал, неловко подогнув под себя руку. Снег вокруг него уже пропитался кровью.

— Готов. — Степан опустил на четвереньки.

Его вывернуло наизнанку. Одной желчью. Он запихнул в рот обжигающие комья снега, с трудом разжевал и проглотил, и его вырвало еще раз.

Наконец он смог подняться на ноги. Отломил еловую ветку, откусил кончик и долго жевал хвою. Его еще пошатывало, но он все же нашел в себе силы подобрать обе винтовки и вернуться с ними к стоянке. Он держал их у груди, как держат младенца, потому что у винтовок не было ремней.

Девушка и двое малышей возились над телом Ке Шау Тина. Они с трудом перекатили его на одеяло, расстеленное на снегу, а потом схватились за передние углы и потянули к лесу.

Гончар поставил винтовки у стены вигвама и шагнул к девушке, чтобы помочь ей, но она, не останавливаясь, приказала:

— Делай свое дело.

— Какое дело?

— Забери у белых оружие, деньги и одеяла.

Она произнесла это так деловито и спокойно, словно попросила вынести мусор. И Степану ничего не оставалось, как изображать полное равнодушие, наклоняясь над трупом Сиплого, от которого шел резкий и тяжелый запах крови.

Расстегнув оружейный пояс, Степан вытянул его из-под тяжелого тела. Кобура с револьвером оказалась привязанной к бедру тонким ремешком. Заскорузлый узел не поддавался окоченевшим пальцам, и Гончар просто разрезал его своим ножом.

Он долго возился с карманами, переворачивая стынувший труп. Еще больше времени потратил он на второго и не сразу догадался, что надо обыскать еще и седельные сумки, а потом мучился, доставая их из-под убитой лошади. Краем глаза он видел, как малыши с девушкой вернулись за телом старухи и оттащили труп в лес по окровавленному следу. Он нашел в сумках патроны в бумажной упаковке и четыре кожаных мешочка с монетами. В кармане напарника оказалась свернутая в трубку пачка долларов, и Гончар переложил ее к себе в куртку, во внутренний карман с молнией, где обычно хранил деньги. Его куртка и

джинсы были облеплены красным снегом, но он уже не обращал внимания на кровь. Когда же Степан сложил все трофеи у вигвама, девушка с малышами вернулась из леса.

Она подошла к поникшему костру, над которым висел котел, и подобрала со снега длинную деревянную ложку.

— Иди сюда, — позвала она Степана. — Печень сварилась. Ешь.

Они сидели вместе с детьми вокруг костра и по очереди вылавливали из котла кусочки печени. Степан не ощущал никакого вкуса, но еда наполнила его теплом и силой.

— Надо уходить отсюда, — сказала девушка.

— А что делать с убитыми?

— Мой брат, мой племянник и мать моего мужа — они лежат вместе с родными и соседями. Брат давно приготовил место для всей семьи. А белых съедят звери и птицы. Если хочешь, можешь похоронить их так, как это у вас принято.

— Нет. Не хочу. Ке Шау Тин был твоим братом?

Она не ответила.

— Извини за дурацкий вопрос, — сказал Степан. — Я просто думал, что ты его дочь.

— Мое имя Ме Сау Бис³, — сказала она. — Ты можешь называть меня Саби. Когда я работала у белых, хозяйка называла меня Саби.

— А мое имя Степан. Но ты можешь называть меня Стивен.

— Стивен, нам надо уходить.

— Куда мы пойдем? Мне надо на почтовую станцию, там я буду ждать доктора Фарбера.

— Мы проводим тебя до станции.

— А потом? Куда ты отправишься с маленькими детьми?

— На Верхнее болото или на Красную реку. Там еще могут быть наши родичи. Давай собирать вещи.

— У меня нет вещей.

— Лошадь, оружие, шкуры — теперь это все твое. — Она встала, и вместе с ней поднялись со снега оба малыша.

— Нет, — покачал головой Степан. — Шкуры я отдам профессору. А лошадь и оружие — тебе.

— Лошадь я возьму, — согласилась Саби. — Оружие разделим поровну. Если тебе все равно, то я возьму "спрингфилд", а винчестер и кольты оставь себе.

— Это у вас называется "разделить поровну"?

Степан Гончар взвесил на ладони мешочки с монетами. Все они показались одинаковыми по весу, а внутрь он даже не стал заглядывать. Один кисет он опустил в карман.

— Деньги мы тоже разделим "поровну", — сказал он, вложив три оставшихся мешочка в руки девушки. — Совсем забыл, я же должен отдать чеки. Один чек за каждую пару шкур. Сколько их там?

Они подошли к серой лошади, которая смирно стояла в сторонке, и пересчитали шкуры, свисавшие из-под седельной сумки. Двенадцать пар. Все с берестяными бирками, на которых были выжжены какие-то линии и фигурки. На другом боку лошади висели еще две связки, в каждой по десять шкур. Все они тоже были с бирками.

— Я знаю, чьи это бобры, — сказала Саби, разглядев рисунки на бирках. — На Верхнем болоте стояла семья Во Гон Бью. Он не мог продать эти связки. Значит, он убит. Значит, мне незачем уходить на Верхнее болото.

Степан вспомнил, о чем говорили убийцы, и спросил:

— Почему они называли этих бобров золотыми?

— Не знаю.

---

³ Пух молодого гуся.

- Как думаешь, профессор поймет, что тут написано?
- Он поймет, — сказала Саби и напредила: — Чеки. Двенадцать чеков.
- Здесь больше шкур.
- Моих только двенадцать пар.

Гончар достал блокнот и отсчитал дюжину страниц. Он присел, положил блокнот на колено и складным ножом аккуратно отрезал чеки.

— Хороший нож у тебя, — сказала Саби, пряча листки в рукав. — Такие не продаются в нашей лавке. Я никогда не видела таких. Даже у хозяина, а у него много ножей.

- Извини, я не могу отдать его тебе. Это память.
- Память об умершем родиче?
- Вроде того. Ну, давай сворачивать твои палатки.

— Зачем? — Саби вдруг закашлялась, зажимая руками рот, а потом отвернулась и выплюнула на снег сгусток крови. — Зачем нам палатки? Одной мне не справиться с ними. Не собрать, не поставить. Когда мы их ставили, нас было два десятка. Пять мужчин, десять женщин, три лошади. Теперь я осталась одна. Зачем нам палатки? Когда дойдем до родичей, они дадут нам палатку.

- Как же ты будешь до них добираться? А спать где в дороге?
- Как обычно. На снегу, у костра.

Они навьючили на лошадь два мешка с мясом и нехитрым скарбом, несколько скатанных одеял, а потом помогли забраться в седло малышам. Саби шла впереди, ведя лошадь в поводу. Степан шагал сзади, увешанный оружием. Винчестер Сиплого он держал в руках.

"Как только выйдем из леса, надо будет избавиться от всего этого арсенала, — думал Степан Гончар. — Оставлю только дробовик. А с этими стволами я выгляжу как самый натуральный гангстер. Лишь бы не напороться на полицию. От американских ментов не отмазаться. Меня и слушать никто не станет, скрутят и посадят".

Когда они вышли из леса на узкую дорогу, Саби остановилась.

— До станции одна миля, — сказала она, показав рукой направление. — Иди по дороге и за поворотом увидишь дым над лесом. Прощай, Стивен.

— Почему бы тебе не пойти со мной? — спросил он. — Зачем ночевать на снегу, если рядом есть жилье? У нас есть деньги, мы заплатим за постой. Купим все, что тебе нужно. Мне кажется, что ты больна. Мы вызовем врача. И детям тоже лучше переночевать под крышей. Разве не так?

Она хотела что-то ответить, но закашлялась и снова выплюнула кровь на снег.

— Ты странный белый, Стивен, — сказала она, обтерев губы рукавом. — Я никогда не слышала такую речь. И никогда не слышала от белого человека таких слов. Прощай.

Она потянула за повод, и послушная лошадь сошла вслед за ней с дороги, уходя все дальше и дальше в лес.

5. ПО ТУ СТОРОНУ ВРЕМЕНИ

Оставшись один, Степан Гончар разложил на снегу все свое оружие: винчестер, дробовик и три револьвера. Надо было бы избавиться от лишнего груза, потому что Степан уже основательно пропотел под тяжестью бобровых шкур. Но он чувствовал, что не может отказаться от таких ценных и красивых вещей.

С дробовиком все ясно. Он так и останется висеть на плече. Но что делать с револьверами?

Три кольта были похожи один на другой, как три брата. Но судьба у этих братьев сложилась по-разному, и это отразилось на их облике.

Револьвер Сиплого отличался изысканной отделкой. Он был иссиня-черным, с перламутровыми вставками на щечках деревянной рукоятки, которая имела на внутреннем изгибе выемки под пальцы. Гончар не удержался и потянул револьвер из черной кобуры.

Оружие выскользнуло так легко, словно само прильнуло к ладони. Кольт был тяжелым, но удивительно удобным, и, вытянув руку, Степан смог оценить его великолепную балансировку. Его немного удивило, что на стволе не оказалось мушки. Приглядевшись, он обнаружил у самого дульного среза едва заметный светлый след. Мушка была спилена, по всей видимости для того, чтобы можно было носить револьвер в кармане или за поясом и выхватывать, не боясь, что ствол зацепится за одежду. А прицеливаться на близком расстоянии можно и по стволу.

Нет, такое изысканное оружие Гончар не мог выбросить в глухом лесу. Он нацепил пояс обратно и обмотал шнурок вокруг бедра, чтобы кобура плотно прилегала к ноге.

Напарник Сиплого, Гомес, оставил после себя два потертых до блеска револьвера с длинными стволами, нелепыми кургузыми курками и потеками ржавчины в выемках барабанов. Рукоятка старого кольта была отделана какой-то липкой резиной, и Гончар взялся за нее, преодолевая отвращение. Но оказалось, что револьвер плотно сидит в ладони, а подпиленный курок очень удобно взводить большим пальцем. Похоже, что все в этой конструкции рассчитано на мощный патрон. Резина погасит жесткую отдачу, а прицельное устройство позволит вести меткий огонь на большой дистанции. Разве мог Степан отказаться от такого преимущества? Он вздохнул и связал обе кобуры Гомеса поясом, а потом вместе со связками бобровых шкур перекинул через плечо. По крайней мере, теперь избыток вооружений не будет бросаться в глаза каждому встречному.

Ну а что прикажете делать с винчестером? Семь бед — один ответ, решил Степан и зашагал дальше по дороге, сгибаясь под тяжестью груза и держа винчестер в руках.

Оглянувшись, он различил за редкими деревьями силуэт лошади. Ему показалось странным, что девушка, так решительно направившись в лес, успела отойти совсем недалеко. Он пригляделся и увидел, что лошадь стоит на месте. Две маленькие фигурки возвышались над седлом. Но Саби не было видно.

Гончар стоял и смотрел на лошадь за деревьями. В воздухе закружился мелкий снег, и за его дрожащей сеткой уже трудно было разглядеть что-нибудь. Но темное бесформенное пятно оставалось неподвижным.

"Как я мог отпустить ее, больную, с детьми? — подумал Степан. — Никогда не надо слушать женщин, ни русских, ни индейских. Придется возвращаться".

Пробравшись к стоящей лошади, он не сразу заметил девушку. Саби лежала за кустом, на боку, пытаясь подняться. Но ее рука бессильно подломилась, и Степану пришлось опуститься перед ней на колени, чтобы подхватить на руки и поднять.

Она оказалась легче, чем он ожидал.

— Ну, далеко ты ушла без меня? — укоризненно спросил он. — Всегда слушай, что говорят старшие. В седле удержишься?

Опираясь на него, она забралась в седло. Один малыш уселся перед ней, а другой — сзади, вцепившись в ее балахон. Лошадь терпеливо стояла, не шелохнувшись, пока седоки устраивались. Но как только Степан взялся за повод, фыркнула и тряхнула головой, пытаясь вырвать узду из его рук.

— Поговори у меня еще! — прикрикнул на нее Гончар. — В глаз хочешь?

Чисто русская фраза оказалась вполне правильно понята, и лошадь пошла за новым хозяином так же послушно, как шла за всеми предыдущими.

Почтовая станция представляла собой три бревенчатых дома и два высоких сарая. Над дверью одного дома красовалась доска с выжженной надписью: "Почта. Западный Союз телеграфистов. Небраска". Узкие окошки были прикрыты железными решетками.

Степан поднялся на крыльцо и постучал в дверь, сколоченную из толстых досок. В соседнем окне заскрипела, поднимаясь, рама, и из-за решетки послышался голос:

— Ты кто такой?

— Работник доктора Фарбера.

— Ну и что?

— Он сказал, чтобы я ждал его на почтовой станции.

— Минутку.

Минутка длилась минут десять. Дверь распахнулась, и на крыльцо вышел мужчина с щегольскими усиками, в черной рубашке с пестрым широким галстуком. Под желтым кожаным жилетом виднелись сразу два пояса с патронами и рукоятка револьвера.

— Доктор Фарбер еще не приехал, — сказал он, оглядывая Степана и держа руку на кобуре. — Ты один?

"Ничего себе телеграфист", — подумал Степан и кивнул.

Из дома послышался другой голос:

— Кто там, Патрик?

— Траппер Фарбера! — крикнул, полуобернувшись, щеголь в желтом жилете. — Я его едва разглядел под шкурами. Думал, медведь к нам пожаловал. А это, оказывается, траппер.

— Ну их всех к черту! — послышалось из глубины дома. — И так дышать нечем.

— Доктор Фарбер еще не приехал, — подчеркнуто вежливо произнес щеголь. — Вам, мистер, придется подождать его в трактире. К моему глубочайшему сожалению, наш офис не в состоянии вместить всех работников знаменитого доктора Фарбера. Но вы, конечно, можете оставить товар под нашей охраной.

— Спасибо, — сказал Гончар, — но у меня есть охрана.

— О, я вижу.

Телеграфист насмешливо развел руки, и дверь захлопнулась.

Степан увидел, что Саби пытается слезть с лошади, и подставил ей свои руки.

— Мы будем в конюшне, — сказала она. — Я не хочу в трактир заходить. Иди один, договорись с хозяином о ночлеге.

— Что за дела, — разозлился Степан. — Пойдем вместе, тебе надо скорее лечь в теплую постель.

— Сначала надо устроить лошадь. А в дом я не пойду. Договорись с хозяином. Мы переночуем в конюшне наверху, на сене.

— Нет. Ты будешь спать в комнате, под теплым одеялом. И тебе нужна горячая еда. И не спорь со мной.

— Я не спорю. Стивен, я не первый раз здесь. Мы всегда ночуем в конюшне. Там хорошо, там есть печка. Спасибо, что помог добраться. Но теперь — оставь меня. Мне надо накормить лошадь и детей.

Она повела лошадь к высокому сараю, а мальчишки сами сползли и шагали теперь рядом, как два гномика в своих длинных балахонах с остроконечными капюшонами.

"Вот же упрямая баба", — подумал Гончар. Он перешел дорогу, направляясь к соседнему дому, двухэтажному, с длинным навесом вдоль фасада.

Через закрытые двери трактира сочился аппетитный дух жареного мяса. Степан вошел в полутемное безлюдное помещение, огляделся и наконец-то снял с плеча тяжелую связку шкур. Он уложил меха на лавку, дробовик повесил на спинку стула и сел к столу, держа винчестер на коленях. От буфетной стойки на него уже надвигался необычно широкий человек в зеленом фартуке поверх клетчатой рубашки. Рукава были закатаны до самых плеч, обнажая толстые волосатые руки. Обритая голова с выпуклым лбом вполне годилась для того, чтобы сносить ветхие кирпичные стены.

— У нас тут не форт Аламо⁴, — проговорил трактирщик, и голос у него оказался неожиданно высоким, хотя его комплекции скорее подошел бы бас, а не тенор. — Стволы в угол, если надеешься пожрать.

— Понял, извини, — улыбнулся Степан и положил ружья поверх своих бобров.

— Э, нет. В угол! — И толстый, как сарделька, палец указал на дощатый шкаф, где стояли две винтовки и висели пояса с патронами.

Гончар вставил винчестер и дробовик в свободные гнезда и повесил патронташ на

---

⁴ Форт Аламо — крепость в Техасе, прославившаяся героической обороной во время войны с Мексикой.

крючок.

— Вот так, — кивнул трактирщик. — Есть пара остывших куропаток. Жарил для "желтых жилетов", да они не пришли к обеду. Будешь?

— Буду. Хорошо бы еще кофе.

— Это сколько угодно. Овес или сено?

Степан почесал затылок. Он лихорадочно перебирал в памяти американский жаргон, пытаясь понять, какое блюдо могут называть в Небраске "овсом", а какое — "сеном". Но трактирщик не дождался его ответа и махнул рукой:

— Не гадай, все равно овса не дам. Сена своей кляче навалишь сам, потом рассчитаемся. Что за индейский выводок с тобой?

Степан задумался, стоит ли рассказывать о случившемся. Но трактирщик понял его молчание по-своему и сказал:

— Извини, братец. Я не додумался, что это твоя женщина. Ясное дело, хороший траппер всегда обзаведется местной хозяйкой на сезон. Если хочешь устроить их на сеновале, я дам еще одеял. Но там тепло.

— Я хочу их устроить вместе с собой.

— Понятно. Тогда — в угловом номере. У меня сегодня все комнаты свободны. Но вам будет лучше в угловом. Отнеси свое барахло наверх, пока я разогрею куропаток. Нечего людей смущать.

— Сначала поем. Потом отнесу.

— Не доверяешь? — Трактирщик укоризненно ворчал, протирая тряпкой стол. — Ясное дело. Все вы, трапперы, одинаковы. Трясетесь над своими мехами, словно квочки над цыплятами. Можно подумать, вы неделями гоняетесь за каждым бобром. А если разобраться, то ведь вам и делать-то ничего не надо. Расставил капканы, а потом ходи да вынимай. Никакого труда, а деньги дерете безумные. Я слышал, в больших городах одна шкура идет за десятку. Не врут?

— Не знаю, — ответил Степан. — Я не бываю в больших городах.

— Ясное дело. Небось, боишься увидеть свои портреты на каждом углу?

Трактирщик подошел к стене и смахнул своей тряпкой невидимые пылинки с двух плакатов, которые Гончар поначалу принял за рекламу. Плакаты сообщали о розыске опасных преступников и обещали по тысяче долларов за их поимку. Сэм Басс и Джессе Джеймс выглядели на снимках немного озадаченными и вполне безобидными. Трудно было поверить, что они, как сообщали плакаты, "грабят дилижансы и банки, хладнокровно убивая всех, кто им сопротивляется".

— Картинки свежие, только-только от шерифа. Старые я выбрасываю, когда узнаю, что деньги уже выплачены. Некоторые хранят извещения, вроде на память, но мне старья не нужно. Зачем мне портреты покойников? А вот если эти парни заглянут ко мне, им будет приятно увидеть свои физиономии. Лично я не имею ничего против таких ребят. На дилижансах я не раскатываю, золото в банк не сдаю, мне от Сэма или братьев Джеймс никакого вреда. Имей в виду, когда "желтые жилеты" получают твой портрет, я его тоже сюда повешу, рядом. И люди будут ходить сюда немного чаще, чтобы полюбоваться моей галереей. И моя выручка хоть немного, да подрастет.

— На мой портрет не рассчитывай, — предупредил Степан. — Я не граблю дилижансы.

— А мне плевать, кого ты там грабишь. Ты заказал жратву, остальное меня не касается.

Насмешливо бормоча что-то под нос, здоровяк удалился на кухню, а Гончар принялся разглядывать плакаты внимательнее, чем до того. Он даже встал из-за стола и подошел поближе, чтобы убедиться в том, что правильно разобрал цифры. И от этих цифр ему сразу пришлось снова опуститься на стул.

Розыскные извещения были отпечатаны в типографии Миннеаполиса в 1875 году. Они выглядели как совсем новые.

Они и были совсем новыми.

Мало ли что можно отпечатать в типографии? Гончар вспомнил, что у него есть и

другая возможность определиться во времени. Он выхватил свои доллары из кармана и поднес к глазам. На всех зеленых бумажках стоял год выпуска — 1863.

"А вот это уже не отпечатаешь в Миннеаполисе", — подумал Степан, машинально пытаясь нащупать магнитную полоску. Ее не было. И не могло быть.

— Хлеба тебе надо? — крикнул трактирщик.

"Ничего мне не надо", — хотел ответить Степан, оглушенный своим открытием.

Впрочем, шок прошел довольно быстро. Ведь открытие не было таким уж неожиданным. К этому все шло. Туман, перевал, ночной дилижанс. Живые индейцы, мертвые индейцы. Бандиты, револьверы... Все можно было понять гораздо раньше и без подсказок.

— Да, — твердо сказал Степан. — Хлеба побольше.

Он снова поднес к глазам мятую банкноту. Почему он сразу не заподозрил неладное, как только впервые увидел эти доллары? Они даже по цвету отличаются от настоящих. Стоп. Какие доллары теперь надо считать настоящими? И как они выглядят, те, другие доллары из прошлой жизни? Вроде бы они помельче, пожестче — или нет? Да и рисунок, похоже, не такой. Почему он сразу, еще на индейской стоянке, не увидел, что эти бумажки — из позапрошлого века?!

"Да очень просто! Потому что тогда, на стоянке, я сам был из позапрошлого века, — понял Степан Гончар. — Потому что в меня стреляли, и я стрелял. Меня хотели убить, но я убил первым. Убил, не задумавшись даже на миг. Потому что тогда я был — не я. А сейчас? Кто я сейчас? Степан Гончар или Стивен Питерс?" Он подошел к умывальнику и посмотрелся в мутное зеркало. Ощупал светлую щетину на подбородке. Вроде бы никаких перемен.

"Значит, переброска во времени не изменяет человека, — решил Степан. — Изменяется содержимое его карманов. Вот почему я остался без часов и телефона. Их не было в 1875 году. А я, значит, был?" Снова вернулся за стол, вертя в руках многострадальную банкноту.

"Ну что ты вылупил на свой несчастный доллар? Денег, что ли, не видел — Баксы как баксы. Хорошо, что они есть. Плохо, что их так мало. Кстати, а сколько их? Ну вот, всего полторы сотни".

Тут он вспомнил про кожаный кисет с монетами, достал его и развязал. Золотые и серебряные доллары с мягким звоном высыпались на стол.

— Да ты богач, — сказал трактирщик, нависая над столом с подносом в руках.

— Это не мои деньги. Точнее, не все они мои. — Степан отодвинул в сторону самую маленькую золотую монету. — Например, вот этот доллар — уже твой.

— Приятно, когда клиент расплачивается не бумажками, а золотом. Но, может быть, ты все же освободишь место для тарелки?

Наверно, блеск золота прибавил Степану аппетита, потому что никогда еще он не ел с таким кайфом. Когда от обеих куропаток осталась только горка косточек, Гончар откинулся на спинку стула и спросил:

— И всегда у тебя так многолюдно?

Трактирщик поставил перед ним кофейник:

— Свои шуточки, братец, побереги для доктора Фарбера. Он записывает всякий бред. А что касается моего заведения, то в обычные дни тут не протолкнешься, и я даже нанимаю помощников на кухню. Сегодня просто день такой неудачный.

— Ночью на перевале был сильный туман, — сказал Степан. — Может быть, твои клиенты застряли в дороге?

— Мои клиенты попрятались, как суслики по норкам. Никто не хочет неприятностей. В округе шатается отчаянная компания. Слышал про Фрэнка Юдла?

— Еще нет, но, кажется, сейчас услышу. Могу я угостить тебя чем-нибудь крепче, чем кофе?

— Ясное дело, — трактирщик подмигнул и через минуту вернулся к столу с бутылкой и парой стаканчиков.

— Ты можешь звать меня Эрни, — представился он, разливая пахучий самогон.
— А я — Стивен Питерс.
— Давно болтаешься по Западу?
— Нет. Недавно.
— Я так и понял, что ты с Востока. И одет ты не по-нашему, как моряк. И говоришь как голландец. Похоже, ты еще не понял, куда попал. Как тебе тут нравится, на Западе?
— Запад есть Запад, Восток есть Восток, — глубокомысленно ответил Гончар.
— Так вот, Стив. Раз уж тебя занесло ко мне в такой день, то тебе не помешает знать кое-что, — Эрни залпом опорожнил свою стопку и, не дожидаясь предложения, снова наполнил. — Когда живешь на границе, мимо твоего дома проходят разные люди, и не каждого из них можно пускать под свою крышу. Фрэнк Юдл — как раз из таких. Говорят, он натворил немало такого, что ему лучше не оставаться в Штатах. Вот он и удирает за границу. И по дороге прихватывает все, что ему может пригодиться на новом месте. Поэтому все мои постояльцы живо смылись отсюда. Ты же видел, в конюшне ни одной лошади. Фрэнк заберет последнюю курицу, если она попадется ему на глаза. Но у меня все в порядке. Ни лошадей, ни куриц. Если он попросит бочонок рома, я отдам ему не задумываясь. И не потому, что боюсь Фрэнка. А просто потому, что один несчастный бочонок не стоит того, чтобы из-за него устраивать битву при Геттисберге⁵.
— А два бочонка?
— А вот за два я уже могу и завалить, — спокойно ответил Эрни. — Потому что у меня их всего-то два и осталось. Отдам — нечем торговать. Нечем торговать — нечего жрать. Все очень просто. Вот я и говорю, что тебе лучше бы убрать свои шкуры, пока они никому не намозолили глаза. Мой бизнес — ром, твой — шкуры. Береги свой бизнес, Стиви.

6. КРАТКИЙ КУРС ИСТОРИИ

Трактирщик Эрни был уверен, что в бутылке находится подлинный скотч. Гончар не стал его разубеждать, но и пить не решился. Он только подносил стаканчик ко рту, чтобы смочить губы, и внимательно слушал рассказы Эрни о жизни на границе.

Оказывается, в десятке миль к западу заканчивались владения Соединенных Штатов и начиналась индейская территория, которую называли Дакотой. Здесь, в Штатах, царила цивилизация, здесь люди привыкли к закону и порядку. Но стоило отойти на десять миль от трактира, как люди начинали заботиться лишь о том, чтобы посылать свои пули в правильном направлении и в нужный момент. А покойников там хоронили только тогда, когда смрад их разложения мог помешать послеобеденному отдыху окружающих.

Курица-несушка на Территории стоила столько же, сколько лошадь. Если в каком-нибудь поселке появлялась женщина, то старатели проделывали путь в полсотни миль, чтобы только посмотреть на нее. Загноившийся палец отстригали, пока не началась гангрена, а рану прижигали о раскаленный клюв кирки. А те смельчаки, кто начинал разрабатывать жилу в резервации сиу, обычно теряли не только инструмент и имущество, но и кожу с большей части тела.

Жизнь на Территории имела и другие неудобства, но только там можно было быстро разбогатеть. Никто не мешал человеку объявить любой участок земли своей собственностью. И никто не указывал новому хозяину, как распоряжаться своей землей. Он мог засеять поле пшеницей до самого горизонта, нанять сотню батраков и завалить зерном все амбары в соседней Небраске. Но для этого нужен был хоть какой-то начальный капитал. Поэтому большинство предпочитало просто ковыряться на участке с киркой и промывочным лотком, целыми сутками стоя по колено в воде. Через год-другой пшеница переставала расти, а золото на участке заканчивалось, но никто не мешал человеку перебраться еще дальше в

---

⁵ Геттисберг — место одного из решающих сражений в годы Гражданской войны 1861-1865 гг.

глубь Территории.

Впрочем, были за границей и другие способы обогащения. По землям индейцев пролегали караванные пути. Лет тридцать назад целые армии иммигрантов пересекали континент от Атлантики до Тихого океана, мечтая добраться до благословенной Калифорнии или процветающего Ванкувера. Сейчас по этим трассам пролетали почтовые дилижансы, которые везли золотой песок в одну сторону и деньги — в другую. Такая система перевозок заметно облегчала жизнь налетчикам. Им не надо было ломать голову, замышляя ограбление. В каком направлении ни катил бы дилижанс, он всегда представлял собой ценную добычу.

И ради этой добычи многие отчаянные парни покидали свои фермы в Айове и Миссури. Кто-то хотел расплатиться с карточными долгами, кому-то не хватало тыщонки на новую ферму, а кто-то просто увязывался вслед за приятелями, чтобы не краснеть потом перед девушками.

— Но шайка Фрэнка Юдла — это тебе не сельские голодранцы, — с некоторой гордостью сказал Эрн. — Сам он — ветеран войны, служил в снайперской дивизии полковника Бердана. И собрались вокруг него такие же тертые ребята. Все — стрелки высшего класса. Есть у него такой Гомес по прозвищу Циркач. Так тот из "спрингфилда" гасит свечку на ста шагах. Что скажешь на это, Стиви?

Степан Гончар вспомнил, как обыскивал убитого напарника Сиплого, и скромно ответил:

— Скажу, что гасят и не таких, как этот Гомес.

Трактирщик хмыкнул, качая головой:

— Ясное дело, на всякого стрелка отлита своя пуля. Но пока на мушкете Циркача появляются все новые зарубки.

— На каком еще мушкете? — переспросил Гончар. — Видел я этого Гомеса. Винтовка у него самая обычная. Мушкет — это такое старинное ружье, с кремневым замком, с раструбом, тяжеленное, стрелять приходилось с подставки...

— Это у вас, у голландцев, такие мушкеты. А мы так называем "спрингфилд", — снисходительно пояснил трактирщик. — Эти винтовки раньше заряжались с дула. Потом, когда появились патроны, на "спрингфилд" приделали затвор. Получилась отличная армейская винтовка. С точным боем, с мощным патроном. Бьет на тысячу шагов. Залпом можно дерево срезать. Видал я, как...

Он не договорил и, резко поднявшись, шагнул к окну.

— Заболтались мы с тобой, Стиви, — озабоченно проговорил он. — Вот и гости. Сиди спокойно. И помни, о чем я рассказывал.

Гостей было всего лишь четверо, но когда они шумно ввалились, в трактире стало тесно. Рассевшись вокруг длинного стола посреди зала, они продолжали свой спор, начатый еще в пути.

— Да быть такого не может! — горячился один, с длинной рыжей бородой, в меховой шапке со свисающим полосатым хвостиком. — Чтобы Сиплый бросил команду и смысл? Куда он пойдет один, сам подумай! Нет, Капрал, зря ты наговариваешь на Сиплого.

— Он давно собирался вернуться домой, — отвечал гладко выбритый человек в синей военной куртке с двумя рядами блестящих пуговиц. Его черные волосы были расчесаны на прямой пробор, а синюю шляпу с кокардой он бросил на стол. — Я сам слышал, как он ночью расписывал Гомесу, какая у него роскошная ферма в Алабаме, просто поместье аристократа.

— Да разве он из Алабамы? Он же северянин! Служил в одной роте с Фрэнком!

— Я могу назвать тебе дюжину знакомых северян, которые после войны обзавелись землей на Юге, — отмахнулся Капрал.

Пока спорщики препирались, двое их спутников подошли к буфетной стойке. Они были в длинных кожаных плащах, шляпах с опущенными полями, и шпоры на их сапогах звенели малиновым звоном.

— Налей-ка нам, Эрни, чего-нибудь, чтоб освежиться с дороги.

— Стволы в угол, — напомнил трактирщик, выстраивая ряд из четырех стопок и вода над ними бутылкой.

— Знаем мы твои порядки, — засмеялись гости, и один из них сгреб все винтовки, чтобы расставить в оружейном шкафу.

— Ого, да здесь знакомое ружьишко! Эрни, к тебе, как видно, заглянул сам Гарри Хук? Это ж его "паркер". Не думаю, что во всей Небраске найдется второй такой дробовик. И патроны его, точно. Вот эти, с красным кольцом, набиты картечью. Зануда Гарри каждую картечину надпиливает крест-накрест. Говорит, чтоб наверняка валила.

— Делать ему нечего, — проворчал рыжебородый. — Целиться надо точнее, а не ловчить.

— Да он ведь почти слепой, потому и ходит с дробовиком, — сказал Капрал. — И никогда не ездит один. Где Гарри, там и Дуглас Бакстер.

— Что они тут делают, Эрни?

Трактирщик пожал плечами:

— Их здесь нет.

Все четверо одновременно повернулись к Степану:

— Эй, моряк! Это твой ствол, выходит?

Степан Гончар оторвал взгляд от своей стопки и оглядел гостей.

— Этот дробовик принес сюда я, — медленно сказал он. — Гарри Хук придет за ним. Если вы хотите его увидеть, джентльмены, вам придется подождать его здесь.

Гости переглянулись.

— Не думаю, что Гарри кинется в мои объятия, — сказал Капрал. — В прошлом году мы расстались с ним довольно холодно.

— Холодно? Да вас еле разняли! — заржал рыжебородый. — Послушай, моряк, зря ты связался с этой парочкой. Они вечно нарываюся на неприятности. Ты ведь не из таких, я же вижу. Сидишь спокойно в кабаке, пропускаешь стаканчик за стаканчиком и не суешь свой нос в чужие дела. Верно? А Гарри с Дугласом вечно лезут куда не просят. Ты ведь не такой?

— Я не лезу в чужие дела, — согласился Степан.

Трактирщик Эрни постучал ложкой по сковороде:

— Похоже, что вы не слишком голодны. Но если надумаете пожрать, то рассчитывайте только на бекон с фасолью.

— Можно и подкрепиться, — сказал Капрал. — Время у нас есть, отчего бы не перекусить. А почему почта заперта?

— Откуда мне знать, — буркнул Эрни.

— Заперлись и не выглядывают, — насмешливо говорил Капрал, стоя у окна и растирая ладони. — Может быть, их кто-то напугал? Почему они даже ставни опустили, Эрни?

— Пускай делают что хотят, меня это не касается. — Трактирщик частыми ударами шинковал лук на доске. — Я в их сторону даже не смотрю. Пускай хоть в землю зароятся, я и не замечу, пока прохожие не скажут.

Степану очень хотелось выбраться из-за стола и подняться наверх, к своему угловому номеру. Он жалел, что не сделал этого раньше. Лихая четверка то и дело поглядывала на связки бобровых шкур, лежавшие на лавке у стены, и от этих взглядов Степану становилось все тяжелее на сердце.

"Нет, нет, пока не стоит волноваться. Если это и в самом деле бандиты Фрэнка Юдла, то они собираются двигать за границу. Там они спокойно займутся привычным делом — будут грабить и убивать. Следовательно, им незачем тащить с собой тяжелые шкуры. Что с ними делать на Территории Дакота? Меха надо везти совсем в другую сторону. Например, в Нью-Йорк, или Чикаго, или, на худой конец, в Миннеаполис, где есть такая замечательная типография. Меха ценятся в больших городах, а Фрэнк Юдл предпочитает безлюдные просторы. Нет, эти парни не тронут моих бобров", — успокаивал себя Степан Гончар.

Тем временем гости затеяли новый спор, на этот раз о решении земельного вопроса. Все земли к западу от Миссисипи рыжебородый предлагал поделить на равные квадраты и закрепить за каждым гражданином Соединенных Штатов, будь он хоть чикагцем, хоть бостонцем. Сегодня на этих участках никто не живет, но со временем в Америку понаедут новые иммигранты. Чтобы не стеснять коренных жителей американских городов, любой приезжий сможет арендовать у любого американца свободный участок на Западе. Скажем, на 99 лет, с правом последующего выкупа. Не пройдет и двадцати лет, как все мы станем миллионерами, и для этого даже не придется задницу от кресла отрывать, доказывал рыжебородый.

Но Капрал считал, что этот замечательный проект никогда не осуществится. Причин тому было много. Например, никто точно не знал, какие, собственно говоря, "земли" находятся между Миссисипи и Тихим океаном. Никого не удивило бы, если б там обнаружили племена людей с собачьими головами или стада драконов. Никто не знал, какие сокровища могут хранить в себе эти земли. Сдать их в аренду — а вдруг там золото лежит на поверхности?

Да и в федеральном правительстве сидят деловые ребята. Уж они-то свою выгоду не упустят. Совершенно незачем дарить землю каждому городскому пьянице, чтобы он стал миллионером. Гораздо справедливее самим присвоить все эти уголья, объявив их государственной собственностью. А если краснокожие будут возражать, то мы их внимательно выслушаем и торжественно заключим новый договор о границе. Бумагу для этого договора надо будет подобрать самую тонкую и нежную, чтобы приятнее было подтираться.

Бекон с фасолью ненадолго отвлек собеседников от глубокомысленной беседы. Под их чавканье и перестук ложек Степан встал из-за стола и подошел к стойке.

— Пойду проведу свой выводок. Бутылку я прихвачу в номер, не возражаешь? — спросил он у Эрни. — Чтобы крепче спалось.

— погоди, моряк! — позвал его Капрал, вытирая губы куском хлеба. — Есть разговор.

— Слушаю. — Степан повернулся к нему, опустив руки на пряжку ремня.

— У нас тут не так много развлечений. И мы не можем отпустить нового человека без того, чтоб сыграть с ним в карты. Ты же не откажешь нам в таком маленьком удовольствии? Просто покер, с детскими ставками. Согласен? Только не говори, что не играешь. Если ты моряк, значит, игрок. А если не моряк, то откуда твоя куртка? Ты явно выиграл ее в карты у моряка, а значит, ты дважды игрок.

Капрал говорил, приветливо улыбаясь, но смотрел не в глаза Степану, а на его руки.

"Он боится меня, — понял Гончар. — Они все боятся меня. Им виден кольт в кобуре, и они не знают, что еще может скрываться под курткой. Здесь принято бояться незнакомцев".

Отказываться от безобидного предложения было глупо. В покер Степан играть умел, хотя предпочитал преферанс. Никаких других занятий во время ожидания доктора Фарбера не предвиделось. Сыграть в карты стоило хотя бы ради того, чтобы не свихнуться со скуки и не забивать башку бессмысленными вопросами.

— Я не игрок, — сказал он, — но почему бы не посидеть с приличной компанией? Во что тут у вас играют — "с прикупом" или "открытый"?

7. КАРТЫ, ДЕНЬГИ И СТОЛЫ В УГЛУ

У игры есть правила, а у игроков — традиции. Трактирщик Эрни, как хозяин заведения, взял на себя труд ознакомить мистера Питерса с местными традициями и напомнить общепринятые правила.

Первым делом договорились играть до шести часов вечера. С последним ударом настенных часов игра останавливается, и все раскрывают свои карты. Гончар счел такую традицию вполне разумной. Потому что больше всего в карточных играх его раздражала бесконечность реванша.

Играть здесь было принято двумя колодами, с черной и с красной рубашкой. Это тоже понравилось Степану, потому что пока одна колода находилась в игре, другая тасовалась и готовилась к следующей сдаче.

Карты в заведении Эрни были широкие, специально предназначенные для покера. Имелись и запасные колоды, но мистера Питерса предупредили: если он потребует сменить карты, то ему придется доплатить. Предупредили и о том, что в колоде нет джокера.

Как и ожидал Степан, банкиром назначили Капрала. Эрни выдал всем игрокам по набору фишек — десять белых, четыре красных и две синие, — и игра началась.

Однако начало получилось не совсем обычным. Пока Капрал тасовал колоду, Эрни обошел игровой стол с большим подносом, и все игроки выложили на этот поднос свои револьверы. На кольт Степана никто не обратил особого внимания, потому что взгляды участников были прикованы к ловким пальцам Капрала.

— Итак, покер с прикупом, без свободных карт, — сухо объявил банкир и положил на середину стола белую фишку.

Все игроки последовали его примеру, правда, мистер Питерс немного замешкался.

— Не знаю, как вы, а я бы хотел знать цену ставки, — сказал Степан. — Сколько стоит белая фишка?

— Полагаю, что всех нас устроит обычная ставка. Доллар. Красная фишка стоит пятерку, а синяя — десятку. Сумма — пятьдесят долларов. Устраивает такой расклад? Понимаю, моряк, такая цифра может показаться слишком высокой. Но мы уж так привыкли. Удобно рассчитывать.

Рискнуть полусотней долларов? Почему бы и нет. Да и партнеры явно не стали бы затевать игру ради того, чтобы вытянуть из незнакомца такую незначительную сумму.

— Мне нравятся ваши порядки, — сказал Степан Гончар. — Когда вернусь к себе, буду играть по-вашему.

— А как играют у вас? — спросил Эрни.

Степан попытался вспомнить, когда в последний раз ему довелось играть в покер, — и не смог. Он только помнил, что не было никаких фишек, и все было гораздо проще, и играли не на зеленом сукне, а на стекле канцелярского стола, и под стеклом лежали какие-то графики, календари, прочие бумажки... Да, тогда все было проще, перед каждым лежали деньги, и карты были старые, замусоленные, с белыми изломами на рубашке, и все знали, что у дамы пик слегка надорванный уголок... Все было не так, как здесь. В заведении Эрни обстановка была гораздо более респектабельной, чем там, где в последний раз играл Степан. Хотя там за окнами сверкал огнями огромный город, а здесь во все стороны простирались глухие леса и заснеженные болота. И в прошлый раз его партнерами были люди в дорогих костюмах, благоухающие тонкими ароматами французской туалетной воды. А здесь напротив него сидели бородатые и длинноволосые субъекты уголовного вида, в грязных плащах, в потертых кожаных жилетах, и от них исходил крепкий дух пота, кожи и табачного перегара. Наверно, как раз поэтому здесь и требовалась та респектабельная обстановка, которую создавал Эрни своими фишками, чистенькими картами и зеленым сукном игрового стола. Благородная игра уравнивала окружающую дикость.

— У нас играют проще. По сравнению с твоим заведением, Эрни, мы просто дикари. Мне больше нравятся ваши порядки, — уверенно сказал Степан Гончар.

— Честная игра всем нравится, — сказал Капрал.

— Ну, моряк, посмотрим, как ты будешь рассуждать после шести вечера, — засмеялся рыжебородый.

Игра на деньги — дело серьезное. Здесь нет места обычным шуточкам и пустым разговорам. Поэтому казалось вполне естественным, что над игральным столом повисла напряженная тишина, прерываемая только шелестом карт и короткими репликами.

Однако Степан Гончар быстро заметил, что его партнеры не проявляют ни малейшего азарта. Никто из них даже не пытался блефовать. Тасуя колоду, сдающий рассеянно поглядывал по сторонам, и чаще всего его взгляд задерживался на окнах.

Поначалу Степану не везло, потом стайка фишек под его рукой выросла чуть ли не вдвое, но быстро поредела. Капрал продолжал бесстрастно комментировать ход игры, а его спутники все так же равнодушно ставили, прикупали, пасовали и открывались. Казалось, их совершенно не интересует результат.

Возможно, так оно и было. Возможно, им и в самом деле был важен сам процесс игры. Или же они просто убивали время.

— Так, значит, ты с Востока, моряк? — спросил Капрал, в очередной раз тасуя колоду, пока его сосед раздавал карты. — Не из Бостона?

— Был я в Бостоне.

— А родом откуда?

— Какая разница, — вежливо улыбнулся Степан, разглядывая свои карты — тройку королей и пару десятков.

— Разница в том, что некоторые любят встретить земляка на чужбине. А другие, наоборот, стараются держаться от земляков подальше, — философски заметил Капрал.

— Здесь я еще не встречал земляков, — Степан ждал, пока его сосед сделает ставку.

Но молчаливый партнер вдруг положил карты на стол и поднялся:

— Я выхожу. Не везет мне сегодня.

Он отошел к окну, звеня шпорами, и остановился там, заложив руки за спину.

— Удваиваю, — сказал Степан, бросая свои фишки на середину.

— Ответил.

— Я тоже.

Степан рассчитывал значительно увеличить банк, потому что был уверен в своих картах. Но ему не удалось выиграть в этот раз.

— Фургон приехал, — объявил тот, кто стоял у окна. — Я, пожалуй, отведу наших лошадей за дом. Надо бы освободить место.

— Почему бы вам не устроить их на конюшне? — предложил Эрни из-за стойки.

— Мы скоро поедem, пусть стоят под седлом, — ответил рыжебородый. — Только пусть они стоят за домом.

— Вот что, моряк, — сказал Капрал, неожиданно бросив свои карты. — Ты уж извини, но играть мы больше не можем. Нам делом надо заниматься. Спасибо тебе за компанию. Поднимайся к себе в комнату и постарайся заснуть. Возьми с собой виски, чтобы спалось крепче.

Рыжебородый хлопнул ладонью по столу:

— Опять ты решаешь за всех нас, Капрал! Пусть моряк останется здесь. Он парень умный, он не будет мешаться под ногами. А из своей комнатки он может удрать через окно. Напьется виски, померещится ему что-нибудь с перепоем, он и побежит в город. Или ты собираешься привязать его к койке?

Степан Гончар переводил взгляд с одного на другого, а они спорили, словно его тут и не было.

— Никуда он не побежит! Не может же он бросить все свои меха внизу!

— По пьяному делу и не такое барахло бросают! Пускай сидит здесь!

— Нет, Фрэнку не нужны тут лишние зрители!

— А он отвернется!

"Значит, весь этот спектакль с покером был затеян только для того, чтобы под благовидным предлогом обезоружить меня, — думал Степан, с безучастным видом тасуя ненужные карты. — Бандиты что-то затеяли, а я им мог помешать. Спасибо, что не грохнули без лишних слов. Впрочем, все только начинается. Интересно, а трактирщик Эрни, он-то здесь на каких ролях? Непохоже, что он с ними заодно".

Трактирщик Эрни возвышался над стойкой, невозмутимо натирая полотенцем бокалы. Он прервал спор, своим высоким голосом подзвывая Степана:

— Мистер Питерс! Я вижу, вы уже вышли из игры. Не могли бы вы мне помочь? Хочу переставить тут кое-что на кухню.

Капрал хлопнул рыжебородого по плечу:

— Вот и решение! Моряк посидит на кухне вместе с Эрни.

"Интересно, — подумал Степан, — как они собираются меня заставить... " Он не успел даже додумать свою мысль до точки, как получил недвусмысленный ответ. Капрал достал из-за спины короткоствольный револьвер и с его помощью указал Степану направление движения.

— Шагай на кухню, моряк. Сиди там и не высовывайся, пока мы не позовем.

— Честная игра, — усмехнулся Гончар.

— Честная, но немного другая, — сказал Капрал.

Степан обогнул стойку и, пригнувшись, вошел в тесную кухню, где на длинной плите стояли блестящие медные кастрюли, а под разделочным столом теснились коробки и холщовые мешки. Трактирщик сидел на корточках у жерла печки, помешивая внутри длинной кочергой, и его выпуклый высокий лоб блестел в оранжевых отсветах пламени. Степан сел на трехногую табуретку в уголке и поджал ноги, чтобы занимать как можно меньше места.

— Что они собираются делать? — негромко спросил он у Эрни.

— Брать почту, — не оборачиваясь, бросил трактирщик.

— Вчетвером? А как они туда попадут? Там крепкие двери, я видел. И решетки на окнах.

— Придумают что-нибудь. Их уже не четверо. Пока вы играли, подъехали еще двое, я видел. По-моему, один из них — Фрэнк Юдл. И мне кажется, он привез с собой кое-что. — Эрни захлопнул чугунную дверцу и добавил вполголоса: — Боюсь, что он привез динамит. Целый ящик динамита.

В проем двери заглянул Капрал. Поправляя шляпу, он приказал:

— Сидеть здесь. Не высовываться. Если не хотите неприятностей, будьте хорошими мальчиками.

Дверь захлопнулась. Что-то с грохотом упало за ней, и дверь вздрогнула, когда ее придавили с той стороны.

— У них мало времени, — сказал Эрни. — Если они взорвут почту динамитом, то грохот услышат в городе. Люди соберутся минут за двадцать, еще пятнадцать-двадцать минут понадобится, чтобы добраться сюда. Значит, Фрэнк должен уложиться в полчаса, чтобы уйти безнаказанно. Не волнуйся, Стивен, все будет хорошо. Ничего с нами не случится за эти полчаса.

— Почему почта здесь, а город — так далеко? — спросил Степан просто для того, чтобы показать: он спокоен и без увещаний трактирщика.

— Поначалу думали, что город вырастет вокруг дороги. Здесь останавливались все фургоны, а потом люди спускались к реке. Днем работали внизу, ночевали наверху. Но потом все понемногу перебрались вниз, в ущелье. Там у всех были самые прибыльные участки. Тогда люди могли намыть золота на десять, а то и двадцать баксов в день. И никто не хотел терять время на дорогу к ночлегу. Вот они и стали строить дома там, где поначалу ставили только палатки. Потом на реке поставили лесопилку, многие стали строиться рядом, поближе к работе. Опять же — лесорубам сподручнее вырубать склоны снизу, так что и эти поселились внизу, в ущелье. А почта и мой трактир так и остались на большой дороге.

Эрни вытер лоб полотенцем и добавил:

— А теперь, как я погляжу, тут останется только мой трактир. Ты видел, что может натворить динамит? Фрэнк Юдл взорвал банк в Маршалле, это в соседнем округе. Кирпичная стенка рассыпалась, как одуванчик.

— Но ваша почта не кирпичная, — сказал Степан. — Я видел, это крепкий дом. Самая прочная конструкция — это бревенчатый сруб. Так что твой Юдл может засунуть весь свой динамит к себе в задницу.

Эрни поднял палец:

— Тише, Стивен. Слышишь?

За стенами трактира раздавались неясные возгласы. Потом хлопнуло несколько выстрелов.

— Началось, — сказал Эрни и достал карманные часы. — У нас есть полчаса для молитвы.

8. ПОЛЧАСА МОЛИТВЫ, ПЯТЬ МИНУТ СТРЕЛЬБЫ

Степан не умел молиться ни на одном из известных ему языков, если не считать молитвой короткое "Иншалла!", которое он любил повторять, общаясь с арабами. Поэтому он просто говорил "Аминь!" вместе с Эрни каждый раз, когда тот после страстного бормотания начинал креститься.

За стенами кухни тем временем разгорался нешуточный бой. Бревенчатые стены трактира приняли на себя несколько громких ударов, и после каждого из них Эрни начинал креститься еще быстрее и бормотать еще жарче.

— Неужели это пули так бьют? — удивился Степан.

— У "желтых жилетов" армейские "спрингфилды" пятидесятого калибра, — пояснил Эрни. — Эти винтовки прошивают бизона насквозь. Бревно им не пробить, но все равно неприятно такое слышать. Я ненавижу стрельбу. Ненавижу оружие. Ненавижу, когда сопливый мозгляк наводит ствол на крепкого бывалого мужчину и у того от страха отнимаются руки и ноги.

Он поднес пальцы ко лбу, чтобы в очередной раз перекреститься, но тут пол под ногами дрогнул, кастрюли на плите подскочили со звоном, а со стены слетел портрет генерала Гранта. Упругий удар взрыва сотряс все здание.

— Господи, помилуй, Господи, помилуй, — повторял Эрни с закрытыми глазами.

— Как думаешь, смогли они выбить дверь? — спросил Степан, вешая Гранта на прежнее место.

— Нас это не касается. Пусть делают свое дело и уходят поскорее.

— Я вот думаю, — говорил Степан, выстраивая кастрюли на плите в прежнем идеальном порядке, — ведь ящик динамита немалых денег, наверно, стоит, так? Сколько же Юдл рассчитывает взять у этих несчастных почтальонов в такой глуши? Неужели он надеется окупить свои расходы?

— Ты думаешь, он покупал этот динамит? Ясное дело, взрывчатка краденая. А на почте, я полагаю, он хочет получить меха. Там, на нашей почте, у доктора Фарбера точка сбора. Все его трапперы сходятся сюда и оставляют шкуры под охраной "желтых жилетов".

— Так, значит, профессор — просто скупщик мехов? А мне он говорил, что занимается геологией.

— Одно другому не мешает. Наверно, эта самая геология — дорогостоящее занятие, вот и приходится доктору Фарберу подрабатывать на бобрах. Ясное дело, ему это легче повернуть, чем нам с тобой. Его и здесь все знают, и в городах. Все ему доверяют, а доверие — самая выгодная вещь на свете. Без доверия нет бизнеса.

Трактирщик, рассуждая о бизнесе, немного успокоился и перестал вытирать пот со лба. Степану не хотелось возвращать его к неприятной теме, но он все же сказал:

— Ты прав. Я вот доверился твоим гостям, отдал револьвер. Их бизнес очень выиграл от моей доверчивости.

— Очень хорошо, что ты отдал револьвер, — твердо сказал Эрни. — По крайней мере, теперь тебе не придется воевать с ними.

— Ну да. Не придется. И они будут спокойно делать свое дело. И спокойно увезут моих бобров, — сказал Степан, прекрасно понимая, что сейчас ему надо думать не о бобровых шкурах, а о своей собственной.

— Пусть увезут. Ты поймал новых.

— Видишь ли, Эрни, ведь эти шкуры — они не мои. Мне их только доверили на время. И дробовик тоже не мой. А ведь бандиты наверняка и его прихватят.

— Конечно, прихватят. "Паркер" — дорогое ружье.
— Вот видишь, — Степан оглядывал стены, на которых висела разнообразная утварь.
— Значит, из-за этих бандитов я могу навсегда потерять доверие.

— Ты не виноват. Я всем скажу, что ты был без оружия.

— А это что, не оружие?

Степан Гончар снял с крючка массивный тесак с костяной рукояткой.

— Перестань, — сказал Эрни. — Надо трезво оценивать шансы. У них винтовки, а у тебя нож. Их там шестеро, а ты один.

— Нас двое.

— Я не в счет.

— Хорошо. Но я все равно не один. Ты забыл о "желтых жилетах". Слышишь? Еще стреляют. Значит, шансы не так уж и малы.

— Ты понимаешь, что тебя просто убьют? — спросил Эрни. — Ты согласен умереть из-за каких-то несчастных шкурок?

— Я уже видел, как умирают из-за них, — спокойно сказал Степан Гончар. — Ничего особенного.

Он еще не знал, каким образом сможет вмешаться в бой. Но был уверен, что эта драка не закончится, пока он не вмешается.

Дверь с грохотом распахнулась. Рыжебородый, стоя на пороге, навел на Степана винчестер и приказал:

— Хватай мешок! И пошел на выход!

— Какой мешок?

— Любой, только полный! Эрни, что у тебя тут в мешках?

— Сухофрукты. А этот — с фасолью.

— Вот и отлично! Схватили оба по мешку, и вперед! Живо!

За его спиной зазвенели разбитые стекла и грянул выстрел.

— Что стоите! Ноги отнялись? Вперед!

Степан подхватил за углы холщовый мешок и поволок его к выходу. Он увидел, что Капрал стоит на одном колене перед разбитым окном и целится во двор из винтовки. Там, во дворе, плясали отсветы огня, а через дорогу виднелась почта — впрочем, ее почти не было видно за клубами дыма, над которыми вскидывались языки пламени. Капрал выстрелил, передернул затвор и выстрелил снова. В ответ со стороны почты гулко грохнула винтовка, и в трактире взорвалась винная бутылка на буфетной витрине.

Пригибаясь и волоча тяжелый мешок по полу, усеянному осколками, Степан перебежал к выходу. У крыльца стоял фургон с брезентовым тентом. Задний борт был откинут, полог закатан кверху, а внутри сидел, держась рукой за бок, человек с очень бледным лицом.

— Кидай мешок в фургон и беги за другим! — заорал рыжебородый, подталкивая Степана стволом в спину.

От этого толчка у Гончара задрожали колени, и он едва не упал, пытаясь поднять мешок. Эрни оказался рядом и помог ему. Вдвоем они вернулись на кухню и вместе взялись за корзину с винными бутылками.

— Ничего, ничего, — шептал трактирщик, — они уже уезжают. Видно, ничего не получилось у них.

Когда, пригибаясь под влетающими пулями, они загрузили в фургон все запасы, хранившиеся на кухне, рыжебородый приказал:

— Эрни, тащи ром! А ты, моряк, кидай в фургон свои связки! Да пошевеливайся, пока пулю не получил!

Зал трактира завлакивало дымом. Кислый запах пороха смешивался с горечью пожара, от угара щипало глаза.

— Все! Достал я его! — удовлетворенно выкрикнул Капрал. — Остался один! Бьет из-за ставен, сукин сын!

— Может быть, попробуем забраться внутрь? — спросил его рыжебородый. — Обидно

уходить с пустыми руками!

— Фрэнку виднее, — ответил Капрал, встав у простенка и целясь в сторону почты. — Ну, где ты там, где притаился?

Эрни, прижав к животу деревянный бочонок, пробежал мимо Степана к выходу. Гончар наклонился над своими связками бобровых шкурок, поднял их с лавки — и тут руки сами собой нащупали оружейный пояс, который был припрятан под мехами.

И рыжебородый, и Капрал сейчас стояли спиной к нему, целясь из винчестеров в сторону почты.

Степан вдруг ощутил в ладони холодную шершавую рукоятку. Через миг он вытянул кольт из кобуры и отвел курок.

Держа револьвер обеими руками, он навел его на спину рыжебородого. Тот не оборачивался.

"Стреляй!" — приказал себе Степан Гончар. Но палец никак не мог надавить на гладкую дужку спускового крючка.

Рыжебородый выстрелил из винчестера и опустил ствол, вглядываясь в дым из-под руки. Потом обернулся к Степану и спросил:

— Все закинул?

— Все, — ответил Гончар, и кольт подпрыгнул в его руке, выбросив целое облако дыма.

Он снова и снова жал на тугой спуск, и Капрал вскрикнул от боли, а потом повалился на пол поперек рыжебородого.

Степан отбежал назад, перемахнул через стойку и навел револьвер на входную дверь. Как только там показался Эрни, Степан свистнул ему и показал рукой в угол. Трактирщик все понял без слов. Он присел на корточки и замер в углу за лавкой.

На пороге выросла фигура человека в длинном плаще, и Степан выстрелил, целясь в пояс. Он уже знал, что кольт при стрельбе подбрасывает кверху, и пули могли пройти над головой противника. Два выстрела, и после третьего нажатия на спуск — пустой щелчок.

Выхватив второй кольт из-за пояса, Степан кинулся к двери и присел перед ней. Осторожно выглянул наружу. В дыму перед почтой метались две неясные фигуры.

Степан на четвереньках перебрался на крыльцо и по ступенькам сполз на снег. Двое бандитов стояли перед горящей почтой. До них было шагов пятнадцать.

Гончар вытянулся на снегу, широко раскинул ноги, оперся локтями и прицелился, словно на обычном армейском стрельбище готовился выполнить стрелковое упражнение с АКМ.

— Зайди посмотри, как там? — кричал один бандит другому, подталкивая револьвером в спину. — Там же нет огня, один дым!

— Бесполезно, Фрэнки, бесполезно!

Они стояли рядом, и Степану не пришлось менять позицию, чтобы уверенно поразить обе цели. Только чуть повел стволом влево после первого выстрела.

"Фургон!" Судорога пробежала между лопатками, как только Степан понял, что, возможно, в эту самую секунду ему в спину кто-то целится. Он перекатился в сторону, вытянув руки над головой, и оказался за каким-то ящиком. Прячась за ним, поднял голову и выставил вперед револьвер, отыскивая взглядом силуэт фургона. Но у трактира было пусто. Там, где только что стоял фургон, кружили на ветру хлопья пепла. А из темноты доносился частый перестук копыт и затихающее гроыхание фургона.

— Стиви! — раздался с крыльца высокий голос трактирщика. — Все кончено, Стиви! Не осталось никого! Стиви, ты в порядке?

— Все нормально, — крикнул Степан и повернулся к почте: — Эй, "желтые жилеты"! Не стреляйте, мы всех перебили!

Но из горящего здания никто не ответил.

Он осторожно приподнялся на одно колено и заглянул в полуоткрытый ящик. В следующий миг Степан уже был на крыльце и, стуча зубами, показывал трясущимся

пальцем, пытаясь объяснить Эрни, что в ящике — динамит и к нему лучше не приближаться, и очень плохо, что ящик находится так близко от горящего здания почты.

— Спокойно, Стиви, спокойно, — говорил трактирщик, стиснув его плечо. — Все кончено. Ты уложил всех. Один перебил целую шайку. Никто не поверит, если такое расскажешь. Но у тебя есть свидетель, тебе крупно повезло.

Степан сбросил его руку и подбежал к ящику. Отнес подальше, шагая в глубоком снегу и держа смертельный груз на вытянутых руках. Утопив ящик в сугробе, Гончар вернулся к почте и крикнул:

— Эрни, давай вытащим парней! Сгорят ведь!

Но трактирщик уже бежал к нему, с головой укрывшись мокрым плащом. В руках Эрни держал длинный топор. Он встал у горячей двери и в два удара выбил ее, а потом скрылся в огненном кольце и дыму.

Степан сообразил, что вдвоем они справятся быстрее. Он стянул плащ с убитого, лежавшего на пороге трактира, окунул его в бочку с водой и накинул поверх своей куртки.

Внутри почты потрескивали стены, в темноте колыхались полосы дыма. Вот показалась блестящая лысина Эрни. Степан кинулся к нему, и вдвоем они выволокли на снег раненого. Потом, не сговариваясь, снова кинулись в дым и огонь. Второй телеграфист был мертв. Его лицо было залито кровью, черная рубашка изорвана в лохмотья, а руки оказались просто ледяными, когда Степан схватился за них.

— Меха! — закричал Эрни, возвращаясь в горящий дом.

— Черт с ними! — крикнул вдогонку Степан, но почему-то не остался на месте, а побежал следом за неугомонным трактирщиком.

Они вынесли все, что смогли, и сидели на снегу, глядя, как разгорается почта. Вот наконец начала рушиться кровля, и красный дым вскинулся к черным небесам.

Эрни посмотрел на карманные часы:

— Странно. Неужели прошло только полчаса? Мне кажется, что мы носимся тут всю ночь... Но где же наши?

9. ПОДРОБНОСТИ — НЕ ДЛЯ ПЕСЕН

Прошло еще полчаса, и еще час. Эрни все поглядывал на часы и не переставал удивляться тому, что из города до сих пор не пришла подмога.

За это время они успели перевязать раненого телеграфиста, прибрать в трактире и перенести к дороге убитых. Пять трупов лежали на снегу, освещаемые огнем догорающей почты.

Эрни завалил Степана оружием и патронташами.

— Тебе надо быть готовым ко всякому, — говорил он. — Тот парень, что уехал на фургоне, может вернуться с остальными ребятами из шайки Фрэнка. Вдруг они околачиваются где-то неподалеку? Так что перезарядись и будь начеку.

Степан вертел в руках разряженный кольт. Вытянул патрон из пояса, но тут же и обронил, потому что дрожащие пальцы не удержали скользкую латунь.

— Сядь покура, — сказал Эрни. — Тебя трясет, как индейского шамана. Я все сделаю сам, а ты остынь немного.

Он и в самом деле все сделал сам. Сам раскурил сигару и передал ее Степану. Сам взялся за револьверы, и Степан постарался запомнить все манипуляции — вот так выталкиваются гильзы, вот так откидывается заслонка на барабане, вот так вставляются патроны...

— Одну дырку я оставлю пустой, — сказал Эрни. — Она будет под курком. Так спокойнее. Бывает, что револьвер падает на пол и случайный выстрел уносит чью-то жизнь. Может, ты предпочитаешь полный барабан?

Степан отрицательно помотал головой.

— Ну вот, теперь мы можем держать круговую оборону, — говорил Эрни, расставляя у

каждого окна винчестеры бандитов. — Пусть только сунутся. Что тебе дать, дробовик? Гарри Хук будет хвастаться, что из его ружья перебили целую шайку. Но ему никто не поверит. Потому что уже через неделю вся Небраска будет знать, как ты расправился с командой Юдла. Как ты расстрелял бандитов из кольта, прикрываясь ящиком с динамитом. А через две недели о тебе уже будут петь песни у костров на всей Орегонской тропе. И компания "Уэллс-Фарго" попытается нанять тебя в охрану дилижансов, чтобы примазаться к твоей славе.

— Какая там слава? — поморщился Степан Гончар. — Ты же все видел. Я стрелял в спину. Они даже не поняли, от чего погибли.

— А ты думаешь, что все знаменитые стрелки побеждали в честной дуэли? Ясное дело, они тоже стреляли в спину. Из-за угла, из-под карточного стола прямо во время игры! Но эти подробности — не для песен. Поверь, Стиви, любая слава вырастает из грязи, но все равно остается чистой. И я всю жизнь буду гордиться, что в эти минуты был рядом с тобой.

Раненый телеграфист пришел в себя и попросил пить.

— Что с Патриком? — спросил он.

— Убит, — ответил Эрни и снова наполнил кружку. — Пей, ты надышался дымом, тебе надо промыть кровь. Пей еще.

— Он остался там?

— Нет, конечно, нет! Мы вытащили его.

— Хорошо. Сейф?

— Не успели. Да что ему будет, ведь он железный, — успокоил раненого Эрни. — Зато мы спасли все ваши журналы телеграмм.

— Они того не стоили. Меха Фарбера?

— Вытащили.

— Фрэнк?

— Можешь полюбоваться. — Трактирщик показал пальцем на окно. — Его тушка лежит на снегу. И вся его компания стынет рядом. Хочу их как следует проморозить. Им придется полежать тут до завтрашнего вечера. Пусть всякий, кто будет ехать мимо, увидит их. Пусть все знают, как тут у нас учат хорошим манерам.

— Я свалил одного, это точно, — сказал телеграфист. — Когда они начали ломиться в дверь. Остальные разбежались. Спрятались у тебя. Мы с Патриком могли бы продержаться. Если бы не динамит. Постой, Эрни... Ты же не берешь в руки оружие... Как ты мог убить Фрэнка?

— Это сделал Стивен. Знакомься, — гордо произнес трактирщик, — мой друг Стивен Питерс, лучший стрелок Восточного побережья.

Телеграфист повернул голову к Степану и, помедлив, протянул ему руку. Гончар пожал вялую потную ладонь и сказал:

— Никакой я не стрелок. А вот вы их здорово зажали тут. Они головы не могли поднять.

— Я Мэтью Джонсон, — слабым голосом проговорил телеграфист. — Это ты сегодня приходил? С бобрами Фарбера? Точно, ты. Я не пустил тебя в дом. Мне жаль, что так вышло, Стивен.

— Все нормально. — Гончар высвободил ладонь и положил руку раненого поверх другой руки на грудь. — Если бы я сидел с вами, так бы и сгорели все вместе.

— Как холодно, — пожаловался раненый. — В животе все горит, а руки и ноги замерзли.

— Сейчас согреешься, Мэт, сейчас. — Трактирщик бережно обложил его связками шкур. — Скоро придет доктор, он вытащит пулю. У тебя пуля в боку и еще две дырки в плече, но это ерунда для такого крепкого парня, как ты, верно? Но где же шериф? Пора бы ему посмотреть, что тут делается!

— Должна подъехать ремонтная бригада, — сказал телеграфист. — Провода оборваны. По линии уже идут. Если только они не решили дожидаться утра. Эрни, расскажи им, как мы

держались.

— Сам расскажешь.

Раненый зажмурился и внезапно выгнулся всем телом, ударив ладонями по полу. А потом безвольно склонил голову набок и затих.

Трактирщик перекрестился и подтянул бобровую шкуру повыше, закрывая лицо покойника.

Степан Гончар отошел к окну. Последнее рукопожатие умирающего до сих пор обжигало ладонь, и ему до одури хотелось вымыть руки. Умывальник в углу зала оказался пробитым, и лужа под ним уже затянулась ледяной коркой. Степан скинул свою тяжелую куртку, стянул свитер вместе с майкой и, голый по пояс, вышел на крыльцо.

Задняя стена трактира до самых окон была занесена чистым снегом. Гончар зачерпнул его ладонями и размазал по груди.

Он обтирался колючим снегом, не чувствуя холода. Наоборот, ему становилось все жарче. Хотелось раздеться догола и с головой зарыться в этом сугробе.

"В баньку бы сейчас", — с тоской подумал Степан, с болезненной ясностью представляя, что уже никогда ему не сидеть в любимой парилке, не пить любимое пиво с друзьями, не гонять на любимой машине по ночным дорогам... Его мир исчез, провалился в черную дыру. Что осталось? Осталась лесная глушь, где люди гибнут с такой же легкостью, с какой ломается тонкий лед под каблуком.

Только что ты сидел за одним столом с незнакомцами, и вот они уже лежат на снегу, мертвые, и убил их — ты. Не прошло еще и суток, а ты увидел столько смертей, сколько не видел за все прошедшие годы. Не жизнь, а мясорубка.

"Стоп. Не ныть, — приказал он себе. — Мясорубка? Значит, не надо совать в нее пальцы, а надо крутить ручку. Кто-то умирает, кто-то остается жить. Раз меня до сих пор не прибили, значит, буду жить и дальше. Не может же эта война длиться непрерывно".

До него донесся голос трактирщика:

— Да вот он, здесь! Стиви, тебя ищут!

Эрни держал над головой керосиновую лампу, и в ее свете Степан увидел тонкую фигурку девушки.

— Саби? — вспомнил он. — Мы тебя напугали, да? Не бойся, все кончилось.

— Надо поставить лошадей в конюшню, — сказала она спокойно. — Это твои лошади, Стивен. Ты теперь должен заботиться о них.

— Вот сейчас я все брошу и начну о них заботиться. — Степан прошел мимо нее на крыльцо и поднял с порога свой свитер.

— Я все сделаю сам! — заверил его Эрни. — А вы, леди, перебирайтесь с детишками наверх. Ваша комната угловая, там тепло, и там широкая кровать. Я пристрою лошадей и займусь ужином.

Трактирщик остановился, озадаченно хмыкнув.

— Ужином? Черт бы побрал этих проходимцев. Да ведь они увезли наш ужин, не говоря уже о завтраке и обеде. Чем же мне вас кормить?

— У нас есть мясо, — сказала Саби. — Я приготовлю.

— Вот видишь, Стиви, как хорошо иметь такую хозяйку! Мы займемся своими делами, а ты — своими. Не мне тебя учить. Но я бы стрелял по каждому, кто сейчас попытается к нам сунуться. Если шериф не примчался за полчаса, значит, у него там что-то стряслось. Значит, нам надо рассчитывать только на себя. И подмога не придет.

— Обойдемся без подмоги, — сказал Степан Гончар, застегивая патронташ поверх свитера. — Саби, как дети?

— Спрятались за тюками с сеном. Но к нам пули не залетали.

— Перебирайся в наш номер, — приказал Степан. — Сейчас нам надо держаться вместе.

Она подчинилась беспрекословно. И Гончар понял, что никогда больше не услышит от нее возражений.

Чтобы замариновать медвежатину, Эрни достал из погреба бутылку настоящего вина. Вторую бутылку он предложил Степану, но Гончар решительно отказался, попросив заварить кофе покрепче. Он не собирался спать этой ночью.

Если Фрэнк Юдл и в самом деле был опытным воякой, то он ни за что не пошел бы на штурм почты без подготовки. И все признаки такой подготовки Степану были видны. К примеру, бандиты заранее пустили слух о своих намерениях. В результате все те, кто мог бы помешать их действиям, предпочли убраться от греха подальше. При этом, правда, был утрачен фактор внезапности и почтари приготовились к возможной осаде — ну и что, долго ли они продержались? А на дороге между почтовой станцией и городом Юдл наверняка выставил засаду. И как только горожане во главе с шерифом сунулись посмотреть, что это так громко взрывается и красиво горит, их любопытство остыло, наткнувшись на заградительный огонь. Шериф, наверно, честно получает свои деньги за то, что защищает закон. Но закон действует только в светлое время суток. А в ночные рейды против банды головорезов должны ходить не законники, а военные. Следовательно, жители Эшфорда обязательно придут на выручку почтарям, но только после восхода солнца.

Сколько бойцов было у Юдла? Наверно, не меньше десятка. Пятеро уже здесь. Двое, Сиплый и Гомес, — на стоянке оттава. Где же остальные? Остальные, узнав о гибели вожака, могут посетить поле боя. Нет, мстить за горячо любимого босса они не собираются. Но вот вернуть себе то, что хранилось в карманах Юдла, — ради такого стоит рискнуть. Тем более что свидетель битвы при трактире, укативший в фургоне, должен был заметить, что здесь не так много защитников.

Но с другой стороны, а не проще ли им спокойно смыться в свою Дакоту, потратив остаток ночи на дорогу, а не на новый штурм?

Что они выберут?

"Экспедиторской компании "Золотой Бобер" требуется хороший знаток бандитской психологии, — подумал Степан Гончар. — Требования к кандидату: мужчина от 20 до 50 лет, со своим комплектом боеприпасов".

Наблюдательный пост Степан устроил на втором этаже, над крыльцом. Через узкое окно ему были хорошо видны все подходы к трактиру. Полная луна освещала заснеженное поле и дорогу, уходящую от леса за холм. Не прошло и часа, как из леса показались две темные точки. Зигзагом, с остановками, они осторожно приближались к пожарищу. Это были волки. Видимо, их притягивал запах крови, но дым и проблески огня заставляли волков держаться на расстоянии.

Степан взялся за винчестер, положил ствол на подоконник и выстрелил, даже не надеясь попасть. Волки разом повернули и унеслись в сторону леса. Они скользили над снегом, словно две бесплотные тени.

— Кого-то увидел? — спросил Эрни, поднявшись к нему с кофейником и кружкой.

— Волки.

— Пусть ищут поживу в другом месте, — сказал трактирщик. — Твоя хозяйка сказала, что ты убил медведя. Тебе сегодня везет на охоте, как я погляжу. Можем завтра сходить с тобой за тушей, чтобы не пропала. Медвежатину можно очень вкусно приготовить. Я бы заплатил сколько запросишь.

— Утром разберемся.

— Свежее мясо, тепло и покой — вот что нужно сейчас твоей хозяйке. Она болеет. И дети могут заболеть. На нашего врача не надейся, — предупредил Эрни. — Он может только вынимать пули да дергать зубы, и то с помощью трех-четырех верзил, которые придерживают больного. А с болезнями ему не сладить. Да и не возьмется он лечить краснокожих. Извини, но уж так их тут называют, всех этих оттава, оджибвеев да сиу.

Степан кивнул, как бы принимая извинения.

— Стиви, это, конечно, не мое дело, — замялся трактирщик. — Но мы с твоей хозяйкой посмотрели, что там в сумках у этих парней. Все-таки они нанесли мне ущерб, одни только стекла обойдутся в полсотни долларов. Не говоря уже о моих припасах...

— Сколько тебе надо? — спросил Гончар, прерывая затянувшееся предисловие.

— У них деньги и песок. Золото, конечно, краденое, я с ним даже не хочу связываться. Хотя и его можно отложить на черный день. А деньги — с долларами как-то проще разобраться. Так вот, мы выгребли тринадцать тысяч в золотых и серебряных монетах. И восемь тысяч бумажками.

— Сколько тебе надо? — повторил Степан.

— Ну, я полагаю, что тысячи хватит на ремонт трактира и закупку новых припасов. Но я могу уложиться и в половину суммы. Только надо бы еще выделить сотню долларов нашему гробовщику, чтобы он похоронил всех. Сам понимаешь, у него будет много работы, а земля сейчас твердая...

— Значит, полторы тысячи тебе хватит?

— Вполне.

— Считай, что эти деньги у тебя.

— Договорились, — облегченно выдохнул трактирщик, которому с большим трудом дался этот разговор.

— Посиди тут, — попросил Степан. — Я хочу посмотреть, как мой выводок устроился.

— Я могу сидеть до утра, — сказал Эрн. — А ты отдохни. У тебя был тяжелый день.

— Был? Этот день еще не кончился, — сказал Степан Гончар.

10. ЧЕЛОВЕК ИЗ УЩЕЛЬЯ ТУМАНОВ

Саби сидела на полу, при свете керосиновой лампы ловко разрезая ножом на ровные куски одно из трофейных одеял. Наконец-то Степан смог как следует разглядеть ее.

Две пряди черных ровных волос огибали круглое лицо и смыкались в замысловатый узел на длинной шее. Когда Саби наклонялась, позвонки проступали бугорками, натягивая тонкую кожу, и Степану хотелось укрыть эту детскую шейку чем-нибудь теплым и пушистым. Над черными глазами индейки ровными полумесяцами изгибались тонкие брови. Чистый открытый лоб без единой морщинки. Короткий вздернутый нос. Высокие скулы, а под ними — впалые, рано увядшие щеки.

"Сколько же ей лет? — подумал он. — По виду — совсем девчонка, и восемнадцати не дашь. Но она уже вдова, и вот они, сопят в углу, двое ее малышей".

Постель на высокой кровати осталась нетронутой, потому что Саби устроила для детей лежанку на полу, расстелив несколько одеял.

— Что ты делаешь? — спросил он, садясь на пол рядом с ней.

— Плащ.

— Из одеяла? Для детей?

— Для тебя.

— У меня есть куртка.

— Но у тебя нет плаща. Тебе будет хорошо в таком плаще. Это хорошее одеяло, английская шерсть. Такой плащ хорошо согревает, даже когда намокнет. Он быстро сохнет на солнце, или у огня, или просто от тепла твоего тела. Одеяло лучше, чем шкура бизона. Мы все ходим в такой одежде.

Степан вспомнил, что и Саби, и ее дети, и ее погибший брат — все они носили длинные плащи с капюшоном, и у Ке Шау Тина плащ был отделан какими-то полосками понизу. Теперь он сообразил, откуда взялись те полоски. Да на любом фабричном одеяле есть такие же!

— Тебе лучше бы лечь и заснуть, — сказал он. — Я не пропаду без плаща.

— Хорошо, я лягу спать. Но могу я хотя бы раскроить одеяла? А шить буду уже утром. Можно?

— Ну, ладно, — разрешил он. — Разрежешь — и спать.

— Почему ты не ложишься? — спросила она. — Не могу лечь, пока ты не спишь.

— Я жду гостей.

— Они не придут, — уверенно сказала она, накладывая один лоскут на другой. — Дай руку.

Он протянул руку, и она приложила лоскут к его плечу, натянув другой конец до запястья.

— Как раз. Сделать бахромку на рукавах?

— Не надо. А почему ты думаешь, что они не придут?

— Белые не ходят ночью. Они не видят в темноте, и они боятся ночных духов. Все боятся ночных духов, даже сиу. Стивен, почему ты не хочешь бахромку на рукавах? Это будет красивая бахрома и очень удобная. Она закроет твои ладони от комаров.

— Ладно, делай как тебе нравится. Только напрасно ты так о белых людях. Я вот не боюсь ходить ночью.

— Ты другой. Ты похож на людей из ущелья Туманов.

— На кого?

— Это сказка такая.

— Расскажи.

— Это длинная сказка. Придется говорить долго. Мужчины не любят долго слушать женщин.

— Но я же другой, — напомнил Степан. — И ты другая. Тебя я могу слушать долго. Мне нравится твой голос и нравится, как ты говоришь. Рассказывай.

Она повернула к нему бесстрастное лицо и посмотрела прямо в глаза. "Были бы мы в другом месте и в другом времени, я бы мог и влюбиться в такую", — подумал Степан. Он вдруг почувствовал, что может делать с ней все, что захочет. Потому что сейчас он был ее хозяином.

— Не молчи, — попросил он. — Я жду сказку.

— Мне надо справиться с моим горлом, — проговорила она и, отвернувшись, закашлялась в рукав, и все ее хрупкое тело встряхивалось, как от невидимых ударов.

Саби вытерла губы лоскутком шерстяной ткани и начала свой рассказ, не прекращая раскраивать одеяло. Степан сидел напротив, обняв колени руками, и слушал медленную речь индейки, и ему казалось, что, как только она остановится, все вокруг исчезнет... за перевалом Вэйна, на северном склоне Красных гор, есть ущелье Туманов. Ни один человек, забредший туда в погоне за дичью, не вернулся. Ледяной туман окутывал его внезапно, набрасываясь, словно огромный рой белых ос, — и человек исчезал на глазах перепуганных соплеменников. Там, в ущелье, находится вход в царство Хоймахи, Зимнего человека. Хоймаха — это сила, которая приносит холод и снег. Хоймаха приносит болезни, голод и смерть. Но он покоряется Женщине, которая живет с ним.

Волосы этой Женщины серые, но она никогда не состарится. Она родила первых людей на этой земле и скрыла их от Хоймахи, отправив на юг. Она обещала им, что Солнце и Лето навсегда станут их друзьями. Там, где поселятся первые люди, все будет добрым. Там будет много птиц и зверей, там будут расти травы и деревья. Люди всегда будут молоды и никогда не состарятся, но у них не будет той силы, которая есть у Женщины. Потому что только Женщина может управлять Хоймахой, а люди перед ним беспомощны. И, повинувшись Хоймахе, Зима каждый год будет побеждать Солнце и прогонять людей с их земли.

Поэтому первые люди с каждым годом уходили все дальше и дальше на юг, смешиваясь с другими племенами. И по сей день сиу называют этих людей "Ша-хи-ве-на", "народ чужой речи". А белые произносят это название по-своему, зовут первых людей шайенами.

Вход в царство Хоймахи находится в ущелье Туманов, но само царство — далеко-далеко, на земле, постоянно покрытой снегами и льдом. Скрываясь от злобной Зимы, первые люди долго шли на восток, к Солнцу. Через много лет пришли они к узкому проливу, который был скован льдом. Люди пошли по льду, как по мосту. Но когда они прошли половину пути, одна молодая женщина заметила длинный рог, выступающий из-под льда.

Это был прекрасный рог, длинный и широкий. Из него можно было вырезать

множество полезных и красивых вещей. Девушка обрадовалась находке и захотела вытянуть рог из льда, но чем сильнее она тянула, тем глубже он уходил вниз. В отчаянии позвала девушка своих родственников. Подошли мужчины и попытались помочь ей, но и они оказались бессильны перед рогом, который так прочно примерз к ледяному покрову пролива.

И тогда девушка попросила обрезать его. И мужчины согласились, потому что любили эту девушку и хотели порадовать ее. Но как только их ножи врезались в рог, хлынула кровь.

Никто не успел и пошевелиться, как лед внезапно разломился, рог исчез, и на его месте пробежала огромная трещина. Она разрасталась со скоростью молнии, и многие люди утонули, свалившись в ледяную воду. Трещина разделила племя первых людей. Одни вынуждены были вернуться на ту землю, откуда пришли. Другие, оставшиеся на солнечной стороне, долго смотрели вслед своим уходящим братьям, а затем, в горе и слезах, пошли дальше, навстречу Солнцу, и достигли земли.

Пока длился их путь, Создатель населил землю другими людьми, другими племенами. Им не было нужды скитаться в поисках Солнца, потому что они появились на свет вдалеке от злобного Хоймахи. Они не хотели делиться с шайенами ни пищей, ни кровом, и первые люди сами учились выживать на новых землях.

Они долго жили около большого озера. Из ив мужчины плели садки для ловли рыбы, а женщины измельчали рыбы кости и делали жир. Тогда первые люди питались только рыбой и жиром.

Пройдя дальше к югу, шайены научились охотиться. Теперь они ели кроликов, птиц и их яйца, а осенью — жирных скунсов. Долгое время первые люди жили в стране сахарных кленов и научились собирать с них сироп. Они узнали, как выращивать кукурузу, и стали засеивать землю по берегам рек.

Но злобный Хоймаха всегда будет преследовать детей своей Женщины. Она сильнее его, и он ничего не может с ней поделать. Он только может выместить свою злость на ее детях. Каждый год Зима побеждает Солнце, и каждое новое поколение шайенов уходит все дальше и дальше на юг.

А из ущелья Туманов следит за ними Хоймаха и насылает на первых людей все новые и новые напасти. Оттуда, из ущелья, порой выходят новые дети Хоймахи и Женщины, убежавшие от своих родителей. Они говорят на чужом языке и не могут ужиться на земле. Когда же они умирают, то от них ничего не остается.

Много лет назад один такой человек вышел из ледяного тумана прямо к костру Красной Птицы, шайенского вождя. Он долго жил с племенем, и его называли Желтые Волосы. Он был хорошим охотником и храбрым воином, но когда пуля сиу пробила его грудь, то Желтые Волосы исчез без следа, окутанный ледяным туманом. Может быть, он вернулся в страну Хоймахи. Может быть, растворился в воздухе, как туман. Может быть, он и вовсе был не человеком, а духом. Кто знает?

— Я человек, а не дух, — сказал Степан, когда Саби умолкла, закончив свой рассказ. — И у меня не желтые волосы. Чем же я похож на этих жителей ущелья Туманов?

— Стивен, это всего лишь шайенская сказка. У них много других сказок. Я же не говорила, что ты — дух. Но ты не такой, как другие белые люди.

— Мало ты видела белых людей, — заключил Степан. — Спасибо за сказку. И ложись спать.

Она сложила лоскуты и аккуратно скатала в рулон. Пригасила лампу и легла рядом с малышами, обняв их.

Степан вернулся к Эрни и увидел, что бдительный страж мирно дремлет, откинувшись на спинку стула и положив ноги на подоконник.

Стоя у окна, Гончар оглядел дорогу. Луна опустилась к лесу, и две тучки над ней отсвечивали холодным серебром.

Пять продолговатых теней виднелись у дороги. Над ними вихрилось облачко золы и снежной пыли.

"Кто из тумана вышел, в туман и уйдет, — подумал Степан, вспомнив шайенскую

сказку. — Может быть, в этом и есть разгадка? Может быть, если бы меня сегодня убили, я бы снова вернулся туда, откуда пришел? Ну да, и что бы я там делал с пробитой башкой? Нет, уж лучше жить здесь, чем умереть дома. И пока я не превратился в туман или перегной, надо будет застеклить окна, настрелять куропаток для Саби и, самое главное, научить Эрни фильтровать самогонку, которую он называет скотчем".

11. МЕСТО ВСТРЕЧИ ИЗМЕНИТЬ НЕЛЬЗЯ

Наутро, войдя в свою угловую комнату, Степан обнаружил, что Саби до сих пор не встала. Она лежала под ворохом одеял, беспомощно глядя на него. Ее лоб был горячим и липким. Дети прыгали на кровати, забавляясь скрипом пружин. Завидев Степана, они двумя коlobками скатились на пол и прижались к матери.

Окна в комнате были раскрыты, и под ними вдоль стены белела аккуратная полоска снега.

— Мать, да ты совсем плоха, — пробормотал Степан. — Тебя лечить надо.

— Не надо лечить. Я скоро встану.

— Не вставай. Сейчас Эрни принесет чего-нибудь поесть.

— Я не хочу есть.

— А я не спрашиваю, хочешь ты или нет.

За последние десять лет Степан Гончар обращался к врачам только однажды, и то лишь для профилактики — надо было провериться после вынужденного участия в непотребной оргии, которая завершила деловой ужин. Свои простуды и обострения гастрита он успешно лечил сам и был уверен, что сможет вылечить и Саби. Чем бы она ни болела, ей необходим покой, уход и полноценное питание. И все это Степан мог ей обеспечить. Пусть больная лежит столько, сколько нужно. Некуда спешить.

Вместе с Эрни они прибрали в разгромленном зале. Трактирщик покормил омлетом немногочисленных постояльцев и отправился на конюшню, а Степан принялся мыть полы. Разбитые окна закрыли тяжелыми ставнями, отчего в трактире стало еще темнее, зато тепло. Жар камина быстро прогрел остывшее за ночь помещение, и Степан ползал по полу в одной майке, отскребая кровь от досок. Он вышел на крыльцо с ведром и чуть не выплеснул грязную воду на новых гостей.

Эрни стоял, окруженный десятком вооруженных бородатых мужчин в меховых куртках и кожаных плащах. Каждый держал в одной руке винчестер, а в другой — повод своей лошади. Кони высились за спинами своих хозяев и, казалось, так же как хозяева, внимательно слушали трактирщика. ...Стрельба стояла такая, что по стенам словно градом било! Почтари отбивались, как целый полк. Но ребята Юдла все-таки смогли подложить динамит. И когда рвануло, то весь мой дом подпрыгнул, как испуганный птенчик! Вот тут Стивен мне и говорит... Как же он сказал, погодите... Ага! Он снял со стенки тесак и говорит: "Кажется, нам пора вмешаться".

Слушатели одобрительно загудели, а кони зафыркали, окутываясь паром.

— Кажется, мне пора вмешаться, — сказал Степан с крыльца, и все повернулись к нему. — А то ты припомнишь еще что-нибудь, о чем и говорить-то не стоит.

Он спустился по ступеням и прошел мимо собравшихся. Вылил воду на кучу золы и вытер руки о джинсы.

— Но ведь так оно все и было, — сказал Эрни. — Люди хотят знать, как было дело.

— Так ты и есть Стивен Питерс, который с Востока? — спросил один из мужчин, такой же бородатый и диковатый на вид, как и все остальные. Но на его груди под распахнутым плащом блестела латунная звезда. — Это ты тут загрузил работой гробовщика?

— Что плохого в том, что хороший мастер немного заработает? — сказал Степан.

— Я Брайан Коннели, и эти бездельники выбрали меня шерифом. И это я тут даю заработать гробовщику, а не любой прохожий.

"И где же ты был вчера вечером, шериф?" — хотелось спросить Степану. Но он только

улыбнулся и виновато развел руками.

Шериф Коннели был вполне удовлетворен таким ответом.

— Ладно, Питерс. Если Фрэнк Юдл попался тебе, а не мне, значит, у тебя вчера был удачный день. А у меня вот — не очень.

— День на день не приходится, шериф.

— Это точно. Эрни, так ты говоришь, они увезли даже ром? — Шериф недоверчиво наклонил голову к плечу, сверля трактирщика взглядом.

Эрни горестно вздохнул.

— Рома и точно нет, — сказал Степан. — Но мне показалось, в подвале пылятся какие-то бутылки.

— Тебе не показалось, — мрачно ответил трактирщик.

— Значит, я могу угостить шерифа и компанию?

— Да подожди ты угощать. Сначала надо вымыть полы.

— Какие там полы, — сказал шериф, потирая руки. — Вперед, парни!

И повеселевшая компания, шумно переговариваясь, застучала каблуками по ступеням крыльца.

— Ты меня разоришь, — тихо сказал Эрни, поднимаясь последним и подталкивая вперед Степана. — Шериф не дурак выпить, и эти дармоеды тоже. От них одни убытки. Я же не могу брать с тебя деньги за вино, которым ты их угощаешь.

— А ты возьми меня в компаньоны, — так же тихо предложил Степан. — И тогда я разделю твои убытки. А потом и доходы.

— Надо подумать. Какую долю ты хочешь?

— Пятьдесят на пятьдесят.

— Идет. — Эрни подал ему руку.

Три бутылки вина были осушены как раз за то время, которое понадобилось трактирщику для завершения рассказа о гибели шайки. После этого каждый нашел свои идущие от самого сердца слова, чтобы охарактеризовать покойных. Пока злопамятные жители Эшфорда обсуждали происхождение Фрэнка Юдла, его кипучую деятельность и удивительные моральные качества, шериф стоял у стойки напротив Степана и как бы между прочим, вполголоса, задавал как бы незначительные вопросы.

Откуда родом мистер Питерс? Кем были его родители? Когда они приехали в Америку? Какую церковь посещал мистер Питерс в бытность свою в достославном городе Бостоне? И в конце концов, где он оттачивал свое искусство владения кольцом? Кстати, нельзя ли глянуть на твое оружие, Стив?

Если на все предыдущие вопросы Гончар еще ухитрялся отвечать достаточно расплывчато, то теперь отвертеться было невозможно.

Осмотрев револьвер со спиленной мушкой, шериф Коннели заметил:

— Я тоже предпочитаю сорок четвертый калибр. Хорошо, когда и винчестер, и револьверы заряжаются одинаковыми патронами. Раньше я пользовался кольцом сорок пятого калибра. И вот, было горячее дело, мы засели на островке, а краснокожие носились вокруг. Пальба стояла такая, что выстрелов было не различить, сплошной рев, как будто лавина сходит. И в спешке вогнал я патрон от кольца в магазин винчестера. Они же на вид одинаковые, патроны. И само собой, дергаю затвор — и патрон клинит. Что ты будешь делать!

— Да, не позавидуешь, — кивнул Степан. — Ну и что же ты сделал?

— Если б такое случилось в стычке один на один, то сейчас мы бы с тобой не беседовали. Но там нас было много. Упал я между двух валунов, ножом открутил шурупы, снял стенку ствольной коробки и просто выдернул чертов патрон. Тут же привинтил стенку на место, перезарядил родными патронами, "сорок четыре — сорок", и как ни в чем не бывало продолжил стрелять. Даже подумать ничего не успел, руки сами все сделали. Но с

тех пор зарекся носить разные патроны и достал себе "ремингтон" вместо "миротворца"⁶. Да у тебя, само собой, тоже бывали такие моменты, верно?

— Таких не было.

— Вот не пойму, ты скромный или скрытный? — усмехнулся шериф. — Скромные мальчишки не кладут на снег таких стрелков, как Юдл. Ты и не знаешь, похоже, кого встретил. Это были настоящие солдаты. Они умели только убивать. За ними тянется кровь от самой Алабамы. И в Канзасе, и в Миссури они оставили немало могил. Знаешь, есть такие ребята, которым очень не понравилось, что война закончилась. Так и продолжают воевать.

— Есть такие ребята, — сказал Степан. — Но Фрэнк Юдл вчера подписал договор о вечном мире. И весь его эскадрон — тоже.

— Не весь, — многозначительно покачал пальцем шериф Коннели. — И тебе не мешает это знать, Стив. У Фрэнка есть брат. Остин Юдл. Ходили слухи, что его подстрелили в прошлом году, но никто не видел его трупа. Поэтому будем считать, что он жив. Остин такой же убийца, как и Фрэнк, и губернатор штата Миссури обещал за него пять тысяч. Правда, эти деньги до сих пор так и лежат в кармане губернатора. И знаешь почему? Потому что ни один охотник за скальпами не согласится навести свой ствол на Остина. Просто не успеет прицелиться. Тот слишком быстр, чтобы быть подстреленным. Он уже уложил дюжину таких охотников.

— Дюжину? Значит, тринадцатый охотник имеет хорошие шансы, — сказал Степан Гончар.

— Да, ты скромный парень. Слишком скромный. Просто убийственно скромный, — протянул шериф. — Имей в виду: если Остин жив, он отомстит за брата.

— Сигару, шериф? — Степан распечатал картонную коробку.

— У нас тут курят самокрутки. Если задержишься в Эшфорде, и сам перейдешь на них. Но ты, похоже, не надолго к нам. Рассчитаешься с Фарбером за своих бобров и снова уйдешь в леса. Знаем мы вашу породу.

Степан осторожно отрезал ножом кончик тонкой зеленоватой сигары, а шериф чиркнул спичкой по гладкой поверхности буфетной стойки. Поддерживая вежливую беседу с представителем закона, Гончар старался не упускать из поля зрения своего компаньона. А Эрни уже заключал контракты на ремонт фасада, на расширение жилых помещений и на поставку строительных материалов и продуктов питания. Кажется, его размах подкрепляла вера в финансовые возможности нового совладельца трактира.

— Нет, шериф, я задержусь у вас, — сказал Степан. — Хочется пожить в теплом доме, среди людей. Так что я задержусь. Если вы не против.

— Я — не против. Я тебе больше скажу, нечего тебе ютиться в этом сарае. Переезжай ко мне. Дом у меня большой и теплый. Старуху мою ты не стеснишь, она только рада будет новому едоку. А если захочешь поработать, так я возьму тебя в помощники.

— Я здесь поживу, у Эрни.

— Как хочешь. — Коннели впился взглядом в Степана. — Я же все понимаю, Стив. Понимаю, кого ты тут ждешь. Только знай. Если Остин захочет тебя найти, он найдет тебя хоть здесь, хоть в Чикаго, хоть в Мексике. Лучше бы тебе поехать с нами, в город. Лучше бы тебе не оставаться одному здесь, у дороги.

— Может, и лучше. Да только профессор попросил, чтобы я ждал его на почтовой станции. Вот я и буду ждать.

— Станции больше нет, — сказал шериф.

— Профессор об этом еще не знает.

— Здесь никто не прикроет тебя, если начнутся проблемы. Лучше бы тебе поехать с нами.

— Нет, шериф. Спасибо. Но я останусь. Место встречи изменить нельзя.

---

⁶ "Миротворец" — модель револьвера Кольта.

12. ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ

Эрни отправился в город за стеклом и припасами. Когда Гончар попросил привезти еще и лимонов, трактирщик скривился:

— Только городские хлыщи закусывают бренди лимоном! В нашем заведении не бывает такой публики.

— Не волнуйся, я прошу не для хлыщей.

— Ладно, привезу. Только мне противно платить Виттакеру за лимоны.

Степан уже знал, что Мозес Виттакер — это заклятый враг Эрни, конкурент, владелец салуна и игорного клуба, главных очагов культуры и досуга в Эшфорде. У Виттакера работал повар-француз, который к тому же умел играть на фисгармонии. И раз в неделю мимо трактира Эрни в город проезжал фургон с продуктами и винами из самого Миннеаполиса.

— Да ведь он может и не продать, — добавил Эрни. — Скажет, что кончились. Слишком большой наплыв клиентов. Все съели, все выпили. Ясное дело, уж этот змей не упустит случая сказать мне какую-нибудь гадость.

— Ты объясни ему, что лимоны нужны для лекарства. Он не откажет. И заплати сколько он запросит, не жадничай.

— Я не жадный, а экономный. А вот ты, компаньон, разбрасываешься деньгами. Зачем платить за доски сразу же? Пусть их сначала напилят, обстругают, пусть привезут и сгрузят, тогда и рассчитался бы.

— Давай посчитаем. Вот сейчас ты дашь парням с лесопилки десять долларов и скажешь, что тебе нужны доски для ремонта. Я понятия не имею, сколько досок нам нужно. И цен ваших тоже не знаю. Но я знаю, как действует на простых работяг один только вид живых денег. Я думаю, что парни загрузят тебя под завязку. И причем в течение часа. И мы начнем ремонт уже сегодня, не будем терять время. А каждый выигранный день — это наш доход.

— Ясное дело, чем раньше откроемся, тем лучше. Но только у нас тут не привыкли так легко расставаться с наличностью, — проворчал трактирщик.

— Наличность потечет к тебе рекой, как только мы все наладим, — заверил его Степан. — И потечет она как раз по этой самой дороге. Грешно не использовать такое выгодное расположение. Люди будут останавливаться у нас, если мы им предложим услуги. Кому-то надо починить свою телегу. А другой захочет ее просто смазать и осмотреть. Зачем же это делать в чистом поле, если здесь в их распоряжении будет крыша, инструменты, запчасти и все такое? А пассажиры пока посидят в твоём трактире, перекусят, да еще и музыку послушают.

— Ну и где же ты возьмешь музыку? — ехидно поинтересовался Эрни. — Сам будешь им петь? И стучать по сковородке?

Степан понял, что зашел слишком далеко в своих наполеоновских планах. Если гараж и станцию техобслуживания еще можно организовать на пустом месте, то для музыки нужны инструменты, исполнители или хотя бы пластинки. Да нет, пластинок тут еще не знают...

— Можно переманить к нам повара от Виттакера вместе с его фисгармонией, — уверенно сказал он, чтобы не гасить огонек вдохновения в глазах своего компаньона. — А можно и еще что-нибудь придумать. Главное — не терять время.

Они запрягли пару мерин в повозку, и Эрни отправился в город. А Степан еще раз обошел хозяйство, осматривая свои владения. Больше всего ему понравилась конюшня, и теперь он понимал, почему Саби так хотела остановиться именно здесь. Под высокими сводами хранились тюки спрессованного сена, от которого шел волнующий запах лета, деревни, детства... На стенах висели седла и поводья, лошади косили на него черные глаза из-за дощатых переборок. "Это мои лошади", — подумал Степан и сунул руку в карман, будто надеялся достать кусок сахара, или горбушку с солью, или чем еще принято угощать

лошадей. Но в кармане куртки оказалась только пустая гильза.

— Извините, девчата, в следующий раз, — сказал Степан кобылам и вернулся во двор.

Он устроился на крыльце так, как видел однажды в кино: откинулся со стулом к стенке, а ноги положил на перила. На бедрах покоился винчестер, в уголке рта дымилась сигара, и синяя шляпа убитого Капрала была надвинута почти на самую переносицу. Что ни говори, а сигары тут хорошие, хотя и без акцизных марок и других опознавательных знаков. Наверно, контрабанда.

Эрни сказал, что это дорогие сигары, по пятьдесят центов штука. Их у него почти никто не покупал, поэтому так хорошо сохранился запас, сделанный еще пять лет назад, когда он только начинал свой бизнес. А до этого он работал кочегаром на пароходах, ходил по Миссисипи. Пароходы взрывались, горели, тонули, но кочегары никогда не оставались без работы, если, конечно, им удавалось выжить. А другой работы для ирландцев и не было. Когда-то дед Эрни, потомственный ирландский батрак, пересек океан, чтобы оказаться подальше от англичан и стать свободным человеком. Но оказалось, что и здесь командуют те же англичане, только они называют себя американцами. Конечно, Америка все же выгодно отличалась от Старого Света тем, что здесь еще было много свободного места. Было куда уйти. Например, на бесплодные земли Техаса или ущелья Колорадо. Правда, и там рано или поздно появлялись все те же англичане, как только первые поселенцы обживали новые места. Ирландцы и здесь оставались шахтерами на рудниках, принадлежащих англичанам. Или арендаторами на землях, которые принадлежали — угадай кому? Верно.

Как понял Степан, Эрни называл англичанами всех, у кого было много денег и кто не признавал Католической церкви. Гончар не разбирался в богословских тонкостях и не видел разницы между католиками и протестантами. Но спрашивать об этом у Эрни ему было некогда, да и не хотелось.

Его гораздо больше занимали сейчас сугубо земные дела. Например, надо было поумному распорядиться капиталом, который появился после встречи с командой Юдла.

Итак, после долгого и неоднократного пересчета Степан выяснил, что его наличность составляет восемь тысяч семьсот семьдесят долларов в банкнотах и четырнадцать тысяч восемьсот — в серебряных и золотых долларах. Итого... Двадцать три тысячи пятьсот семьдесят. Плюс один серебряный доллар профессорской дочки.

Имелся еще и золотой песок, который на самом деле оказался не песком, а тончайшими чешуйками. Каждую из них можно было сдуть с ладони, как пушинку. Но все вместе они весили целый фунт. То есть около четырехсот граммов.

Определенную часть капитала составляли четыре кобылы и два мерина, а также седла, оружие, одеяла и амуниция бандитов. Плюс динамит, почти полный ящик. Все это можно было как продать, так и пустить в дело, чтобы получить прибыль. Степан Гончар уже хорошо знал, как тут получают прибыль с помощью винчестера.

Пять трупов все еще лежали у дороги, запорошенные мелким снегом. Одинокая ворона прохаживалась неподалеку, искоса поглядывая на тела. Когда она подпрыгнула к ним слишком близко, Степан легонько стукнул прикладом по полу. Одного удара оказалось достаточно, чтобы ворона отлетела подальше и принялась ковыряться среди черных обугленных бревен на пожарище.

Мирную тишину вдруг нарушил далекий рокот. Степан встал, вглядываясь туда, где дорога сворачивала в лес.

Он не сразу сообразил, что такой звук могут издавать только конские копыта, когда их не четыре и не восемь, а сто или двести.

Всадники плотной колонной выезжали из-за леса, и морозный пар колыхался над ними. На нескольких пиках, поднятых кверху, развевались короткие флаги с красными и белыми полосками.

В колонне были не только верховые. Раскачивались два белых тента над фургонами, а за ними четверка лошадей тянула длинную открытую повозку, груженную двумя большими катушками. "Провода везут, — догадался Степан. — Линию будут восстанавливать". Он

сошел с крыльца и встал над телами убитых, держа винчестер на скрещенных руках.

Колонна остановилась, сбиваясь в плотный строй и наполняя воздух шумом конского дыхания, скрипом амуниции и звоном металла. Двое передних всадников спешили и приблизились к Степану. Они были в синих двубортных куртках, красных шарфах и бурых кожаных брюках. И шляпы на них были такие же, как на Гончаре, — синие, с кокардой в виде скрещенных сабель.

— Капитан Мортимер, — представился один, с ястребиным профилем и седыми усами. — Веду эскадрон по следу банды Юдла. Кажется, мы немного опоздали?

— Не думаю, — ответил Степан. — На холоде Юдл мог бы спокойно ждать вас еще дня три. По-моему, он ничуть не попортился.

— Вижу. У вас есть потери?

— Двое телеграфистов. Они лежат в сарае.

— Куда ушли остатки банды?

— Говорят, они собирались укрыться в Дакоте.

— Сколько их?

— Не могу знать, сэр.

— Но вы же их видели. Неужели нельзя было пересчитать, хотя бы приблизительно? — раздраженно сказал капитан.

— Я пересчитал всех, кого видел. Их было ровно пять, — ответил Степан, решив не упоминать об убежавшем раненом бандите.

— Выходит, остальные здесь не появлялись? Это плохо.

"Кому плохо, а кому не очень", — подумал Степан.

Второй кавалерист наклонился над трупами, вглядываясь в потемневшие лица.

— Старший Юдл здесь, — доложил он. — И Гриве, и Хукер, и Андерсон тоже. Пятого я не знаю. Если наши данные верны, то в банде осталось тридцать шесть человек. Мы легко найдем их по следу. Им негде укрыться. Надо спешить, сэр, пока они не ушли на юг, в бедленды⁷.

— Сержант, отправьте дозорную группу по дороге в город, туда и обратно, и чтоб в городе не останавливались, — распорядился капитан. — Выставить посты. Двадцать человек на прочесывание леса, пусть дойдут до болота и вернутся по реке. Остальные на разгрузку.

— Есть, сэр.

— Капитан, могу я предложить вам кофе? — сказал Гончар.

— Меня устроит чистый стол безо всякого кофе, лишь бы было где развернуть карту.

— Тогда прошу в дом.

Капитан вошел в трактир, на ходу разматывая длинный вязаный шарф, и не глядя повесил полевую сумку на крюк у дверей.

— А Эрни где? — спросил он.

— В город поехал.

— У него все в порядке?

— Если не считать разбитых окон, то да. Кофе, сигару?

— Спасибо, предпочитаю трубку.

Развернув на игорном столе топографическую карту, капитан склонился над ней.

— Почему так темно? — недовольно спросил он.

Гончар растворил скрипучие ставни, и вместе со светом в зал ворвался свежий морозный воздух.

Степан увидел, что вокруг пожарища бродят двое в штатском. Один шевелил палкой золу, глядя под ноги. Другой подобрал полы длинного пальто и пробрался по угольям к сейфу, который краснел рядом с уцелевшей печкой. Он достал из кармана связку ключей и принялся совать их по очереди в скважину замка.

---

⁷ Бедленд — местность, иссеченная извилистыми глубокими оврагами.

— Кто застрелил Юдла? — спросил капитан, раскуривая короткую трубку.

— Я, — ответил Степан и представился: — Стивен Питерс, работник профессора Фарбера.

— Вам причитается вознаграждение, вы это знаете, мистер Питерс?

— Догадываюсь.

— Когда будете в Миннеаполисе, загляните в суд. Я сообщу о вас судье Тэтчеру, это он назначил тысячу долларов за Фрэнка. Где вы проходили службу?

— На юге, — ответил сержант запаса Гончар, вспомнив абхазские мандарины.

— Понятно. Не хотите пойти ко мне проводником?

— Нет, спасибо. Так я принесу вам кофе?

— Нет, спасибо. — И капитан снова склонился над картой.

На крыльце кто-то затопал, стряхивая снег с обуви. Вошли двое в штатском.

— Плохие новости, Мортимер, — сказал тот, кто возился с сейфом. — Все оборудование сгорело. Провода перерезаны в нескольких местах, мы нашли три обрыва, но наверняка есть и другие. У нас много работы. Вы выяснили, что с нашими ребятами?

— Они лежат в сарае, — сказал капитан, не отрываясь от карты.

— Лежат в сарае... Где их похоронят?

— Полагаю, вы не собираетесь увезти их с собой?

— Увезти с собой? Это было бы прекрасно. Но мы еще и сами не знаем, когда уедем отсюда. Мы могли бы установить аппарат и реле, и мы натянем провода, но сначала надо восстановить помещение.

— Тяните линию в город, — предложил капитан. — Там и установите свою точку, в офисе шерифа. Самое подходящее для этого место. Решетки на окнах, круглосуточная охрана, сейф.

— Все не так просто, Мортимер. До города шесть миль.

— Не хватит провода?

— Не в этом дело, — сказал телеграфист, снимая пальто и подсаживаясь к столу. Седой и розовощекий, он сразу же расстегнул воротник сорочки, словно ему было очень жарко. — Сигнал не дойдет. Расстояние между нашими станциями не должно превышать двадцати миль. Через каждые двадцать миль мы ставим аппараты, реле и батареи, чтобы усиливать сигнал. Поэтому придется что-то делать именно здесь.

— Можно сколотить какую-нибудь временку на месте сгоревшей станции, — сказал второй телеграфист, с клиновидной бородкой, уныло глядя через окно на пожарище. — Палатку, что ли, поставить?

— Расположите аппаратуру прямо в трактире, — вмешался Степан. — На втором этаже мы выделим для вас комнату. Обязательно нужны решетки? Возьмем старые, их только придется почистить и покрасить. Перетащим сейф. Здесь вам будет не хуже, чем у шерифа. И даже лучше.

— Может быть, это единственный возможный вариант, — согласился седой. — В таком случае Управление будет оплачивать аренду помещения. Это гораздо дешевле, чем строительство новой станции. Прекрасный вариант.

— Рад за вас, — сказал капитан, складывая карту гармошкой. — Еще больше я рад за себя. Теперь эскадрон будет двигаться гораздо быстрее. Через полчаса мы выйдем к границе.

— Рано радуется, Мортимер, — рассмеялся седой. — От нас вам удалось избавиться, но куда вы денете мадам Нимур? Насколько я помню, вы обещали губернатору, что доставите ее в город.

— Обстановка исключает малейшую возможность задержек. — Капитан аккуратно обмотал шею шарфом. — Мадам Нимур останется здесь со всей своей амуницией. Как только горожане узнают, что в шести милях от них замерзает великая певица, они сами придут за ней. И отнесут ее в город на руках. И саму мадам, и все ее неподъемные чемоданы. Мистер Питерс, вы не забыли насчет судьи Тэтчера? Тогда, джентльмены, разрешите мне присоединиться к своим солдатам.

Капитан Мортимер церемонно поклонился, приподняв шляпу — не по-военному, а как-то очень аристократически.

Когда за ним закрылась дверь, седой телеграфист сказал:

— Ничем не выбить из этих южан их чопорность и высокомерие. Можно подумать, что это они выиграли в войне, а не мы. Голдмэн, хватит смотреть в окно с такой кислой миной. За работу, джентльмены!

13. МАЙВИС КРАСНАЯ ПТИЦА

Среди солдат Мортимера, которые помогали телеграфистам разгружать фургоны, Степан Гончар заметил нескольких мужчин в гражданской одежде. Особенно выделялся один — темнолицый и горбоносый. Его черные волосы были заплетены в косу, которая виднелась из-под меховой шапки.

Оказалось, что заметил его не только Степан.

Когда горбоносый поднес к дому очередной ящик, сверху вдруг послышались детские голоса, и двое малышей Саби скатились с покатого навеса прямо в сугроб. Они радостно кричали что-то на своем языке, и мужчина с косичкой отставил ящик в сторону. Он развел руки в стороны, присел, и дети, подбежав, повисли на нем. Гончар увидел в открытом окне второго этажа бледное лицо Саби. Девушка стояла, тяжело опираясь руками о подоконник. Даже отсюда, снизу, было видно, что ее шатает. Боясь, что Саби упадет, Степан кинулся по лестнице вверх.

Он едва успел подхватить Саби, когда она уже оседала на пол. Поднял на руки и отнес на кровать. Даже сквозь одежду он чувствовал жар ее тела.

— Там Майвис, родственник моего мужа, — проговорила она, почти не двигая потрескавшимися губами. — Я уеду с ним.

— Куда, на войну? Он приехал с солдатами.

— Я знаю. Он — скаут⁸. Он возьмет меня с собой.

— Нет, — отрезал Степан. — Лежи.

— Хорошо. Позови его ко мне.

Скаута Майвиса звать не понадобилось, потому что он пришел сам. Дети, щебеча и подпрыгивая от возбуждения, ввели его в комнату, точнее — втянули за обе руки.

— Привет, Стивен, — низким рокочущим голосом произнес индеец. — Я — Красная Птица. Племянники мне все рассказали.

Он снял шапку и подошел к постели, где лежала Саби. Они долго молча смотрели друг на друга. Индеец взялся за кисть девушки, подержал в руке и бережно опустил. Саби отвернулась к стене.

— На обратном пути я заеду за женой моего брата, — сказал индеец. — Если она согласится, я отвезу ее к своей семье. Сейчас я не могу ее забрать.

— Зачем ее забирать? — спросил Степан. — Она больна. Ей надо лежать в тепле. Я буду заботиться о ней.

— Хочешь сделать ее своей женой? — спросил индеец.

— Не думал об этом, — слегка растерялся Степан. — Пока я хочу, чтобы она не умерла.

— Если Ме Сау Бис не умрет, она может быть твоей женой. Или моей. Женщина не должна оставаться без мужа. И дети не должны оставаться без отца. Что скажешь, Стивен?

— Я буду заботиться о ней.

Индеец кивнул, потрепал детей по взъерошенным волосам и вышел из комнаты, бесшумно шагая.

Малыши, в одинаковых длинных, ниже колен, рубашках, затихли, глядя на Степана. Он

---

⁸ Скаут — разведчик, проводник.

присел перед ними и спросил:

— Ну и как вас зовут?

— Его зовут Шаути, — сказал один мальчишка, хлопнув по плечу другого. — А я — Вокини. Мы будем жить у тебя?

— Будем жить вместе, — сказал Степан.

— А у тебя есть другие дети и жены?

— Нет.

— Почему? Ты такой старый, и у тебя нет жен? Так не бывает.

Они оказались близнецами, только молчаливый Шаути был побледнев, а у бойкого Вокини от верхней губы до скулы тянулся тонкий извилистый шрам.

— У белых людей все по-другому, — вдруг сказал Шаути.

— Вот что. — Степан отошел к окну и опустил раму. — Вы не будете больше прыгать через окно. Посидите здесь, а когда солдаты уедут, спускайтесь во двор.

— Здесь плохой воздух, — сказал Вокини.

— Разве ты не можешь потерпеть немного? Сколько тебе лет?

— Что?

Саби подала голос с кровати:

— Им по шесть лет. Стивен, иди спокойно, занимайся своим делом. Они потерпят.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он, присаживаясь на край постели.

— Жарко. Ноги не слушаются. — Она попыталась сесть, но он удержал ее плечи на подушке. — Стивен, я должна тебе сказать. Майвис и мой муж вместе служили скаутами в кавалерии. Когда муж встретил меня, он уволился из полка и забрал меня от хозяина, где я жила с детства. И мы ушли к моим родичам, кочевать в лесах вокруг озера. Мой муж шайен, но родичи приняли нас. Оттава не враждует с шайенами. Но теперь все изменилось. Шайены объединяются с сиу, а сиу — наши враги. Будет плохо, если мы станем жить в семье Майвиса. Ему придется уволиться и вернуться в семью. Сейчас другое время. Сейчас шайенов заставляют жить в резервации. Я не хочу в резервацию.

— Не бойся. — Степан погладил ее по щеке. — Забудь это слово.

— В нашем языке нет такого слова.

— Теперь его нет и в нашем языке. Кстати, твои дети говорят по-английски не хуже тебя. Они тоже жили у белого хозяина?

— Нет. Я научила. Стивен, если я не умру, я буду хорошей женой. Подай мне лоскуты, я буду шить тебе плащ.

— Ты будешь лежать и выгонять из себя болезнь.

— Как?

— Просто лежи, как будто спишь. И проси свое тело избавиться от болезни. Лично я всегда так делаю. И, как видишь, до сих пор этот способ мне помогал. Поможет и тебе.

— Хорошо. Я сделаю так, как ты говоришь. — Она закрыла глаза и выпустила его руку из своей.

"Вот так, — думал Степан, спускаясь по лестнице. — Вошел в комнату одинокий охотник, а вышел многодетный отец семейства".

Он понимал, что, пообещав заботиться о Саби, связал себя не только с ней и ее детьми. Нет, теперь он был частью племени. Самой незначительной частью, о существовании которой само племя, возможно, и не узнает никогда. Но, по крайней мере, сразу три шайена теперь будут считать его членом своей семьи — Майвис Красная Птица, Шаути и Вокини.

14. МАДАМ НИМУР ПОЕТ БЛЮЗ

Пока он занимался обустройством личной жизни, кавалеристы приготовились к маршу. Пропел горн, и всадники взлетели на коней. Прозвучала новая мелодия, и колонна тронулась с места. Капитан Мортимер козырнул на прощание, и Степан Гончар тоже приложил кончики пальцев к полям своей шляпы, провожая солдат.

На дороге остались только горки конских яблок да желтые пятна.

— Солдаты приходят, солдаты уходят, а почта нужна всегда, — глубокомысленно произнес седой телеграфист, которого звали Мартин Китс.

Его помощник, Мейер Голдмэн, с мотком провода на плече уже взбирался по лестнице на телеграфный столб.

"Кого-то не хватает, — подумал Степан, оглядываясь. — Ах да, капитан говорил о какой-то певице. Куда же она подевалась? Неужели отправилась в город пешком?" Пронзительный женский вопль донесся со стороны сарая.

— Кажется, мадам Нимур заглянула туда, куда не следует заглядывать таким чувствительным натурам, — Мартин Китс подмигнул Степану.

Невысокая толстушка, подобрав длинные юбки, подбежала к Степану.

— Это невыносимо! — воскликнула она. — Я не могу оставаться в окружении покойников! Куда ни кинешь взгляд, кругом бездыханные тела!

Степан Гончар галантно предложил ей свой локоть.

— Не знаю, заслужу ли я когда-нибудь ваше прощение, — говорил он, уводя мадам Нимур в дом. — Как мог я оставить без внимания беспомощную женщину? Вам давно следовало расположиться в нашем лучшем номере. Позвольте представиться. Стивен Арчибальд Питерс, хозяин этого скромного лесного приюта для утомленных путников.

Этот "Арчибальд" сорвался с языка не случайно. Изысканные речевые обороты сами собой всплыли в памяти Степана, потому что толстушка была удивительно похожа на его последнюю преподавательницу английского, которая нещадно гоняла его по Диккенсу, Байрону и Теккерею. Сейчас та могла бы гордиться своим воспитанником. Мадам Нимур благосклонно улыбалась, прикрыв глаза, словно заколдованная чарующими звуками.

— Какой фантастический каприз судьбы забросил вас к нашему недостойному порогу? — выдал Степан очередной романтический перл.

— Ах, мистер Питерс, если б вы только знали, сколько нелегких испытаний мне пришлось пережить!

Он понял, что и ему предстоит пережить кое-какие испытания, как только увидел в зале целую гору баулов, сундуков и коробок самых невероятных форм и размеров. Но отступить было поздно. Гончар подхватил пару коробок и понес вверх, а мадам Нимур шла за ним, и ее воркующая речь лилась непрерывным потоком.

Все прошлое лето она провела на борту шикарного парохода, который курсировал по Миссисипи. То была райская жизнь. По вечерам она пела для пассажиров, а днем любовалась неопишуемой красотой речных берегов. Но осенью пароход стал на ремонт в Миннеаполисе, и мадам Нимур пришлось выступать со своим классическим репертуаром в каком-то непотребном игорном доме. Это продолжалось до тех пор, пока она не встретила среди постояльцев своей гостиницы земляка и настоящего ценителя, торговца бижутерией, месье Гуггенхайма.

Под большим секретом он рассказал своей соотечественнице, что на западной границе в самое ближайшее время начнется новая эра. Там открыты огромные залежи полезных ископаемых: золото, серебро, железная руда и свинец, а также уголь и что-то еще, чего женский ум не в состоянии запомнить. Там будет прокладываться Северная Тихоокеанская железная дорога, которая соединит Верхнее озеро и побережье Тихого океана. Вокруг железной дороги обязательно вырастут крупные города и цветущие поселения. Поля принесут неслыханные доселе урожаи кукурузы и пшеницы, и эти продукты будут доставлены к Верхнему озеру по железной дороге, а оттуда водным путем — на Восток, где живут миллионы потребителей и где эти продукты можно будет продавать по крайне низким ценам. Конкуренты разорятся, а земледельцы Небраски, Дакоты и Вайоминга станут миллионерами, такими же, как владельцы рудников, шахт и карьеров. Дикий Запад станет раем земным.

И вот туда, в это новое Эльдorado, устремляется сейчас цвет нации. Речь, естественно, шла не о рудокопах и старателях. Месье Гуггенхайм имел в виду энергичных, дальновидных

и склонных к риску мужчин с изрядным капиталом, который они хотят вложить в рудники и золотые прииски. Он имел в виду чертовски умных, культурных и бедных инженеров из Европы, которых энергичные американские бизнесмены переманили к себе за океан. И конечно, он имел в виду предприимчивых специалистов в области досуга — хозяев новых отелей, салунов, казино и ресторанов. Коммерсанты всех мастей тянутся за первостроителями, как маркитантки — за действующей армией.

Спрашивается, какую цену согласятся заплатить все эти мужчины за то, чтобы услышать в дикой глухомани прелестный женский голос? Ответ на этот вопрос меcье Гуггенхайма можно было получить только на месте. И таким местом для мадам Нимур стал город Эшфорд. Почти всю зиму добиралась она сюда, надолго останавливаясь в разных других городах.

И вот, проделав такой длинный и опасный путь, беззащитная певица оказалась на пепелище, усеянном останками!

Драматический монолог мадам Нимур оборвался, когда Степан перенес в ее номер последнюю коробку и прикрыл за собой дверь.

— Сейчас приедет из города мой компаньон, — сказал он, подбирая с ковровой дорожки расплюснутый кусок свинца, который, по всей вероятности, залетел сюда прошлой ночью. — Он будет счастлив обеспечить вас горячей водой и вкусным обедом.

— Да что я, сама себя не обеспечу? — Сменив интонацию, певица бросила свое пальто на кровать и подошла к умывальнику. — Жила я и не в таких апартаментах. И в подвалах ночевала, и под фургоном в голой степи. Все нормально, мистер Питерс.

— Стивен.

— Ну, а я — Жюли. Если хочешь, можешь звать меня Джеки. В Канзасе меня знают как Шерил. Мне все равно.

Ей было на вид лет двадцать пять, но так она выглядела после тяжелой дороги. Степан легко мог представить, как эффектно будет смотреться на сцене эта рыжая толстушка. Черное платье с глубоким вырезом и жестоко перетянутой талией заставит публику не глазеть по сторонам, а следить за колыханием пышной груди. Если на сцену направить все имеющиеся светильники, то эти медные волосы станут золотыми, особенно если на лампы поставить желтые фильтры. А что мы можем использовать в качестве желтого фильтра?

— Когда ты отвезешь меня в город, Стивен? — Жюли прервала тайные раздумья режиссера-постановщика.

— Как только там все успокоится после вчерашних событий. У них вчера был небольшой переполох — ожидали налетчиков. Не думаю, что нам сейчас следует появляться на пустынной дороге.

— Значит, не сегодня? О'кей. — Она уселась на кровать и слегка попрыгала, проверяя пружины. — Тогда надо куда-то затащить пианино. Ему вредно оставаться под открытым небом.

— Пианино? — с тревогой переспросил Степан Гончар. Он слишком часто наблюдал за работой грузчиков и, наверно, поэтому проникся глубоким отвращением к переноске любых тяжестей.

— Это такой музыкальный инструмент, — объяснила Жюли. — Как фисгармония, только со струнами внутри и молоточками. Видишь ящик рядом с катушками? Вот это и есть мое пианино. То есть оно внутри. Раз мы сегодня никуда не поедem, его надо затащить под крышу.

Чтобы справиться с тяжелым ящиком, им пришлось как следует пропотеть, всем четверым — Китс и Голдмэн напирали сзади, Степан и Жюли тянули спереди. Кое-как преодолев крыльцо, они затолкали громоздкий ящик на середину зала, отодвинув игровой стол.

— Никогда не слышал, как играет пианино, — задумчиво произнес Степан. В его голове уже выстроился стройный бизнес-план, в котором, однако, не хватало некоторых звеньев. — Хоть бы посмотреть на него одним глазом.

— Если вы обещаете аккуратно вскрыть упаковку и так же аккуратно ее потом собрать...

— Нет проблем!

Ящик был тут же разобран, и черный лакированный инструмент предстал перед восхищенным взором дикого траппера Питерса. Благовоспитанный Голдмэн подвинул к пианино самый приличный стул, и Жюли опустила свои пухлые пальчики на клавиши.

Пианино звучало вполне прилично, и Степану не пришлось притворяться, чтобы выразить свое удовольствие от услышанного.

— Это Верди, — говорила Жюли, наигрывая ласковую мелодию. — А это Скарлатти.

— А "Дикси" можете сыграть? — спросил Китс.

— Пожалуйста.

— А "Розы Алабамы"?

— Как-как? Не могу вспомнить. Насвистите мне мотив, я подберу.

— Зачем же свистеть? — Китс встал к пианино и ловко пробежался по клавиатуре. — Вот так она звучит. Вспомнили?

— Вы прекрасно играете.

— О, мне пришлось поработать пальцами, пока я не выучился на инженера и не стал зарабатывать головой, — с довольной улыбкой поклонился Мартин Китс. — Хотите, продемонстрирую свою обычную программу? Я играл тогда в офицерском клубе в Сент-Луисе... Он принялся наигрывать что-то среднее между маршем и мазуркой, Жюли сразу же подхватила, и они несколько минут наслаждались игрой в четыре руки.

— А блюз кто-нибудь тут умеет играть? — спросил Гончар.

— Блюз? — переспросил Китс. — Довольно странный вопрос.

— Почему?

— Потому что за блюзом надо ехать в Миссисипи. А лучше — в Новый Орлеан. Там уже никто не удивляется, если белый парень вдруг начнет играть на гитаре негритянские песенки. Вот, примерно, такие...

Он взял минорный аккорд и тоскливо пропел:

— Ухожу я, мама, забудь обо мне...⁹ Второй аккорд, еще более мрачный:

— Ухожу я, мама, забудь обо мне...

И еще тоскливее:

— Останусь тут в Чикаго — кончу дни в тюрьме!

Китс промычал финальную фразу и закончил ее хриплым "О, йе...".

— Великолечно. Гениально, — с чувством произнес Гончар.

— Да тут нечего играть, — смутился Мартин Китс. — Три-четыре аккорда, и все. Эти парни берут за душу своим пением, но я не певец.

— И все-таки блюз можно исполнять на пианино, — сказал Степан. — Попробуйте. Одна рука аккомпанирует, а другая импровизирует вроде голоса. Это возможно? Я не музыкант, но я видел, как это делают другие. Почему бы не попробовать?

— Действительно, почему? — У Жюли Нимур загорелись глаза. — Как там? До минор?

Они снова наполнили воздух негритянской тоской, многоголосой и гармоничной. Первую строчку Китс пел один, на повторе вместе с ним вступала Жюли.

Вез тебя — день как ночь и в моем доме — пустота...

О, йе... без тебя — день как ночь и в моем доме — пустота...

У тебя в груди не камень, бэби, а могильная плита...

Мартин вел басовую партию, Жюли импровизировала в верхах, и даже Голдмэн присоединился к ним, ритмично прищелкивая пальцами и притоптывая ногой.

За это время Степан отыскал свечи и вставил их в бронзовые чашечки на передней

---

⁹ Строки из песни "Блюз Одинокого Дома".

стенке пианино, а потом открыл бутылку вина.

— Выпьем за магию искусства и за нашу очаровательную волшебницу! — предложил он.

— Мне бы очень хотелось спеть для вас, — сказала польщенная Жюли. — Но я не готова. После морозного воздуха мне надо беречь связки. Обещаю, что вы услышите сегодня вечером самые лучшие мои номера.

— О, если бы здесь была хоть какая-нибудь скрипка, — уныло произнес Голдмэн. — Я бы присоединился к вам. Когда-то мои родители надеялись вырастить из меня музыканта. Увы, музыка — невыгодный бизнес.

— Скажу больше, — добавил Китс, продолжая потихоньку наигрывать. — Музыка не просто невыгодное занятие, но еще и абсолютно бессмысленное. В ней нет никакого практического смысла. Ее нельзя съесть, выпить или хотя бы надеть. Музыка не подстрелит тебе куропатку, не укроет от холода, не потушит пожар в твоём доме. Какой прок от музыки? Даже плохую картину можно как-то использовать. В моём доме висел портрет какого-то министра, а под портретом была здоровенная дыра, которую все некогда было заделать. А какую дыру прикроешь музыкой? Нет, джентльмены, музыка — это удовольствие в чистом виде, безо всяких низменных примесей. Так выпьем за музыку!

Степан поднял бокал вместе со всеми. Но он вовсе не считал, что от музыки не будет никакой пользы.

Когда повозка Эрни возвратилась из города, ее сопровождала целая процессия. В открытом фургоне высилась гора свежеструганных досок, а за ним виднелась дюжина всадников.

— Вот, Стиви, что наделали твои живые деньги, — ворчал трактирщик. — Эти пройдохи решили, что в их краях завелся чокнутый богач, и теперь начнут вытягивать из тебя доллар за долларом.

— Да мы приехали просто на Юдла полюбоваться, — добродушно посмеиваясь, подошел светлородый крепыш в шапке с полосатым хвостом. — На некоторых так приятно посмотреть, когда они лежат на снегу с дыркой в башке! Будем знакомы, я Майк ван Клиф, плотник. И команда моя со мной.

— Что, всем так интересно посмотреть на покойников? — спросил Степан.

— И на покойников тоже. И на того, кто устроил нам такое зрелище. Говорят, ты завалил их из одного кольта. Да так быстро, что они и дернуться не успели.

— У меня было два колта.

— А еще говорят, тут вроде найдется работенка для плотников, — продолжал улыбаться ван Клиф. — Вроде почта совсем сгорела. Кто-то же должен ее заново отстроить, верно?

— Стиви, не поддавайся, — крикнул трактирщик, вытягивая из своей повозки пачку стеклянных листов. — А если поддашься, то хотя бы поторгуйся!

Степан обвел рукой пепелище, трактир и сарай:

— Нравится тебе это место, Майк?

— Хорошее место. Свободное, ровное. И лес рядом. За бревнами далеко ходить не надо.

— Ты меня понял, — Степан кивнул. — Это хороший участок для стройки. Что мне нужно на этом месте? Мне нужна жилая пристройка к трактиру. Двухэтажная, на шесть однокомнатных номеров, с буфетом на первом этаже.

— А кухня?

— Без кухни. С буфетом. Кухня у нас будет одна, на старом месте. Дальше. Мне нужен большой сарай, куда можно загнать целиком фургон. Для ремонта, к примеру. Рядом — кузница.

— А кузнец у тебя есть?

— Кузнец найдется со временем, была бы печка хорошая да наковальня.

— Печника я тебе найду, — пообещал ван Клиф. — Итак, Стивен, там — пристройка,

тут — сарай и тут же — кузница.

— Как думаешь, Майк, во сколько все это обойдется?

— Месяц работы, не меньше. И две тысячи за труд. Понедельная оплата — сто долларов на всех, остальное — по окончании работ. Материалы я тебе потом сосчитаю, но это будет не меньше двух сотен.

— Месяц? Две тысячи? Это хорошо, — сказал Степан. — Но может быть и лучше. Например, так. Если вы сдаете стройку на день раньше, то получаете две двести. На два дня раньше — две четыреста. И так далее.

— То есть ты предлагаешь... — Ван Клиф перестал улыбаться и почесал переносицу, сдвинув шапку на затылок. — Получается премия двести баксов за каждый выигранный день?

— Да. А если вы задержитесь со стройкой, то эти двести долларов я буду высчитывать. За каждый проигранный день.

— Не надейся, — ван Клиф протянул Степану мозолистую ладонь.

— Когда начнете?

— Мы уже начали. Сегодня одиннадцатое февраля. Готовь наши денежки к началу марта, Стивен.

"Сегодня только одиннадцатое. Завтра — двенадцатое, — подумал Степан. — Завтра придет доктор Фарбер и рассчитается за бобров. И я получу десятку за труды и сколько-то там еще за каждую пару шкур. Кажется, по доллару? Итого — двадцать два доллара. Хоть какая-то прибыль. А то пока сплошные расходы. Надо, кстати, завести бухгалтерскую книгу. И сумма, полученная от доктора Фарбера, будет первой записью в колонке доходов".

15. ВЕСТНИК ОТ ФАРБЕРА

Бухгалтерскую книгу Гончар, конечно, завел. И записи о расходах плодились там с невероятной быстротой. Но страничка, отведенная для подсчета доходов, оставалась девственно чистой.

Доктор Фарбер не прибыл на почтовую станцию ни двенадцатого февраля, ни тринадцатого, а потом Гончар уже и подзабыл о нем, с головой уйдя в свои дела.

Он подолгу возился с лошадьми. Эрни учил его, "моряка", как надо ухаживать за конем, как седлать, как правильно садиться в седло и как спрыгивать, и только через неделю они вдвоем впервые отправились верхом в город. После той поездки Гончар еще три дня ходил как старый кавалерист, не сводя ноги.

Он занимался и стройкой, и хозяйством, и закупкой продуктов, но все это было не самым главным. Главной его заботой оставалось лечение Саби. Гончар продолжал внушать ей, что она непременно поправится, и заставлял съедать по лимону в день, надеясь на чудодейственную силу витаминов. Все остальные медицинские обязанности добровольно взяла на себя Жюли, причем исполняла их с видимым удовольствием и хлопотала, как мать над больным ребенком.

Может быть, по этой причине, а может, и по другой мадам Нимур никуда не уехала, а осталась в трактире. В первый же вечер ей пришлось выступать не только перед Степаном и телеграфистами, но и перед бригадой ван Клифа. Плотники были потрясены ее талантом, и на следующий вечер в трактире уже не было свободного места, а касса Эрни разом пополнилась недельной выручкой.

Телеграфисты быстро устроились в своем новом офисе, протянули провода и начали перестукиваться с соседними станциями, откуда к Эрни стали заезжать новые гости.

Однажды с почтовым дилижансом прибыли газеты, а среди них было письмо для доктора Фарбера, которое пришлось запереть в сейфе до появления получателя. Тогда-то Степан Гончар и вспомнил, что у него на чердаке хранится целая куча бобровых шкур с индейскими бирками. И стал расспрашивать всех своих новых знакомых — куда мог пропасть профессор?

— На дока это непохоже, — сказал Эрни. — Если док сказал, что заедет на почту двенадцатого, то его не остановила бы никакая метель. Да и не было снегопадов уже две недели. Где ты с ним расстался?

— На дороге, в десяти милях отсюда.

— Куда же он мог деться?

— Эрни, это я у тебя спрашиваю, куда он мог деться.

Трактирщик глубоко задумался.

— Знаешь, Стивен, а ведь он мог напороться на банду Фрэнка. Больше никаких препятствий я не вижу.

— И что тогда?

— Тогда ты можешь спокойно заказывать зауспокойный молебен по профессору. И начинать поиски его наследников, чтобы отдать им все эти шкуры, которые занимают так много места.

— Ты шутишь?

— Я никогда не шучу. Поверь, у нас тут пропадали и более важные персоны. Которых охраняли не двое проводников, а конные патрули. Ясное дело, я от всей души желаю, чтобы доктор остался в живых. Но столько времени прошло...

— Думаю, надо поговорить с шерифом, — сказал Степан.

— Поговори. Он даст телеграмму в округ. Через неделю из Форт-Маршалла к нам прибудет отряд кавалерии. Порыскают по окрестностям, сожрут весь наш запас овса и выдуют последние капли виски. На этом их поиск закончится.

— Так, может быть, самим поискать?

— Кто этим займется? У нас с тобой и так хватает занятий.

Не все, однако, были настроены так же пессимистично, как мрачный ирландец. Майк ван Клиф, не прекращая обтесывать брус своим топориком, выслушал Степана и коротко ответил:

— Если будешь набирать команду, я с тобой.

— Если ты со мной, то я набираю команду, — сказал Степан.

Ван Клиф вытащил из-за голенища брусок и несколько раз провел им по сверкающей дуге лезвия.

— Возьмем Харви Дрейка, — сказал он деловито. — Толковый проводник, знает все тропы по обе стороны границы. Пригласим с собой пару моих ребят. Но учти, что мы можем отлучиться только в воскресенье и только до вечера. С утра у нас молитвенное собрание, потом всем полагается воскресный отдых. Ну а мы развлечемся прогулкой в лес. Если Фарбера убили, наш долг — предать его останки земле по христианскому обряду.

Вылазка была намечена на воскресенье, но уже в пятницу Степану пришлось резко поменять планы.

Утром на дороге показался одинокий всадник. Он привязал длинноухого мула к столбику у крыльца и зашел в трактир, оставляя за собой мокрые следы.

— Могу я видеть Питерса? — громко спросил он, обращаясь сразу ко всем, кто в этот момент оказался в зале.

Мартин Китс поднял голову из-за пианино, которое он пытался настроить. Эрни вытер кисточку, прекратив выводить буквы на новой вывеске, лежавшей на полу. Стесан в это время стоял за стойкой, выдавливая лимонный сок для Саби.

— Стволы в угол, — сказал Эрни. — У нас тут не форт Аламо.

— Я ненадолго, — ответил незнакомец.

На плече у него висел обрезанный дробовик. Из такого положения можно было выстрелить одним движением, от бедра, даже не скидывая ремень с плеча.

Степан, держа руки под стойкой, нащупал кольт, который всегда лежал у кассы. Отвел курок и под стойкой направил ствол на гостя. Теперь можно и поговорить.

— Тебе нужен Питерс? Это я.

— Точно? Ну а я работник доктора Фарбера. Мы тут неподалеку остановились, за

рекой.

— Это хорошо, что неподалеку.

— Да уж неплохо, само собой, — оскалился гость. — Доктор Фарбер тебе кланяется, и дочка его тоже. Прсят, чтобы ты отдал то, что им причитается. Я насчет бобров. Если бобры у тебя, так я их заберу. А если в другом месте, так ты их приготовь и завтра привези к нам на стоянку.

— Почему бы доктору самому не забрать их?

— Да занят он. Сильно занят.

— Интересно, чем заняты его руки, что он даже не передал для меня записку?

— А он передал. Я вложил ее в дупло по дороге. Мили две отсюда. Я сейчас поеду дальше, а ты можешь прогуляться к тому дубу, если тебе так интересно. Только там написано то же самое, что я тебе сказал. Готовь меха, Питерс. Завтра увидимся. На разливе, где затонувший пароход. Знаешь, где это, а?

— Найду.

— Да уж, само собой, найдешь. Чтобы в полдень был на месте.

— Договорились, — сказал Степан.

— Говорят, у вас тут хоть и не форт Аламо, а, бывает, постреливают? Бывает, что пропадают люди на дороге, а?

— Такое бывает не только у нас.

— Плохо. Очень плохо, если такое со мной случится. Доктор Фарбер очень расстроится. Просто не переживет такого горя. А про дочку я уж и не говорю. Слезами захлебнется.

— Мы будем молиться о твоём здоровье, — подал голос Эрни, и кисточка хрустнула, переломившись в его пальцах.

— Вот то-то. Молитесь, парни, — сказал незнакомец, пятясь к выходу.

Он отвязал мула и поехал обратно, поминутно оглядываясь.

Степан отложил кольт и вышел из-за стойки, держа в руке стакан лимонного сока.

— Что будем делать? — спросил Мартин Китс.

— Заканчивай с инструментом. А ты, Эрни, дописывай вывеску. И старайся, чтобы буквы были ровными. Не на один день делаешь. На твою вывеску люди будут годами любоваться.

— А ты?

— А мне пора поить Саби лекарством.

— Стивен, что будем делать с мехами? — спросил Эрни. — Сдается мне, ты не совсем правильно понял...

— Я все понял. Все. Не волнуйся. Это обычный рэкёт. Я знаю, как решать такие вопросы, — спокойно ответил Степан Гончар. — А ты знаешь, где этот затонувший пароход?

— Ясное дело, знаю. На разливе, за лесом. А за рекой — Дакота. Соображаешь? Получается, что я-то был прав. Док попался в лапы бандитов. Может быть, в тот же день, когда ты с ним расстался. Сказал им, где лежат его меха. Фрэнк сюда за ними пожаловал. Вот так оно все и получилось.

— Погоди, погоди. Сейчас не о том речь. Что за пароход?

— Обычный. В прошлом году тут пытались наладить навигацию. Вроде все промерили, да только вода опустилась, и он сел на камни. А когда попытался своим ходом с них сойти, пропорол борт и затонул. Сейчас только трубы надо льдом торчат. Место приметное.

— Можем мы с тобой сейчас туда съездить?

— А вывеска? — Эрни неохотно закрыл банку с краской. — Ладно, тебя все равно не переспоришь. Если ты что затеял, лучше сразу уступить. Пойду седлать.

Мартин Китс накиннул на плечи пальто.

— Сбегаю к дубу за запиской, если она и в самом деле там.

— Осторожнее, — предупредил Эрни. — Не суй туда руку, проверь сначала палкой. От

таких всего можно ожидать. Вдруг там капкан для Питерса? Какой из него тогда стрелок, с перебитой лапой?

Степан поднялся наверх и постучал в дверь комнаты Саби.

— Одну минуту! — раздался голос Жюли. — Еще минуточку! Вот теперь можно, заходите.

Саби лежала в постели, укрытая толстым одеялом, а Жюли Нимур сидела рядом и расчесывала ее длинные влажные волосы. В комнате пахло цветочным мылом, и в ванне за ширмой слышался плеск и сдавленный смех детей.

— Мы купаемся, — сказала Жюли. — На твоих детей не угодишь, Стивен. Они не выносят горячей воды, подавай им непременно ледяную.

— Вот свежий сок.

— Ты почему такой сердитый? — тихо спросила Саби. — Что-то случилось?

— Да он всегда такой, — обличительно заявила Жюли. — Каменный рыцарь с железным сердцем.

— Твой плащ готов, — сказала Саби.

Чтобы хоть немного порадовать ее, Гончар надел плащ, накинул капюшон и походил по комнате.

— Какой теплый, сразу жарко стало, — сказал он. — И легкий. Легче, чем моя куртка. Пожалуй, я в нем и поеду.

— Куда? — спросила Саби.

— Просто покатаюсь, чтобы кобыла не застоялась.

— Мы с тобой! — закричали Шаути и Вокини из ванны.

— В другой раз. — Степан вышел из комнаты.

Жюли догнала его в коридоре.

— Постой, Стивен. Тебе не кажется, что Саби чего-то не хватает? Да, она уже меньше кашляет, и жар бывает только под утро. Дело идет на поправку, но по ней этого не видно. Она так печальна, так безнадежно грустна! Если уж ты доверил мне лечение, то я тебе скажу как доктор. Она умирает от тоски. Потому что ты слишком мало времени ей уделяешь, слишком мало. Почему ты не спишь в ее комнате? Муж и жена должны спать в одной постели. Если ты боишься заразиться, тогда другое дело. Но ты ведь не похож на человека, который чего-то боится.

— Спасибо за рецепт, доктор, — сказал Степан. — Я буду уделять ей больше времени.

— Противный. Черствый, бесчувственный и... и... и противный!

В гневе она топнула и, не удовлетворившись этим, ткнула кулачком в грудь Степана.

— Если ты будешь мучить Саби, я уеду! — пригрозила она.

— Только не это! — совершенно искренне сказал Степан Гончар.

Эрни оседлал для него самую смирную пегую кобылу. Увидев Степана в новом наряде, он насмешливо протянул:

— Ну, я зря старался. Ты теперь настоящий оттава, можешь ездить без седла. Только обмотаешь кобыле морду веревкой — и вперед.

— Ты почему винчестер не взял?

— Мне он не нужен.

— Так отдашь мне, если потребуется.

Эрни нахмурился, но все же вставил винтовку в подседельную кобуру.

— Сначала к шерифу съездим? — спросил он, выводя лошадей из конюшни.

— Не будем время тратить. Что мы ему скажем? Приходил работник Фарбера, да? Фарбер хочет забрать свои меха. Где тут работа для шерифа? Да нет, не волнуйся, с Коннели мы обязательно переговорим. Но на обратном пути. Сначала мне хочется увидеть пароход.

По дороге они встретили Мартина Китса. Тот молча протянул Степану сложенный листок.

"Мистер Питерс! Обстоятельства вынуждают меня задержаться на западном берегу. Как только накопленный товар будет доставлен к месту, которое Вам укажут, обстоятельства

переменятся к лучшему. Мелисса и Гарри с Дугласом передают Вам свои приветы. Гарри надеется, что его подарок Вам поможет. Не теряйте время. Искренне Ваш, Леопольд Фарбер".

Прочитав записку вслух, Степан аккуратно сложил ее и протянул Китсу:

— Если у тебя нет других дел, Мартин, ты мог бы найти шерифа и все ему рассказать. Отдашь это письмо. И скажи, что я намерен вернуть меха. Завтра в полдень. Если у него появятся какие-нибудь идеи по этому поводу, пусть вечером заглянет к нам на огонек. Да, и хорошо бы, если бы с ним приехал Харви Дрейк.

— А кто это?

— Проводник.

— Откуда ты его знаешь? — спросил Эрни.

— А я и не знаю. Мне сказал о нем ван Клиф, и я запомнил. Фамилия понравилась.

— Этот Дрейк непростой парень, — предупредил Эрни. — Про таких говорят, что они продают свой кольт тому, кто больше заплатит. Но, ясное дело, лучше иметь такого стрелка на своей стороне, чем видеть его среди врагов.

Когда они поднялись на последний холм, стало видно реку. Белой дугой отделяла она лесистые холмы от бескрайнего пятнистого пространства. Там, за рекой, простиралась дикая степь. Снег не задерживался на ее просторах, и рыжие, серые, бурые пятна кустарников и высокой травы тянулись до самого горизонта до голубых пологих треугольников далеких холмов.

Там, за рекой, и начиналась та самая Территория Дакота, вольная земля.

Застрявший на мели колесный пароход меньше всего напоминал собой судно. Издалека он казался просто домом посреди белого льда. Кособокий такой домик с плоской крышей и парой широких труб, с рядом черных провалов окошек и красными перилами. Впечатление портил только огромный полукруглый кожух над гребным колесом, но и его при желании можно было принять за сарай. Или — за гараж-ракушку. Поймав себя на таком сравнении, Гончар поразился, что не имеет привычки думать вслух. Поди потом объясняй своему дотошному спутнику, что такое гараж, и что в нем хранится, и как это четырехколесная повозка может двигаться без лошади... Отсюда, с холма, видны были и пороги, за которыми река сужалась и была свободна ото льда. На черной блестящей воде вспыхивали и гасли белые буруны.

— Как низко вода упала, — проговорил Эрни. — Совсем обмелела река. Никогда уже его не снимут. К осени ничего не останется, все растащат. Ну, посмотрел, поехали обратно?

Степан Гончар не отвечал, продолжая вглядываться в занесенные снегом кусты. Нет, здесь негде спрятаться. Почему бандиты назначили встречу именно здесь?

Как раз потому, что здесь негде спрятаться. Оба берега просматриваются издалека. Если Степан приедет сюда с эскадроном кавалеристов, то бандиты успеют уйти обратно в свои дикие степи, уведя с собой заложников. А там, в степях, наверняка есть овраги и перелески, где они смогут укрыться и оторваться от погони. Да и какая погоня? Наверняка лед слишком тонкий, чтобы по нему переправилась конница. К тому же у бандитов в руках профессор и его дочка. Беспроблемный вариант.

Они спустились к реке, и Степан встал на серый лед, по которому ветер гонял струйки снега. Кобыла несмело шагнула за ним и первым же ударом копыта проломила кромку льда.

— Нет, подруга, оставайся-ка ты на земле. — Степан бросил повод. — Эрни, я посмотрю, что за пароход.

— Да что там смотреть? Самый обычный, к тому же старый. Просто рухлядь, а не судно. Да ладно уж, иди. Ты же у нас моряк. Только не провались.

Степан шаркал по льду, считая шаги. Пятьдесят до правого борта. На глаз прикинул, что примерно столько же от левого борта до другого берега.

Он забрался на наклонившуюся палубу и неторопливо прошелся вдоль борта, заглядывая в каюты. Там, внутри, не было ничего, кроме снега и мусора, а через проломы в стенах просматривался берег.

Со стороны кормы все стенки оказались разобранными — кто-то уже позаботился о досках и перенес их в более подходящее место, оставив голый каркас. В провале блестели медные трубки, чернел маховик, выпячивали свои бока огромные котлы. Гончар не удержался от соблазна и по шаткому скрипучему трапу спустился в машинное отделение. Вся паровая машина была на виду, но пол скрывался под водой, покрытой радужной пленкой.

Степан оторвал болтающуюся рейку и промерил глубину. По колено. И это они называют затонувшим пароходом? Тридцать сантиметров на стороне крена, значит, по левому борту вообще сухо? Так и есть.

— Эй, Эрни! — позвал он. — Не хочешь глянуть? Есть кое-что по твоей части.

Даже здесь было слышно, как ворчит ирландец, боязливо ступая по льду. Он ловко забрался на борт и спросил:

— Ну, на что тут смотреть? По-твоему, я никогда не видел развалин?

— Только один вопрос. Сможем мы с тобой разобрать машину и перетащить к нам?

— Ты для этого взял меня с собой? — Эрни наклонился над машинным отделением. — Разобрать? Можно. А вот перетащить...

— Пока стоит лед, это выполнимо. Надо только все подготовить. Собрать побольше народу и лошадей. А дома мы найдем работу для машины. Лесопилку построим, к примеру.

— Как у тебя все быстро делается, — вздохнул Эрни. — Стиви, я простой кочегар. Ни черта, можно сказать, не смыслу в паровых машинах. Зачем нам лесопилка? Лучше торчать всю жизнь за стойкой да подливать парням виски. Но с тобой ведь спорить бесполезно. Ладно, сделаем. А что мы скажем хозяевам, если они объявятся?

— По морскому закону, все, что поднято со дна, принадлежит тому, кто поднял. А тот, кто скажет, что этот пароход не лежит на дне, пусть первый бросит в меня камень.

— Ну, теперь-то все? Поехали домой?

— Нет, погоди, есть еще кое-что, о чем надо с тобой договориться.

Они полазили по пароходу еще немного, выяснили все, что было нужно, и вернулись на берег, вполне довольные результатами разведки.

16. УЛИТКИ ТОЖЕ ДЕЛАЮТ ЭТО

Поздно вечером, закончив долгий разговор с шерифом и Харви Дрейком, Степан поднялся в свою комнатку. Открыл окно и долго стоял, вглядываясь в черное небо и глубоко вдыхая влажный воздух, еще морозный, но уже с запахами пробуждающейся земли. Он стоял, голый по пояс, и ждал, когда же наконец ему станет по-настоящему холодно. Такие процедуры с воздушным охлаждением Степан Гончар устраивал себе почти каждый вечер. Только когда от холода начиналась неукротимая дрожь по всему телу, Степан ложился под колючее одеяло и, постепенно согреваясь, засыпал и спал без сновидений.

Если же он иногда забывая приготовиться ко сну подобным образом, расплата бывала мучительной.

Дело в том, что ему снился один и тот же сон. С небольшими вариациями, но один и тот же. Ему снился Сиплый. Снова и снова вырастала его черная фигура в проеме шатра и после выстрела исчезала. И снова и снова Степан обыскивал его, шаря по карманам и переворачивая непослушное тело. И снова и снова Сиплый вдруг издавал стон.

Оказывается, он не убит, он всего лишь ранен! Бурная радость охватывала Степана в этот миг. Он усаживал Сиплого на снегу, подносил к его губам кружку горячего кофе, и раненому становилось все лучше и лучше. Наконец он мог уже подняться на ноги и, держась за плечо Степана, брел по снегу к своей лошади. Степан иногда подсаживал его, иногда поддерживал стремя, но каждый раз Сиплый взбирался в седло и бессильно ложился грудью на шею кобылы. "Доедешь?" — участливо спрашивал Степан, и Сиплый поворачивал к нему серое лицо с разлохмаченной бородой... Вместо глаз у него возникали черные дыры, и рот вдруг проваливался тоже, исчезал нос — и вот уже безобразный оскаленный череп глядит на

Степана. Лошадь трогается, и голый скелет всадника рассыпается на глазах, и Степан мучительно пытается оттереть снегом руки от липкой крови, и плачет, словно потерял самого близкого человека.

Вот такой веселый сон поджидал Гончара почти каждую ночь.

Он уже начал засыпать, когда дверь тихонько скрипнула, и через секунду Саби юркнула к нему под одеяло. Сквозь тонкую рубашку Степан чувствовал жар ее хрупкого тела. Он неподвижно лежал на спине, а она прижалась сбоку, глядя его по груди и слегка покалывая ноготками.

— Ты спишь голый. Ты умываешься снегом. Ты настоящий шайен. А это что?

— Это называется "труссы".

— Ты холодный и жесткий. Ты сердишься на меня? Ты очень хочешь спать? Спи. Закрой глаза и не шевелись.

Он долго лежал с закрытыми глазами, которые сами иногда широко открывались, а потом зажмуривались. Когда Саби легла на него, он не выдержал и обхватил ее руками, но она резко шлепнула по ним, и он снова застыл неподвижно. Ее тело тоже почти не двигалось, и тем не менее все получилось просто превосходно.

Она шепнула:

— Вот так это делают улитки.

— Никогда не подсматривал за улитками.

— Тихо, тихо, не надо ничего говорить...

Они оба перевернулись на бок, продолжая сжимать друг друга в объятиях и вздрагивая всем телом одновременно, но все реже и реже.

Наконец она глубоко и облегченно вздохнула и сказала:

— Как хорошо. Почему мы так долго ждали?

— Я думал, у тебя траур, — сказал Степан первое, что пришло на ум.

— Никакого траура. Муж убил себя сам. Это все равно что он меня бросил, а не умер.

— Ну, есть еще причина. Я же не мог накинуться на тебя просто потому, что мы оказались под одной крышей. Надо было как-то подготовить это дело. Ухаживать. Твой муж ухаживал за тобой?

— Да, конечно.

— Как? Если тебе тяжело вспоминать, то...

— Нет, мне легко это вспоминать. Мой муж и Майвис приехали на ферму, где я жила у хозяина. Они были скаутами. Солдаты спали в доме, а шайены — в конюшне. Я заметила, что один из шайенов все время смотрит на меня, когда я прохожу через двор. На закате я вышла на крыльцо. Он сидел рядом, под деревом, и курил трубку. "Хочешь покурить?" — спросил он. Я отказалась. "Ты отказываешься потому, что не хочешь прикасаться к моей трубке", — сказал он. "Нет, — ответила я, — просто не умею курить". Он отвернулся, и я поняла, что он обиделся. Тогда я взяла его трубку и первый раз в жизни затянулась. Утром он увез меня. Вот и все. Мои родители не были против, хотя обычно у нас по-другому выходят замуж. Девушка не видит жениха, а жених не знает, кто станет его женой. Все решают старики. Если же молодоженам не понравится жить вместе, они всегда могут расстаться, и никто не обижается. Но мой муж был хорошим мужем. Если бы он не заболел, мы бы не расстались. А как у вас ухаживают?

— По-разному, — с неохотой ответил Степан. — Просто тратят деньги. Чем больше потратишь денег, тем лучше ты ухаживаешь. Да я уже и забыл, как это делается.

— Ты хорошо ухаживал за мной. Убил медведя и принес к моему очагу. Это самое лучшее ухаживание. Этот медведь нас поженил.

— Нет, — сказал Степан. — Это твоя "улитка" нас поженила.

Она тихо рассмеялась и лизнула его в ухо, и он задрожал от новой волны возбуждения. Саби вдруг выскользнула из его рук и соскочила с кровати, шлепнув босыми ногами по полу. Она сорвала с него одеяло и расстелила на полу. Вытянула из-под его головы подушку, бросила поверх одеяла и села на нее, стягивая с себя рубашку через голову. Ее маленькие

груди с черными сосками торчали в разные стороны, и он потянулся к ним обеими руками.

— Иди, иди сюда, — шептала Саби. — Кроме улиток, есть еще и медведи, есть еще и рысь, и бык, и кабан... Иди, иди сюда...

Когда он проснулся, ее уже не было рядом. Степан поднял голову и увидел, что черное небо в окне сменилось густо-синим. Пора вставать.

Внизу он застал шерифа Коннели. Тот, засучив рукава красной нательной рубахи, чистил шомполом длинный ствол винтовки. Два винчестера лежали на соседнем столе, и там же блестела россыпь патронов.

— Чего так рано? — Коннели вставил в отверстие ствола под откинутым затвором изогнутую трубку и с силой подул в нее.

— Хочу собрать меха. Может, обернуть их мешковиной?

— Нет, зачем? Пусть издалека будет видно, что ты везешь не какие-то мешки, а то, что нужно.

Коннели пощелкал затвором и положил винтовку на соседний стол.

— Хороший мушкет, — сказал он. — Да больно тяжелый. Откуда у тебя этот "спрингфилд"?

— Забрал после стычки.

— На нем шесть зарубок. Твои? Или прежнего хозяина?

— Не мои.

— Солдаты обычно зарубок не оставляют, значит, винтовка бандитская, — рассудил шериф. — Сдается мне, Питерс, что ты давно уже промышляешь охотой за скальпами. Только почему-то скрываешь это. Дело твое. Каждый зарабатывает как может. Стыдиться тут нечего.

— Я не стыжусь, — сказал Степан Гончар.

— Тогда почему не рассказываешь ничего? Можешь не отвечать, я и сам все понимаю.

Коннели засунул пальцы под широкие подтяжки и прошелся по залу, ногой поправляя стулья.

— У меня было что-то вроде такого. Не мог говорить об этом. И никому не рассказывал. Даже однажды не пошел за деньгами в суд, когда пристрелил одного подонка. Молодой был, глупый. А ведь ничего грешного в нашем деле нету, Питерс. Что положено в твоем штате за убийство? Виселица? А за двойное убийство? А за шесть убийств? Нет никакой разницы между петлей и пулей, если они очищают землю от убийц. Просто пуля это делает быстрее и без лишних проволок.

— Я тебя понял, — сказал Степан. — Но ты слишком хорошо обо мне думаешь. Если тебе кажется, что я что-то скрываю, так у меня просто характер такой. Не привык ни с кем делиться.

— Тоже правильно. У каждого своих забот хватает. Да только людям всегда хочется получше знать человека, с которым они идут под пули. Я вот, к примеру, просто исполняю свои служебные обязанности. А ты-то зачем идешь? Почему ты сразу не отдал эти шкуры, раз их требует профессор?

— Профессор ничего не требует. Он просит, чтобы ему помогли. Вот я и помогу ему. Ясно же, что как только бандиты получают шкуры, они избавятся от Фарбера. Могут просто отпустить, а могут и убить.

— Отпустить? Не могут, — уверенно сказал шериф. — Но ты недоговариваешь, Питерс. Ни за что не поверю, что ты такой ангелочек. Ты же сам видишь, что у тебя почти никаких шансов. И все равно лезешь в драку ради совершенно чужого человека. Что-то должно тебя толкать на это. Вот я и ломаю голову — что это за штука?

— А зачем вообще люди лезут в драку?

Степан произнес это почти машинально, посчитав свой вопрос риторическим. Но шериф Коннели не даром получал свои тридцать долларов в месяц. Он был настоящий шериф. И у него были ответы на любые вопросы, особенно на риторические.

— Почему люди лезут в драку? Первая причина — глупость. Вторая — гордость. Но с

возрастом эти причины отпадают. Остается последняя причина — деньги.

— И все?

— Все.

Степан Гончар задумчиво погладил отполированный приклад винтовки. Возможно, шериф прав. Он хорошо знает жизнь. По крайней мере, он думает, что хорошо ее знает.

Но жизнь гораздо сложнее, чем может себе представить даже самый мудрый шериф. И Степан сказал:

— Ты прав. Совершенно прав. Деньги — это последняя причина для драки. Но есть еще самая первая причина, изначальная. Люди дерутся, когда им приходится защищать свою жизнь.

— Свою? Да, согласен. Но на тебя ведь никто не нападает, так?

— Так-то оно так... Но во что превратится моя жизнь, если из-за меня убьют девочку?

Шериф Коннели оттянул подтяжки и громко хлопнул ими по груди.

— Черт бы тебя побрал, Питерс. Верно Эрни говорит, тебя не переспоришь. Давай заряжай винчестеры, не стой без дела.

17. ЗА СЕРЕБРЯНЫЙ ДОЛЛАР

Связки бобровых шкур Степан нагрузил на пегую кобылу, а сам поехал на серой. Он помнил, что серая лошадь не боится выстрелов, и надеялся, что она никуда не убежит, если во время перестрелки оставить ее без присмотра.

Он прибыл на место задолго до полудня — карманные часы, которые дал ему Эрни, показывали одиннадцать. Но у реки его уже поджидал тот самый "работник Фарбера" с обрезом дробовика.

На другом берегу стоял в окружении нескольких всадников фургон, запряженный четверкой лошадей.

— Ты так торопишься избавиться от мехов? — насмешливо спросил "работник".

— Хочу побыстрее рассчитаться с профессором, — ответил Степан. — Он мне должен заплатить за доставку.

— Ну, пойдем, рассчитаетесь.

— Куда? Лед не выдержит лошадей.

— Само собой. Скидывай шкуры. Ты потащишь их волоком.

Серая кобыла переступала, двигаясь боком, пока Степан неловко слезал с нее, и остановилась у самого льда, закрыв собой "работника" от взглядов всадников на другом берегу.

— А где профессор? — Степан отвернулся, развязывая узел, которым навьюченные меха крепились к седлу.

— Сидит в фургоне.

— Тебя как зовут?

— Меня? Трапс. Сэм Трапс, слышал про такого?

— Еще бы! Сэм, могу я тебя просить об одном одолжении?

— Ну, проси.

— Положи дробовик. Тебе так удобнее будет.

Лицо Трапса вытянулось, когда он увидел, что из-под мехов на него глядит ствол кольта. Он стоял неподвижно несколько секунд, потом медленно снял с плеча ремень дробовика. Опустил руку, и ружье упало на снег.

— Ты что затеял, Питерс?

— Просто не люблю таскать тяжести. Повернись спиной.

— Сейчас я крикну ребятам, и они пришьют твоего профессора. И дочку тоже, — прохрипел Трапс, поворачиваясь.

— Ну и что? — Степан накиннул ему на горло лямку холщовой сумки. — Нам с тобой от этого ни холодно, ни жарко. Ты только, когда будешь кричать, не дергайся, ладно? У тебя

за спиной динамит. Не слишком тяжело? На горло не давит? Поправь, вот так. А теперь пошли.

Степан поднял с земли обрез, переломил, выбросив патроны, и снова повесил ружье на плечо Трапса.

— Кстати, имей в виду. В этих шкурах тоже припрятан динамит. Если взорвется, меха могут и попортиться. Ну а уж про то, как попортишься ты, лучше не думать. Вперед. Смелее, смелее!

Он вложил веревку в дрожащие руки Трапса, и тот, осторожно ступая полусогнутыми ногами, потащил за собой по снегу связку мехов. Другая связка, поменьше, свисала с плеча Степана, прикрывая кольт.

— Ты чокнутый, Питерс, чокнутый, — твердил Трапс, шаркая по льду. — Чего тебе надо? Хочешь получить деньги за весь товар?

— А тебе чего надо?

— Мы просто делаем то, за что нам заплатили.

— Мне тоже заплатили.

— Кто? Дружки профессора? Так мы тебя перекупим. Ты отчаянный парень, Питерс. Иди к нам, не пожалеешь.

— Вряд ли вы сумеете меня перекупить.

— Не сомневайся, сумеем. Получишь приличную долю. Ну, сколько тебе заплатили, сколько?

— Ты не поверишь, Сэм. Ровно один доллар. Один серебряный доллар.

Трапс остановился и злобно оглянулся на Степана:

— Я же говорю, ты чокнутый!

— Не останавливайся, а то лед проломится, — посоветовал Гончар.

Когда они дошли до затонувшего парохода, Степан приказал:

— Стой. Позови старшего.

Трапс сложил ладони рупором и закричал:

— Остин! Эй, Остин!

Один из всадников, на приметной белой лошади, приблизился к самой кромке льда.

— Какого черта, Сэм? — донесся его голос. — Чего ты там встал?

Степан легонько толкнул Трапса стволом в спину и приказал:

— Лечь! Ноги шире. Руки в стороны.

Подождав, когда тот, кряхтя и чертыхаясь, разляжется на льду, Гончар присел над ворохом шкур и поднял над головой связку динамитных патронов.

— Эй, Остин! — крикнул он. — Тебе видно, что у меня в руке? Это динамит. У меня тут семь фунтов динамита! Тебе все еще нужны бобры? Тогда иди сюда, поговорим.

"Сейчас они просто развернутся и уедут, — от этой мимолетной мысли Степана бросило в жар. — И что тогда делать? Бежать за ними, кричать, что это всего лишь шутка? Стрелять? Застрелиться?" Но он недооценил размеры бандитской гордости.

— Остин Юдл никогда не прочь поговорить, — выкрикнул всадник, спрыгивая на лед.

Он повернулся к своим спутникам и поднял руку, останавливая их. Они обменялись несколькими фразами, и Степан расслышал, как Остин рявкнул: "Я сказал, ждите!" Гончар сидел на корточках за холмиком из черных блестящих шкур, глядя, как Остин приближается к нему, звонко царапая лед подкованными каблуками и небрежно заложив пальцы за оружейный пояс. Он остановился, не дойдя десятка шагов, и опустил руки. Теперь его ладонь касалась рукоятки револьвера в набедренной кобуре.

Гончар был уверен, что если он направит свой кольт на Юдла, то получит пулю в лоб раньше, чем коснется курка. Но он и не собирался соревноваться в быстроте стрельбы. Его курок уже был взведен, и ствол упирался в динамитные патроны. Остин Юдл, несомненно, знает, как ведет себя динамит, когда по нему стреляют.

Юдл вернул свои руки на пояс и сплюнул под ноги.

— Эй, Сэм, яйца себе не отморозишь? Что ты там делаешь на льду?

— Он молится, — сказал Степан. — Послушай, Остин. Мне сказали, что профессор хочет получить свои меха. Я не против. Вот они здесь, все до последнего волоска. Но есть одна проблема. Профессор еще не заплатил мне.

— Из-за такого пустяка ты тут устроил целое представление? — удивился Остин Юдл. — Сколько он тебе должен?

— Это коммерческая тайна. Я буду говорить об этом только с ним.

— Пойдем, там и поговорите, в дилижансе, — предложил Юдл.

— Неохота так далеко тащиться. Пусть лучше док сам сюда подойдет. Вместе с дочкой. И пусть с ними будут их проводники, Гарри и Дуглас.

— Больше ты ничего не хочешь?

— Хочу. Но об этом поговорим в следующий раз.

Остин Юдл улыбался, оглядывая кучу мехов. Его вытянутое смуглое лицо с пышными усами было спокойно и неподвижно, как маска. Степан мог только догадываться, о чем сейчас думает бандит. Ему очень нужны эти меха. Если сейчас взорвутся семь фунтов динамита, меха сильно пострадают, к тому же уйдут под лед, а сам Юдл этого даже не успеет увидеть, разве что с высоты птичьего полета. Значит, надо как-то избежать взрыва. Значит, надо уступить.

Возможно, что Юдл и в самом деле думал примерно так. Но вслух он сказал нечто из другой оперы:

— Так ты и есть тот самый Питерс, моряк с восточного берега? Говорят, ты ловкий стрелок.

— Пустое. Самые ловкие мои стрелки сейчас разглядывают тебя через прицел.

Карие глаза Юдла прищурились, когда он оглядывал берег.

— Ты, Питерс, наверно, любишь в покер играть? Твои стрелки — блеф. С чего бы им держать меня на мушке? Мы вроде не собирались стрелять друг в друга. Мы собирались просто обменять товар. Питерс, я не скупщик пушнины. Я такой же посредник, как и ты. Зачем нам ссориться из-за каких-то бобров?

— Да разве мы ссоримся? Отпусти людей, Остин. Как только они подойдут ко мне, Сэм встанет и потащит меха к тебе. Мы дойдем до берега, и он дойдет до берега. Мы поедем в свою сторону, а вы — в свою. Все очень просто, и никто не будет обижен.

— О'кей. — Остин Юдл сплюнул под ноги. — Уважаю таких ребят. Ты все рассчитал, Питерс. Хорошая у тебя голова. Даже жалко будет засадить в нее пулю. Впрочем, я приготовлю для тебя хорошую пулю. Серебряную. Нет, золотую. Мой усопший брат достоин золота, а не серебра. Это ведь ты застрелил Фрэнка?

— Было дело. Но не я начал ту драку, Остин.

— Какая разница? Да ладно, сочтемся. Значит, ты хочешь получить дока с его командой. Считай, что мы договорились.

Остин Юдл развернулся на месте так, что лед под его каблуками взвизгнул. Он зашагал к своему берегу, а Трапс, не поднимая головы, пробубнил:

— Тебе конец, Питерс. Вот теперь тебе конец. Всем нам конец.

— Ты лучше беспокойся за свой конец, — сказал Степан Гончар, глядя из-под руки на далекий берег.

Из фургона неловко выбирались люди. Три большие фигуры и одна маленькая. Эти люди двигались так нескладно, потому что их руки были связаны спереди. Когда они пошли по льду, стало видно, что они еще и связаны между собой длинной веревкой.

Степан легонько пнул Трапса:

— Хватит отдыхать, Сэм. Пора тебе и поработать немного.

Он уже различал бледное лицо девочки, идущей впереди всех. Профессор возвышался за ней. Проводники шагали позади Фарбера, прикрывая его, и высокий Дуглас все оглядывался. Он, похоже, ожидал выстрела в спину.

— Ты что же думаешь, Питерс? — сказал Трапс, наматывая веревку на запястье. — Думаешь, вы все останетесь в живых после такого? Эти люди знают, где наша берлога. Они

натравят на нас кавалерию. Ты думаешь, нам жить неохота?

— Если ты хочешь жить, то шагай осторожнее, не споткнись, — сказал ему Гончар. — Э, нет, стой. Мои еще не дошли. А вот теперь двигай!

Как только Трапс тронулся, волоча за собой меха, Степан живо отбежал в сторону и спрятался за борт парохода.

— Сюда! — крикнул он, размахивая рукой.

Четверка пленников, спотыкаясь, перебежала к нему. Гончар раскрыл нож и принялся резать просмоленный шнур, которым были связаны их руки.

— Нам не уйти, — сказал Гарри. — Странно, что они не стреляли нам в спину. Мы даже не добежим до лошадей.

— Добрый день, мистер Питерс, — невозмутимо проговорил доктор Фарбер. — Рад видеть вас.

— Профессор, сидите здесь, не высовывайтесь, — попросил Степан. — Кто хочет пострелять, прошу за мной.

— Я хочу! — первой вскочила Милли.

— Док, придержите вашу разбойницу.

Он забрался на палубу и, пригибаясь, перебежал на левый, задранный кверху борт. Следя за тем, как Трапс приближается к берегу, нащупал щель между досками. Его пальцы наткнулись на холодную сталь. Все в порядке.

Ночью Эрни пришлось еще раз наведаться к пароходу, чтобы припрятать в условленном месте оружие. И сейчас Степан вытянул из-под досок три винчестера, мешок с патронами и два кольца.

Гарри лег на палубу рядом с ним, а Дуглас, схватив винчестер и наполнив патронами карманы, отполз на корму.

Тем временем Трапс уже добрался до берега. Было хорошо видно, как отпрянули от него бандиты, когда он снял с себя тяжелую сумку. Остин Юдл наклонился над связкой мехов и, порывшись в ней, вытащил динамитные патроны. Он передал их Трапсу, тот схватил и юркнул за фургон. И словно по команде, все бандиты шагнули на лед, держа винчестеры наперевес, и побежали к пароходу.

— Это они нас догоняют, — сказал Гарри. — Но зачем же так торопиться?

Степан поймал на мушку Юдла и выстрелил. Рядом ударил винчестер Гарри, и белый едкий дым повис в морозном воздухе.

— Разбегаемся, — сказал Степан и пополз к носовой части.

Бандиты отступили и залегли на берегу за камнями. Они отвечали частыми выстрелами, и пули барабанили по днищу и борту. Степан увидел, что один из них лежит на льду. Но Юдл был невредим. Он перебежал вдоль кромки льда к валуну и присел за ним. Вот он привстал, целясь, и из ствола винтовки вырвалась струя дыма.

Неожиданно бандиты прекратили огонь, развернулись и побежали обратно к своим лошадям. Степан стрелял им вдогонку, но не попал ни разу. Еще три фигуры остались лежать на снегу, но Гончар следил только за Остином Юдлом. Тот добежал до белой лошади и одним махом взлетел на нее.

Над степью все яснее и громче разносился дробный рокот копыт. Поднимая за собой облако снежной пыли, две дюжины всадников неслись к реке со стороны далеких синих холмов.

— Это шериф, не стрелять! — крикнул Степан, увидев, что Дуглас целится в сторону всадников.

— Вот так дела! — закричал Гарри восторженно. — Они с неба свалились?

— Подобрались по оврагам! Черт, неужели не догонят?

Белая лошадь Юдла уже мелькала далеко за рыжими кустами, и три всадника сопровождали ее. Они не отстреливались в ответ на пальбу преследователей, но было видно, что их не догнать.

Проводник Харви Дрейк знал свое дело. Он смог незаметно подвести команду шерифа

к разливу, как и было условленно. Но бандиты слишком рано заметили новых участников мероприятия и сорвались, бросив раненых и всю свою добычу.

18. БОБЕР — ЭТО НЕ ТОЛЬКО ЦЕННЫЙ МЕХ

Шериф Коннели и не думал скрывать, что был разочарован результатами операции. Шайка Юдла снова, в который раз, улизнула от него, а трое раненых оказались обычными бродягами. Их, конечно, будут судить и обязательно засадят в тюрьму, но сначала с ними придется повозиться — лечить, кормить, стеречь. Значит, не одну неделю все трое будут сидеть на шее шерифа. Нет, Коннели предпочел бы не брать пленных.

— Это ты, Питерс, во всем виноват, — говорил шериф. — Слишком рано открыл огонь. Надо было подпустить их поближе да прижать ко льду. Тогда бы они не успели смыться.

— Учту на будущее, — Степан не стал спорить, тем более что и сам чувствовал за собой вину. — Ты уже допросил раненых?

— Успеем.

— Память — ненадежная вещь. Сегодня они все помнят, а завтра могут и подзабыть.

Коннели свирепо глянул на Степана, но ничего не ответил и остановил коня, поджидая дилижанс, в котором везли пленных.

А Степан поравнялся с доктором Фарбером и его дочкой. Мелисса ехала на серой кобыле и все понукала ее, но мудрая лошадь вовсе не собиралась переходить на рысь, когда все вокруг двигались шагом.

— Я вам безмерно признателен, мистер Питерс, — сказал профессор. — Когда бандиты потребовали, чтобы я написал записку именно для вас, мне сразу стало легче на душе. Я был уверен, что наше освобождение в ваших руках.

— Почему они так долго тянули? — спросил Степан. — Почему сразу не пришли?

— Они боялись. Вы убили их главаря, и они боялись к вам подступить. Так и держали нас в своей землянке, пока не появился этот Остин. Он решил, что бесполезно штурмовать ваш дом. Там сейчас много людей, много оружия. К тому же их удерживала от штурма ваша репутация. И Остин Юдл решил устроить обмен.

— Не обмен, а ловушку с обменом, — вставила Милли. — Они хотели убить вас, мистер Стивен. Когда вы пришли бы на берег, они бы вас убили. Я все слышала. Но я знала, что все будет наоборот. Что это вы их убьете.

Слышать такое было приятно, даже из уст ребенка. Но и стыдно, потому что на этот раз знаменитый Питерс промазал с пятидесяти шагов.

— Мне непонятно одно, — сказал Степан Гончар. — Что представляют собой ваши бобры, если из-за них начинается настоящая война?

— Если можно, я расскажу об этом позже, — пообещал доктор Фарбер. — Это долгая история. Я слишком устал. И думаю только о горячей ванне.

В честь триумфального возвращения победителей Эрни устроил праздничный обед. Пиршество затянулось до вечера. Степан улучил момент, когда у пианино оказался Мартин Китс, и подсел к Фарберу.

— Пока все слушают музыку, мне бы хотелось послушать вашу долгую историю, — сказал он.

Доктор Фарбер, наверно, еще никогда не сталкивался с таким настойчивым гостеприимством. Когда ирландец и русский начинают угощать, то они угощают наповал. Профессор геологии был пьян не меньше, чем плотники, лесорубы и охотники, сидевшие вокруг него. Разглядев Степана, он протянул руку в его сторону, хоть и не совсем точно, и сказал:

— Я ваш должник, Питерс. Позвольте пожать вашу мужественную руку. Что вы хотите услышать?

— Почему все гоняются за этими бобрами?

— Золото. Всему причиной — обычное золото.

То и дело сбиваясь на научную терминологию и забывая, о чем говорил в начале фразы, профессор все же смог более-менее внятно изложить суть дела. Хотя при этом Степану еще не раз пришлось услышать, что доктор Фарбер является его должником, и не раз пожать потную руку.

Оказывается, бобер — это не только ценный мех, но и кое-что еще. Его шкура содержит в себе информацию о минеральном составе донных отложений. Если на дне реки встречается золотой песок, то его следы сохраняются и в бобровой шкуре. Надо только эти следы обнаружить. Но как? Доктор Фарбер, похоже, открыл такой способ.

Открытие сулило неслыханные перспективы. Все известные до сих пор месторождения золота были обнаружены случайно. Теперь же поиском можно будет заняться на научной основе. Профессор поделился соображениями со своим покровителем и старым другом семьи. И этот миллионер, крупный земельный спекулянт, вписался в новую тему. Для того чтобы сохранить свои поиски в тайне, геолог Фарбер на время превратился в скупщика пушнины. Его экспедиция прочесала вдоль и поперек почти весь Запад, от Черных холмов до Великих озер. Индейские охотники — оттава и оджибвеи — собирали для профессора бобровые шкурки и метили их особыми бирками с указанием точного места, где был выловлен бобер. Индейцы не задавали лишних вопросов, и в их добросовестности можно было не сомневаться.

Теперь оставалось только обработать шкуры способом, известным одному Фарберу, и отметить на карте Запада перспективные участки. После участки будут скуплены, и там начнется добыча золота.

Все очень просто и красиво, а главное — на строгой научной основе.

— Братья Юдл не показались мне большими знатоками геологии, — сказал Степан Гончар. — Им-то зачем ваши бобры? Кстати, я сам слышал, как они называли их золотыми.

Доктор Фарбер пожал плечами:

— Не хочу никого подозревать. Но о моем открытии мог узнать кто-то из моего ближайшего окружения. Кто-то захотел составить карту месторождений немного раньше меня. Все очень просто.

— И вы так легко об этом говорите? Док, вам бы надо приглядеться к своим друзьям.

— У меня нет друзей. Есть ученики, есть партнеры. И, как видите, есть конкуренты. — Профессор в очередной раз пожал руку Степану. — Спасибо, Питерс. Вы избавили меня от смертельной угрозы. А со своими предателями я потом как-нибудь разберусь. Золото — это страшная сила. Золотая лихорадка — смертельно опасное заболевание.

— Вам виднее, — сказал Степан, пытаюсь придумать, как бы теперь избавиться от своего собеседника.

"Саби, наверно, заждалась", — думал он, поглядывая на лестницу, ведущую к его комнатухе. Но профессор, кажется, еще не закончил свою "долгую историю".

— О том, что такое золотая лихорадка, я знаю не из газет, — говорил доктор Фарбер, подперев голову кулаком. — Начнем с того, что я родился в колонии Новая Гельвеция¹⁰, когда вся Калифорния еще принадлежала Мексике. Основатель колонии, швейцарский немец Иоганн Сутер, выкупил обширный участок земли у губернатора-мексиканца, чтобы построить там новый мир. Мир, основанный на законах свободы, равенства и братства. Сутер все глубже залезал в долги, но его колония постепенно расцветала.

В ней собирались самые удачливые трапперы и следопыты Калифорнии, и новые иммигранты из Европы охотно селились на землях Сутера, потому что у нас не было ни воровства, ни пьянства, ни распутства. Свободный труд на свободной земле приносил радость всем, кроме, пожалуй, содержателей лавок. В колонии не принято было подсовывать залежалый товар, а некоторые скобяные изделия, например дверные замки, вообще никто не покупал. Население Новой Гельвеции быстро прибавлялось не только с помощью

---

¹⁰ Гельвеция — латинское название Швейцарии.

иммигрантов, но и естественным путем. Крики рожениц звучали здесь неизмеримо чаще, чем плач вдов. Вот и мне довелось родиться и вырасти в новом мире. Но этот мир оказался слишком недолговечным. Он рухнул, когда плотник Джеймс Маршалл, строивший лесопилку, обнаружил в земле золотые чешуйки. Сутер и Маршалл поначалу хотели скрыть эту находку, но слух о золоте распространился со скоростью пожара на хлопковом складе — и с такими же катастрофическими последствиями.

В Новую Гельвецию хлынули толпы охотников за золотом. За ними потянулись те, кто всегда идет по следу легкой наживы, — перекупщики, виноторговцы, проститутки и грабители. За падением нравов последовал упадок хозяйства. Нивы, сады и фермы были заброшены, а их вчерашние хозяева устремились на поиски блестящих песчинок.

В довершение всех бед Соединенные Штаты отвоевали Калифорнию у Мексики, и федеральное правительство объявило недействительными все земельные права Иоганна Сутера. Основатель нового мира, говорят, умер в полной нищете после долгой судебной тяжбы. А мы, граждане Новой Гельвеции, разлетелись из своего гнезда, разоренного золотой лихорадкой.

Наша семья обосновалась в Сан-Франциско. Отец работал в порту, мать устроилась на фабрику, а я разносил газеты. Однажды в нашей квартире появился господин в роскошном костюме. Он долго о чем-то говорил с родителями, а через несколько дней забрал меня с собой и увез на другой край света. Это был Говард Рейнольде, бродяга с Востока, который за бесценок купил наш калифорнийский домик. Дом, как выяснилось, стоял на золоте. Рейнольде выкопал это золото до последней песчинки и заработал на нем семь миллионов долларов, а потом еще и продал свой участок вместе с домом за три миллиона. Не знаю, насколько верны эти цифры, но Рейнольде выглядел как раз на десять миллионов долларов. Он чувствовал себя должником перед нашей семьей. Рейнольде собирался вернуться на восточное побережье, чтобы обосновать там новое дело, и предложил отцу переехать вместе с ним. Но отец отказался, и мать его поддержала. Они еще не забыли, как тяжело им дался переезд из Европы. Тогда Рейнольде уговорил их отпустить хотя бы старшего сына. Он пообещал, что мальчик получит самое лучшее образование, какое только можно получить за деньги, и вернется к ним либо инженером, либо врачом. Так золото Калифорнии забросило меня в Филадельфию.

Там я стал ученым, там встретил свою будущую жену, там родилась моя дочь. С тех пор я обошел, наверно, половину земного шара. Но так и не вернулся в Новую Гельвецию. Потому что ее больше нет. И не будет. Разве что Рейнольде захочет создать ее здесь...

С этими словами профессор опустил голову на стол и захрапел. Степан Гончар осторожно привстал, но доктор Фарбер внезапно встрепенулся и спросил, сонно оглядываясь:

— Мелисса? Где Мелисса?

— Спокойно, док. Ваша дочка под присмотром мадам Нимур.

— Питерс, вы спасли мою девочку. Дайте я пожму вашу ру...

Не договорив, профессор сложил руки под головой и снова захрапел.

Наутро целый конвой сопровождал доктора Фарбера до железнодорожной станции. Гончар остался дома, у него не было ни минуты свободной.

Прощаясь, профессор спросил:

— Вы не хотите присоединиться к моей экспедиции?

— Я нужен здесь. Слишком много работы.

— Чем будете заниматься?

— Хочу для начала построить лесопилку.

— Что у вас есть для этого?

— Пока только лес, — усмехнулся Степан. — Может быть, скоро появится паровая машина. Потом еще что-нибудь раздобудем.

— Значит, лесопилка. А я хотел предложить вам интересное занятие. Нарезать участки на новых приисках. Если у вас появится свободное время летом, могу ли я рассчитывать на

вас? — спросил профессор.

— Вы всегда можете рассчитывать на меня. Но вряд ли у меня появится свободное время.

— Ну что же, придется мне самому придумать способ расплатиться с вами.

Милли подбежала к нему и протянула руку, прощаясь. Гончар пожал тонкую крепкую ладонь и вдруг смутился, не зная, что сказать. До сих пор он принимал ее за ребенка, но теперь, при свете дня, Степан наконец-то разглядел, что ей лет тринадцать-четырнадцать и это уже не дитя несмышленое, а девушка-подросток. Миниатюрная, порывистая и нескладная, но — девушка, черт возьми.

— Было чертовски приятно с вами познакомиться, — ангельским голосом пропела девчонка. — Ужасно жаль, что у вас не нашлось лишней винтовки для меня. Удачи, мистер Стивен!

— Удачи, разбойница.

Проводники, Гарри и Дуглас, попрощались с ним молча. Дуглас ткнул кулаком в плечо, а Гарри сунул в руки Гончара свой дробовик и запрыгнул на подножку отходящего дилижанса.

Глядя им вслед, Степан вдруг вспомнил, как когда-то, миллион лет назад, он впервые увидел этих людей в свете ночного костра на перевале. И вот — они уходят, и почему-то кажется, что вместе с ними уходит прошлое. Как только дилижанс профессора скроется за лесным поворотом, у Стивена Питерса начнется совершенно новая жизнь.

Дилижанс исчез за деревьями, и Степан хлопнул Эрни по плечу:

— Пора звать ван Клифа. Пусть построит нам волокушу, чтобы таскать твои котлы и цилиндры по льду и снегу.

— Ты еще не передумал? — спросил ирландец. — Я все слышал. Если уйдешь с профессором, я не обижусь. Только не забудь про меня, когда будешь нарезать выгодные участки.

— Какие участки? Эрни, зима кончается. Лед растает, и нам никогда уже не удастся раздобыть паровик. А ты о каких-то участках! Время не ждет, Эрни, время не ждет.

19. ВЕСНА, ДЕТЕЙ ПОРА ОТПРАВЛЯТЬ В ЛАГЕРЬ

Никто не верил, что трактирщику Эрни будет по силам разобрать и снова собрать паровой двигатель с затонувшего судна. Все, кого нанял для этой работы Степан, поначалу даже не хотели брать денег за бесполезную трату времени.

Но если какая-то штука одним человеком прикручена, то другой человек ее всегда открутит сможет. Этот универсальный закон действует с равной неотвратимостью и на Востоке, и на Диком Западе. Лишь бы человек нашелся упорный.

Не прошло и месяца, как над лесом поднялся густой дым из паровой трубы, возвышающейся над будущим зданием лесопилки. Пока были намечены только контуры этого предприятия — каркас, навес над машиной и площадка для бревен и досок. Но теперь уже никто в городе не сомневался, что эти двое, Стивен Питерс и Эрни О'Хара, откроют рога и копыта у самого дьявола, если задумают такое дело.

Лес уже вовсю зазеленел и наполнился птичьим гомоном, когда Мейер Голдмэн вручил Степану странную телеграмму. Уважаемому мистеру Питерсу надлежало явиться на железнодорожную станцию для получения оборудования, прибывшего из Миннеаполиса.

На грузовом перроне Степан увидел целую гору огромных ящиков. Рядом с ними сидел на чемодане человек в круглых очках. Он вежливо приподнял свой бежевый "котелок" и представился:

— Инженер Маккормик. Меня прислал сюда мистер Говард Рейнольдс. Я буду работать на вашей лесопилке. Распишитесь, пожалуйста, вот здесь.

Степан раскрыл кожаную папку и пробежал глазами текст контракта. Оказывается, доктор Фарбер нашел интересный способ рассчитаться за ту незначительную услугу,

которую оказал ему Степан в феврале.

Стивен Питерс назначался ответственным управляющим компании "Рейнольде Роудс", которая получила государственный заказ на строительство дорог к западу от границы. Земля, по которой будут прокладываться дороги, переходит из федеральных владений в собственность компании. Распоряжаться этой землей будет ответственный управляющий Питерс. Он также уполномочен определять зоны вырубки леса, объемы заготовок и цены на готовую продукцию лесопильного завода.

Степан расписался, и Маккормик вежливо удивился:

— Какой необычный автограф. Я никогда не видел такую букву "П".

— Предпочитаю пользоваться готическим шрифтом, — выкрутился Степан, слишком поздно сообразив, что не надо было подписываться как Гончар.

В ящиках было самое современное оборудование, контрабандой привезенное Рейнольдсом из Англии через Германию и Португалию. Например, циркулярные пилы, которыми при желании можно было бриться. Но вряд ли такое желание могло появиться при виде того, как лихо они проходят сквозь толстые бревна.

Желающих работать на хорошей технике нашлось немало. К середине лета вокруг надстроенного трактира уже выросли новые домики, сбитые из бруса и досок, продукции Маккормика. Первое время лесопилка работала практически только для своих, но уже навевались заказчики и из соседних округов. Всем нравились гладкие и идеально прямые доски, и все были готовы согласиться с любой разумной ценой на них. Но Стивен и Эрни торопились построить побольше жилья и продавали материалы только жителям Эшфорда, которые постепенно выбирались из ущелья к дороге.

Когда в конце июля прибыли кавалеристы, капитан Мортимер сразу же достал карту, чтобы внести в нее поправки.

— Видите, Питерс? У меня обозначено, что у дороги стоят только два одиночных строения. Вы здорово усложняете жизнь картографическому управлению. Если так и дальше пойдет, через год здесь будет стоять новый город.

— Почему же через год? Гораздо раньше.

Они сидели в уютном холле гостиницы, которая выросла из трактира, как бабочка из куколки. Ковры, обои, пейзажи, портьеры на окнах и даже сами окна — все это поставила сюда компания "Рейнольде Роудс", но капитан Мортимер этого не знал.

— Вы уже стали миллионером, Питерс? Не думаю, что эти ковры куплены на ту тысячу долларов, что вы получили от судьи Тэтчера.

— Я не получил тех денег, — признался Степан. — Никак не успеваю добраться до суда. Слишком много дел.

— Мне неприятно это говорить, но вам придется на время отложить ваши дела, — сказал капитан, раскуривая трубку. — Завтра мы выходим отсюда вместе с вами. Надо заглянуть в одно место на том берегу. Хватит вам дня, чтобы собраться?

— А что за место?

— За Волчьей рекой. Территория вашей компании. Надо будет ее обследовать и поделить на участки. Если обнаружим там белых фермеров, с ними будете говорить вы. А с индейцами — я.

— О чем мне говорить с фермерами?

— Если они смогут предъявить хоть какие-нибудь бумаги насчет их земли, то говорить не о чем. Просто отметим границы на карте. Если же никаких бумаг не будет, то вы этих людей запишете как работников компании, и они станут вашими арендаторами. Все остальные земли надо будет разделить на участки и расписать между вашими родственниками, друзьями, знакомыми. Когда кончатся знакомые, будем записывать наделы на любое имя, которое придет на ум.

Степан Гончар насторожился:

— То есть оформлять какие-то участки на подставных лиц?

— Что вас смущает, Питерс? Если вы запишете мистера Юлия Цезаря хозяином

участка, то уже никто не станет покушаться на эту землю. Потому что никто не хочет получить пулю от хозяина, который имеет полное право защищать свою землю любым способом. А то, что мистер Цезарь в настоящее время находится в отъезде, это никого не касается. Пока же он временно отсутствует, его участком может распоряжаться представитель компании. То есть мистер Питерс, или мистер Маккормик, или, в конце концов, мистер Рейнольде. Что он и делает, кстати, с несколькими тысячами таких участков.

— Не понимаю, какая мне польза от участков в Дакоте?

— Вы можете заложить их в банке, на ссуду купить акций какой-нибудь железнодорожной или пароходной компании и жить на дивиденды. Все так и поступают, можете поинтересоваться у вашего босса.

— Скажите, капитан, в этом нет ничего противозаконного?

— Противозаконного? Нет. Потому что пока еще нет никаких законов о том, как частная компания может распоряжаться своей землей. Рейнольде посоветовался со своими юристами и решил все оформить таким образом. А другие миллионеры устраивают эти дела как-то по-другому. Нет закона — нет и нарушений.

— Сегодня нет, а завтра появится. Что тогда?

— Это будет уже не наша с вами забота. Но землю, которую вы получите сейчас, у вас уже никто отнять не сможет. Сколько вы получили от компании?

— Пока еще не получил. Надо бы выбрать участок. Но время, время... Поленился поехать да застолбить, — признался Степан. — Но я имею право выкупить одну квадратную милю. По госцене, за восемьсот долларов. Даже не знаю, много это или мало?

— Смотря где будет эта миля, — Мортимер постучал пальцем по развернутой карте. — Допустим, вы купите вот этот участок, от вашей гостиницы до леса. Как раз миля. Затраты — восемьсот долларов. Допустим, на вашей земле начнется строительство города. Вы продаете эту землю уже под застройку, по восемь участков на одном акре. Квадратная миля — это шестьсот сорок акров. Умножаем на восемь — соответственно, больше пяти тысяч участков. Каждый участок у вас уйдет в среднем по сто долларов. Что в сумме составляет пятьсот тысяч. Даже затратив из своего кармана три-четыре тысячи на межевание и гонорары юристам, вы все равно получите неплохую прибыль.

— У вас были отличные оценки по математике, капитан.

— Вест-Пойнт¹¹ — хорошая школа, — кивнул Мортимер. — Нас готовили как инженеров. Но пришлось стать кавалеристом. А вы, похоже, никогда не сталкивались с вопросами землеустройства?

— Так точно.

— Я помогу, — пообещал капитан. — Ну а вы поможете мне с индейцами. Как здоровье вашей хозяйки? Я слышал, она болела?

— Спасибо, все в порядке.

— Индейцы знают о вас, Питерс. Знают больше, чем можно было подумать. Вам уже дали имя, знаете какое? Довольно необычное. Зимний Туман. Думаю, что ваш авторитет повлияет на них, когда мы будем разговаривать. Они не любят, когда в степи появляются заявочные столбы, а потом и колючая проволока. Но ничего не поделаешь, частная собственность продвигается на запад, и индейцам придется искать другие места для охоты.

Степан видел, как за окном резвятся Шаути и Вокини, гоняясь друг за дружкой вокруг черного коня. Они сновали под ним, ныряли между ногами, они карабкались на него, цепляясь за гриву, — а конь только страдальчески отворачивался, глядя на своего хозяина, Майвиса. Шайен стоял рядом и разговаривал с Саби, и ребячья возня нисколько не мешала их беседе.

— Как долго продлится наша поездка?

— Две недели.

---

¹¹ Вест-Пойнт — военное училище в Нью-Йорке.

— Признаться, увидев ваш отряд, я подумал, что вы снова гоняетесь за бандой Юдла, — сказал Степан.

— Банда ушла на юг, в Колорадо. Думаю, она уже распалась. Остин, по нашим данным, собирался осесть в Калифорнии. Ему нечего делать здесь, где три месяца в году все покрыто снегом.

— Мне надо, наверно, посоветоваться с Майвисом, — сказал Степан Гончар. — Я никогда не ходил в походы с кавалерией.

— Майвис — опытный скаут. Он будет держаться рядом с вами. Вам надо позаботиться только об удобном седле. Имейте в виду, мы делаем долгие переходы.

Сборы в далекий поход начались с того, что Степан заперся в своем кабинете с Эрни и Маккормиком. Они обговорили все производственные вопросы, и Степан подписал несколько чеков, по которым Эрни будет получать в банке деньги для выплат рабочим. Если военные обещают, что поход займет две недели, значит, рассчитывай на месяц. Гончар не представлял, как тут без него справятся, и Эрни, как мог, успокаивал его:

— Поезжай, проветришься. У тебя уже из ушей опилки сыплются, нельзя же сутками пропадать на заводе. Возьми с собой Саби и мальчишек, чтоб тебе не скучно было в дороге.

Этот совет оказался излишним, потому что Саби сама уже все решила. Узнав от Майвиса о походе, она тут же принялась собираться. Ей и в голову не могло прийти, что Степан уедет без нее.

Она снарядила для себя и детей самый легкий фургон. Его потянет пара кобыл, и еще пару меринов Саби выбрала под седло. Мальчишки тут же повели лошадей купаться перед дорогой, а Майвис со Степаном занялись оружием.

— Тебе нужен дробовик, чтобы охотиться в дороге, — говорил шайен, стоя перед открытым оружейным шкафом. — Тебе нужен "спрингфилд", чтобы стрелять по далекому врагу. И тебе нужен винчестер, чтобы он просто был под рукой. А револьверы можешь оставить дома. Но лучше — возьми и их тоже.

— Не хватает только пушки для полного счастья.

— Когда в мае мы покидали Форт-Линкольн вместе с полком генерала Кастера, у нас были пушки, — невозмутимо сообщил Майвис. — Много пушек. И пять сотен кавалеристов. И еще с нами вышла пехота. Много пехоты. Одних только скаутов-индейцев было сорок человек. И длинная-длинная колонна обозных фургонов. Вот так путешествуют по Дакоте.

— Намек понял. — Степан сгреб винтовки и понес их к фургону.

20. ПЕРВЫЕ МИЛИ ДАКОТЫ

Они тронулись в путь на рассвете. Вброд пересекли обмелевшую реку и взяли курс на далекие голубые холмы. К середине дня, когда за спиной осталось два десятка миль, эти холмы ничуть не приблизились. И только к вечеру в их очертаниях, по-прежнему далеких и затуманенных, Степан Гончар смог разглядеть какие-то тени и блики.

Туда же, на запад, тянулось стадо бизонов, которое он поначалу принял за черный низкорослый лес на горизонте. Степан еще никогда не видел вблизи живого бизона, и его так и подмывало свернуть и подъехать к этому черному живому потоку.

— Сколько мяса, — сказал он Майвису, кивнув в сторону стада. — Интересно, что думают эти звери, глядя на нас?

— Они не видят нас.

— Черт побери, сколько же их там? Тысячи, наверно.

— Мы видим только край стада. Неизвестно, где другой край.

— Давай подъедем посмотрим.

— На это нужно много времени. Бывает, что стадо занимает тридцать миль в ширину и шестьдесят в длину. Здесь много бизонов. А к югу от железной дороги такого уже не увидишь. Южное стадо перебили.

— Зачем? Кто мог съесть столько мяса?

— Белые не едят мясо бизона. Они убивают из-за шкур. На южной стороне прерии есть места, где до самого горизонта все усеяно ободранными тушами.

— Глупо, — сказал Степан. — Кому нужно столько грубой кожи, когда есть шерстяные одеяла? Хотя, конечно, все упирается в цену. Дешевая кожа всегда найдет покупателя.

— Эти шкуры никому не нужны, — сказал Майвис. — Они гниют на складах железнодорожной компании, которая скупала их у охотников. Компании нужно, чтобы бизоны исчезли. Из-за них поездам приходилось целыми днями стоять в прерии и ждать, пока стадо перейдет через рельсы. А еще белым нужно, чтобы исчезли мы, люди прерий. Когда не будет бизонов, в прерии не останется ни сиу, ни шайенов, ни кайова, ни команчей. Будут только белые со своими коровами и свиньями.

Степан не знал, что ответить шайену. Земельные участки, которые ему предстояло нарезать, тоже ведь не предназначались для индейцев. На этой земле будут жить белые. Которые еще об этом и не подозревают. Возможно, кто-то из будущих жителей этой долины сейчас только подплывает к Нью-Йорку вместе с сотнями других иммигрантов. Там у себя, в каком-нибудь Дублине, он владел только той землей, которая умещалась в его цветочных горшках, и мог рассчитывать на два квадратных метра на кладбище. А здесь его ждут сто шестьдесят акров, причем их он получит совершенно бесплатно. Акр — это двести на двести метров. Если расчертить все эти наделы равными квадратами — а Степан так и собирался сделать для ускорения процесса, — то получается, что иммигранту достанется поле размером восемь на восемь километров! Это тебе не шесть соток...

Конечно, недовольство индейцев тоже понять можно. Все-таки прерия их кормит. Степан уже знал, что степные охотники добывали бизона не только ради мяса. Пять шкур составляли покрытие для их палаток. Из желудка получались прекрасные фляги для воды, а из рогов — ложки и половники. Да и мясо бизона нельзя было заменить никакой другой пищей. Но нельзя же вечно оставаться полудикими охотниками. Когда-нибудь и дети шайенов покинут прерию, чтобы перебраться в города. Во всяком случае, Степан Гончар был уверен, что его приемные дети, Шаути и Вокини, не повторят судьбу своего погибшего отца.

А пока они скакали рядом с фургоном на своих неоседланных меринах, и никакие уговоры Саби не могли загнать их обратно под белый полотняный тент.

— Посмотри налево, — сказал Майвис. — Мы не одни.

Гончар надвинул шляпу почти на переносицу, чтобы защититься широкими полями от низкого слепящего солнца, и оглядел край степи. Но не увидел ничего, кроме холмистой равнины, зеленой внизу, бурой на гребнях.

— Остановись, увидишь, — посоветовал шайен.

Степан так и сделал. И после минутного разглядывания горизонта вдруг заметил какие-то точки, плавно скользящие в далеком мареве.

— Шестнадцать всадников, — определил Майвис и хлопнул коленями по бокам лошади, переходя с шага на рысь.

Он умчался в голову колонны, и Степан потрусил за ним мимо обозных фургонов. Когда он догнал авангард, там уже заканчивался военный совет. — ...И перестройте фурунны в две колонны, — говорил капитан Мортимер своему помощнику, лейтенанту Брауну. — При остановке смыкаете их в кольцо, как только загоним лошадей внутрь.

— Может быть, дадим пару залпов в их сторону? — предложил Браун. — Чтобы держались от нас подальше.

— Если бы они захотели на нас напасть, то не дали бы себя увидеть так рано, — ответил капитан. — Думаю, это просто разведка.

— Они хотят говорить, — сказал Майвис. — Я могу встретиться с ними.

— В этом есть смысл, — согласился Мортимер. — Браун, командуйте привал. Станем на ночлег здесь. А ты, Красная Птица, навести соседей да пригласи их вождя к нашему огню. Скажи, что Зимний Туман с нами и он хочет угостить вождя своими сигарами. Вы взяли с собой те сигары, Питерс?

— Видели бы вы лицо Эрни, когда я их увозил, — улыбнулся Степан. — Он говорит, таких сигар больше нигде не достать, даже по доллару за штуку.

— Может быть, одна такая сигара сегодня будет стоить примерно столько же, сколько целая телега патронов. Иногда достаточно покурить с индейцем, вместо того чтобы атаковать его двумя ротами кавалерии.

Майвис умчался на переговоры, и колонна остановилась. Фургоны, неуклюже разворачиваясь, выстраивались в кольцо. Шаути и Вокини бегали вокруг, подбирая в траве сухие бизоньи лепешки для костров.

Степан подъехал к своему фургону, спешил и с наслаждением прошелся по твердой земле, потирая поясницу. Саби уже откинула заднюю стенку фургона и расставила на ней свои сковородки и кружки, готовя ужин.

— Как хорошо, — проговорила она, улыбаясь. — Весь день под небом. И дети рады. Как мы могли так долго оставаться под крышей? Ты голоден?

— Готов съесть бизона.

— Завтра у нас будет мясо бизона, и послезавтра, и еще две недели. А сегодня мы должны съесть то, что взяли из дома. Яичница с беконом тебя устроит?

— А не могу я взять дробовик и отлучиться на полчаса? Тут вокруг полно птиц, и зайцы скачут по траве, просто издеваются над нами.

— Завтра будет время для охоты, — сказала Саби. — А сейчас, мне кажется, лучше не стрелять.

Когда густые синие сумерки обступили лагерь и солдаты расселись вокруг костров, куря самокрутки и потягивая кофе, Майвис незаметно отозвал Степана в сторону.

— Возьми сигары, Стивен. Мы будем говорить с вождем Две Луны. Он привез плохие новости. Может быть, нам придется повернуть обратно.

Гостей принимали у отдельного костра, поодаль от лагеря. Капитан Мортимер сидел, скрестив ноги по-турецки, рядом с ним полулежал на траве лейтенант Браун. Двое индейцев стояли возле своих лошадей, почти неразличимые в темноте, а третий сидел у огня на корточках. Завидев Майвиса и Степана, он встал и приложил руку к груди:

— Привет, Зимний Туман Питерс. Две Луны рад видеть тебя.

— Привет, Две Луны, — так же чинно ответил Степан, протягивая вождю сигару. — Хочу угостить тебя табаком с восточного берега.

Две Луны указал на сложенное одеяло рядом с собой, и Степан опустился на приготовленное для него место.

Капитан Мортимер выбил свою трубку о каблук сапога.

— Красная Птица, переведи ему, что я хочу знать все обстоятельства того случая. Пусть расскажет все до мельчайших подробностей. Мне надо знать правду.

— Что-то случилось? — тихо спросил Степан, когда Майвис заговорил с вождем.

— Ничего нового, — так же тихо ответил Мортимер. — Месяц назад в этих краях погиб один мой товарищ. Его убили сиу. Две Луны хочет предупредить нас, что отряды сиу сейчас настроены очень воинственно. Они могут помешать нам в нашей работе.

— Большие отряды?

— Возможно, что очень большие. Но пусть он сам расскажет об этом. Красная Птица, переводи.

Две Луны тем временем ловко обрезал кончик сигары и раскурил ее. Он закрыл глаза от удовольствия, покачал головой и передал сигару Степану. Гончар сделал только одну затяжку и вернул сигару вождю. Две Луны заговорил на своем языке, и Майвис перевел:

— Шайены не любят говорить о войне. Но ты, Острый Нос, и ты, Зимний Туман, — вы друзья шайенов. Я расскажу вам о войне, если вы просите меня об этом.

21. РАССКАЗ ШАЙЕНА ДВЕ ЛУНЫ

"Весной я стоял на Пыльной реке с пятью десятками типи своих людей. Однажды

утром солдаты окружили мой лагерь. Ими командовал Три Пальца. Мы испугались, отступили и рассеялись, бросив наших пони. Солдаты увели наших коней. Ночью солдаты спали, согнав всех лошадей в один табун. Мы подкрались и выкрали своих пони вместе с солдатскими лошадьми.

После этого мы убрались подальше, мы уходили все дальше и дальше и однажды встретили большой лагерь сиу на Угольном холме. Мы стали рядом с ними, и нам было хорошо там — много травы, много игр и плясок, хорошая вода. Главным в лагере был Бешеный Конь. Сидящий Бык стоял лагерем немного ниже по реке Малая Миссури.

Бешеный Конь сказал мне: "Я рад, что ты пришел. Мы собираемся снова воевать с белыми".

Его лагерь был полон раненых и избитых мужчин, женщин и детей. Я увидел это и сказал: "Хорошо. Я готов воевать. Я уже дрался с ними. Мои люди погибли, мои пони украдены. Я созрел для войны".

Я подумал, что неслучайно Великий Дух привел в это место одновременно столько сиу, шайенов и белых. Великий Дух ожидает, что все эти люди начнут воевать между собой. Для него наши войны — то же самое, что для нас игры и пляски. Он так развлекается. Вот почему я подумал, что война неизбежна.

В мае, когда травы выросли, а кони окрепли, мы свернули лагерь и отправились к устью Тан Ривер. Там у нас была изрядная драка с генералом Круком, и мы победили. Погибло много солдат и мало индейцев. То была великая битва, было много дыма и пыли.

Оттуда мы ушли за перевал и остановились в долине Литл Хорн. Каждый думал об одном: "Сейчас мы ушли далеко от земли белого человека. Он может жить там, у себя, а мы будем жить здесь".

Через несколько дней в мой лагерь прискакал гонец от Сидящего Быка и сказал: "Пусть каждый нарядится, приготовит угощение и будет готов к большим пляскам".

Тогда шайены стали собираться на праздник — резать табак, готовить пищу. Мы собирались плясать весь день. Мы были рады думать, что находимся далеко от белого человека.

Я повел лошадей на реку и вымыл их свежей водой, потом искупался и сам. В лагерь я вернулся пешком, оставив коней у реки. Подходя к своему типи, я поглядел в сторону лагеря Сидящего Быка. Я увидел огромное облако пыли. Скоро примчался всадник от сиу, крича нам на ходу: "Белые солдаты! Много солдат!" Я вбежал в палатку и сказал брату: "Седлай лошадей. Белые идут".

Далеко в долине я слышал звуки боя. Мы ловили своих лошадей, чтобы взнуздать их. Снова прискакал сиу и закричал: "Идут белые солдаты! Женщины, разбегайтесь, у нас будет тяжелый бой!"

Я сказал: "Хорошо. Мы готовы".

Я сел на коня и поскакал к своему лагерю. Я созвал всех людей и сказал им: "Я — Две Луны, ваш вождь. Не убегайте. Хватит нам убегать. Оставайтесь здесь и бейтесь. Вы должны остаться и разбить белых солдат. Я останусь здесь. Живой или мертвый, но останусь".

Я поскакал к лагерю Сидящего Быка. Там я увидел строй солдат. Они шли цепью и стреляли залпом. Сиу кинулись на них. Они покрыли собой все поле. Все стреляли. Воздух наполнился пылью и дымом.

Солдаты отступали к руслу реки и падали с берегов, как ошалевшие бизоны. Им некогда было искать брод. Они карабкались на высокий берег и копали там землю ножами, чтобы укрыться от пуль. Сиу начали окружать их, но тут прибежали гонцы и сказали, что главные силы солдат напали на лагерь и убивают женщин. Сиу повернули.

Тогда я поскакал в свой лагерь и остановил женщин, которые разбирали типи. Сидя в седле, я увидел над холмом кончики пик с флажками. Они двигались с востока. Скоро солдаты показались во весь рост. Они ехали по четыре, разбившись на три отряда, с небольшими промежутками между ними. Зазвучал рожок, и солдаты спешили. Они построились в ряды, и несколько солдат увели лошадей за холм.

И тогда сиу поскакали на солдат со всех сторон, и очень быстро. Шайены наступали с левой стороны. Слышалась очень частая стрельба. Она звучала вот так — трррр! Некоторые солдаты стреляли стоя, другие — с колена. Все офицеры были впереди. Дым поднимался над ними огромным облаком, и следом за всадниками сиу поднималась пыль.

Мы кружили вокруг холма, как вода вокруг камня. Мы стреляли, скакали, снова стреляли. Солдаты падали, и кони топтали их, и мы подбирали с земли оружие и патроны.

Один офицер скакал туда-сюда вдоль строя, непрерывно стреляя. Он был на гнедой лошади с белой мордой и белыми передними ногами. Не знаю, кто это был. Он был настоящий храбрец.

Индейцы продолжали кружиться, мы не стояли на месте, и солдаты убили только немногих из нас. А солдат упало уже много. Все их лошади тоже упали, кроме пяти. Порой кто-нибудь из солдат пытался прорваться к оврагам или к реке, но сразу падал.

Наконец, сто пеших и пять всадников сбились в кучу на макушке холма. Горнист продолжал трубить свои сигналы. Он тоже был настоящий храбрец.

Потом пять всадников и около сорока пеших пошли толпой на прорыв к реке. Человек на гнедой кобыле вел их, непрерывно крича. У него были брюки из оленьей кожи, длинные черные волосы и усы. Он здорово дрался своим большим ножом. Все его люди были покрыты белой пылью, и я не могу сказать, кем они были — офицерами или солдатами.

Мы сошлись в рукопашном бою, и все они погибли.

Один-единственный человек из них побежал в другую сторону, к оврагам. Он почти скрылся там, но сиу подстрелили его сразу из десятка винтовок. Он был последним. Он носил нашивки на рукаве.

Теперь все солдаты были мертвы, и одежда с них сорвана, и никто бы уже не отличил офицеров от солдат и скаутов. Тела остались лежать там, где упали.

Мы не плясали той ночью. Праздника не было. Мы были печальны.

На другой день четыре вождя сиу и двое от шайенов, а также я, Две Луны, отправились на поле боя, чтобы сосчитать убитых.

Один из нас вез вязанку палочек. Когда мы проезжали мимо мертвецов, мы брали немного палочек и передавали их другому, который считал. Так мы насчитали триста восемьдесят восемь убитых солдат. Погибло также тридцать девять сиу и семеро шайенов.

Раненых добивали из лука. Плакальщицы сиу изрубили некоторых белых на куски. Но все остались лежать там, где расстались с жизнью.

Мы нашли человека с большими усами. Сиу сказали: "Это большой вождь белых. Это Длинные Волосы". Не знаю. Раньше я его не видел. Но самым храбрым из них был человек на гнедой кобыле.

В тот же день на закате прискакали юноши с реки Литл Хорн. Много белых солдат приближались на большом корабле, и мы увидели поднимающийся дым.

Я созвал своих людей, и мы поспешили покинуть долину Литл Хорн. Мы стояли в долине Гнилой Травы три дня, а затем по старым тропам отправились на восток. Сидящий Бык ушел в Йеллоустон, затем на север.

Несколько отрядов сиу последовали к Волчьей реке. Они знают, что солдаты ушли отсюда на запад воевать с Сидящим Быком и Бешеным Конем. Сиу хотят войны.

Остерегайтесь их, Зимний Туман и Острый Нос".

22. ЗИМНИЙ ТУМАН, БРАТ МЕДВЕДЯ

Шайены давно уехали к себе, а капитан Мортимер еще долго не произносил ни слова, глядя в огонь и грызя мундштук погасшей трубки.

— Вы говорили, что там был ваш друг? — сказал Степан Гончар.

— Мы не были особо близкими друзьями, — нехотя отвечал капитан. — Джордж Кастер и я, мы просто вместе закончили Вест-Пойнт. Как раз началась война, и я уволился из армии. А он остался, и через пару лет уже стал генералом.

— Зачем же вы уволились? Тем более — война началась...

— Потому и уволился, что война началась, — Мортимер удивленно глянул на Степана. — Как бы я, по-вашему, мог воевать за свою родину, оставаясь во вражеской армии? У нас половина выпуска, даже больше, была с Юга. Когда Линкольн объявил нам войну, все, естественно, уволились, вернулись домой и там уже поступили на службу в милицию¹². Потом уже из мелких отрядов сколотили армию Конфедерации¹³. Кого-то сразу избрали в полковники, кто-то так и остался в сержантах до конца войны. Я был лейтенантом, командовал эскадром. Мы называли себя "Бешеные Крабы Каролины"... Да, я был лейтенантом на той войне. А Кастер вот дослужился до генерала. В двадцать пять лет. Везение, конечно. Служил рядом с генералом Грантом, да к тому же в удачное время. Когда у них пошли сплошные победы, а у нас — провал за провалом. Но после войны фортуна от него отвернулась. Джордж даже был уволен из армии, причем по приговору военного суда. За систематическое невыполнение приказов Главнокомандующего. Что-то они там с Грантом не поделили. Но через год его восстановили, с понижением в звании. Дали ему кавалерийский полк и отправили сгонять индейцев с их земель, потому что там обнаружили золото. Он вызвал меня, за что я ему весьма признателен. А вот теперь его нет. И братья его, Томас и Бостон, погибли там же, на Литл Хорн. И я бы погиб с ними, если б он не прогнал меня из полка.

— Прогнал?

— Отправил на охрану поселений, выражаясь официально. Ему надоело со мной спорить. Я был против наступления. Индейцам достаточно было просто увидеть скопление солдат, чтобы они сами потихоньку откатились дальше на запад или на юг. Но Джорджу очень нужна была громкая победа. Он мечтал вернуться в верхние круги, понимаете? А я с ним спорил. Наверно, я плохо спорил, если не смог его убедить. Ну а вы что скажете на это, мистер Зимний Туман?

— Мне не нужна громкая победа, — ответил Степан Гончар. — Тихая тоже не нужна. Мне нужно поскорее вернуться на свою лесопилку. Если сиу перекрыли нам дорогу, мы можем с чистой совестью повернуть обратно.

— И привести индейцев за собой? Нет, Питерс, если вы дорожите своей лесопилкой, то не торопитесь поворачивать обратно.

Ночь прошла спокойно. Саби увела Степана подальше от фургонов и расстелила одеяло, примяв высокую траву. Перед рассветом они вернулись в лагерь, и Степан заснул, едва забравшись в фургон, а Саби уже некогда было ложиться — она принялась готовить завтрак.

Капитан Мортимер принял решение двигаться дальше на запад, но не по голой степи, а спустившись на дно каньона. Выслушав капитана, Гончар не удержался и оглянулся в некоторой растерянности. Насколько он мог видеть, вокруг не было никаких скал и утесов, из которых, по его представлению, и состояли каньоны. Но примерно через два часа после выхода с места стоянки колонна остановилась на краю пропасти.

Глядя вниз с обрыва, Степан увидел кирпично-красные гигантские ступени, уходящие в глубину и повторяющие извилистую верхнюю линию, которая перерезала равнину. На этих ступенях возвышались то причудливые колонны, похожие на простреленные кактусы, то остроконечные холмы, соединенные один с другим, словно развалины песочного замка. Все это пространство было покрыто бурым шлаком, как отвалы металлургического комбината.

— Бедленд, — сказал Майвис, заметив изумление Степана., — По этим бедлендам мы

---

¹² Милиция — добровольческие вооруженные формирования.

¹³ Конфедерация Штатов Америки — государство-союз одиннадцати штатов, отказавшихся признать победу Линкольна на президентских выборах. Конфедерация объявила о своей независимости от США, что и послужило началом Гражданской войны 1861-1865 гг.

выйдем к Волчьей реке.

— И как же мы туда спустимся?

— Не спеша.

Колонна двинулась вдоль обрыва в поисках подходящего места для спуска, и через час первые всадники свернули в широкий овраг с песчаным дном и красными глинистыми стенками.

Фургоны отчаянно скрипели своими деревянными тормозами, переваливаясь с боку на бок, и чудом не опрокидывались. Несколько солдат шли позади каждой повозки, придерживая ее натянутыми веревками на особенно крутых участках спуска.

Добравшись до дна каньона, колонна истончилась в цепочку всадников, петляющих друг за другом среди колонн и пирамид. Справа возвышалась пылающая красной глиной стена, и Гончар не мог поверить, что совсем недавно он был на самом ее верху. А слева, насколько хватало взгляда, возвышались и пестрели друг за другом красные, бурые, морковные, желтые и черные пирамиды, колонны и зубья.

Путь по бедленду был долгим и утомительным. На остановках Степан поил свою кобылу, налив воду из фляги в широкополую шляпу. Его немного тревожило то, что дело шло к вечеру, а подходящее место для ночлега до сих пор не встретилось.

Видимо, поняв его беспокойство, Майвис, ехавший бок о бок с ним, сказал:

— Ночевать будем у шайенов. Впереди стоят люди Горбатого Медведя. Уже близко. Сразу после ущелья Туманов.

— Ущелье Туманов? Что-то знакомое. Кажется, есть такая сказка?

— Есть.

— Это то самое ущелье? Хотелось бы заглянуть в него.

— Ты говорил капитану, что хочешь вернуться на лесопилку. Мне ты говоришь, что хочешь в ущелье Туманов. Выбери что-нибудь одно.

— Ах да, я забыл, что оттуда не возвращаются. Но могу я хотя бы издалека на него посмотреть? Это не запрещено?

— Кто тебе может запретить? Кто тебя может остановить? Ты не в городе, Стивен. Если хочешь, иди и смотри. Но только ничего не увидишь. Туман приходит не каждый день и не каждый год. И может прийти в это ущелье, а может и в другое. Ущелье Туманов не стоит на месте. Оно кочует по прерии и горам, как кочуют бизоны и люди. Ты можешь встретить его даже на берегу моря, и туман унесет тебя.

Майвис натянул повод, останавливая коня, и Гончар остановился рядом.

— Смотри. — Шайен кивнул в сторону.

Черный провал между двумя красными холмами клином уходил вдаль и в глубину. И там, в черной глубине, колыхались едва заметные белесые перья. Они свивались в спираль, которая медленно тянулась кверху, но разрывалась на завитки и таяла.

— Это не туман, — сказал Гончар. — Это дым. Там что-то тлеет. Скорее всего, уголь. Теперь мне все понятно. Мы едем по остаткам гигантского пожара. Здесь был пожар, очень давно. Но он до сих пор не угас. Дым остался. Что-то еще тлеет.

— Ты называешь это дымом. А мы — туманом. Из этого тумана выходят зимние люди, и туда же они возвращаются, когда приходит их время.

"Сказки сказками, а мое время еще не пришло, — подумал Гончар. — Мне еще лесопилку раскрутить, детей в школу пристроить, телефон протянуть. Как только его изобретут, так сразу и протяну. Буду с шерифом переговариваться. Нет, мне еще рано скрываться в тумане".

Шайенская деревня стояла в долине на берегу реки. Примерно четыре десятка типи выстроились полумесяцем, и концы этой дуги смотрели на восток. Между выходом из бедленда и деревней зеленело холмистое поле, где вразброску стояло множество лошадей. Оттуда навстречу колонне уже скакала пара всадников. То были лохматые мальчишки-пастухи, в длинных рубахах и с короткими пиками.

Колонна встала. Майвис выдвинулся навстречу пастухам, и Шаути с Вокини

пристроились к нему. Оба чуть не подпрыгивали от нетерпения, но держались на своих мерилах гордо и уверенно, во всем пытаясь подражать своему дяде.

Степан Гончар спросил у Мортимера:

— А этих индейцев мне не придется угощать сигарами?

— Не знаю. Может быть, и придется. Потому что очень похоже, что других мужчин мы здесь не увидим. — Капитан поднял бинокль, разглядывая деревню, и проговорил: — Не вижу мужчин. Только женщины и дети.

Майвис вернулся один, а его племянники ускакали с пастухами.

— Горбатый Медведь и его воины уехали с белыми солдатами, — доложил скаут. — Полковник Реммет позвал всех мирных вождей в свой лагерь. Он хочет договориться, чтобы остановить войну.

— Ты узнал, где стоит Реммет?

— Да.

— Лейтенант Браун, поставьте фургоны у реки, поближе к индейцам, — распорядился Мортимер. — Костры не разводите, коней не распрягать. А мы навестим Реммета. Если он еще жив.

Больше всего на свете Степан не любил чувствовать себя посторонним. А сейчас был именно такой случай. Каждый солдат знал свой маневр. Одни спускались к реке, сопровождая фургоны. Другие сбивались в колонну позади капитана. А ему-то куда податься?

По тому, с каким сосредоточенным и суровым лицом капитан отдавал короткие распоряжения, Степан понял, что отряд уходит не на простую прогулку. И решил держаться вместе с капитаном и Майвисом. Он поскакал за ними.

Казалось, долгий переход по выжженным бедлендам не только не утомил лошадей, но и наполнил новыми силами. Степан едва держался в седле, плотно вдавив сапоги в стремяна, и уже изрядно набил себе зад.

К счастью, гонка оказалась короткой, и скоро за поворотом реки на холме показались три аккуратные линии белых палаток.

Гончар смешался с остальными кавалеристами, когда все спешили и, оставив лошадей у крайних палаток, прошли к середине лагеря. Там, стоя на бочке перед разномастной толпой индейцев, выступал кавалерийский офицер. —...А теперь я хочу прочитать вам письмо самого президента! — объявил он, разворачивая свернутый в трубку документ. — Вы можете не верить обещаниям простых солдат, но вы живете в этой стране и должны верить президенту своей страны. Так или не так?

Невнятный шум толпы был ему ответом, и офицер счел это выражением согласия.

— "Дети мои, — пишет президент, — небо над вашими головами, долго остававшееся темным и облачным, теперь прояснилось. Ваш президент больше всего печется о благе своих краснокожих детей. Он посылает к вам своих слуг, полковника Реммета и генерала Крука, чтобы убрать шипы с ваших троп и уберечь ваши ноги от ран. Президент убрал с вашей земли тех нехороших белых людей, которые затевали с вами ссоры, оскорбляли ваших женщин и порочили великих духов. Эти люди больше не будут тревожить вас. Президент обратился и к сиу, которые так долго были вашими врагами, а теперь подбивают вас на войну против белых людей. Отныне сиу будут всегда жить только в своей стране и не станут смущать шайенов. На земле шайенов наступает мир. Мир принесет вам безопасность и изобилие. Эту войну начали сиу, и они же вовлекли вас в нее, и вместо того, чтобы мирно охотиться, добывая пищу своим женам и детям, вы убивали белых солдат и погибали сами. Но это время прошло. Вы можете охотиться всюду, где захотите, и никто из белых не станет мешать вам. Ваши юноши должны уважать мир. А всякого, кто снова поднимет томагавк, ваш президент будет считать своим врагом".

Индеец с белым пером, торчащим вперед из-за уха, громко переводил каждое предложение. Но почему-то его фразы оказывались гораздо короче президентских. Степан подтолкнул Майвиса локтем:

— Переводчик что-то пропускает?

— Лишние слова.

Гончару очень хотелось знать, какие слова в письме были не лишними, с точки зрения индейского переводчика. Но тут из толпы выделился высокий шайен с волчьей шкурой на плечах. Волосы, заплетенные в две широкие косы, были украшены зелеными и желтыми лентами. Его негромкий, но властный голос заставил всех примолкнуть.

— Переводи, — шепнул Степан Майвису, и скаут, не шевеля губами, заговорил вслед за индейцем.

— Вы пришли к нам из далеких стран, чтобы отнять пищу у наших детей. Вас изгнали из вашей страны, как людей слабых и ничтожных. Вы неспособны иметь свой очаг и свою родину. Поэтому вы пришли к нам. Вы истребляете наших зверей и портите нашу землю, вы губите все то, что Великий Дух создал нам на пропитание. Но мы не будем убивать вас. Великий Дух привел вас в наказание нам, и мы должны принять это наказание.

Вождь умолк, и индейцы одобрительно загудели. Переводчик откашлялся и произнес:

— Вождь Горбатый Медведь заявляет, что белые люди посланы сюда Великим Духом и он будет жить с ними в мире.

— Вот и отлично! — Офицер ловко спрыгнул с бочки. — Мы можем скрепить наш договор совместным весельем. Каждая семья получит по бочонку рома и по отрезу отличной ткани для ваших жен.

Индейцы загудели, явно поняв сказанное без помощи переводчика. Степан почувствовал, что сзади его кто-то крепко схватил за локоть. Это был капитан Мортимер.

— Кажется, все обошлось, — сказал он, но лицо его оставалось суровым. — А могла получиться большая свалка. Как они додумались до такого — собрать в кучу столько воинов? Пойдемте со мной, Питерс. Надо убедить Медведя не оставаться на пьянку, а вернуться домой.

— Это я, что ли, буду его убеждать?

— Слово Зимнего Тумана весит больше, чем все, что скажет Острый Нос.

— Может, мне пора носить перо за ухом? — Степан пытался насмешливостью прикрыть свое неожиданное волнение. — А может, мне вообще лучше остаться здесь, на природе?

— Кто знает, может быть, и лучше, — серьезно ответил капитан.

Майвис подвел их к отдельной группе шайенов, которые стояли рядом со своими лошадьми. Это были высокие крепкие воины, но Горбатый Медведь был выше всех, и даже под грубой серой рубахой было видно, как выпуклы его грудные мышцы и плечи. "Настоящий качок. Сразу видно — вождь, — подумал Степан Гончар. — Ну и как такого богатыря отговорить от выпивки?" Но переговоры не потребовались. Медведь просто протянул ему свою огромную лапу и сказал без малейшего акцента:

— Как дела, Зимний Туман? Мне сказали, ты остановился рядом с моим лагерем. Это хорошо. Завтра у нас будет весело, я выдаю замуж младшую дочь. Этот бочонок рома нам очень пригодится. Ты как насчет рома, брат?

— С удовольствием, брат, — только и мог сказать Гончар.

23. ОТЛИЧНЫЙ ДЕНЬ ДЛЯ СМЕРТИ

Жить рядом с шайенами оказалось не так просто. Зимнего Тумана и его жену поселили в отдельной палатке поближе к реке, а дети ночевали со своими двоюродными, троюродными и так далее братьями. Каждое утро Степан просыпался на своей лежанке от того, что Саби начинала разжигать костерок в центре типи. "Лежебока ленивый", — говорила она, и он выбирался из палатки, жмурясь от лучей низкого, только что появившегося солнца. Мимо него уже спускались к реке мужчины и юноши, голые, в одних набедренных повязках, и Степан, обернувшись таким же куском ткани, шел за ними. Он с разбегу нырял в реку раньше всех, пока индейцы стояли по колено в воде и хлопали

мокрыми ладонями по груди и животу. Они привыкали к холодной воде, чтобы потом пару раз окунуться. А он изображал из себя закаленного северного моржа, которому в любой воде будет жарко. На самом же деле каждый раз у него все сжималось и втягивалось от ужаса перед падением в ледяные струи. Но Зимний Туман держал марку.

А потом, стуча зубами от холода, отжимался на кулаках и неторопливо шагал к своей палатке, обмениваясь шутками с соседом, Майвисом. Обычно шайен говорил: "Какой ты белый, Стивен. Даже голубой". — "А за голубого ответишь", — грозился Степан, и Красная Птица хохотал над непонятной шуткой.

После завтрака они седлали коней и уходили с кавалеристами выше по течению реки, с каждым днем забираясь все дальше и дальше. На карте появлялись все новые квадраты, принадлежащие уже господам Марксу, Энгельсу, Ленину и Сталину. В прерии появлялись все новые и новые заявочные столбы с логотипом компании "Рейнольде Роудс". И с каждым днем отряд возвращался в лагерь все позднее.

На десятый день капитан Мортимер решил:

— Сегодня уходим с ночевкой. Заберемся подальше. Не будем тратить время на обратную дорогу и завтра же все закончим.

— Прикажете сворачивать лагерь? — спросил лейтенант Браун.

— Ни в коем случае. Фургоны, костры, расписание караульной службы — все остается как раньше. Я не сомневаюсь, что сиу наблюдают за нами. Если мы тронемся в их сторону всей колонной, они сочтут, что это начало войны. Долгожданной войны. Им очень хочется, чтобы на них напали. Тогда они снова смогут поднять своих соседей. По крайней мере, таковы мои предположения. А вы что скажете, Зимний Туман?

— Я скажу, что ты прав, брат Острый Нос, — промычал Степан, подражая низкому голосу Майвиса, и все невольно рассмеялись. — Пока все идет хорошо, значит, мы все делаем правильно. Не стоит менять тактику, пока она приносит результаты.

Когда он попросил Саби собрать ему вещи для ночевки в степи, она ничего не спросила. Но наутро Степан обнаружил, что она уже переделалась в свою походную одежду — кожаные брюки и старую кавалерийскую куртку — и оседлала обеих кобыл.

— Позволь спросить, далеко ли ты собралась? — спросил он, уже зная ответ.

— Разве ты хотел ехать без меня?

— Нет, не хотел.

Она подвесила "спрингфилд" к седлу и повернулась к Степану, улыбаясь:

— Как хорошо здесь, у реки. Жаль, что лето скоро кончится. Ты можешь остаться здесь хотя бы до осени?

— А работать кто будет? На кого я брошу лесопилку, гостиницу, все наше хозяйство?

— Зачем бросать? Мы вернемся в город осенью. А пока ты будешь охотиться здесь, вместе с Медведем и Майвисом. Воины собираются за бизонами. Ты мог бы пойти с ними. Твоя слава вырастет после охоты. И детям так хорошо здесь, с братьями.

— Да, здесь очень хорошо, — согласился Гончар. — Может быть, мы так и сделаем. Вот только закончим с этой картографией и что-нибудь придумаем.

Ему было немного трудно говорить это, потому что он врал. Степан Гончар не собирался жить все лето в палатке, когда совсем неподалеку стоит прекрасный дом с ванной и мягкой постелью. Но ему не хотелось огорчать Саби отказом. Ведь ей так хорошо здесь.

И весь день, раскачиваясь в скрипучем седле, он думал только о том, что Саби хорошо здесь, а ему хорошо в городе. А ей в городе плохо. Мысли крутились по этому замкнутому кругу, и ничего другого в голову не приходило.

Задумавшись, он, как всегда, пропустил что-то очень важное. Потому что кобыла под ним встряхнулась всем телом и сама собой перешла на рысь, догоняя других лошадей.

— Сколько их? — послышался голос капитана.

— Много! — ответил Майвис, и его лошадь всхрапнула и сильнее застучала копытами.

— К реке! К реке! — закричал капитан.

Степан наконец вырвался из пыли и догнал остальных. Он думал только о том, как бы

не свалиться. Никогда еще его кобыла не скакала так резво. Перед глазами маячила синяя куртка Саби, а по сторонам все застилала густая пыль. Но вот под копытами зашелестела трава, и пыль отстала, и впереди сверкнула полоска реки.

— Сержант, прикройте! — скомандовал Мортимер.

Захрипели чьи-то кони под натянутыми поводьями, залязгало железо, но Степан, следуя за Саби, пронесся мимо остановившихся солдат. Берег полого спускался к воде, и там, посреди реки, возвышался песчаный островок, густо заросший кустарником.

— На остров, на остров!

Закипела вода под копытами, и кобыла Степана так резко сбавила ход, что он не удержался в седле. Теряя равновесие и сползая набок, он ухватился за приклад винчестера. Но лошадь взбрыкнула, и он скатился с нее в воду, больно ударившись ногой.

Гончар поднялся, держа винчестер в руках. Его кобыла без него неторопливо трусила к островку, где уже кружились другие кони. А Степан повернулся к берегу и увидел, что несколько кавалеристов, опустившись на одно колено, целятся в пыльное облако, которое катилось на них из степи.

Протрещал нестройный залп, и сразу же, как по команде, из пыли показались кони. Теперь они лавой неслись по траве, и были хорошо видны блестящие руки и плечи всадников. Ударил второй залп, и лава рассыпалась, словно наткнулась на невидимую преграду. Кони сворачивали в стороны, и на некоторых уже не было седоков.

Кавалеристы вскочили на своих лошадей и помчались к острову. Они неслись прямо на Степана, и он застыл на месте, чтобы не мешать им объехать его. И тут же увидел, что за спинами кавалеристов показались те самые полуголые всадники, и он вскинул винчестер и стрелял по ним, пока они не отвернули в сторону.

— Спасибо, Питерс! — крикнул промчавшийся мимо кавалерист, обдав Степана целой стеной брызг.

Пятясь и посылая пулю за пулей в индейцев, которые снова сбивались в плотную толпу, Степан добрался до островка, и его спина уперлась в неподатливые кусты. Прямо над его головой вдруг прогремел такой залп, что у Гончара подкосились ноги. Оглушенный, ослепший от дыма, он продрался сквозь цепкие ветви и наткнулся на Саби.

— Это сиу, — спокойно сказала она. — Все будет хорошо. Они прольют кровь и уйдут хоронить своих. Сиу никогда не бьются до последнего воина. Береги патроны и стреляй по лошадям.

Она держала "спрингфилд" на бедре и вставляла длинные патроны между раздвинутыми пальцами левой руки, которая поддерживала цевье. Так, зажав три патрона, она вскинула тяжелую винтовку, сильно прогнулась назад и далеко отставила ногу. От выстрела винтовку подбросило кверху, но Саби стояла как вкопанная. Новый выстрел, и еще, и еще. Пока Степан озираясь, она успела выстрелить четырежды.

— Да ты снайпер, — сказал он.

— Ни разу не попала, — чуть не плача выкрикнула она в ответ.

За частой пальбой Гончар не сразу различил новый звук. Но вот он приблизился и заполнил все вокруг — и от этого звука ему захотелось упасть наземь и зажать голову руками. Визг и вопли миллиона разъяренных кошек — вот что такое боевой клич сиу.

Он раздвинул ветки и выставил ствол винчестера. По воде шагах в тридцати от него проносились кони плотной пестрой стеной, как бешеная карусель. Эта стена выбрасывала струи дыма и гремела выстрелами, и желтая пена покрыла воду под ногами лошадей.

— Не высовывайся! — крикнула сзади Саби.

Что-то прошуршало в листьях совсем рядом. Степан запоздало пригнулся, но тут же распрямился — ему стало стыдно за свой испуг. Он принялся палить, почти не целясь, в мелькающих всадников. Когда винтовка замолчала, Степан отбросил ее и схватился за кольт. Расстреляв барабан, он присел, и Саби подала ему винчестер.

— Он разряжен! — крикнул Гончар.

— Уже заряжен.

Но стрелять стало не в кого: всадники словно испарились.

— Не вставать! — слышалась команда капитана. — Они оставили снайперов за ивами. Окапываться!

Пригибаясь и прячась за кустами, Гончар перебежал к Майвису и наткнулся на убитого кавалериста. Его куртка и нательная рубаша были разорваны на груди, и рядом с соском чернела ровная дырка.

— Начал перевязывать, но не успел, — сказал Майвис, стоявший на коленях рядом с телом. — У нас трое убитых. У них унесли шестерых.

— Раненые есть? — зачем-то спросил Степан.

— Раненые не в счет. Сейчас мы считаем тех, кто может отстреливаться, и тех, кто уже не может.

— Куда пропали индейцы?

— Они там, на берегу, в ложбине за ивами. Собираются снова окружить нас.

— Зачем они кружат? — спросил Степан, сквозь ветки разглядывая ивовую рощицу.

— По привычке. Так они загоняют бизонов. Так и с людьми. Кружат, кружат, выбирают слабое место, потом туда врываются. А пока одни скачут, другие стреляют. Вот Эванс встал, долго-долго целился, а выстрелить не успел. Потому что сиу быстро целился. Эванс целился в бегущего коня, а сиу — в стоячего Эванса. Хочешь быть таким, как Эванс? Не хочешь. Тогда не высовывайся.

Степан невольно снова оглянулся на убитого. По груди вокруг раны ползали мохнатые мухи. Из-под тела выглядывала красная каемка окровавленного песка.

— И долго нам тут лежать? — спросил он.

Это был очередной бессмысленный вопрос. Но Гончар не мог молчать. Потому что молчание делало его похожим на Эванса.

— Сейчас они там делятся на две банды, — говорил Майвис, глядя куда-то в небо. — Одни пойдут в обход. Другие начнут нас расстреливать. Капитан уложил коней, но лошади могут испугаться и вскочить. Таких убьют первыми. Люди тоже могут вскочить от испуга. Будут бегать с места на место. Таких тоже убьют первыми. Потом на нас набросятся со спины, пока мы будем отстреливаться. Наступит время томагавков. Последних добьют пиками.

— Нас тут пятнадцать стрелков, неужели не отобьемся?

— Их было сорок.

— Ну и что? Это не перевес для штурма.

— Ты похож на Мортимера. Он очень любит такие слова: "перевес", "маневр", "тактика". Сиу не знают, что такое перевес.

— Я им объясню, — сказал Степан Гончар.

Майвис повернул к нему спокойное лицо:

— Не злись, Зимний Туман. Сегодня отличный день для смерти.

— У меня на сегодня другие планы.

Гончар поднял винтовку убитого, стряхнул песок.

— Почему мы не стреляем по ивам? Там кто-то сидит.

— Ты видишь?

— Нет. Но если мы ударим залпом...

— То потратим патроны и срубим много-много веток.

Степан отполз, подтянув за собой тяжелый "спрингфилд", и улегся у самой воды, за мокрой корягой. Он вставил патрон и положил ствол на корягу, а сам устроился поудобнее, широко раскинув ноги. Под животом колочась мокрая жесткая трава, и струйка воды противно сползала в сапог.

Он не сводил глаз с самой высокой ивы на том берегу. В густой сетке ее седых листьев, сверкающих на ветру, ему чудился человеческий силуэт. Вот рука, схватившаяся за сук. Вот голова, едва выступающая, прижатая к стволу. "Все это, возможно, только мерещится мне. Но ведь проверить-то несложно", — подумал Степан Гончар и надавил на спусковой крючок.

Широкий приклад резко толкнулся в плечо, и дым расплескался над водой. Степан мгновенно откатился в сторону и услышал отчаянный вопль на том берегу. В следующий миг оттуда загремела, наверно, сотня винтовок. Пули срезали ветки кустарника, взметали фонтаны песка и брызг. Дико заржала раненая лошадь, другая захрипела, повалилась и забилась в агонии.

— Держите лошадей! — закричал капитан. — Не давайте им подняться! Целься! Залпом — огонь!

На беспорядочную, хотя и плотную пальбу с того берега кавалеристы Мортимера отвечали слаженными залпами своих "спрингфилдов". Степан поднял голову и увидел, что та отдельная ива, по которой он выстрелил, стала ровно вдвое ниже. Из ивняка вылетали струи дыма, за листьями мелькали тени и вспышки.

— Прекратить огонь! — скомандовал капитан.

Майвис приложил ладони ко рту и прокричал что-то в сторону индейцев. Ему ответили короткой фразой между выстрелами, и тогда он привстал на колено и изо всех сил выкрикнул что-то такое, от чего на том берегу внезапно стихла пальба.

— Ты убил сына вождя, — сказал шайен, хлопнув Степана по плечу. — Я им сказал, что то была пуля Зимнего Тумана. Они будут гордиться этим.

— Откуда они про меня знают?

— Про тебя все знают.

Снова захлопали выстрелы с того берега, но теперь они были редкими. Кавалеристы ответили залпом, и выстрелы умолкли.

— Уходят! — закричал кто-то.

— Не стрелять! Это может быть ловушка, — прокричал капитан. — Хотят вытянуть нас из укрытия!

Над ивняком за клубилось облако пыли, и оттуда донесся слитный рокот множества копыт. Рокот затихал постепенно, и пыль растаяла в воздухе. В напряженной тишине было слышно, как журчит вода, омывая опущенные ветви.

— Ушли?

— Ушли. Сержант Эванс, отправьте людей на разведку.

— Эванс убит, сэр.

— Капрал Гриффит, принимайте взвод. Двоих в разведку.

Степан Гончар снял сапог и вылил оттуда набравшуюся воду. Вода была красной. "Что за черт?" — удивился и испугался Степан. Он вдруг почувствовал, что нога подгибается сама собой, и медленно опустился на песок. Схватившись за бедро, он нащупал липкую ткань джинсов и посмотрел на ладонь — она была красной от крови.

— Да ты ранен, брат, — сказал Майвис насмешливо. — Дай посмотреть. У тебя пуля сидит в ноге.

— Не может быть, — сказал Степан, боясь посмотреть на ногу. — Я не чувствовал удара, ничего не было!

— Что же ты, сам собой свалился с кобылы? Сиу тебя достали. Это бывает, Стивен. Мой отец, вождь Красная Птица, однажды вернулся из боя с наконечником копья в боку. Так он даже не помнил, как его проткнули.

— Ты мне зубы не заговаривай, — сказал Степан, внезапно слабей. Приступ тошноты подкатил чуть ли не к глазам, и он вспомнил, что, падая с лошади, почувствовал какой-то сильный удар в ногу.

— Сейчас я ее выну, сейчас, — спокойно приговаривал Майвис. — Ну-ка, повернись на живот.

Гончар не ощущал никакой боли, и ему казалось, что шайен подшучивает над ним. Но стоило ему повернуться на живот и немного расслабить мышцы, как ногу обожгло, словно ударом хлыста. Он вскрикнул и закусил губу.

— Хорошая пуля, чистая, — удовлетворенно говорил Майвис. — Сейчас выну. А то еще бывают пули, обмотанные нитками или надрезанные. Те — хуже всего. Кромсают

человека. А твоя пуля — вот, полюбуйся, даже не помялась. Она тебя на излете догнала. Э, нет, не вставай, теперь тебя перевязать надо, пока ты все тут кровью не залил. Кровь тебе еще пригодится...

Голос шайена доносился словно издалека. Песок, корни кустов, иссеченные листья и стреляные гильзы — все закружилось перед глазами Гончара, и он опустил лицо в прохладный песок...

Ему показалось, что он закрыл глаза только на миг. Но, открыв их, увидел над собой озабоченное лицо капитана Мортимера.

— Вы можете встать, Питерс?

Степан с трудом сел на песок и увидел, что его нога выше колена обмотана окровавленной тряпкой. Тупая пульсирующая боль под повязкой еще беспокоила его, но он смог встать, опираясь на капитана.

Было слышно, как где-то рядом лопаты звонко вонзаются в плотный песок. Гончар не сразу сообразил, что находится уже не на острове, а на высоком речном берегу. А островок, где они отбивались, остался внизу и отсюда казался таким чистеньким, аккуратным, с изумрудными и седыми кустами у самой воды и парой раскидистых деревьев посередке.

— Мне очень жаль, Питерс, — сказал капитан, глядя в сторону. — Очень жаль. У нас потери. Большие потери.

Степан повернул голову туда, куда смотрел капитан, и увидел несколько песчаных холмиков. Солдаты быстро забрасывали песком последнюю, крайнюю могилу. Двое вязали кресты из оструганных тонких стволов.

— Шесть человек, — сказал капитан. — Среди них ваша... Ваша женщина, Питерс. Мне очень жаль.

"Саби погибла? Когда? Как? Почему?" — целый рой вопросов загудел в голове Степана, но он не мог выговорить ни слова.

— Мы не можем увозить с собой тела погибших, — говорил Мортимер. — Когда появится возможность, за ними вернутся. Если желаете, ее тело тоже доставят в форт. Правда, шайены хоронят не так, как мы.

"Дети, — подумал Степан. — Шаути и Вокини. Что я им скажу? Что с ними будет? Мне придется остаться с ними. Саби, Саби. Вот ты и добила своего. Я останусь в нашей палатке. Буду ходить на охоту с твоей родней. Моя слава вырастет. Саби, Саби".

— Me Sau Бис не шайенка, — сказал Майвис. — Она из племени оттава. Пусть ее тело останется здесь. Это хорошее место.

С трудом забравшись в седло, Степан оглянулся на шесть крестов, оставшихся за спиной.

— На кого у нас записан этот участок, не помните? — спросил он у Мортимера.

— Он еще не отмечен на карте.

— Так давайте отметим. Владелец этой земли — Шаути Питерс.

"Шаути будет хорошим хозяином, — подумал Степан. — Непоседа Вокини вырастет воином, охотником, а Шаути найдет применение для этой земли".

— Следует записать полное имя, — напомнил капитан. — И место проживания.

— Шаути Джефферсон Питерс. Место проживания — Эшфорд, Небраска.

Капитан сложил карту и спрятал ее обратно в планшет.

— Понимаю вас, — сказал он. — Этот участок обеспечит вашего сына на всю жизнь.

— Может быть. Если только он захочет стать фермером.

— Что? — удивился Мортимер. — Каким еще фермером? О чем вы, Питерс? Вся эта земля будет перекуплена за очень хорошие деньги в ближайшие два-три года. Мальчик получит в наследство не голую прерию, а приличный счет в банке.

— Неужели так много желающих поселиться здесь? — спросил Степан, оглядывая бескрайние холмистые просторы.

— Здесь поселится горнорудная компания Гуггенхайма. Вы не знали? Под этими травами и кустами — золото. Лопатой до него не доберешься, здесь требуется

промышленная разработка. Такое под силу только крупной компании.

— Золото, говорите? Опять это золото! Это сучье золото!

Степан выругался. По-русски. Выругался так, как давно уже не матерился, длинно и однообразно. Досталось и Гуггенхайму, и Фарберу с его бобрами, и краснокожим сиу, и всем их матерям.

От его голоса кобыла вдруг перешла на рысь и помчала, обгоняя строй. Степан, не видя ничего вокруг, неся над травой и песком. Над золотом, будь оно проклято.

Часть вторая

24. ОТЕЦ-ОСНОВАТЕЛЬ

Когда спустя три года Степан снова оказался за Волчьей рекой, здесь трудно было бы заметить какие-нибудь перемены. Земля, нарезанная на участки, давно уже сменила своих владельцев, но при этом не изменилась сама. Все так же парили канюки над прерией и струились мутные воды среди низких берегов.

Эти места оставались по-прежнему дикими, и Степан любил охотиться здесь. Они долго шли по следу небольшого стада бизонов и разделились на гребне холма. Степан с Джеффом спустились по северному склону, а Майвис, Медведь и Вокини остались на южном.

Это получилось как бы само собой. Степан не выбирал себе спутников, но почти всегда его сопровождал именно Джефф-Шаути. Чем старше становились близнецы, тем больше была заметна разница в их характерах. Вокини, получивший при крещении имя Пол, во всем старался походить на Майвиса. Он был молчаливым, замкнутым и даже на лошадей никогда не кричал, предпочитая погонять их свистом или хворостиной. А Джефф мог задать шестьдесят вопросов в минуту, и только Степан был способен долго выдерживать его напор.

— А ты был в настоящих городах, не таких, как Эшфорд? — спросил Джефф, как только остальные охотники скрылись из виду. — В таких, где люди живут друг у друга на голове в каменных домах высотой с тополь? Майвис видел такие дома в Чикаго.

— Был я в Чикаго. Видел и Бостон, и Нью-Йорк, — перечислил Степан. — В следующем году возьму тебя с собой. Пора тебе самому увидеть большие каменные дома и каменные дороги.

— Я не хочу в город.

— Я тоже. Но мне надо там уладить свои дела. Ты мне поможешь. Вдвоем мы справимся быстрее.

— Ладно, — неохотно согласился мальчишка. — Майвис говорит, что в городах люди ездят на поезде от одного дома до другого. Почему они не ходят пешком или не ездят верхом?

Степан понял, что Красная Птица говорил племяннику о конке, и принялся рассказывать Джеффу о системе общественного транспорта, стараясь не упоминать такие слова, как "метро" или "автобус". Больше всего маленького шайена удивляло то, с какой легкостью бледнолицые жители городов расставались с деньгами. Платить за то, что тебя перевезли на три сотни шагов? Платить за крышу над головой и за воду в твоём кувшине? Платить за воду — разве это не то же самое, что платить за воздух?

Так, беседуя о странностях городской жизни, они провели целый час на ветру, пересекая один холм за другим, пока наконец не увидели своего бизона.

Он брел по долине между двумя склонами. Одинокий, медлительный и неповоротливый. Совсем как трактор.

Они быстро спешили, и мальчишка отвел коней на другую сторону склона, а Степан остался лежать в можжевельнике, наблюдая за бизоном.

Бык медленно удалялся, поднимаясь по противоположному склону. До него было

метров триста пятьдесят. Далековато для "шарпса"¹⁴, даже с учетом того, что Степан сегодня засыпал в свои патроны чуть больше пороха, чем положено. Надо было подбираться поближе, и Гончар медленно пополз от одного куста до другого.

Одинокие бизоны гораздо осторожнее тех, кто пасется в стаде. Они уже знают, как опасен запах оружия. И стоит такому бизону завидеть человека с винтовкой, как он немедленно побежит прочь, сначала медленно, а потом своим неуклюжим, но поразительно быстрым галопом, и никакой скакун не догонит его.

Если этот бизон уйдет за холм, там его встретят Майвис и Горбатый Медведь, а уж это добычу не упустят. Степан легко представил, как шайены похвалят его после охоты, сказав, что Зимний Туман сегодня был самым лучшим загонщиком.

Гончар добрался до самого последнего куста и замер там. Расстояние между ним и бизоном сократилось, но все же не настолько, чтобы стрелять наверняка. И вдруг огромный бык остановился, медленно развернулся на месте и пошел вниз по склону — пошел в сторону Степана.

Бизон двигался к нему под углом, подставив бок под выстрел. Степан увидел, как ветер взъерошил его мохнатую шкуру. Он навел мушку чуть выше складки за плечом и выстрелил. Боковой ветер тут же отнес пороховой дым, и Гончар увидел, как бизон пошатнулся от удара пули.

Но бык не упал. Еще ниже опустив огромную голову, он сделал несколько медленных шагов вперед, прежде чем вторая пуля прошила его тело и взбила облачко пыли на склоне. Только после третьего попадания у него подломились передние ноги, он осел на землю, и его светлый горб застыл неподвижно.

Джефф подбежал к Степану, и обе лошади трусили следом за индейцем.

— Почему ты не подпустил его ближе? Он же шел прямо на тебя.

— А ты сам подумай. Почему он повернул в мою сторону? — спросил Гончар, собирая в траве пустые гильзы.

— Наверно, что-то его напугало с той стороны холма.

— А что могло напугать бизона?

Мальчишка расхохотался, показывая пальцем на гребень холма, где возникли фигурки всадников:

— Вокини! Вот кого испугался бык! Вот кто у нас лучший загонщик!

Степан и Джефф не торопились к убитому бизону. Там уже собрались другие охотники и первыми приступили к тяжелой, нудной и кровавой работе. Надо было снять шкуру, разделать тушу и погрузить мясо на лошадей. Мясо отвезут в деревню, и на протяжении нескольких недель женщины будут вялить его, как и мясо других добытых бизонов: нарезать мякоть на полосы и развешивать для вяления на солнце. Женщины растянут шкуры на колышках и отскоблят их. И все будут судачить о том, какой он хороший охотник, Зимний Туман, как много бизонов он добыл для своей родни. Перемоют они косточки и его белой подружке, которая поет в салуне. Наверно, это из-за нее Зимний Туман не берет себе жен из рода Горбатого Медведя, хотя у того уже подросли прелестные дочери...

Вот о чем думал Степан Гончар, неторопливо подходя к убитому бизону.

— Видишь, как надо загонять бизона? — издали крикнул ему Майвис. — Мы вывели его прямо под твой выстрел!

Вечером, как всегда по пятницам, Степан Гончар занял свое привычное место в салуне Виттакера, за угловым столиком рядом с невысокой сценой. За прошедшие годы в Верхнем Эшфорде появилось сразу три заведения, где можно было выпить и поиграть в карты. Виски везде подавали неважное, а у Виттакера оно было просто дрянным. И все-таки в пятницу вечером Гончара можно было застать только здесь.

Обычно он сидел один. Все знали о его привычках, и возле него Виттакер даже не

---

¹⁴ "Шарпс" — однозарядная винтовка системы Шарпса.

ставил второе кресло. Поэтому Харви Дрейк, появившись в салуне, бесцеремонно подтащил стул от соседнего столика. Он уселся рядом со Степаном и заказал две порции виски.

— Удивляешь ты меня, Стиви, — сказал он. — Как ты можешь сидеть весь вечер и ничего не пить?

— У тебя есть дело ко мне?

— Да нет. Просто шел мимо. Слушай, Стиви, а ведь мы давно никуда не выбирались. Может, съездим в Чикаго, развеемся?

— Я подумаю.

— Когда надумаешь, не забудь меня пригласить. А если ты вдруг наймешься кому-нибудь в проводники, я охотно составлю тебе компанию.

Харви оборачивался, рассматривая публику. Он словно искал кого-то, но пока не находил.

— Засиделся я тут, засиделся. Пора бы заняться серьезным делом. Заработать денег и махнуть в большой город. В Денвер, к примеру.

— Большой город любит большие деньги, а у тебя их нет, — спокойно ответил Гончар.

— Пока нет, пока. Стиви, если присмотреться, то заработать можно на любом пустяке. Вот час назад, например, я получил доллар ни за что. Абсолютно ни за что. Сажу я у Джексона, сажу один, потому что проиграл последние двадцать центов, и тут подсаживается ко мне какой-то хлыщ. Важно представился, угостил пивом. Ну, ты знаешь, какое у Джексона пиво. А потом кладет передо мной серебряный доллар и говорит: "А не покажете ли мне, любезный, где тут Стивен Питерс?" Я спокойно беру монету и отвечаю, что такого здесь нет.

— И что дальше?

— Он покраснел как рак и ушел. Просто встал и ушел.

— Ты мог бы предупредить меня, — сказал Степан Гончар.

— Вот я и предупреждаю. — Харви рассмеялся и встал. — Думаю, что сейчас он расспрашивает о тебе в таверне. Следующая станция — Виттакер.

— Ты куда?

— Пойду тратить чужой доллар. Смотри, Стиви, если будет выгодное дело, не забудь про меня!

Деятельная натура Харви Дрейка не давала покоя ни ему, ни его друзьям. Он был плотный и широкоплечий, и ни одна рубашка не застегивалась полностью на его груди. Шляпа, сдвинутая на затылок, не могла удержать рыжей волнистой шевелюры, и из-под вечно приподнятых светлых бровей с детским изумлением смотрели на мир голубые глаза. Любой встречный признал бы в нем наивное дитя с захолустной фермы. Но простодушная внешность была обманчива, как любая внешность. Харви родился и вырос далеко отсюда, в Нью-Йорке, в мрачном районе с характерным названием Круг Сатаны. Он рано узнал, как трудно украсть что-нибудь ценное, как дешево платят скупщики краденого и как больно дерутся полицейские. Такая жизнь была ему не по нраву, и четырнадцати лет он отправился на Запад, еще не представляя, где это, собственно, находится. Наверняка он знал только одно — там можно разбогатеть быстро и на всю жизнь. Судя по всему, Запад оказался гораздо дальше, чем ожидалось, и за прошедшие десять лет Харви Дрейк еще не достиг этой географической области.

Впрочем, он не терял время даром. Успев поработать и на золотых приисках, и на лесопилке, Харви приобрел, может быть, и не очень много полезных навыков, зато обзавелся целой армией друзей. И он всегда мог позвать с собой полдюжины смельчаков, когда проходящим мимо Эшфорда кавалеристам требовались разведчики из местных.

А такая работа подворачивалась все чаще и чаще. За весну и лето Харви успел сходить с солдатами пять или шесть раз. Хотя Степан и считался другом Дрейка, но в походы с кавалеристами он больше не ходил.

Если бы жители Верхнего Эшфорда вздумали избрать мэра, то Стивен Питерс был бы единственным кандидатом на этот пост. В конце концов, именно он построил этот город там,

где совсем недавно располагался один лишь трактир.

К Степану обращались за кредитом, у него спрашивали разрешения на порубку леса, и даже шериф советовался с ним.

Своими земельными участками Гончар распорядился именно так, как и предсказывал в свое время капитан Мортимер. То есть заложил их, на ссуду купил акций пароходной компании "Манхэттен", и дивиденды поступали на счет в банке Чейза.

Его выбор мог бы показаться странным. Никому в Эшфорде и в голову не пришло бы пристроить свои деньги в нью-йоркский банк, да еще совсем новый. Но Гончар слишком хорошо знал, что такое банковский кризис. А из всех банков, которые предлагали свои услуги, только название "Чейз Манхэттен" внушало ему доверие. Он не хотел рисковать деньгами своих детей и вложил их в банк, который, как он знал, точно не лопнет в ближайшие сто двадцать пять лет.

Конечно, вырученные деньги можно было использовать, чтобы переехать куда-нибудь в более цивилизованное место. В город с каменными домами, в которых есть горячая вода и отопление. В город с ресторанами, театрами и роскошными борделями. В портовый город, откуда можно отправиться в любую точку мира — были бы деньги. Большие города зазывали, обещая исполнение всех желаний, и многие, разбогатев на земельных спекуляциях, уезжали к их манящим огням.

Так поступали многие. Но Степан Гончар остался на месте. Каменные дома со всеми удобствами рано или поздно появятся и в Эшфорде, как появились тут магазины, гостиницы, бордель и газета. А скоро появится даже пристань, и Эрни сможет купить себе небольшой пароход, чтобы ходить на нем по Миссури. Все это — дело будущего. Надо только дождаться его и обустроиваться на месте.

А место здесь было замечательное. Эшфорд стоял на границе, как на пороге огромного неизведанного мира. И Степан Гончар любил иногда шагнуть за этот порог.

Он водил небольшие караваны по Дакоте, Вайомингу и Колорадо — сначала вместе с Майвисом, потом один. Все уже знали, что Стивен Питерс — один из лучших проводников. Он умел пользоваться картой и компасом, и он знал все дороги. А если не знал, то всегда мог спросить у индейцев. И шайены, и сиу, и оджибвеи уважали этого белого, потому что Зимний Туман никогда не обманывал, никогда не промахивался и к тому же был неуязвим для пуль.

Насчет пуль индейцы, конечно, ошибались. Но только отчасти. Гончар был уверен, что его нельзя убить. Он помнил рассказ Саби о пришельце из ущелья Туманов, который исчез в момент гибели. "Это он для индейцев исчез, — думал Степан. — А на самом-то деле тот парень наверняка вернулся в свое время, в свой мир. И все, что случилось с ним здесь, ему теперь кажется галлюцинацией". Если эта теория верна, то можно спокойно рисковать своей жизнью — ведь смерти нет, есть только переход из одного мира в другой.

Вопрос в другом — а нельзя ли вернуться в свой старый мир, не дожидаясь смерти?

Ведь с караванами Гончар ходил отнюдь не ради заработка. Его спутники искали себе подходящее место для новой жизни, а он, незаметно для всех, искал проход в свою старую жизнь. Где-то должно быть ущелье Туманов, о котором рассказывала Саби. Через это ущелье приходят люди из других миров. И Степан Гончар мечтал через него же когда-нибудь вернуться в свой мир.

Если не было подходящих караванов, то он отправлялся к Майвису и охотился с ним. Иногда они брали на охоту мальчишек. В свои девять лет Шаути и Вокини уже управлялись с лошадью и ружьем не хуже взрослых и были отличными помощниками.

Когда шайены откочевывали слишком далеко, Степан охотился в одиночку, и не менее удачно, чем с командой. На стенах гостиницы появились олени рога, а пол в его комнате почти полностью укрыла огромная медвежья шкура.

В дела своей гостиницы он не вникал, поручив их Мартину Китсу, который, впрочем, тут же перепоручил своей невестке, миссис Китс, которую он вызвал телеграммой из Орегона. Вдова быстро освоилась в новой роли, и Мартин мог не отвлекаться от своих

почтовых обязанностей и спокойно брэнчать блюзы на пианино по вечерам. Степана же миссис Китс беспокоила только тогда, когда надо было согласовать продуктовые заказы. Днем любой житель Эшфорда мог найти Степана не в кабинете, а на гостиничном крыльце — спинка стула наклонена к стене, ноги на перилах, сигара в уголке рта. Рядом — пара стульев для тех, кто хотел обсудить со Степаном свои дела, и эти стулья почти никогда не пустовали.

Сюда же ему подносили телеграммы из Нью-Йорка, от его биржевого брокера, и Гончар, подумав, давал ответ: "Продавать" или: "Покупать".

Так проходила неделя. А по пятницам его слух улаживала несравненная мадам Нимур.

Жюли уже два года как вышла замуж за Мейера Голдмэна, но ее по-прежнему называли "мадам Нимур". Для того чтобы превратиться в "миссис Голдмэн", ей требовались только три вещи — дом в Чикаго, счет в банке и ребенок. Но пока не было ребенка, она не собиралась бросать пение, а петь ей хотелось только здесь, так что дом в Чикаго может подождать, а счет пусть пока подрастет. Степан понимал, что ей просто не хочется расставаться с молодостью. Впрочем, пела она так же прекрасно, как и три года назад, если не лучше.

Он заслушался ее пением и поэтому не сразу заметил, что рядом за столиком оказался незнакомец. Светлоглазый блондин с темными усиками, загнутыми кверху, благосклонно улыбнулся и хлопнул пару раз в ладони, провожая Жюли со сцены.

— Она бесподобна, не правда ли?

Степан Гончар молча отпил глоток виски.

— Не ожидал услышать здесь такой замечательный вокал, — продолжал незнакомец. — Позвольте представиться: Фредерик Штерн, Смитсоновский институт¹⁵.

Не дождавшись ответа, Штерн запустил два пальца в карман жилетки и звонко щелкнул об стол серебряным долларом.

— Как вы относитесь к серебру, мистер Молчаливый Поклонник Оперы? В Индии с помощью серебряных монет излечивают самые разные болезни. Особенно немоту и глухоту.

— Здесь не Индия.

— Однако серебро уже подействовало. По крайней мере, у вас прорезался голос, — улыбнулся Штерн. — Если не ошибаюсь, вас зовут Стивен Питерс. Мне рассказал про вас один ваш приятель, капитан Мортимер. Рекомендовал вас как лучшего знатока шайенов в этой местности.

Гончар пожал плечами:

— Я знаю о шайенах не больше, чем любой сидящий в этом салуне. Мортимер что-то напутал, если сказал вам такое. Заберите ваши деньги. Я пришел сюда послушать музыку, а не для того, чтобы заработать доллар.

— Вы можете заработать больше, чем доллар.

Степан не успел ответить, потому что снова загремела музыка. На сцену выскочили три девицы в черных чулках и красных кружевах. Под бравурные пассажи Мартина Китса они принялись исполнять куплеты о незадачливом охотнике. Фредерик Штерн наклонился над столом, чтобы приблизиться к Гончару, и сказал, прикрыв рот ладонью:

— Пять долларов в день.

— Нет.

— Вы даже не спрашиваете, что надо делать? Пять долларов — это очень высокая плата.

— Может быть.

Степан понимал, что этот Штерн успел оценить его выгоревшую рубашку. Если бы навязчивый сосед заглянул под стол и увидел его сапоги, возможно, стартовая цена была бы иной.

---

¹⁵ Смитсоновский институт — федеральная сеть научных учреждений и музеев.

— Хорошо. Ваши условия? — Штерн уже стоял над столом, опираясь руками, лицо его покраснело от напряжения.

— Мои условия? — Степан подумал. — Десять долларов.

— Что?

— Я плачу вам десять долларов, и вы оставляете меня в покое.

Фредерик Штерн медленно опустился на стул. Девушки взвизгнули и закружились на сцене, встряхивая юбками. Это зрелище отвлекло Штерна, но не надолго.

— Хорошо, Питерс. Меня предупреждали, что вы довольно несговорчивы. А что если вы просто заглянете к нам в лагерь? Мы стоим тут недалеко. Посмотрите наших людей, посидим вместе над картой. Просто поговорим, но это все будет оплачено.

— Нет.

В салуне снова появился Харви. Он лавировал между столиками, держа перед собой табурет. Подсев к Гончару, он тихо спросил с надеждой в голосе:

— Я не опоздал? Она еще не пела Джильду?

— О, старый знакомый, — протянул Штерн. — Вы тоже поклонник оперы? Как быстро развивается культурная жизнь Запада.

— Да, мы здесь умеем ценить настоящее искусство. Или вы считаете, что таким простым парням вполне достаточно бурлеска с полуголыми красотками?

— Я так не считаю. Мадам Нимур — выдающаяся певица.

— Выпьем за ее талант! — предложил Харви и поманил официанта: — Бенни, принеси-ка нам еще три джиггера!

Брови Штерна удивленно приподнялись, и он живо извлек из кармана кожаный блокнот с карандашом.

— Как вы сказали? Три джиггера? Это сорт местного виски?

Харви удивленно посмотрел на него.

— Откуда вы, мистер Штерн?

— Мэриленд.

— Неужели у вас в Мэриленде не знают, что значит "джиггер"?

— У нас это слово означает того, кто танцует джигу.

— А мы так называем мерный стаканчик.

— Прекрасно!

Штерн записал что-то в свой блокнот и спросил:

— А какие еще местные слова у вас применяются для обозначения выпивки?

— Дайте подумать... — Харви глубокомысленно поднял глаза к потолку, но тут же опустил их, повернулся к стойке бара, и взгляд прояснился. — Например, "пони" — это стопка, а "бронко"¹⁶ — уже стакан. Когда местный житель просит плеснуть ему совсем немного, он заказывает "пять капель", но обычно у нас наливают больше, и это называется "палец".

— "Палец" говорят и у нас, и на юге, — удовлетворенно кивнул Штерн. — А как вы называете напитки?

— Здесь не так много напитков, чтобы их еще как-то называть, — рассмеялся Харви. — Виски да пиво. Но одно новое словечко я вам подскажу. У Джексона смешивают джин со сладкой водой, это называется "коктейль", запишите.

— Коктейль? — Штерн захлопнул свой блокнот. — Это слово мне незачем записывать, оно далеко не такое новое, как вам представляется. Во всяком случае, оно есть в словаре шестидесятого года. А в обыденной речи встречалось еще раньше. В Нью-Йорке одна газета разъясняла значение этого термина еще в тысяча восемьсот шестом году "Коктейль — это бодрящая смесь из алкоголя, воды, сахара и горечи". А в двадцатые годы говорили, что обычный завтрак в Кентукки состоит из трех коктейлей с тремя прицепами.

---

¹⁶ Бронко — мустанг, дикая лошадь.

— Вы не больно-то похожи на пьяницу, — уважительно заметил Харви. — А разбираетесь в этом деле не хуже последнего пропойцы.

— Я разбираюсь в языке. Язык — мой бизнес, — сказал Штерн. — Я собираю слова, как геологи собирают камни. В основном меня интересуют языки индейцев. Но и белые американцы иногда пополняют мою коллекцию.

— Неужели такое занятие приносит доход? — недоверчиво спросил Дрейк. — Может быть, купите у меня пару индейских словечек? Я могу даже спеть вам на языке шайенов.

— Вот этого не надо, — вмешался Гончар.

— Откуда вы знаете язык шайенов?

— Я свой человек в их компании, — заявил Харви. — Милейшие люди эти шайены, открытые, простодушные. Мы со Стивом каждое воскресенье проводим с ними. Так что я могу не только спеть для вас, но и сплясать или показать их детские игры. Хотите?

— Мне нужен человек, который проведет караван через земли шайенов, — сказал Штерн. — Пять долларов в день. Вас это устроит?

Харви засопел от возбуждения, переводя взгляд со Штерна на Гончара.

— Мне надо посоветоваться... Стиви, что скажешь?

— Решай сам.

— А что за караван? Вы, случайно, не динамит везете? А еще я что-то слышал о тайных поставках оружия мормонам...

— Научный караван. Экспедиция Смитсоновского института.

— Наука бывает разная... — Харви сбил шляпу на переносицу и поскреб свою курчавую макушку. — Пять долларов не такие большие деньги, чтобы рисковать своей шкурой. Шайены коварны и кровожадны. В горах каждый день лавины. Надо подумать...

Штерн пожал плечами и повернулся к Гончару, но тот поднял ладонь и предупредил:

— Вам лучше помолчать сейчас, джентльмены.

Он прервал их, потому что девицы уже убежали со сцены и у пианино снова появилась Жюли Нимур. Бесхитростный рассказ Джильды о встрече с Герцогом был прослушан Гончаром десятки раз, но он был готов внимать ангельскому голосу снова и снова. Его губы беззвучно шевелились, повторяя вслед за певицей: "В храм я вошла смиренно... Богу принести моление... И вдруг предстал мне юноша... Как чудное виденье..." Краем глаза он все же следил за своими соседями. Но волшебная сила искусства подействовала и на зануду Штерна. Он застыл, прикрыв глаза и слегка кивая головой в такт мелодии.

Арией Джильды заканчивалась музыкальная программа вечера, и Степан встал из-за стола, не дожидаясь, когда утихнут аплодисменты и восторженный свист.

— Значит, вы ученый? Это меняет дело. Если вам нужен хороший проводник по Черным холмам, я могу познакомить вас с Уоллесом, — сказал он.

— Билл Уоллес? Слышал о нем. Так он жив?

— Считается, что да. Но обычно он мертвецки пьян.

Билл Уоллес считался самым старым и самым везучим из проводников. Он появился в горах сразу после окончания войны и упорно отказывался срезать сержантские шевроны конфедерата со своего бурого сюртука. Но никто не задирал его из-за этого, хотя он, возможно, и хотел подраться, чтобышний раз пролить кровь за идеалы разгромленного Юга. Его дважды накрывала лавина, и оба раза он отделялся синяками. Однажды молния убила под ним лошадь. А из последнего похода он вернулся с тремя индейскими стрелами — они пробили его ветхий плащ с трех разных сторон, но даже не поцарапали кожу. Наверно, его спасло то, что он был тощий, как сгоревшая спичка.

Жил Уоллес в собственном доме, который кочевал за ним по всему Западу. Когда-то, еще до войны, он сколотил дом в Канзасе. Потом разобрал и перевез в Небраску. Дом перенес еще несколько операций по сборке и разборке, неизбежно теряя "лишние" детали. Сейчас, когда Уоллес снова собрал его в Эшфорде, не хватало наличников на окнах, и входная дверь упорно отказывалась закрываться. Впрочем, из дома все равно нечего было красть. Все более-менее ценное старик всегда носил при себе, и ему незачем было запирать

дом, отправляясь в очередной поход.

В окне светился огонек керосиновой лампы, и с улицы было видно, что Уоллес сидит за столом, скрестив руки на груди, и неподвижно смотрит в стенку перед собой.

— Вы говорили, что он мертвецки пьян, — заметил Штерн, заглянув в окно.

— Он мертвецки трезв, — сказал Степан Гончар. — Но это еще хуже.

Одних по пьянке тянет подраться, другие любят поваляться в грязи. Старый Уоллес, наверно, был самым безобидным пьянчугой Эшфорда. Он пил молча и сосредоточенно, пока не терял сознание. Придя в себя, он выглядел совершенно трезвым, и только неподвижный взгляд остекленевших глаз выдавал его. В такие минуты он был способен говорить и перемещаться, но делал это с единственной целью — раздобыть выпивку. Как только Уоллесу удавалось дорваться до бутылки, он молча и сосредоточенно опустошал ее — и снова валился с ног. Это продолжалось до тех пор, пока у него не появлялась работа. Получив заказ, Билл Уоллес просил сутки на размышление, седлал старую клячу и уезжал в горы, к ледяному ручью. Назавтра он был готов вести любой караван в любом направлении.

Но сегодня старый Уоллес, похоже, еще не имел никаких заказов.

Дверь сама приоткрылась, как только Гончар шагнул на скрипучее крыльцо.

— Не спится, Билл?

— Опять у меня в башке часики сломались, — пожаловался Уоллес, потягиваясь и зевая. — Целыми днями сплю как убитый, а только стемнеет — не могу глаз сомкнуть. Выпьешь чего-нибудь?

— А что есть?

— Ничего. Я думал, ты с собой принес.

Штерн вышел из-за спины Степана и протянул серебряную фляжку:

— У меня есть немного бренди. Угощайтесь.

Это был опрометчивый поступок, но Гончар не успел бы его предотвратить, даже если бы захотел.

— Сразу видно делового человека, — одобрительно кивнул Уоллес и приложился к фляжке. — Спасибо, мистер.

— У меня есть деловое предложение для вас.

— Думаю, оно мне подойдет. — Старик вытер губы рукавом. — Я согласен. Зайдите ко мне завтра вечером.

— Но... — Штерн успел подхватить его под локоть и усадить на стул.

— Согласен, — твердо повторил Уоллес с закрытыми глазами и с громким стуком уронил голову на стол.

Напрасно растерянный Штерн тряс его за плечо и щипал бесчувственное ухо. Билл Уоллес безмятежно посапывал, навалившись грудью на стол и сложив кулаки под щекой.

— Вы сами виноваты, — заметил Степан. — Не надо было давать ему спиртное. Теперь придется ждать часа три-четыре.

— Ничего, я подожду. Он дал согласие, и я не позволю ему передумать.

Штерн уселся на узкую кровать, покрытую одеялом неопределенного цвета. Он поерзал немного, проверяя ее прочность, а потом непринужденно разлегся.

— Замечательно, — проговорил он. — В таких великолепных условиях можно ждать до самого утра. Правда, я рассчитывал переночевать в гостинице, но здесь ничем не хуже. Во всяком случае, здесь спокойнее, чем в лагере. Мы стоим у озера, а там целые тучи комаров. Интересно, сколько выпивки потребляет наш проводник за сутки? Я имею в виду такое потребление, при котором он сохраняет ориентацию. Надо будет рассчитать его рацион, чтобы он не завел нас в Канаду.

— Не беспокойтесь. Он пьет только дома.

— Замечательно! Профессор Фарбер не доверяет ни трезвенникам, ни пьяницам.

— Профессор Фарбер?

Степан хотел было засыпать этого зануду вопросами о Фарбере. Как он, где он, чем сейчас занимается? Чем закончилась его работа над "золотыми" бобрами? Что с дочкой? За

все эти годы он не получил от профессора ни одной весточки. Понятно, что здесь не принято переписываться. В конце концов, чужие люди. Правда, Степан поначалу думал, что не такие уж и чужие... Но профессор, судя по всему, полагал иначе. Да он, видать, и позабыл давно какого-то там Стивена Питерса...

— Профессор Фарбер, — задумчиво повторил Степан.

— Да, тот самый, знаменитый геолог, — важно произнес Штерн. — Конгресс поручил ему весьма важное дело в этих горах, и профессор даже отложил свою экспедицию в Африку ради такого задания. Вот видите, с каким человеком вы могли бы работать. Может быть, передумаете? Я бы охотнее платил вам, чем кому-то другому.

— Нет, — покачал головой Степан Гончар. — Мне не нужны деньги Конгресса.

25. МЕРТВЕЦКИ ТРЕЗВЫЙ

Когда утром Харви Дрейк появился в комнате Гончара, от него заметно пахло духами.

— Стивен, ты знаешь, от какого предложения вчера отказался? Этот Фредерик Штерн — помощник самого Фарбера! Помнишь того чудака, которого мы отбили у банды Юдла? Так он снова объявился в наших краях!

Остаток вчерашнего дня Харви провел в обществе самых осведомленных жителей Эшфорда. Но прежде чем застрять в борделе, он успел немало выведать и без помощи своих душистых информаторов.

Для начала он отправился на железнодорожную станцию и навел справки обо всех пассажирах, прибывших с последним поездом. Его интересовал приличный джентльмен с усиками, который записывал необычные словечки. Но такого среди пассажиров не было. А были восемнадцать китайцев, которые остановились в постоялом дворе при станции, заняв одну комнатку на чердаке. Были еще проповедник с женой и тремя ее сестрами, эта семейка заняла более просторную комнату. А еще один пассажир, сойдя с поезда "Сан-Франциско — Омаха", тут же отправился в конюшню, купил лошадь и помчался куда-то к озеру.

Судя по описаниям, это был не Фредерик Штерн. Не носил усов, не сорил деньгами и меньше всего был похож на ученого, который собирает слова. Он только спросил, как побыстрее проехать к озеру. Этот странный тип глубоко врезался в память хозяина конюшни, потому что заплатил не торгуясь и заодно прикупил две дюжины патронов для винчестера. Еще большее впечатление произвел он на буфетчика. Приезжий заглянул в станционный буфет только для того, чтобы купить кусок пирога. Но буфетчик успел распознать в нем мормона. Потому что только мормоны носят черное, держатся заносчиво и никогда не подходят к стойке бара, чтобы освежиться после долгого путешествия.

Харви хотел расспросить буфетчика подробнее об этом мормоне, но тут сверху спустилось пресвитерианское семейство, и сам проповедник, не дожидаясь расспросов, заявил, что их спутник был не мормоном, а геологом и направлялся он в экспедицию профессора Фарбера, который ищет новые залежи золота. Профессор Фарбер верил, что в Америке золото лежит под ногами у каждого, надо только наклониться и достать его. Последователи профессора рассчитывали, что через несколько десятилетий все американцы станут миллионерами. Всю долгую дорогу от Тихого океана до Скалистых гор проповедник пытался разъяснить этому упрямцу порочность его заблуждения.

Харви ловко остановил патетическую речь, напрямую спросив, как найти этого Фарбера. Проповедник только скорбно поджал губы и отвернулся.

Ни жена проповедника, ни ее сестры не собирались объяснять, как отыскать дорогу к экспедиции профессора. Поэтому пытливый, юноша обратился к другим женщинам, которые знали все обо всех.

В скромном отеле "Золотая Мечта", где все номера были пожизненно заняты дамами, его всегда встречали с искренней радостью. Он был небогат, но щедр и умел быстро и без обид прекращать любые свары между клиентами. Хозяйка неоднократно предлагала ему место буфетчика, но Харви каждый раз подсовывал ей вместо себя кого-нибудь из

приятелей. Впрочем, парни не держались на этой опасной работе дольше месяца, и в последнее время Харви Дрейк избегал появляться в "Золотой Мечте", чтобы снова не огорчить хозяйку отказом.

Вчера он заявился туда без традиционного букетика и с таинственным видом попросил у хозяйки пять минут для серьезного разговора.

— Ты уложился в пять минут? — удивленно перебил его Степан Гончар.

— Хватило бы и минуты. Хватило бы и нескольких слов, чтобы сказать все. Но ты же знаешь женщин! — Харви сокрушенно развел руками. — Мне пришлось переговорить по пять минут с каждой из девчонок, и у каждой из них свое понимание о том, что такое "пять минут"!

Оказалось, что об экспедиции профессора Фарбера не знал только один человек на всем Западе, и этим единственным олухом был именно Харви Дрейк. Целый караван чудаков-геологов бродил по Черным холмам еще с прошлого года. Доктор Фарбер неплохо платил проводникам, но геологи никого не нанимали надолго. Местные жители нужны были им только для того, чтобы дойти до какой-нибудь точки, отмеченной на карте их предводителя. А там они разбивали лагерь, проводника отпускали домой и принимались за свою непонятную работу. Геологи никогда не возвращались в город, из которого выходили с проводником. Закончив дела, они сворачивали лагерь, сами, без помощи местных знатоков, шли к другому городу, и там история повторялась.

Порядочные люди так не поступают, единодушно заявляли девушки из "Золотой Мечты". Порядочные люди нанимают проводников на весь сезон и ни от кого не прячутся. Порядочные люди не появляются внезапно в тех местах, где их никто не ждет. И порядочные люди не просят показать им дорогу туда, куда никто не ходит.

— Ты выяснил, где они уже побывали? — спросил Степан Гончар.

— Выяснил. Даже записал, чтоб ты потом не придирался. Но я ничего не понял. Их начальник, этот профессор Фарбер, странный тип. Просто чокнутый. Что ты скажешь об их маршруте?

Харви развернул на столе розовую салфетку с еле заметными следами карандаша. Гончар глянул на нее и сказал:

— Да, странно. Это не маршрут, а путь слепого пьяницы.

— Смотри, в Саратоге он нанимает проводника до Крэйга и отправляется на юг, так? Но потом он вдруг оказывается в Рок Спрингс, то есть на севере, и оттуда движется в Ивенстон. А перед тем как попасть в наши края, его экспедиция целый месяц топталась в Юте. Я же говорю, профессор — чокнутый!

— Но знаешь, в Конгрессе думают, что он здоров. Я слышал, экспедиция оплачена из кармана правительства.

— Неудивительно, — ухмыльнулся Харви. — В Конгрессе сидят такие же мудрецы, как мистер Фарбер. Мало того что он мечется из стороны в сторону. Он еще забирается в самые непригодные для людей уголки. Вот рассуди сам, Стивен. Даже если он найдет золото, или серебро, или хотя бы свинец там, где нет ни одной тропинки, — что с того? Много ли пользы от золота, которое нельзя вывезти?

— Тропинку протоптать недолго. А за золотом потянутся другие чокнутые и натопчут дорогу. Никакие скалы их не остановят.

— Значит, ты думаешь, они ищут золото?

— Ничего я не думаю. Мне нет никакого дела до этого.

— Мне тоже все равно, — сказал Харви. — Я не знаю, что ищет профессор Фарбер. Но мы с тобой найдем это раньше, чем он.

— Я не собираюсь ничего искать, — отрезал Гончар.

— Искать? Разве я предлагаю тебе искать? Искать будет профессор, ему за это деньги платят. А мы будем незаметно держаться у него на хвосте. И как только он выведет нас на золотоносный район, мы с тобой живо застолбим там свои участки. Ну что, как тебе моя идея?

— Это твоя идея.

— Ты что, отказываешься? погоди, не отвечай. — Харви возбужденно прошелся из угла в угол. — Я не понимаю, что с тобой творится в последнее время. Ты сидишь на одном месте. Не навещаешь даже старых подружек. Если бы ты пьянствовал, мне было бы легче понять тебя. Но я уже забыл, когда видел тебя пьяным, Стивен! А сегодня ты отказываешься от золотой жилы! Ага, ты, видно, не хочешь обставить этого Фарбера? Да кто он такой, этот профессор? Мы спасли его шкуру, а он уехал и даже спасибо не сказал!

— Он сказал.

Их разговор был прерван стуком в дверь.

— Стивен, ты можешь поговорить с шерифом? — спросил Мартин Китс. — Он искал тебя.

Харви быстро спрятал свою розовую салфетку с картой, и Гончар открыл дверь.

— Почему же ты не отправил его ко мне?

— Не хотел мешать. Шериф Коннели просил передать, что он ждет тебя в доме Уоллеса.

Дождавшись, когда затихнут шаги на лестнице, Харви Дрейк насмешливо протянул:

— Вот это да! Стив, ты хорошо устроился. Меня, например, шериф может схватить за шиворот в любое время дня и ночи. А к тебе он скоро будет записываться на прием.

— Брось. Вчера Уоллес был совсем плох. Как бы не начал буяннить. Ты пойдешь со мной?

— Конечно, пойду. Я не бросаю друзей, даже когда их вызывает шериф.

Возле дома Уоллеса они увидели нескольких лошадей, среди которых выделялась пегая кобыла шерифа. У крыльца переговаривались двое старожилов Эшфорда — доктор и гробовщик.

Когда-то они даже жили в соседних палатках. Тогда на месте города стоял палаточный лагерь, окруженный фургонами. Доктор долго скрывал свою истинную профессию, и вместе со всеми спозаранку уходил к реке, и вместе со всеми стоял по колено в воде, наклонившись над лотком, и вместе со всеми однажды перестал искать золото, которого здесь оказалось слишком мало. Но к тому времени вокруг поселка старателей уже появились лавки, трактиры и постоянные дворы, появилось множество людей, и люди калечились, люди болели, люди рожали — людям был нужен доктор. И Джозеф Аткинс достал из чемоданчика свои дипломы и лицензии. Он оказался искусным врачом-терапевтом, а его бывший партнер по истощенному участку оказался не менее искусным гробовщиком.

— Чудесный денек сегодня, — заметил доктор Аткинс, приветствуя Степана. — Мой барометр предсказывает, что такая погода еще продержится.

— А мои колени считают, что ваш барометр врет, как всегда, — сказал гробовщик. — К вечеру ждите дождя, джентльмены.

— Уж вы-то, старина, не должны жаловаться на дождь.

— Я и не жалуюсь. Мокрую землю копать гораздо приятнее.

В открытом окне показался шериф Коннели.

— Питерс, заходи, — попросил он озабоченно. — Есть пара вопросов к тебе.

Зайдя в дом, Степан Гончар увидел почти ту же самую картину, какую оставил здесь вчера ночью. Старый Уоллес сидел за столом, уткнувшись лицом в локоть согнутой руки. Разница была только в том, что сейчас он был не мертвецки пьяным, а просто мертвым.

Стол был залит кровью, на полу тоже блеснула красная лужа. Правая рука Уоллеса свисала, и под ней на полу валялся револьвер.

— Видишь, до чего доводит пьянство? — с суровой назидательностью произнес шериф. — Говорят, ты вчера привел к Уоллесу гостя?

— Да.

— Кто такой?

Степан Гончар пожал плечами:

— Бродяга.

— Что ему было нужно?

— Проводник.

Шериф держал в руках визитную карточку.

— Этот бродяга кое-что забыл, — сказал он. — Я нашел это на столе, под фляжкой. И десять долларов в дырявом кармане Билла. Похоже, что бродяга выдает себя за Фредерика Штерна из Смитсоновского института. И привык оставлять щедрый задаток. Люди говорят, что вы с ним долго сидели в салуне. Это правда?

— Не так долго.

— О чем вы говорили?

— О музыке.

— О музыке, — с сомнением в голосе повторил Коннели. — Это его фляжка?

— Да. Он угостил Уоллеса.

— Щедрый бродяга, очень щедрый. А как вел себя Билл, когда вы пришли?

— Как обычно. Глотнул и свалился. Этот человек остался ждать, пока он очухается. А я ушел.

— Ты догадываешься, что случилось? — спросил шериф.

— Нет. А ты?

— Нетрудно догадаться. Щедрому бродяге надоело ждать. Он оставил свою карточку и задаток, а сам ушел. Наверняка он скоро вернется сюда. Только вот Билл его подвел. Не знаю, что ему привиделось, но он допил бренди и выстрелил себе в ухо.

— Не думал я, что старик на такое способен, — сказал Степан Гончар.

— Все пьяницы кончают одинаково, — заключил Коннели. — Ты, наверно, не знаешь, что Билл давно к этому катился. С тех самых пор, как его полковник застрелился в день капитуляции Роберта Ли¹⁷. Вот с того самого дня Билл и начал пить так, как никто больше не пил. Бедняга пьянствовал, чтобы не отправиться за командиром. Он сам мне рассказывал. Все хотел объяснить, что такое честь и гордость настоящего южанина. Жалко... Жалко, что он не прострелил себе башку где-нибудь в другом месте.

Шериф вышел вместе со Степаном из комнаты и сказал гробовщику:

— Можете приступать. За все услуги платит Билл. Думаю, десяти долларов хватит.

— Он большего и не стоит. Но за ним остался еще старый должок на сорок долларов, — проворчал гробовщик.

— Ты их получишь после продажи дома, — ответил шериф.

— Вряд ли мы найдем покупателя на эту лачугу, — сказал Степан. — Знаешь, Брайан, на станции появилась кучка китайцев. Похоже, что это те самые, что работали на прокладке железной дороги. Сейчас они остались без работы, вот я и думаю, чем они станут заниматься в Эшфорде.

— Есть идеи?

— Если ты случайно будешь на станции, загляни к ним, — предложил Степан. — Возможно, их вполне устроит дом Билла. Пусть живут здесь. Они могли бы открыть прачечную. Или харчевню. Или и то и другое. Те, кто будет останавливаться у нас по пути в Дакоту, смогут привести в порядок одежду. А городская казна получит еще несколько долларов.

— Насчет прачечной — хорошая идея, — согласился шериф. — Только у меня есть идея получше. Джексон подходил к тебе насчет казино?

— Был он у меня.

— И ты ему отказал?

— Хочу посоветоваться с тобой, — сказал Степан. — Я не против казино. Я против того, чтобы оно стояло в центре города. Вот на станции, рядом с борделем, ему самое место.

— Но тогда там будут ошиваться чужаки, — недовольно протянул Коннели. — Всякий

---

¹⁷ Генерал Роберт Ли — главнокомандующий силами Юга в Гражданской войне 1861-1865 гг.

сброд с проходящих поездов. Начнутся разборки. Стрельба, поножовщина.

— Ты считаешь, что стрельба в центре города звучит лучше, чем за городом? И потом, не забывай, в центре мы наметили место для школы. Не слишком подходящее соседство, как ты считаешь?

— Знаешь, Питерс, я лучше не разрешу ему вообще разворачивать это дело, — махнул рукой шериф. — Проживем без казино.

— Вот и хорошо, — согласился Гончар. — Что думаешь делать с Биллом? Наверно, надо известить судью?

— Сейчас надо дожидаться этого мистера Штерна. К нему есть пара вопросов.

— А если он не появится? — спросил Гончар.

— Если он не появится, мы его найдем. Не мог же он улететь на Луну. Он где-то рядом, этот Штерн. Самоубийство — это ведь тоже убийство. Разве что вешать за него уже некого. Надо все это как-то уладить. Доктор, напишите мне какую-нибудь бумажку для судьи.

— Напишу. — Аткинс кивнул. — Шериф, а вы помните, какое жаркое лето было в шестьдесят шестом году, когда Уоллес появился в наших краях? Просто ад кромешный, все выгорело вокруг, помните?

— Да.

— Помните, как Уоллес ставил ловушки возле каждой лужи? И кого только не ловил тогда своими силками. Он был мастер вязать петли. Да, такое лето не забудешь...

Шериф Коннели остался у дома покойника, придирчиво оглядывая покосившиеся стены, а Гончар еще немного проводил доктора Аткинса, беседуя о погоде. Харви терпеливо ждал, когда они наконец придут к традиционному выводу о том, что климат портится с каждым годом. И только распрощавшись с доктором и отойдя вместе с Гончаром достаточно далеко, он спросил:

— Ну, что сказал шериф?

— Самоубийство.

— Он спрашивал тебя об этом Штерне?

— Да.

— Ты ничего не знаешь, и я тоже! — выпалил Харви. — Покойнику уже все равно, а нам лишние неприятности не нужны.

Гончар не отвечал приятно, задумавшись о своем. Слова доктора о жарком лете напомнили ему, что, прежде чем стать проводником, Уоллес долго был траппером. Он забирался в нехоженые дебри, ставил там ловушки, набивал мешок бобровыми шкурками, потом сдавал их и пропивал выручку. Он мог бы так жить и дальше, но длительное воздержание давалось ему все труднее. Проводником он зарабатывал поменьше, но зато мог чаще прикладываться к бутылке. Об этом хорошо знали все. Но так же хорошо все знали и о том, что Билл терпеть не мог стрельбы. Он не стрелял даже по куропаткам, предпочитая ловить их силками. И если бы такой человек захотел наложить на себя руки, вряд ли он применил бы револьвер. Его ловкие пальцы могли бы связать отличную петлю так же легко, как палец шерифа мог бы нажать на спусковой крючок.

Но Коннели сказал, что старик выстрелил себе в ухо.

Степан Гончар не мог этому поверить. И он не верил, что в это мог поверить шериф. Именно из-за недоверия Гончар и не стал рассказывать шерифу ничего лишнего. "О чем вы говорили?" Какое дело шерифу до того, о чем мог говорить незнакомец?

Удаляясь от дома Уоллеса, Степан с трудом удерживался, чтобы не оглянуться. Казалось, кто-то пристально смотрит ему в спину.

— Стивен, а кто эти трое парней, с которыми шушукается шериф? — спросил Харви.

Пришлось остановиться и бросить взгляд назад. Коннели переговаривался с какими-то бородачами в длинных плащах.

— Не знаю.

— Я их видел вчера у Джексона, — вспомнил Харви. — Но они не играли, а только сидели в углу и тянули пиво. Может быть, это люди Штерна? Геологи?

— Тогда тебе стоит поговорить с ними.
— Мне? С ними?
— Ты же хотел к ним наняться. Место проводника снова свободно, — сказал Гончар.
— Об этом надо говорить с их боссом. Черт, ну, почему я сразу не согласился?! — воскликнул Харви. — Глядишь, старина Уоллес остался бы жив.
— Если ты еще не передумал, собирайся. Поедешь со мной.
— Куда?
— В лагерь геологов. Мне хочется спросить кое-что у мистера Штерна. А ты получишь работу.
— Я? Погоди, Стивен. Они ведь искали тебя, а не меня. Им нужен опытный человек. Это же геологи... Все-таки там профессор командует, а не торговец какой-то...
— Ты уже не хочешь съездить в Денвер?
Харви вздохнул:
— Ладно. Если они возьмут меня, хорошо. Не возьмут — тоже неплохо. Но лучше всего нам бы устроиться к ним вдвоем.
— Проводники не работают парами, — отрезал Степан Гончар.

26. СНОВА ФАРБЕР

Они неторопливо скакали по седой траве над обрывистым берегом озера. Вспомнив свой короткий разговор со Штерном, Гончар решил, что лагерь экспедиции находится где-то на северном берегу. Там было несколько удобных мест для стоянки, потому что на северной стороне в озеро впадали горные ручьи. В самом же озере вода была соленая, и пить ее было нельзя.

У широкого извилистого оврага Степан Гончар остановился и поднял руку, словно за ним двигался не один Харви, а целый караван:

— Послушай.

Харви спрыгнул с коня и припал к земле. Он обожал всякие следопытские фокусы — нюхать ветер, ковыряться в помете или, как сейчас, прижимать ухо к земле, чтобы услышать конский топот. Чтению следов он учился в основном у шайенов, когда навещал их вместе с Гончаром. Для него это было именно чтением — он не мог молча идти по следу, а должен был обязательно рассказывать о том, что видит. Наверно, в его роду были гадалки, читавшие следы чужих судеб по руке или картам.

— Они скачут по солончакам, — произнес Харви замогильным голосом. — Три или четыре лошади, не больше. Вот, они тоже остановились. Может быть, видят нас?

— Нет, идут по следам, — сказал Степан. — Они не собираются нас догонять. Мы им не нужны.

— Думаешь, хотят, чтобы мы вывели их на лагерь?

— Ничего я не думаю. Но от них пора избавиться. Разведи костер где-нибудь подальше отсюда, покажи, что мы остановились на привал. Пусть и они постоят на месте. А я пока займусь следами.

Степан срезал две широкие ивовые ветки и повел лошадей к озеру. Они спустились по осыпающемуся обрыву, съезжая на прямых передних ногах и приседая на задние, оставив за собой широкую полосу взрытой темной земли. Заведя лошадей в озеро, Гончар, двигаясь по колено в воде, прошел с ними вдоль берега пару сотен шагов. Оглянувшись, он увидел над берегом высокий легкий дымок. "Надеюсь, его вижу не только я", — подумал он.

Сначала он вывел из воды свою вороную кобылу. Ее подковы звонко щелкали по гальке, устилавшей узкое русло пересохшего ручейка. Степан помог лошади взобраться на высокий берег, подвел к оврагу. Он потянул за гриву, осаживая кобылу, и она застыла на месте. Хорошо воспитанный индейский конь будет стоять неподвижно, пока хозяин не подаст другую команду. Кобыла Гончара, которую звали Тучкой, выросла в шайенском табуне, и Степан всерьез считал ее умнее многих своих знакомых.

Затем он привел гнедую кобылу Харви. Умные лошади ступали след в след, и Гончару было несложно разгладить песок за ними парой ивовых ветвей. Он еще присыпал дорожку сухой травой, чтобы она стала совершенно незаметной, а потом присел и придирчиво оглядел песок под разными углами.

Он не был уверен, что его уловка заставит преследователей повернуть обратно. Но в любом случае они потеряют на этом месте немало времени. Может быть, этих минут и хватит, чтобы оторваться от них и добраться до лагеря.

"Как хорошо работать с молодым напарником", — подумал Гончар, вспомнив, что Харви первым заметил погоню. Примерно через полчаса после того, как они выехали из города, его зоркие глаза разглядели позади в дымке горизонта почти незаметное облачко пыли. Здесь, на холмистой равнине, не было никаких дорог, и каждый был волен ехать в любую сторону по невысокой редкой траве. Например, в сторону ранчо, на юг. Или в сторону железной дороги, на запад. Но поднятая пыль предупредила Степана и Харви, что кто-то упорно, хоть и не слишком быстро, скакал следом за ними на север, в дикую степь, к безжизненным берегам соленого озера. Кто это был? Охотники? Им здесь нечего ловить. Кавалерийский патруль? Солдаты не отправляются в путь такими малочисленными отрядами.

"Кто бы вы ни были, нам незачем встречаться", — думал Степан Гончар, оглядывая горизонт.

До него донесся запах кофе, и он свистнул, подзывая Дрейка. Тот махнул ему, приглашая к костру, но Гончар отрицательно мотнул головой и показал пальцем на вход в овраг.

Харви подошел к нему:

— Я все приготовил, прошу к столу.

— Зря потратил кофе. Я же просил только развести костер. Поехали, надо спешить.

— Сейчас, только огонь залью...

— Не надо.

— Ты хочешь оставить открытый огонь?

— Незагашенный окурок, который бросают в траву — это одно, а аккуратный костер — это другое, — сказал Гончар. — Прикрой его булыжниками, чтобы искры не разлетались, и поехали.

— Искры все равно разлетятся, а трава сухая, как порох, — упрямо пробурчал Харви. — Не нравится мне это. А с кофе что прикажешь делать? Вылить на землю?

— Оставь кофейник.

— Что? Полный кофейник? Думаешь, он тут дождетсЯ, когда мы поедем обратно?

— Мы не поедем обратно.

— Не поедем?

— Не этим путем.

— Оставить кофейник! — с отчаянием повторил Дрейк. — И костер оставить. Понятно. Хорошая головоломка. Но не нравится мне это. Не хочу я, чтоб на моей совести был еще и пожар.

— Запишешь его на мой счет.

— Записал. Плюс кофейник. И кофе!

Стенки оврага раздались в стороны, и впереди открылся северный берег озера — над зеленой гладкой водой высилась рыжая стена слоистого известняка, разделенная глубокими промоинами и каньонами. В одном из таких каньонов Гончар заметил отблеск стекла.

— За нами следят в подзорную трубу. — Харви вытянул палец. — Стивен, помаши им шляпой. Будь поласковее с профессором, если хочешь, чтобы меня приняли на работу.

Через десять минут они остановились там, где в озеро вливался ручей, растекаясь среди песчаных наносов. Над ручьем их поджидал всадник в черном плаще. Он церемонно приложил два пальца к черной шляпе и представился:

— Сержант Джекобе, экспедиция Смитсоновского института. Полагаю, джентльмены,

что вы — проводники из Эшфорда? Признаться, я подумал, что вы уже не приедете. Почему вы так задержались?

— Ваш проводник не приедет, — ответил Гончар. — Я привел вам другого.

— Как вы нас нашли?

— По вашим следам, сэр, — беспечно улыбнулся Харви. — Это ведь вы сошли с поезда из Сан-Франциско, купили на станции лошадь и патроны, запаслись в буфете едой и помчались сюда, к озеру? Все это я прочитал по вашим следам.

— Почему не приехал проводник, которого нанял мистер Штерн? — бесстрастно спросил сержант, пропустив мимо ушей тираду Харви.

— Как раз об этом мне надо переговорить с профессором Фарбером, — ответил Гончар.

Джекобе смерил его строгим взглядом, кивнул и развернул коня:

— Следуйте за мной.

Поднимаясь вверх по ручью, они увидели, что вход в каньон перегорожен парой фургонов. Между фургонами стоял человек в выгоревшей рабочей робе, опоясанный патронташем и с винтовкой на плече.

Здесь они спешили и, следуя за сержантом, обнаружили несколько белых палаток под отвесной стеной каньона.

Возле крайней палатки за большим раскладным столом сидели две женщины в шляпах и синих рабочих комбинезонах, а напротив располагались двое мужчин. В одном из них Гончар узнал Штерна. Другого Степан видел со спины, но, очевидно, это был доктор Фарбер. Они обедали. Пожилая женщина разливала суп по тарелкам. Когда сержант подвел Гончара с Харви к столу, она проговорила:

— Росита! У нас гости! Еще два прибора, пожалуйста!

Из палатки выглянула негритянка.

— Спасибо, не стоит, — сказал Гончар. — Мне надо переговорить с доктором Фарбером. Лучше бы наедине.

Профессор живо обернулся и встал, отводя прядь длинных седых волос с высокого лба.

— Рад видеть вас, мистер Питерс. Не ожидал, что мы снова встретимся.

— Я тоже рад, док. Где мы можем переговорить?

— У меня нет секретов от моих близких, — мягко сказал доктор Фарбер. — Все, что вы скажете мне, должно быть известно и им. Вы из города?

Фредерик Штерн тоже встал, разворачивая салфетку:

— Позвольте вас познакомить, сэр. Это мистер Стивен Питерс, проводник. И мистер Харви Дрейк. Я предлагал им работу, но вчера они не дали определенного ответа. Поэтому вместо них я нанял мистера Уоллеса. Кстати, почему его до сих пор нет, не знаете, Питерс?

— Знаю. Он умер.

— Что? — Штерн нахмурился, и лицо его мгновенно покраснело.

Пожилая женщина застыла над супницей с тарелкой в одной руке и половником в другой. Вторая женщина невозмутимо продолжала есть суп. Негритянка, глядя из-за полога палатки, быстро перекрестилась.

Профессор Фарбер первым нарушил молчание.

— Присядьте к столу, господа, — попросил он. — Что случилось с тем человеком?

— Он застрелился. По крайней мере, так объявил шериф.

— У вас иное мнение? — спросил Штерн.

— Неважно.

— Очень странно. Этот Уоллес очнулся перед самым рассветом и выглядел вполне нормальным. Мы обо всем договорились, и я уехал.

— Значит, договорились? Вы оставили ему задаток?

— Пришлось. — Штерн покачал головой. — Мы, как правило, не платим авансов. Но ему надо было собраться в дорогу.

— На столе в доме Уоллеса нашли вашу визитную карточку и деньги, — сказал Степан.

— Десять долларов.

— Визитку он должен был предъявить охраннику лагеря. А деньги, выходит, пропали?

— Нет. Они пойдут на оплату похорон.

— Полагаю, надо немедленно увидаться с шерифом, — сказал профессор. — Это дело следует уладить как можно скорее.

— Шериф хочет того же. Уладить это дело.

— Я еду сейчас же. — Штерн бросил салфетку на стол.

— Правильно. Сержант Джекобе! Вы все слышали? Отправляйтесь в город с мистером Штерном, — распорядился профессор.

Джекобе поправил свою черную шляпу, запахнул плащ и молча повернулся, но Степан остановил его:

— Подождите меня, сержант. Отправимся вместе.

— Я знаю дорогу.

— Дело не в дороге... — начал было Гончар, но профессор Фарбер перебил:

— Сержант справится и сам. А вы, господа, все же присядьте к столу. Мне неудобно так долго стоять перед вами навытяжку.

Гончар сел на складной табурет, проводив взглядом Джекобса и Штерна.

— Скажите, господа. — Профессор потер виски кончиками пальцев. — Насколько я понимаю, вы предлагаете свои услуги?

Харви вскочил со своего табурета, тиская шляпу в руках:

— Так точно, сэр! Ваш помощник договорился со мной! Я согласился провести ваш караван через земли шайенов. Он обещал платить пять долларов в день.

— Так и есть, — подтвердил Гончар. — Рекомендую. Харви Дрейк — надежный проводник.

— Хорошо, — кивнул профессор. — Когда вы будете готовы, мистер Дрейк?

— Я уже готов, сэр! Хоть сейчас в дорогу!

— Мы выступим завтра утром. Можете пока расположиться в палатке, Росита вас проводит. Мистер Питерс, вы уверены, что не хотите отправиться с нами?

— Уверен. — Гончар остался сидеть, несмотря на то что слова профессора прозвучали как вежливое прощание. — Извините, профессор, но это еще не все, что я хотел вам сказать. Мне кажется, вам надо быть осторожнее.

— Почему вам так кажется?

— Вас ищут какие-то люди. Подозрительные типы.

— Меня? Они спрашивали вас обо мне?

— Нет, не спрашивали. Но они следят за мной с того момента, как я отправился к вам. Сейчас они где-то поблизости. Я немного оторвался от них, но в конце концов они все равно найдут ваш лагерь.

— И будут сильно разочарованы, — ответил профессор. — Если это воры, то их добыча будет состоять из никому не нужных камней.

— Может быть, им нужны как раз эти камни, — сказал Гончар. — А может быть, их интересуют ваши лошади, продукты и деньги. Говорят, вы хорошо платите своим рабочим. Как говорится, ни одно доброе дело не останется безнаказанным.

— Глубокая мысль, — саркастически улыбнулся профессор Фарбер.

— Спасибо за предупреждение, — сказала пожилая дама. — Но почему вы так плохо думаете о незнакомых людях? Может быть, они просто ищут работу?

— Может быть.

Девушка, сидевшая за столом, отодвинула тарелку, вытерла губы салфеткой и деловито спросила:

— Сколько их?

— Трое или четверо.

— Тогда не о чем и говорить, — сказала она, вставая из-за стола.

Только теперь, услышав ее голос, Степан узнал в ней профессорскую дочку, Мелиссу.

Она сильно изменилась за те годы, что прошли с их первой и последней встречи.

Милли сняла шляпу и встряхнула черными волосами, рассыпав их по плечам. Обветренная кожа туго обтягивала высокие скулы, нос шелушился, и знакомые темные глаза смотрели на Степана с веселым вызовом, словно спрашивая: "Ну, как я вам нравлюсь?" Гончар отвел взгляд, смутившись.

— Не волнуйтесь за нас, — произнес профессор. — Мы знаем, как обращаться с такой публикой. У нас есть все, чтобы встретить этих людей. Такие встречи неизбежны, и мы к ним готовы.

— Рад за вас. — Гончар встал. — Но на вашем месте я бы перенес лагерь ближе к городу. Наши жители не дадут вас в обиду.

— Хорошая идея, — кивнул профессор. — Как только закончится наше исследование на этом берегу озера, мы перекочем под могучие стены вашей Трои.

— Это не Троя, а Эшфорд, сэр. Желаю удачи в исследованиях.

27. НЕВИДИМКИ В ЗАСАДЕ

Отъехав от лагеря геологов не больше чем на милю, Степан Гончар остановился, достал бинокль и внимательно осмотрелся.

Следы, которые оставили кони Джекобса и Штерна, вели в сторону озера. Сержант и в самом деле хорошо знал дорогу — отправился в город не напрямик по холмам, а вдоль берега. Этот путь немного длиннее, но зато коню не придется то взбираться на холмы, то вязнуть в песчаных осыпях.

Гончар не спешил возвращаться в город, поэтому он свернул в сторону, и скоро кобыла вынесла его к вершине холма. Здесь он спешился и, оставив Тучку на склоне, пешком добрался до гребня. Отсюда, лежа под низким разлапистым деревцем, он еще раз внимательно осмотрел холмистую степь, где волны седой травы перекатывались между зеленых и бурых шапок кустов.

Ничего подозрительного. Как всегда, вспархивали над травой редкие перепела, а в небе лениво кружил одинокий канюк, приглядывая за ними. Мелькнула между кустами рыжая спина койота, пропала и снова появилась, выгнувшись над травой. Гончар навел на него бинокль и увидел, как быстро мелькают передние лапы, разрывая чью-то норку. Вот койот подпрыгнул на месте, мотнул головой и отбежал в сторону, а из пасти его уже свисала тушка суслика.

"Этот удачно поохотился, — подумал Степан Гончар. — А где же другие охотники? Не нравятся мне эти невидимки". Его тревожило то, что он не смог разглядеть в степи своих преследователей. Хорошо, если они повернули назад, а не затаились где-то поблизости, чтобы перехватить его на обратном пути.

И еще ему не понравилось то, что он не увидел Джекобса и Штерна. По его расчетам, они уже должны были показаться на берегу озера. Следы вели в сторону оврага, дальнейший путь лежал в ложбине между холмами, но даже медлительный всадник давно успел бы преодолеть это расстояние и выбраться к воде.

Степан Гончар вернулся к коню и вытянул винчестер из чехла. В последнее время ему редко доводилось стрелять, и сейчас он надеялся обойтись без стрельбы. Но если заряженное оружие под рукой, зрение невольно обостряется. Когда палец лежит на спусковом крючке, уже не надо думать да гадать.

Он тронулся дальше, пригибаясь к шее коня. Неторопливо пробирался он между кустами, которые росли над краем оврага. По дну оврага можно было бы проехать быстрее, но он не спускался, потому что некуда было спешить. Иногда он останавливался и привставал в стременах, оглядываясь поверх кустов и держа у груди винчестер.

Наконец он услышал тот звук, которого давно ждал. Резкий щелчок выстрела. Эхо еще металось в овраге, когда в ответ ударил другой выстрел, глухой и басовитый.

Гончар слетел наземь и резко потянул вниз голову кобылы. Тучка недовольно

фыркнула, мотнула головой, но все же опустилась на колени, а потом и повалилась на бок. Гончар лежал рядом, зажимая ладонью ее мокрые губы. "Тихо, тихо, — шептал он, — нас никто не видел. И не увидит. Лежи спокойно, малышка".

По скользкой траве он отполз немного в сторону и бесшумно пробрался между кустами к самому краю оврага. Он увидел почти прямо под собой на дне оврага множество конских следов. Песок был изрыт по кругу, будто всадники вертелись тут на месте. Дальше, насколько было видно отсюда, следы снова выстраивались в редкую, но прямую цепочку.

Ему пришлось ползти довольно далеко вдоль оврага, пока он наконец не увидел Джекобса.

Сначала он заметил черную шляпу, лежавшую на песке. Гончар поднял бинокль и разглядел сквозь ветки что-то черное, неподвижное, бесформенное. Он узнал плащ сержанта, а затем, присмотревшись, различил в ветвях безвольно откинутую руку.

Впереди прогремели еще три выстрела — два резких и один глуховатый.

"Джекобе убит, он свалился с коня прямо в этот колючий куст. Достать его будет трудно, — думал Гончар, пробираясь на звуки стрельбы. — А Штерн еще жив. Отстреливается из револьвера. По нему бьют из винчестеров. Бьют двое. Где же остальные? Наверно, одного ему удалось уложить".

Стреляли у самого конца оврага, там, где его стены широко расступались, прежде чем слиться с обрывистыми берегами озера. Две убитые лошади лежали рядом, спина к спине, а между ними скорчился Фредерик Штерн. В кустах на другом краю оврага мелькнула вспышка, сквозь ветви вылетела белая струйка дыма. Звук выстрела заставил Штерна поджать ноги. Он приподнялся на локте, вытянул руку с револьвером и выстрелил в ответ.

"Зря тратит патроны, — отметил Гончар. — Впрочем, он и не метится особо. Просто удерживает их на месте. Да и они стреляют только для того, чтобы он не удрал. Наверно, третий все-таки не убит, а сейчас забирается Штерну в тыл".

Степан Гончар поднялся с земли и, стоя на коленях, огляделся. Очевидно, геологи попали в засаду, которая предназначалась для него.

Первым его желанием было убраться отсюда подальше. Никакого смысла ввязываться в бой: Штерн — чужак, а о его противниках вообще ничего не известно. Может быть, там, в кустах, прячутся хорошие парни, которые хотят отомстить плохому парню?

Хорошие парни не прячутся в кустах, усмехнулся Гончар. Может, и стоит помочь Штерну, но как это сделать? Стрелять по кустам? Даже под прикрытием прицельного огня этот умник не успеет выбраться из оврага. Но ведь и целиться не в кого, противник прячется за стеной листьев. А если у Штерна повреждена нога? Да и куда ему бежать?

"Нет, это абсолютно безнадежное дело", — подумал Степан Гончар.

Пригибаясь, он побежал обратно к Тучке. Чтобы выручить Штерна, нужна была ее помощь.

Выстрелы в овраге раздавались еще трижды, прежде чем Гончар вернулся. Раздвинув ветки над обрывом, он увидел, что геолог лихорадочно перезаряжает револьвер.

Гончар приложил ладонь к губам и негромко свистнул. Штерн оглянулся.

— Лови! — крикнул Гончар. — И держись крепче!

Ему пришлось встать во весь рост, возвышаясь над кустом, чтобы хорошо раскрутить и точно метнуть петлю лассо. Бросок получился даже более удачным, чем можно было надеяться. Штерн вытянул руку, пытаясь поймать шнур, но промахнулся, и петля обвила его локоть.

— Держись изо всех сил! — крикнул Гончар и засвистел в два пальца.

Лассо натянулось струной. Штерн успел приподняться на четвереньки и тут же повалился, но снова вскочил.

Гончар услышал, как за спиной стучат, удаляясь, копыта Тучки. Штерн, держась обеими руками за шнур, огромными прыжками помчался к стене оврага. Он взбежал по крутому обрыву словно ящерица, с треском рухнул в кусты, не смог встать и на боку заскользил прочь от оврага.

А Степан Гончар вскинул винчестер и выстрелил по кустам на другом краю, как раз туда, где беспокойно зашевелились листья. Ответный выстрел оказался довольно метким — пуля прошелестела где-то рядом. Степан выстрелил еще раз и побежал вдогонку за Штерном.

— Моя рука! — орал тот. — Рука!

Гончар закричал, останавливая Тучку. Подбежал к лежащему Штерну, подхватил его за плечо и рывком поставил на ноги.

— Нога! — застонал геолог.

— Бежать можешь?

— Не знаю!

Пришлось взвалить его на плечо, как мешок с мукой. Хорошо еще, что Тучка сама догадалась вернуться. Гончар перекинул тяжелое тело Штерна через круп лошади, взлетел в седло и поскакал, на ходу сматывая лассо.

Сзади не было никаких признаков погони, и скоро Степан остановился. Геолог со стонами и проклятиями соскользнул на землю, а потом снова забрался на лошадь, сев позади и обхватив Гончара за пояс.

— Ты мне руку чуть не вырвал, — укоризненно произнес он.

— Извините, сэр.

— Не время извиняться, скорее в лагерь! — приказал Штерн, нетерпеливо стуча коленями по бокам Тучки. — Надо поднять людей и поймать этих убийц. Они не успеют скрыться!

— Скрыться? Да они и не думают скрываться. Об этом надо думать не им, а нам, — ответил Гончар. — Держись крепче.

Тучка петляла между кустами. Геолог ругался и требовал скакать быстрее, но Степан не погонял кобылу — она лучше него знала, какую выбрать скорость, чтобы не надорваться под тяжестью двоих седоков.

Когда впереди показались белые фургоны в каньоне, Фредерик Штерн принялся размахивать рукой и кричать что-то бессвязное. Рабочий, стоявший с ружьем у входа в лагерь, видимо, понял смысл этих воплей. Он выстрелил в воздух и живо юркнул под колеса фургона.

Штерн первым соскочил на землю и, хромая, побежал к палаткам.

— Тревога! — кричал он. — Профессор, на нас напали! Джекобе убит! Я ранен! Надо выслать людей! Эти ублюдки на берегу озера!

Перед профессорской палаткой быстро собралась дюжина мужчин. Некоторые лица показались знакомыми Степану. Наверняка кто-то из них когда-то был его спутником на горных тропах. Это были опытные и уверенные в себе люди, они сноровисто рассовывали патроны в ячейки своих оружейных поясов и не обращали внимания на крики Штерна.

Профессор Фарбер вынужден был недовольно повысить голос:

— Послушайте, Фредерик! Извольте взять себя в руки.

— Они там, там! — Штерн махнул рукой себе за спину. — Я покажу! Дайте мне десяток людей, и я привезу вам скальпы этих убийц!

— Хватит шестерых, — вмешался Гончар. — Я седьмой. Не думаю, что нам удастся их поймать, но мы должны позаботиться о сержанте.

— Ясно, — сказал профессор Фарбер и повернулся к рабочим: — Вы все слышали. Есть желающие прогуляться к озеру?

Рабочие переглядывались и не отвечали. Один из них, самый старший на вид, выступил вперед и сказал:

— Если на нас нападут, мы будем отбиваться. Но мы не кавалерия, чтобы гоняться за бандитами. Это совсем другая работа.

— Согласен, — кивнул профессор. — Другая. Она и оплачена будет по-другому. Десять долларов каждому, кто поедет за телом сержанта Джекобса. И еще по пять долларов за то, чтобы проводить мистера Штерна до города.

Рабочие одобрительно зашумели, и самые шустрые первыми шагнули вперед.

— Шестеро, — напомнил Фарбер. — В город отправятся только шестеро. У остальных будет много работы в лагере.

— Странно, что я не вижу здесь Гарри и Дугласа, — сказал Степан профессору. — Был уверен, что они с вами.

— Я вызвал их в эту экспедицию, но они не приехали.

Фарбер оглянулся на своих женщин и добавил вполголоса:

— Не говорите Мелиссе. Эти славные люди погибли. Нелепо, в каком-то игорном доме в Дедвуде.

— Не знал, что они увлекались картами.

— Я же говорю, нелепо. Невероятно. Славные были люди.

Степан живо вспомнил, как Гарри и Дуглас встретили его на перевале, как отбивались вместе с ним от бандитов на замерзшей реке... Такие ребята не гибнут в игорных домах.

— Док, вы знаете, когда это случилось?

— Пожалуй, уже прошло два месяца... Да. Два месяца назад я послал Дугласу телеграмму с вызовом. Назначил место сбора. Через неделю получил ответ от шерифа.

— То есть они получили вашу телеграмму и, вместо того чтобы ехать к месту сбора, отправились в Дедвуд резаться в покер?

Профессор пожал плечами.

Из-за палаток выбежал Харви, на ходу застегивая оружейный пояс. Профессор поднял руку, останавливая его:

— Мистер Дрейк! Готовьте фургоны и запрягайте мулов. Мы снимаемся с места и переходим под защиту жителей Эшфорда.

— Сэр! Но мы со Стивеном... Как я могу прохлаждаться в лагере, когда мой товарищ отправляется под пули?

— Спокойно, Харви, — усмехнулся Гончар. — Ты получил работу, так займись ею. Запрягай мулов. Увидимся в городе, вечером у Виттакера.

— Командуйте, Питерс, — сказал профессор. — Сейчас вы тут хозяин.

Степан Гончар не любил командовать. Люди, которые шли за ним, сами знали, что делать. Ему оставалось только показывать им дорогу. И еще он мог дать совет, если его об этом просили.

Забравшись в седло и оглядев своих спутников, он сказал:

— Пойдем цепью. Пятнадцать-двадцать шагов между всадниками. Курки не взводить, по убегавшим не стрелять. Поехали, парни.

28. СЛЕДСТВИЕ ВЕДЕТ ШЕРИФ КОННЕЛИ

Они не стали спускаться в овраг, а обогнули его и с тыла вышли к месту засады. Стреляные гильзы, срезанные ветви и примятая трава — вот и все, что удалось найти. Стрелявших было трое, и ушли они в сторону озера. Следы вели в воду, и Гончар подумал, что он не один такой хитрый.

Чтобы вытащить тело сержанта Джекобса из зарослей терновника, пришлось прорубать к нему тропу. Он был сражен наповал — две пули пробили грудь, а третья разорвала шею. Могила для сержанта отрыли на холме под одиноким деревом. Как принято на Западе, тело погибшего просто завернули в его черный плащ и опустили в яму, не сняв даже сапог, с револьвером на поясе и карабином на груди. Забрали только часы и бумаги из кармана, чтобы послать родственникам. И еще взяли патроны из пояса, чтобы использовать их, когда убийцы будут пойманы.

— Я не успел даже заметить, откуда были первые выстрелы, — прочитав короткую молитву, сказал Фредерик Штерн. — Но сержант успел. Он прикрыл меня. Его выбросило из седла, кони помчались вперед. Их испугала стрельба. Я прижался к шее лошади, и вдруг она рухнула на землю. Питерс, если бы вы опоздали, они убили бы и меня.

— Им некуда скрыться, — сказал Степан Гончар. — Поедем вдоль берега и увидим следы.

— Все равно не догнать, — сказал старший из рабочих. — У них было время, чтобы смыться.

— Я не собираюсь их догонять, — сказал Гончар. — Я сказал, что мы увидим следы.

Он оказался прав. Следы трех лошадей снова появились на прибрежном песке и скоро смешались с десятками других следов на пыльной дороге, которая соединяла Эшфорд и железнодорожную станцию.

— Вот они! — закричал вдруг Фредерик Штерн, возбужденно привстав в седле и вытянув руку с плеткой. — Я их вижу!

Несколько всадников, поднимая пыль, неслись по дороге. Рабочие за спиной Гончара сбились плотнее, замедляя ход, и он услышал встревоженные голоса:

— Их там четверо. Или даже пятеро.

— Шестеро. Едут нам навстречу.

— Да это не те.

— Может быть, не те. А может быть...

Истерка всадников приближалась. Когда до них оставалось примерно с половину мили, Гончар поднял руку и остановился. Рабочие окружили его, держа карабины стволами вверх. Они были спокойны, и только Штерн казался встревоженным — он то и дело вытирал платком красное блестящее лицо.

— Все в порядке, — сказал Степан Гончар, опустив бинокль. — Я вижу шерифа. Уберите стволы, парни.

Шериф Коннели скакал им навстречу в сопровождении всех своих помощников. Видно, случилось что-то весьма важное, если он оставил город и отправился в путь.

— Питерс! — выкрикнул он издали. — Что ты тут делаешь? Что это за люди с тобой?

— Экспедиция Смитсоновского института.

Шериф подскочил ближе, а его помощники разъехались в стороны и выстроились полукольцом. Все они держали карабины наготове, поперек седел.

— Экспедиция, — повторил Коннели. — Давно к нам не заглядывала никакая экспедиция. А нет ли среди вас человека по имени Фредерик Штерн?

— Это я. — Геолог выехал вперед и стал между шерифом и Гончаром. — Чем могу помочь?

— Помочь? Хочу задать вам пару вопросов.

— Я догадываюсь, о чем вы будете спрашивать. Может быть, поговорим прямо сейчас, чтобы не терять время?

— Время уже потеряно, — сказал шериф. — Если бы вы приехали утром, то мы могли бы сберечь время. А теперь все будет по-другому. Вы поедете со мной в участок, и там мы спокойно обо всем поговорим. Да и судье не помешает с вами познакомиться.

— Я уже знаком с вашим окружным судьей, Гарольдом Томсоном, — сказал Штерн, снисходительно улыбаясь.

— Судья Томсон много кого знает, да только не все этому знакомству рады, — буркнул шериф.

— Нас познакомил губернатор Кэмпбелл. Разве Гарольд вам этого не сказал? Впрочем, вы совершенно правы, шериф. Нам есть о чем поговорить, и лучше сделать это в подходящих условиях. — Фредерик Штерн, не дожидаясь ответа, первым поскакал в сторону города, и шерифу пришлось торопливо разворачивать своего коня.

"Напрасно Коннели пытается припугнуть Штерна судьей, — подумал Степан Гончар. — Этот парень не сидел всю жизнь на ферме". Сейчас Фредерик Штерн держался важно, почти величественно, но без высокомерия. Он говорил с таким дружелюбным, но независимым видом, словно шериф стоял на пороге его дома и спрашивал разрешения войти. Трудно было представить, что полчаса назад этот человек прятался, скорчившись, между двумя убитыми лошадьми и вслепую отстреливался от наседавших убийц.

Рабочие экспедиции немного замешкались, помощники шерифа поскакали вплотную за своим боссом, и Штерн оказался в их окружении. "Похоже на конвой", — подумал Степан Гончар. Когда же кавалькада въехала в город и остановилась на площади перед офисом шерифа, он понял, что Штерна и в самом деле привезли сюда под конвоем.

Здесь их ждали. Вооруженные мужчины стояли группами по три-четыре человека в разных углах площади, и когда всадники остановились, то рабочие из экспедиции оказались моментально окружены.

— Смотрите, с ними Питерс! — проговорил кто-то.

— Что происходит, шериф? — послышался ровный и властный голос Штерна.

— Пока ничего не происходит, — ответил Коннели. — Могу я осмотреть ваш револьвер, мистер Штерн?

— Пожалуйста.

Степан Гончар спрыгнул на землю и, держа Тучку под уздцы, пошел к коновязи. Прямо перед ним стояли двое длиннорылых незнакомцев в плащах. Их карабины смотрели ему в живот. Он прошел между бородачами, словно не заметив их. Они расступились и снова сомкнулись, пропустив Тучку. Теперь их оружие было направлено на оробевших рабочих, которые так и оставались в седле.

Накинув повод на столбик, Гончар подошел к шерифу. Тот обнюхивал блестящий кольт и многозначительно поглядывал на окружающих.

— Похоже, из этого оружия недавно стреляли, — важно сказал он.

— Совершенно верно, — натянуто улыбнулся Штерн. — Стреляли. Причем долго. Я трижды перезаряжал барабан.

— Наверно, у вас была к тому веская причина?

— Более чем веская, шериф.

— А что вы скажете о причине, по которой люди пускают себе пулю в лоб? Это должна быть очень веская причина, не так ли?

— Как я понимаю, вы имеете в виду несчастного Билла Уоллеса, — произнес Штерн. — Я уже слышал эту историю. Как раз из-за этого я бросил все свои дела и поспешил встретиться с вами.

Досадливо морщась, геолог спешил и невольно схватился за колено.

— Поспешил? Не очень-то вы торопились, — заметил шериф Коннели. — Но хорошо, что мы все-таки встретились. Что с ногой?

— Ничего страшного. Ушибся.

— Давайте зайдем ко мне в контору, судья хочет задать вам пару вопросов.

Шериф поднялся на крыльцо и обернулся к стоявшим на площади рабочим из экспедиции:

— Все в порядке, ребята. Вам придется подождать, пока мы не выясним кое-что с вашим боссом. Посидите пока в таверне или в салуне, а можете и в картишки перекинуться у Джексона. Развлекайтесь, раз уж пришлось застрять в городе.

Степану Гончару было известно, что шериф Коннели в молодости изрядно покочевал по Западу, зарабатывая в игорных домах. Он строил из себя простака-скотовода и ухитрялся обыгрывать даже профессиональных шулеров. Правда, в этом ему помогали несколько партнеров, которые незаметно наблюдали за игрой со стороны и в нужный момент вступали в заранее отрепетированный спектакль. Коннели затевал шумный спор, в дело вмешивались независимые присяжные из числа зрителей, и шулер оказывался изобличенным. Как правило, "независимые присяжные" с трудом удерживали "разъяренного скотовода" Коннели от быстрой и ужасной расправы, и счастливый шулер со слезами благодарности отдавал им все, что к тому времени успело накопиться в его карманах.

Когда Коннели появился в Эшфорде, здесь уже действовал игорный дом Джексона. Но профессиональные шулера редко добирались до этих диких гор, и Коннели мало-помалу втянулся в местную жизнь. Обзавелся небольшим табуном и растил племенных жеребцов на ранчо за озером.

Мало кто знал, что Коннели промышляет охотой на беглых преступников. В этих диких краях ему была знакома каждая тропинка, и он умел выбирать место для засады. А о том, что в его краях появился очередной фигурант розыска, Коннели узнавал от своих бывших партнеров по игорному бизнесу, которые все вдруг заделались крутыми законниками и позанимали шерифские, а то и маршалские кабинеты в соседних округах.

Так он и жил-поживал, мирный скотовод с несколько необычным хобби. Но однажды после удачной сделки он заглянул в заведение Джексона и безошибочно распознал среди обычных посетителей настоящего шулера. Коннели вступил в игру, предварительно договорившись с Джексоном и его работниками. Как всегда, он позволил шулеру сорвать приличный куш, а потом затеял спор. К сожалению, в этот раз все вышло не так, как обычно. Шулер был не одинок. Его команда прикрытия тут же сорвала честное разбирательство, над зеленым сукном сверкнули стволы "деринджеров"¹⁸, и Коннели получил две пули — в плечо и в грудь. Но раны только разъярили его, и он, истекая кровью, успокоил всех троих противников ножкой от покерного стола, а потом связал их обрывками их же собственных панталон.

Суд присяжных приговорил шулеров к изгнанию из города, причем от всего имущества у злодеев остались только шляпы. На том же заседании суда Коннели был впервые избран шерифом.

Это было давным-давно, однако повадки простака и недотепы проявлялись у Коннели каждый раз, когда он сталкивался с каким-нибудь новым делом. И Степан Гончар понимал, что мистеру Штерну трудно будет бороться с раздражением и спокойно отвечать на вопросы туповатого и полуграмотного блюстителя законности.

Он рекомендовал рабочим заглянуть в салун Виттакера, а сам отправился в гостиницу и попросил миссис Китс приготовить ванну. Ему не терпелось смыть с себя пыль и вытряхнуть песок из одежды, но еще целый час он возился с Тучкой в конюшне. Там его и застал доктор Аткинс.

— Да, старина, жаркий сегодня выдался денек. — Доктор обмахивался шляпой и вытирал платком розовую лысину, обрамленную седым венчиком. — Говорят, вы попали в переделку?

— Пустяки.

— Не хотите об этом говорить?

— Не о чем говорить. — Гончар подсыпал в кормушку свежего овса и вышел из денника. — Обычное дело. Не сравнить с тем, что выкинул Уоллес.

— Да, такое случается нечасто, — согласился Аткинс. — В прошлом месяце, я слышал, в Ивенстоне был похожий случай. Ни с того ни с сего застрелился Эд Палмер. Вы наверняка его знали.

Конечно, Гончар знал Палмера, скаута, который водил кавалерийские патрули по границам индейских резерваций. Отчаянный драчун и картежник, бабник и пройдоха, неутомимый рассказчик одних и тех же скабрезных историй...

— Кто сказал, что Эд застрелился?

— Его нашли в палатке на берегу реки. Говорят, у него были большие карточные долги. Он собирался отправиться на золотые прииски, но потом как будто записался в какую-то экспедицию. Очень этому радовался, обещал, что через месяц расплатится со всеми и даже купит ферму. Вот как бывает, — заключил доктор Аткинс.

— Говорите, это было месяц назад? Кажется, я знаю, в какую экспедицию он вербовался. Тогда возле Ивенстона околачивался тот самый тип, который сейчас беседует с нашим шерифом и судьей.

Аткинс кивнул с таким видом, словно и не ожидал услышать ничего иного.

— Мне бы очень хотелось, старина, чтобы я ошибся. Но боюсь, что и Эда, и нашего

---

¹⁸ "Деринджер" — карманный пистолет, использовался как скрытое оружие.

Билла просто застрелили. Вы видели рану Уоллеса?

— Я не разглядывал, — признался Гончар. — Кровь. Дырка рядом с ухом. Копоть на коже. Вся щека в копоти.

— Да, копоть имеется. На щеке. А на руке ее нет. Понимаете, старина? У Уоллеса был старый-старый револьвер. Он не любил из него стрелять, потому что изо всех щелей било пламя. Но я осмотрел руку. Никаких следов копоти. А на щеке есть. Копоть. Но без пороха. Я смотрел через лупу. У меня мощная лупа, но я не заметил вокруг раны ни одной порошинки. Понимаете, старина?

— Нет.

— Ну, подумайте сами. Выстрел. Из ствола вылетает пуля, пламя и остатки пороха, так? Если бы он стрелял в упор, весь порох просто не успел бы сгореть и остался бы на коже.

— Значит, стреляли не в упор, — сказал Степан Гончар. — Значит, стрелял не Уоллес, а кто-то другой. А потом положил револьвер возле руки. Все подстроено. Вы это хотите сказать, док?

— Да. Но я хочу сказать это именно вам, старина. Не Коннели, а вам.

— Почему? Вроде шериф тут он, а не я.

— Да. Он шериф. А вы, старина, — проводник. Как Уоллес и Палмер. Но не совсем такой же, как они. Если с вами что-то случится, старина, всем нам будет очень плохо.

Доктор Аткинс надел шляпу, спрятал платок в карман сюртука и добавил:

— Жаркий сегодня денек. И похоже, что жара еще усилится. Сейчас хорошо бы забраться в горы на пару недель. Вы не собираетесь навестить свою родню?

— Нет, — сказал Степан Гончар, выходя вместе с доктором из конюшни. — У меня еще слишком много дел в городе.

Хорошо, что доктор Аткинс не спросил, какие именно дела удерживают Гончара в городе. Потому что тот собирался всего лишь принять горячую ванну, а потом провести вечер в салуне, слушая пение мадам Нимур. Ни салуна, ни ванны не было в резервации шайенов, где жила сейчас его индейская родня.

Миссис Китс, погруженная в обычные хозяйственные хлопоты, сегодня еще не выходила на улицу, но каким-то образом она уже знала все о последних событиях.

— Никто не верит, что это самоубийство, — заявила она, подавая кофе, когда Гончар, облачившись в прохладную свежую рубашку, сел к столу. — Шериф, конечно, тоже не верит. Но ему лень искать убийц.

— Мне показалось, он все-таки их ищет.

— Если вы об этом столичном прощелыге, то это пустой номер. Убийцы не оставляют визитных карточек. Шериф зря тратит время на разговоры. Полагаю, если бы сейчас у него не гостил судья Томсон, наш Коннели и с места бы не сдвинулся для раскрытия дела.

Она подошла к окну и сурово добавила:

— Да и судье тоже не нужны лишние хлопоты. Полюбуйтесь, вот они, все трое, на крыльце. Прелестное зрелище, нечего сказать.

На крыльце полицейского участка Фредерик Штерн стоял рядом с шерифом и судьей. Все трое одновременно раскурили толстые сигары с видом людей, закончивших тяжелую работу.

Помощники шерифа и бородачи в плащах собрались возле крыльца, сюда же подошли рабочие из экспедиции, сбежались мальчишки, рядом останавливались прохожие, и скоро на площади скопилась небольшая толпа. Все ждали каких-то слов от шерифа или судьи.

Миссис Китс подняла раму окна, и в комнату ворвался уличный шум.

— Тихо! Тише! Судья будет говорить!

Гончар встал из-за стола и тоже подошел к окну.

— Джентльмены! — Над притихшей площадью раздался звучный баритон судьи. — Всех нас вывел из душевного равновесия тот прискорбный случай, свидетелями которого мы стали сегодня утром. В вашем мирном городе давно уже не гремят выстрелы, потому что жители Эшфорда сделали правильный выбор, когда проголосовали за шерифа Коннели.

Здесь нет места тем, кто привык добиваться своего насильственным путем. И я даже не могу сразу припомнить, когда вашему шерифу пришлось расследовать последний случай убийства. Тем тяжелее нам всем пережить то, что случилось этой ночью. Погиб человек. Человек, которого все вы знали. Еще вчера он ходил среди нас, радовался жизни вместе с нами — а сегодня его тело покоится в земле, а душа готовится предстать перед высшим судом. И мне очень больно признать, что этот суд будет нелегким испытанием для бедного Уильяма Уоллеса. Ведь он — убийца. Увы, теперь у нас нет никаких сомнений в том, что роковой выстрел был совершен его собственной рукой.

В толпе прокатился легкий ропот, и кто-то выкрикнул:

— А мы и не сомневались, судья! К чему все эти речи?

— Сомнение есть ценнейшее качество разума, — не смутившись, ответил Томсон невидимому собеседнику. — И мы с шерифом Коннели обязаны были подвергнуть сомнению любые предположения о причинах гибели человека. Но теперь у нас нет никаких сомнений. И я скажу вам почему. Теперь мы знаем причину, которая толкнула покойного к этому роковому шагу. К этому фатальному шагу, — отредактировал судья последнюю фразу, как видно, вспомнив, что только что говорил о "роковом" выстреле. — Нам стало известно, что сегодня ночью Уоллес заключил контракт с экспедицией Смитсоновского института. Он заключил этот контракт, даже не спросив о направлении, в котором должен был вести караван ученых. И в этом была его ошибка. Его губительная ошибка. Он дал слово, что проведет караван хоть на край света. Но ученым не нужен край света. Уже получив задаток и обо всем договорившись, Билл Уоллес узнал, что ученые намерены проникнуть по тропе Бозмена в каньон Семи Озер.

Судья Томсон выдержал многозначительную паузу, обвел толпу скорбным взглядом и продолжил:

— Все мы знаем, что ни один проводник не согласится вести людей на верную гибель. Рисковать своей жизнью? К этому мы тут привыкли и не считаем риск чем-то особенным. Но губить десятки жизней ни в чем не повинных людей только ради их прихоти? Даже если они за это щедро заплатят? На это Уоллес не пошел, как не пошел бы и никто из нас. А теперь скажите мне, мог ли старый проводник отказаться от собственных слов? Нет, не мог. Потому что единственным капиталом Уоллеса была его репутация. Его слово. При любых обстоятельствах оно должно оставаться твердым. Неизменным и твердым. Как алмаз. Вот в какую западню угодил старый охотник. Вот какая непосильная задача встала перед его совестью. Вот какая лавина мыслей и чувств обрушилась на его душу. И он не устоял. Из всех возможных выходов Билл Уоллес выбрал самый ужасный. Но, наверно, другого он не увидел. Мир праху его.

"Неплохая речь, — подумал Степан Гончар. — Если Уоллес ее слышит сейчас, она должна ему понравиться. Особенно слова насчет репутации. Интересно, что сказал бы судья над могилой Эда Палмера?" Публика должным образом оценила красноречие оратора. Аплодисментов, правда, не было, но и спорить никто не стал. Мальчишки разбежались, прохожие разошлись, дамы с корзинками скрылись за дверями магазинов. На площади остались только рабочие из экспедиции и помощники шерифа с бородами и стрелками в длинных плащах.

— Миссис Китс, а вы не знаете, зачем к нам пожаловал судья? — спросил Гончар, возвращаясь за стол.

— Не знаю. Мартин подозревает, что Томсон выискивает пустующие земельные участки, чтобы их скупить по дешевке. Но Мартин всегда все усложняет, вы же его знаете. А вот зеленщик сказал, что к судье прибыл какой-то важный господин из Сан-Франциско и они вдвоем собираются поохотиться на снежных баранов. Но этот зеленщик вечно чего-нибудь напутает. Я не склонна ему доверять. Стоит ли тащиться сюда из Калифорнии, чтобы подстрелить барана?

— Я слышал, что в Калифорнии снежных баранов уже не осталось. Всех съели золотоискатели.

— Как хорошо, что у нас тут не осталось золота, — сказала миссис Китс. — Я не променяю свою спокойную бедность ни на какие золотые россыпи. Хотите еще кофе, Стивен?

Она тоже села к столу. Их обычный разговор за чашкой кофе с ирландским ликером состоял из воспоминаний о взлетах и падениях полковника Китса, и далеко не каждый раз вдове удавалось рассказать что-то новое. Степан Гончар благодушно поддерживал неторопливую беседу, но думал о своем. Кто-то убивает проводников. Зачем? Кому они мешали? Или могли помешать? Тут и думать нечего: Уоллес и Палмер погибли потому, что собирались работать на доктора Фарбера. Но откуда убийцы узнали об этом? Проще всего было бы заподозрить Штерна. Но Гончар своими глазами видел, что и самого помощника Фарбера пытались убить. Значит, он чист. Значит, кто-то другой вертится рядом и успевает все разузнать. Интересно было бы встретить этого невидимку. И откладывать встречу нельзя, потому что очередным "самоубийцей" может оказаться Харви Дрейк...

Шум за окном отвлек его от беседы с миссис Китс, и он встал из-за стола.

Посреди площади стоял перед всадниками Фредерик Штерн. Лицо его пылало. Он протягивал руки, чтобы схватить лошадей под уздцы, но кони пятились, мотая головами. И всадники тоже мотали головами, молча отступая от наседающего Штерна.

— Но вы не можете просто так собраться и уехать! — выкрикнул Штерн на всю площадь. — В конце концов, в таком случае я не собираюсь вам оплачивать сегодняшнюю работу!

Его угроза возымела действие, но отнюдь не то, на которое рассчитывал Штерн. Рабочие из экспедиции дружно развернули своих лошадей и с места в карьер поскакали прочь.

Степан Гончар не успел отступить в глубину комнаты, и Штерн заметил его.

— Вы видите? — закричал он через площадь. — Чертовы бездельники! Они меня бросили!

Миссис Китс сказала, подливая себе ликера:

— Стивен, немедленно закройте окно. Я не выношу уличного шума. Так вот, тогда мы продали последние серебряные ложки и сели на пароход до Ванкувера...

29. ЗИМНИЙ ТУМАН БЕРЕТСЯ ЗА ДЕЛО

Эрни внимательно выслушал Степана, но ничего не ответил, продолжая разглядывать чертежи пристани.

— Я хочу знать, что ты думаешь, — не выдержал Гончар.

— Я не знаю, что и думать, Стиви. — Ирландец пожал плечами. — Пока ты не явился ко мне со всеми этими покойниками, я спокойно обдумывал, где бы разместить пристань. А теперь я не знаю, что думать. Эшфорд — большой город. Слишком много народа. За всеми не уследишь.

Они сидели в конторе лесопилки. За окном завывала пила, и гулко перекачивались бревна. От этого привычного шума Гончару стало немного спокойнее. Он тоже склонился над чертежами. Пристань нужна городу. Грузы, поступающие по железной дороге, будут перегружаться на пароход и уходить вниз по реке, туда, куда рельсы дотянутся еще очень не скоро. Пристань — дело хорошее. И думать о ней было гораздо приятнее, чем о погибших проводниках. Но опасность никуда не исчезнет от того, что ты перестанешь о ней думать.

— Мы сделаем две пристани, — сказал Степан. — Уровень воды в реке меняется. С одного причала будем работать при низком уровне, с другого — при высоком.

— Вдвое больше расходов, — покачал головой Эрни.

— Доходы все покроют.

— Когда начнем?

— Как только я вернусь, — сказал Степан. — А ты пока все подготовь. Заготовишь материалы, наймешь работников.

— Не понимаю, зачем тебе уезжать. Если они попытаются напасть на Харви, мы можем перехватить их и здесь.

— Попытаются — перехватим. Но я все-таки думаю, что сейчас они не рискнут. Гораздо проще все сделать в поле. Да и мне будет спокойнее. Не хочу давать шерифу лишнюю работу. У него и без нас забот хватает.

— А обо мне ты подумал? — обиделся Эрни. — Ему, видите ли, будет спокойнее затеять войну в чистом поле. А я тут должен сходить с ума и ждать, когда ты вернешься?

— У тебя не будет времени сходить с угла. — Степан, скрывая усмешку, подвинул к нему листок бумаги. — Я составил небольшой план работ. Постарайся все выполнить до моего возвращения.

— Что еще за план? — Эрни повел пальцем по списку. — Ну и хитер же ты, Стиви. Что значит: "придет Джексон — отказать"?

— То и значит. Что бы он тебе ни предлагал — отказывай.

— Зачем нам ссориться с Джексонсом? Ты забыл, что он ремонтирует все наши дороги за свой счет?

— Эрни, даже если мы поссоримся, он все равно будет чинить дороги, — спокойно ответил Степан, — иначе к нему перестанут ходить.

— Ладно, а вот это что такое — "гнать проповедника"? Я что-то не видел в городе ни одного святоши.

— Может, и не увидишь. Но на всякий случай, пока он тут не появился, повесь во всех наших кабаках какое-нибудь объявление. Вроде того, что висит у Виттакера: "Запрещаются политические дискуссии". Напиши, например, что в общественных заведениях Эшфорда запрещаются религиозные проповеди.

— Почему это?

— Потому что это кощунственно, упоминать Бога среди выпивки и карт.

— Ясное дело, все эти гадкие дела ты рад спихнуть на партнера, — проворчал Эрни. — Ладно, когда рассчитываешь вернуться?

— Это будет ясно завтра. Не волнуйся, я не задержусь, — пообещал Гончар.

Вечером он занял привычное место у самой сцены, чтобы напоследок послушать музыку.

Мартин Китс уже принялся наигрывать свои блюзовые фантазии на темы Верди, и это значило, что минут через двадцать мадам Нимур выйдет к поклонникам, сгорающим от нетерпения. Степан Гончар огляделся, отметив, что публики сегодня больше, чем в прошлый раз. Дальний угол салуна был отгорожен ширмами, там стоял кожаный диван, где Виттакер усаживал почетных гостей. Одна из ширм сейчас была сложена, и Гончар увидел судью Томсона с незнакомым джентльменом в белом пиджаке и изумрудном жилете. Они сидели за богато накрытым столом, и у ног судьи стояла корзина с цветами.

Конечно, никто не может запретить охотникам на снежных баранов провести вечер в салуне накануне похода в горы. И каждый имеет право принести с собой в салун хоть корзину цветов, хоть охапку сена. Но жители Эшфорда скорее пришли бы с сеном, чем с цветами.

Значит, этот господин из Сан-Франциско хочет выразить свое восхищение голосом певицы. Правда, он ее еще не слышал и даже не видел, а корзинку уже притащил. Интересно, а не зеленщик ли снабдил его этими цветочками?

Размышляя подобным образом, Гончар вдруг заметил в самом дальнем углу, между зелеными портьерами, лицо Мозеса Виттакера. Хозяин салуна явно от кого-то скрывался. Или за кем-то подглядывал. Перехватив взгляд Гончара, Виттакер густо покраснел и спрятался за бархатной драпировкой. Но через пару секунд показался снова и поманил к себе Степана.

Перейдя в хозяйский кабинет, Гончар сел в предложенное кресло и выжидающе посмотрел на Виттакера.

— Ты не поверишь, Питерс, но сейчас я едва удержался от выстрела, — сказал тот,

засовывая в карман жилета блестящий "деринджер". — В жизни никогда не стрелял. И не хотелось. А тут... Наверно, если б не заметил, что ты на меня смотришь...

— И кто же был мишенью?

— Даунвуд. Тот холеный господин из Сан-Франциско, которому лижет пятки судья. Выпьешь бренди?

— Нет, Мозес, спасибо.

— А я вот выпью, — отчаянно заявил Виттакер и дрожащими руками откупорил бутылку.

После доброго глотка он закатил глаза к потолку и расслабленно выдохнул, опускаясь в кресло.

— У тебя есть время послушать мою историю? — спросил он.

— Конечно.

— Мы все когда-то были не тем, чем стали сейчас. Я был одним из собственников железнодорожной компании. Линия "Олбани — Александрия", слышал про такую? Ну, раз не слышал, то и не услышишь, потому что компании больше не существует. И прикончил ее как раз тот самый господин из Сан-Франциско, Джеральд Даунвуд. Он к тому времени уже захватил обе другие линии, с которыми мы стыковались на севере и юге. И вполне естественно, что наша компания тоже должна была влиться в его монополию.

— Ты говоришь так, словно оправдываешь его, — заметил Гончар.

Виттакер снова открыл бутылку, но, подумав, закупорил и отодвинул подальше.

— А нечего оправдывать. Он ведь не убил никого и не украл у меня последний кусок хлеба. Даунвуд не нарушил никаких законов. По крайней мере, ни один суд не признал бы его преступником.

— Тогда как же он с вами справился?

— Почти законно. Он целый год осаждал нас своими предложениями. Кто-то сломался, уступил ему акции, но в целом компания держалась. И тогда на нас посыпались беды, одна за другой. Банки вдруг вчинили нам иски за неуплату по процентам. Вранье, мы платили исправно. Но теперь это потребовалось доказывать в суде. Да еще не в одном.

Одновременно с этими тяжбами появилась еще одна забота. Ни с того ни с сего какой-то мелкий акционер потребовал ревизии, и она мгновенно началась. Мы нашли этого типа — обычное подставное лицо. Что с ним делать? Привести его за шиворот к порогу суда, чтобы он рассказал, как его подкупили люди Даунвуда? Нас бы и слушать никто не стал.

А тут и новая напасть — наши акции кто-то начал продавать на бирже по дешевке, на десять пунктов ниже курса. Это было последней каплей. Суды, ревизия, падение котировок — конечно, акционеры нас бросили. Банки сразу решили, что наша линия стала рискованным предприятием, и, естественно, потребовали срочного погашения кредитов. Тут уже и я дрогнул. Когда Даунвуд пришел к нам с очередным предложением, мы продали ему контрольный пакет акций.

Так я остался без дела. Мы попытались отыгаться тем же способом, каким Даунвуд отбил у нас компанию. Начали против него биржевую войну. И проиграли. Проиграли все, что было. Мой компаньон застрелился. А я оставил на мосту свою одежду и прощальную записку. Мозес Виттакер утонул. Чтобы всплыть здесь, на Западе.

— Понятно, — сказал Степан Гончар. — Ты увидел своего заклятого врага и хочешь ему отомстить.

— Боже упаси, — ответил Виттакер. — За меня отомстил чикагский пожар семьдесят первого года. Ты же помнишь, тогда выгорел весь город, все склады, банки, причалы. Даунвуд владел сразу двумя страховыми компаниями, которые изображали конкурентную борьбу между собой. И обе они прогорели, когда пришлось выплачивать астрономические суммы. Это бы еще ничего, но ведь он заложил в банках все свои железнодорожные акции, получив за них полмиллиона. А банки, когда началась паника на бирже, потребовали погашения ссуд. Вот и все. Карьера Даунвуда на этом закончилась. По крайней мере на Востоке.

— Что-то незаметно, чтобы он сильно бедствовал, — сказал Степан.

— Вот это меня и тревожит. Держу пари, он затеял какую-то грандиозную аферу. Я ни за что не поверю, что он приехал сюда только ради охоты. Зачем ему горные бараны? Нет, такие парни охотятся только за миллионами.

— Спасибо, что предупредил, — сказал Степан. — Всегда становится спокойнее на душе, когда видишь лицо противника.

— Это не тот противник, с которым можно справиться. Не хочу никого обидеть, но вы с ним играете в разные игры. Даунвуд — шахматист, а ты — картежник.

— Хорошее сравнение. Просто отличное. Вот и пусть он спокойно готовит свои комбинации, а мы перекинемся в покер, — сказал Степан Гончар. — Как думаешь, мог он купить судью? Или они просто друзья?

— Он может купить любых друзей, какие нужны для бизнеса.

— А там у себя, в Чикаго, этот Даунвуд увлекался охотой?

— Он увлекался охотой за миллионами, — повторил Виттакер. — Он же финансист. Канцелярская крыса. Не думаю, что он когда-нибудь стрелял.

— Ну, стрелков можно и нанять.

За тонкой стенкой, отделявшей кабинет от зала, послышался звон упавшей посуды и громкие голоса.

— Что за шум? — недовольно привстал Виттакер. — Кажется, у меня в зале скандал? Неужели кто-то еще, кроме меня, опознал этого мерзавца Даунвуда?

Степан вернулся в зал и увидел Фредерика Штерна, бродящего между столиками. На этот раз лицо его было удивительно бледным, и тем ярче пылали красные пятна на скулах. По тому, как он двигался, было издалека видно, что мистер Штерн успел побывать во всех иных питейных заведениях, прежде чем добрался до салуна.

Он неловко задел чей-то стол, и бокалы со звоном покатались по полу.

— Эй, друг! — крикнули вслед, но пьяный даже не оглянулся.

Как назло, пианист остановился на минутку, чтобы переложить ноты, и в наступившей тишине все услышали, как Штерн, наклонившись над столом Гончара, проревел:

— Это ты все подстроил! Ты! Ты их подговорил!

— Обсудим это завтра, — ответил Степан.

— Завтра? Завтра я буду в другом городе! В городе, где не живут одни лишь трусы и хвастуны! А здесь каждый только с виду мужчина. А на самом деле все вы трусливые слизняки!

В салуне установилась гробовая тишина. Штерн распрямился и, поворачиваясь всем телом, обвел зал вытянутым пальцем, повторяя:

— Все тут — трусливые слизняки!

Кто-то присвистнул насмешливо, а кто-то уже встал, поправляя пояс. Но Степан Гончар уладил дело. Он поднялся из-за стола и объявил:

— Джентльмены! Все вы знаете причину, почему наш гость так расстроен. Его планы сорвались. Его бизнес под угрозой. Но он ошибается насчет нас, верно?

— Было бы у него оружие, я бы ему ответил, — крикнул кто-то из глубины салуна.

— Дело не в оружии. Дело в той прогулке, которую сорвали работники. Так вот, мистер Штерн, все в порядке. Вы хотите попасть в каньон Семи Озер? Я обещаю, что вы туда попадете. Обещаю при свидетелях. Вы удовлетворены?

— О, да. Но...

— Никаких "но". Советую вам выспаться перед дорогой.

Фредерик Штерн послушно кивнул и быстро удалился из зала. Вслед ему свистнули пару раз, а когда дверцы салуна перестали раскачиваться, кто-то сказал:

— Питерс, ты что, круче всех? Ты уверен, что дойдешь до каньона?

Степан Гончар огляделся:

— Интересно, кто может меня остановить?

Никто не ответил, и Мартин Китс торопливо ударил по клавишам. Дымный воздух

салона снова наполнился обычным шумом. Казалось, что все уже забыли о неприятном эпизоде. До выступления Жюли оставалось совсем немного времени, когда у входа появился Харви Дрейк. Гончар встал и пошел ему навстречу.

— Есть дело, Стивен!

— Догадываюсь.

— Ты куда? Я хотел поговорить с тобой.

— Поговорим в другом месте, — сказал Гончар, направляясь к выходу. — Или ты хочешь послушать музыку? Тогда садись, пока есть свободное место.

Они вышли на улицу, когда из салона послышался голос Жюли Нимур.

— Есть дело, Стивен, — повторил Харви, мечтательно глядя в салон вверх отполированных створок калитки. — Я привел в твою гостиницу новых постояльцев.

— Ну и что? Разве миссис Китс не может их разместить?

— Это не простые постояльцы. К тому же профессор хочет поговорить с тобой. Ты слышишь, Стивен?

— Да. Хорошо, идем.

— Да я не об этом. — Харви не мог оторвать взгляд от сцены. — Ты слышишь? Она поет блюз.

Да, нарушив свою обычную программу, Жюли Нимур запела любимый блюз Стивена Питерса. "Ухожу я, мама, забудь обо мне..." — Это она для тебя старается, — ревниво проговорил Дрейк. — А ты не ценишь. Верно говорят, что у тебя вместо сердца ледяной осколок.

— Кто это так говорит?

— А вот Жюли и говорит. Постой, ты послушай, послушай...

Гончар уже шагал, громко стуча каблуками по доскам тротуара, наверно, чтобы заглушить голос, который догонял его и просил вернуться. "Без тебя — день как ночь и в моем доме — пустота... У тебя в груди не камень, милый, а могильная плита..."

30. ПРОКЛЯТЫЕ ТРОПЫ, ГИБЛЫЕ МЕСТА

Его не удивило, что рабочие отказались от приличного заработка и покинули экспедицию. Скорее следовало бы удивляться тому, что они не сделали этого раньше. В прерии было множество дорог, но та, что звалась тропой Бозмена, пролегла через земли непримиримых племен сиу, и по ней давно перестали ходить белые. Даже патрули, отправлявшиеся туда, формировались исключительно из "Черных Бизонов", негритянской кавалерии. Кроме того, любому мальчишке на Западе было хорошо известно, что Семь Озер — проклятое место.

Степан Гончар, кочуя по прерии с семьей Майвиса, однажды дошел до начала этого каньона. Путь к нему лежал по берегу реки Хампа. Густой ельник сменялся сочными полянами, затем тропа спускалась в прозрачные и светлые сосновые леса, за которыми открывались просторные луга. Река поблескивала своими изгибами среди высокой травы, и над живой и теплой игрой света и зелени мрачно возвышались гребни застывшей лавы, похожие на огромные черные клыки.

Забравшись повыше на один из таких выступов, Гончар увидел, что долина простирается до отвесной зубчатой стены и там, вдали, уже не зеленеет и не поблескивает. Казалось, что у тех остроконечных скал даже сама река теряет свою жизненную силу. Там, у дальнего края долины, на серых холмистых берегах Хампы не росло ничего, кроме редкого кустарника.

Индейцы рассказывали ему, что через Семь Озер лежит самый короткий путь к горам Юты. Но ни один проводник никогда не пытался пройти этим путем.

— Вы бывали в тех местах? — спросил профессор Фарбер.

— Проходил рядом.

— Может быть, вы хотя бы встречались с опытными проводниками, которые бывали

там? — с надеждой спросила Оливия Фарбер, жена профессора. — Вы же наверняка запоминаете каждое слово, которое относится к дорогам и тропам, не так ли?

— Вряд ли там бывал кто-нибудь из белых, мэм, — ответил Гончар. — Да и индейцы туда не любят заглядывать. Они говорят, это гибельное место.

— Что значит "гибельное место"? — поинтересовался профессор. — Если там растет трава и бегают койоты, то почему это место должно быть гибельным для человека? Полагаю, что речь идет о сказках и преданиях местных племен. Все эти бредни о проклятиях и заколдованных местах нужны только для того, чтобы отпугнуть нежелательных гостей. Вот скажите, мистер Питерс, вы сами-то знаете хотя бы один случай гибели в этом каньоне?

— О гибели? Нет, не знаю.

— Вот видите!

— Но я знаю о человеке, который ушел туда и не вернулся. Проводник Рой Кокс отправился в Юту с небольшим караваном, двенадцать мулов. С ним были люди, пятеро или шестеро. У нас их больше никто не видел.

— Может быть, они остались в Юте? — предположила миссис Оливия.

— Их ждали в Солт-Лейк-Сити, но не дождались. Это были мормоны. Если бы они проложили тропу, по ней пошли бы караваны мормонов. Но они пропали. И с ними пропал Рой. Вот и все. Погибли они или нет? Я не знаю. Не видел тел.

— Он был проводник?

— Нет. Он был обычным охотником. Просто хотел помочь мормонам, потому что больше никто не хотел им помочь.

— Мы не мормоны, но нам тоже никто не хочет помочь, — сказала дочка профессора.

За весь вечер это были первые слова, которые Степан Гончар услышал от Милли, и он подумал, что девочка получила прекрасное воспитание. По крайней мере, его самого воспитывали именно так, по принципу "хороших детей не слышно и не видно".

Харви Дрейк успел рассказать ему почти все о семье Фарберов, причем в основном он рассказывал почему-то именно о дочери профессора. Свое воспитание вместе с образованием она получила не в пансионате и не в собственном дворце, а в переходах по горам и пустыням.

Профессор Фарбер слишком любил свою семью, чтобы разлучаться с ней даже ради науки. Поэтому он никогда не отправлялся в экспедицию без жены и дочери. Как видно, они тоже любили его. И любовь их была достаточно крепкой для того, чтобы выдержать испытания походной жизнью. Вместо дамских платьев носить грубый рабочий комбинезон. Вставать до рассвета, чтобы приготовить в темноте завтрак из чая и сухарей. Часами сидеть в скрипучем фургоне, или трястись в седле, или шагать по камням. И вечером, устраиваясь на ночлег, вспоминать о далеком доме с мягкими постелями и послушной прислугой.

О профессорском доме Харви тоже успел рассказать Гончару. Это был настоящий дворец с гранитным фундаментом и мраморными лестницами. Его возвел на берегу Делавэра отец миссис Фарбер, который, выдав единственную дочь замуж, подарил это уютное гнездышко молодоженам, а сам перебрался в Европу. Думал ли он, что этим роскошным приданым будут пользоваться от силы три месяца в году? К тому же в последнее время маршруты четы Фарбер пролегали так далеко от родной Филадельфии, что дом пустовал годами.

Однако привычка к тяготам кочевого существования не может истребить в человеке потребности в комфорте. Сейчас, расположившись в столовой отеля, семья профессора наслаждалась уютом и покоем, а также кулинарным искусством миссис Китс. И только после того, как был подан десерт, после кофе и ликера профессор Фарбер позволил себе снова заговорить о делах.

Отец, мать и дочь сидели рядом за столом, напротив Степана. Штерн до сих пор не вернулся из конюшни, и Гончар заметил, что без него все чувствуют себя намного свободнее.

— Заколдованные долины встречаются и на востоке, и на западе, — говорил

профессор, — видели мы их и в Африке. Арабы объявили смертоносным целое побережье в Анголе. Суеверные португальцы охотно верили им и не совали свой нос туда, где людей пожирает ужасная невидимая подземная змея. А на самом деле на том берегу были обычные лагеря для формирования партий рабов к отправке в Бразилию, вот и все.

— Португальцы все прекрасно знали, — сказала Милли.

— Возможно. — Профессор кивнул. — Но сейчас мы говорим не о продажной колониальной администрации. Мы говорим об участке, который нам необходимо обследовать. И никакие суеверия меня не остановят. Скажите, мистер Питерс, как давно ходят слухи о проклятии каньона Семи Озер?

— Не знаю. Возможно, они ходили всегда, эти слухи.

— Но ведь должна быть какая-то причина для такого проклятия! Что говорят старики? Может быть, есть какие-то сведения в индейских преданиях?

— Ничего такого я не слышал, — подумав, ответил Гончар. — Наверно, для индейцев это понятно само собой. Это просто часть их жизни.

— Как это понимать?

— Скажем, нет никаких преданий о том, почему укус некоторых змей может быть смертельным. И нет никаких преданий о причинах того, почему человек умирает, если его крепко стукнуть по голове дубинкой. Это естественно. Это понятно само собой. И запретные места так же естественны для индейцев, как опасные звери.

— Для индейцев! — повторил профессор. — Для индейцев, но не для нас с вами, Питерс! Судя по вашей речи, вы человек городской, образованный. Вы повидали мир, знаете людей. Неужели вы всерьез воспринимаете все эти басни?

— Да.

— Но почему?

— Я все воспринимаю всерьез, — сказал Степан Гончар. — Одинаково всерьез. Слова индейца. И слова профессора.

— Значит, мы не можем рассчитывать на вашу помощь? — спросил профессор устало.

— Я этого не сказал, — ответил Гончар.

Милли захлопала в ладоши и тут же смущенно закрыла лицо руками. Миссис Оливия протянула руку через стол и положила ее на локоть Степана.

— Спасибо вам, — сказала она.

— Не торопитесь благодарить, мэм. — Гончар покачал головой. — Если вы хотите, чтобы я вам помог, придется выполнить одно условие. В каньон пойдут только мужчины.

— К сожалению, это условие не представляется мне выполнимым, — твердо возразил профессор. — Подумайте сами, куда мы денем наших женщин? Не забывают, что с нами еще и Росита.

— Им будет хорошо здесь, под присмотром миссис Китс.

— Но они мне нужны там, на участке! Оливия и Мелисса — мои наилучшие помощники, — заявил профессор. — Никакие рабочие их не смогут заменить, когда надо будет исследовать пробы минералов, вы это понимаете?

— Пробы? Никаких проблем. Мы с вами набираем эти пробы в каньоне, возвращаемся, и ваши помощники начинают их исследовать. Таким образом в прошлом году тут работали геологи из университета Пенсильвании.

— Экспедиция Хэйдена? — спросила Оливия Фарбер.

— Не помню, как звали их босса. — Гончар пожал плечами. — Но работали они именно так. Сидели в лагере, а индейцы приносили им разные образцы.

— Вы забываете, что у нас пока нет никаких образцов. И нет никаких индейцев, которые принесут нам эти образцы. Нам все придется делать самим. Я полагаю, — мрачно заключил профессор, — что Фредерик не сможет набрать работников для экспедиции. И по участку нам придется ходить без помощников.

— Не в первый раз, — сказала жена профессора.

Степан смотрел на них и думал о том, как они все-таки похожи. У Оливии Фарбер был

такой же чуть вздернутый нос, как у ее супруга, и такая же складка на переносице. И все же их объединяли сейчас не внешние черты, а та непреклонная твердость, которая холодно поблескивала в глазах. "Эти люди привыкли добиваться своего", — подумал Гончар.

— Мистер Стивен, наверно, думает, что я все та же маленькая девочка, какой была три года назад, — насмешливо проговорила Милли.

"Ох нет, вовсе я так не думаю", — хотел ответить Степан, но удержался. Он и сам не понимал, почему так старательно отводил взгляд от ее свежего лица. Сказать по правде, ему больше ничего не хотелось сейчас видеть — только ее высокие скулы и эту улыбку. "Да нет в ней ничего особенного", — убеждал он себя, и сам понимал, что это неправда. Было в ней что-то такое, чего ему не хватало... Вполне возможно, что если бы девчонки не было в комнате, то и разговор получился бы гораздо короче.

"Не заглядывайся на ребенка", — приказал он себе, решив, что слишком давно не посещал заведение "Золотая Мечта". Вот куда надо было наведаться перед отлучкой, а не музыку слушать.

И все-таки девчонка ему нравилась все больше и больше.

Да, эти люди тоже нравились ему, и он хотел помочь. Но только помочь, а не потакать их прихотям.

— Я не поведу в каньон женщин, — сказал Степан.

— Но они все равно туда попадут, с вами или без вас, — ответил профессор.

В их спор вмешалась Оливия Фарбер:

— Мистер Питерс! Но ведь этот ужасный каньон начинается не на соседней улице, не так ли? До него еще надо добраться. Так почему бы нам не отправиться всем вместе и не встать лагерем у входа в каньон? Пожалуйста, дальше вы двинетесь без женщин, раз уж вы такой женоненавистник, а мы будем ждать в лагере.

— Прекрасная мысль, — сказал профессор.

— Не знаю, насколько прекрасной она покажется вам в будущем. — Гончар развел руками. — Но я принимаю это предложение.

Он поднялся в свою комнату и, не зажигая лампы, долго стоял у темного окна. Что ищет Фарбер? Ради чего идет на риск? Степан Гончар не любил задавать лишние вопросы попутчикам. Профессору почему-то очень важно попасть к Семи Озерам. Что ж, он туда попадет. Это будет непросто, но Гончару приходилось прокладывать и более трудные тропы. А причина, которая гонит Фарбера, очевидна. Настолько очевидна, что о ней не стоит и спрашивать. Он ищет золото. А золото — это страшная сила, которая легко заставит человека преодолеть и доводы разума, и страх, и стыд.

В отеле миссис Китс завтрак подавали в семь часов. Семья Фарберов собралась к столу без повторных напоминаний, и на этот раз с ними был Фредерик Штерн. Всю ночь он провел в доме шерифа, играя в карты с судьей и приезжим охотником из Калифорнии.

— Много проиграли? — поинтересовался доктор Фарбер.

— Не имеет значения, — сдержанно ответил Штерн. — Я проиграл в деньгах, выиграл в делах. Как вы думаете, профессор, сколько работников мы сможем нанять в этом городе?

— Полагаю, не многие согласятся пойти вместе с нами после блестящего выступления вашего приятеля, судьи Томсона.

— Совершенно верно. Не многие. А что вы скажете, если я приведу вам двенадцать опытных скаутов?

— Где вы их возьмете?

— Фред выиграет их в карты, — вставила с невинным видом Милли.

— К нам в попутчики записался судья Томсон. Со всей своей командой, — скромно произнес Штерн. — Они дойдут вместе с нами до Семи Озер, помогут в исследованиях, а затем отправятся в Юту охотиться в горах. Естественно, все это не подлежит огласке. Можете считать это моим карточным выигрышем, мисс Милли.

— Скажите, Фред, а как зовут этого приезжего охотника из Калифорнии? — спросил Гончар.

— Рочестер. Арчибальд Рочестер, финансист. Кстати, Питерс, наше вечернее соглашение остается в силе, не так ли?

— Безусловно. — Степан поднялся из-за стола. — Но я не работаю с незнакомыми людьми. Так что у вас есть время выбрать, с кем вы отправитесь в путь. С кем — со мной или с охотниками? Не буду мешать. Обсудите это без меня.

— Здесь нечего обсуждать. — Профессор потянул его за рукав. — Садитесь, Питерс. Безусловно, я не отправлюсь в путь с чужой командой.

— Тогда я прошу вас немедленно поставить всех в известность о том, что ваша экспедиция отменяется.

— Что-что? Отменяется? — переспросил Штерн.

— Да. Скажите, профессор, имеет ли для вас значение, с какой стороны вы попадете в каньон, с севера или с юга?

— Нет, не имеет.

— Тогда постарайтесь, чтобы то, что я сейчас предложу, не дошло до посторонних. Посторонними будем считать всех, кто находится за пределами этой комнаты. Итак, я проведу вас в каньон с юга. Исходная точка для перехода к Семи Озерам — город Гарленд. Объявите своим рабочим, что вместо проклятого каньона вы направляетесь, скажем, в Форт-Ларем, а оттуда намерены двигаться на юг, в Колорадо.

— Гарленд? Я представляю, где это. Да, но туда мы доберемся не скоро.

— Четыре дня по вполне приличной дороге. Встанете лагерем за городом, ниже по реке. Там мы вас и встретим.

— Кто это — мы? — недовольно спросил Штерн.

— Я, Харви Дрейк и самые надежные помощники, которых вы только сможете найти на всем Западе.

* * *

Уже через час Степан и Харви покинули Эшфорд. Они выехали налегке, словно собирались просто прогуляться. Как и ожидал Гончар, никто не увязался за ними на этот раз.

Люди, убившие Билла Уоллеса и Эда Палмера, наверняка убили и других проводников профессора — Гарри и Дугласа. Все эти парни были приговорены к смерти в тот самый момент, когда получали приглашение от профессора. И как только Стивен Питерс во всеуслышанье объявил о том, что доведет экспедицию до Семи Озер, он сразу превратился в живую мишень. Возможно, наблюдая за тем, как он седлает лошадь, они уже прикидывали, где и когда этот отчаянный проводник расстанется с жизнью.

"Ну что ж, им придется потрудиться, — думал Гончар, направляя Тучку на юг, к бедлендам. — Вы, парни, делаете свою работу, за которую заплатил вам Даунвуд. А я буду делать свою. За тот серебряный доллар".

Он был уверен, что шайке Даунвуда, этим калифорнийским "охотникам", очень хочется остановить Фарбера. И они остановят его, если Степан не вмешается в эту непонятную для него разборку.

Конечно, лучше всего было бы просто отговорить профессора от этой затеи. Мало ли на земле других неисследованных мест? Но он знал, что Фарбер не отступит. Наверно, ему снова заказали найти золото, и он его найдет.

Сюда ехали только ради золота. Все знали, что оно где-то рядом, оставалось его только найти. Сколько их было, отчаянных парней с киркой за плечом и парой кольтов за поясом, которых Гончар вел своими тропами к золотым россыпям Монтаны... Со многими он успевал подружиться в пути, и они уговаривали его остаться на приисках. Но он только качал головой и отправлялся в обратную дорогу. Он просто не мог долго оставаться на месте, пока не найдено ущелье Туманов.

Было время, когда по Орегонской тропе шли огромные караваны, которые

вытягивались на две мили. Порой фургоны приходилось выстраивать в две колонны, чтобы при нападении индейцев можно было быстро встать кругом. Но обычно одна только многочисленность переселенцев удерживала краснокожих от нападения. Люди двигались на Запад, к благословенному Ванкуверу или к утопающей в золоте Калифорнии. Они везли с собой все, что только могли загрузить в фургон, — от мебели до цыплят. И на долгие месяцы выгоревший тент над головой становился их единственным кровом.

Поток переселенцев немного схлынул в годы Гражданской войны, но сразу после нее на Запад устремились уже совсем иные люди. Это были крепкие одинокие мужчины, и они предпочитали передвигаться не в фургонах, а верхом. Колонны навьюченных мулов шли гораздо быстрее, с ходу пересекая реки и не избегая горных троп. Степан Гончар мог бы гордиться тем, что никто из его спутников не остался лежать в пропасти или на обочине с индейской стрелой в спине. Может быть, его дороги были немного длиннее, чем у других проводников, но он приводил в точку назначения всех, с кем вышел из точки отправления.

Впрочем, далеко не все считали достоинством надежность и безопасность. Многие превыше всего ценили свое время. Кто раньше других окажется на золотоносном участке, тот и разбогатеет быстрее других. А опоздавший может вообще остаться ни с чем. Те, кто предпочитал скорость, уходили с другими проводниками. И самым известным из них был Джо Бозмен.

Этот южанин появился в Небраске в шестьдесят первом году и за шесть лет наделал немало шума. Уже весной шестьдесят третьего он объявил, что нашел самый короткий путь в Монтану, и повел по нему первый караван переселенцев. Путь и в самом деле был намного короче известных троп, он пролегал по равнине и изобиловал колодцами и тенистыми рощами. Но путники недолго радовались своему открытию. Скоро им пришлось выстроиться в круг и отбивать первую атаку индейцев, назавтра — вторую, и так — каждый день. Оказалось, что они вторглись на земли, которые правительство США и сам президент Линкольн совсем недавно торжественно объявили неприкосновенной индейской территорией.

Напрасно Бозмен пытался убедить своих спутников, что договор с краснокожими — простая формальность. Они развернули свои фургоны и отправились по старой дороге. Без него. Он же смог пересечь эти земли в одиночестве, двигаясь по ночам. Добравшись до Монтаны, он набрал новый караван и весной следующего года успешно провел его по своей тропе. Теперь этот путь стали называть тропой Бозмена. Для охраны караванов вдоль трассы встали войска, но индейцы не могли смириться с этим. В декабре шестьдесят шестого сиу устроили целое сражение на тропе. Потери армии были столь велики, что правительство оттянуло войска с индейской территории и запретило пользоваться опасной дорогой.

Однако Бозмен по весне снова отправился в путь. И это была его последняя ходка. Он столкнулся с небольшой бандой индейцев и погиб в перестрелке. Его раненый компаньон смог вернуться к своим и рассказал о том, как сложил голову упрямый южанин.

Степан Гончар не удивился такому концу истории. Скорее следовало удивляться тому, что это произошло так поздно. Слишком поздно. Если бы не Бозмен, многие остались бы в живых. Старые проводники не поддерживали южанина, но не потому, что он был их соперником. Он просто не признавал правил, которые сложились здесь до него. И поплатился за это.

А Степан Гончар старался все делать по правилам. Он жадно впитывал рассказы о других знаменитых проводниках — о Бриджере и Уолкере, о Карсоне и Бизле. Они были такими разными! Кит Карсон был неграмотным охотником, а Эдвард Бизл — морским офицером, но и тот и другой оказались искусными дипломатами. К их словам прислушивались и в Вашингтоне, и в кругу непримиримых индейских вождей. Секрет был прост. Они не забывали об уважении. Следует уважать любого, с кем имеешь дело. Следует уважать чужие желания, чужой труд, чужую жизнь. И к смерти тоже следует относиться с уважением. Не более того.

"Кажется, профессору как раз не хватает уважения, — подумал Степан Гончар. — Ум,

знания, воля — все у него есть. А вот уважительного отношения к местным законам не хватает. Оно и понятно. Не может просвещенный гражданин уважать дикость и суеверия. Особенно когда эти суеверия мешают его бизнесу".

31. ВЕТЕРИНАРЫ И ЧУЖАЯ СОБАКА

Они придержали лошадей, когда среди редкой травы впереди вдруг заблестела целая россыпь винтовочных гильз.

— Похоже, это место уже рядом, — сказал Харви Дрейк. — Смотри, как насорили эти парни. Плохо их муштровали, плохо. Представляю, что творится там, где они останавливались на привал.

Сам Харви не оставлял после себя даже обгоревших спичек. Каждое утро он уничтожал все следы ночевки у костра, и Степан искренне сочувствовал той женщине, которой когда-нибудь доведется стать женой мистера Дрейка.

Прошедшая ночь выдалась ясной и прохладной, но костер разводить не стали. Весь вечер за холмами гремели выстрелы, которые стихли только с наступлением полной темноты. Степан и Харви не собирались вмешиваться в чужую драку, но наутро они свернули с дороги и отправились за холмы.

Им не пришлось долго ломать голову, в каком направлении ехать. Едва отделившись от дороги, они услышали слаженный вой койотов за холмами. То была ликующая песня пожирателей мертвечины, и, заслышав ее, Степан выругался и прищипорил коня.

Они нашли множество следов боя — гильзы, окровавленные лоскуты одежды, отпечатки ног и копыт — и эти следы сложились в широкую петлю вокруг нескольких валунов, среди которых оказалось человеческое тело.

Убитый был раздет до исподнего. Рядом с покойником лежала рыжая остроухая собака, положив большую голову между передних лап.

Неподалеку, в паре десятков шагов, над лошадиной тушей суежилась стая койотов. Пара крупных зверей, вожак и самка, рвали внутренности. Их седые морды и загривки уже были красными от крови. Рядом перетаптывались койоты помельче, нетерпеливо дожидаясь своей очереди. Они злобно щелкали зубами, отгоняя ворон, которые приступят к трапезе еще позже.

Один молодой койот, поджав хвост и выгнув дугой спину, неуверенно потрусил в сторону человеческого тела. Но собака, охранявшая покойника, коротко прорычала, оскалив клыки. Койот присел, прижимая морду к земле, и из-под хвоста его вывалился помет. Собака привстала — и койота как ветром сдуло.

— Так вот кто тут палил весь вечер, — сказал Харви. — Похоже, что он отбивался один.

— Надо похоронить, — сказал Степан.

— Придется, — согласился Дрейк. — Только это не так легко будет сделать. Собака нас не подпустит.

— Договоримся. Эй, приятель, — обратился Степан к собаке, не спускаясь на землю. — Ты позволишь нам помочь твоему хозяину?

— Не хотелось бы убивать пса, — сказал Харви. — Но я знаю эту породу. Если он на тебя кинется, я стреляю.

— Он не кинется. — Степан спешил и отвязал от седла лопату. — Он все понимает. Верно, приятель?

Пес поднялся и отошел в сторону, медленно виляя опущенным хвостом. Он стоял, поджав заднюю лапу. Его бок снизу был красным от крови.

— Тебе тоже досталось, — проговорил Степан, следя за собакой и осторожно прикасаясь к убитому.

Он перевернул тело на спину и взгляделся в застывшие обостренные черты. Степан Гончар помнил, наверно, тысячи лиц. Но этого человека он видел впервые.

— Ты начинай копать, а я пока посмотрю, откуда он взялся, — сказал Харви, разглядывая следы.

Могила была отрыта уже на два фута, когда он вернулся. Гончар отдал ему лопату и сел на мягкую горку красноватой земли.

— Что ты узнал?

Прежде чем ответить, Дрейк сбросил оружейный пояс и стянул рубашку. Он аккуратно сложил свои вещи на плоский валун, стряхнув с него песок. На плечах и груди его розовая кожа была густо усеяна крупными веснушками. Он поплевал на ладони и наконец взялся за лопату и прыгнул в яму.

— Он ехал по дороге, с востока, — докладывал Харви. — Четверо ждали у развилки. Он свернул в сторону, наверно, заметил их. Они погнались. Подстрелили лошадь. Она еще долго бежала, теряя кровь. Что было потом, ты видишь сам. Он залег между камней и держал круговую оборону.

— Он долго отбивался.

— И никого не убил, — заметил Дрейк, ожесточенно вонзая лопату в плотный грунт.

— Хотел дожидаться темноты, чтобы уйти от них.

— Не дождался. Послушай, Стивен, ты хочешь, чтобы я рыл до середины Земли?

— Углуби еще немного.

— Что ты так о нем заботишься? — Харви вытер лоб с таким тяжелым вздохом, словно копал уже не первую неделю. — Знакомого встретил?

— Не хочу, чтобы койоты докопались до него, когда мы уйдем.

Когда они опустили в яму окоченевшее тело, собака подошла и села рядом с могилой. Но как только первые комья земли посыпались вниз, она залаяла, и Дрейк отступил, прикрываясь лопатой.

— Эй, приятель, — сказал Степан собаке, — нам все же придется это сделать.

— Терпеть не могу, когда на меня лают, — сказал Харви. — Можно, я хотя бы отпугну его?

Он замахнулся лопатой. Пес отскочил и отчаянно залаял, задрав черную пасть кверху, а потом вдруг прыгнул в могилу, раскидал землю с тела и выскочил обратно, продолжая звонко лаять.

— Не дразни его, — попросил Степан.

— Пожалуйста. — Дрейк воткнул лопату в горку земли и оперся о черенок.

— Мы договоримся. Верно, приятель, договоримся? — Степан присел на корточки и достал из кармана кукурузную лепешку. — Иди ко мне, приятель, перекусим.

Пес, хромая, подошел и недоверчиво обнюхал протянутую руку. Степан разломил хлеб и положил кусок на землю. Пес лязгнул зубами, и кусок исчез. Когда от лепешки осталось только несколько крошек на ладони, пес осторожно слизнул их длинным языком.

— Вот так, приятель. — Степан оставался на корточках, и пес сел рядом с ним. — Я же знал, что мы договоримся.

— Вы-то договорились, — проворчал Дрейк. — Но лучше бы он держался от меня подальше.

Словно отвечая ему, пес вдруг вскочил и ошетинился. Тревожно оглядываясь, он шумно приняхивался, и злобное рычание булькало в горле.

— Ну что, ну что? — Степан положил руку на лохматый загривок и почувствовал, что пса бьет дрожь. — Что ты там учуял?

— У нас гости... — негромко произнес Харви, и Степан оглянулся.

Два всадника быстро спускались к ним с холма.

— Эй вы! — грубо выкрикнул один из них. — А ну, стоять! Не дергаться!

Степан скосил глаз на друга, и тот едва заметно кивнул ему. Они оба не шевелились — один сидел возле собаки, другой стоял, опираясь о лопату.

Всадники остановились. Их винтовки были направлены на Харви и Степана.

— Вы кто такие? Похоронная команда, что ли? Какого черта вы тут копаетесь?

— Мы уже не копаемся, — мягко сказал Гончар, поглаживая пса. — Мы уже закончили, сейчас уедем.

— Может быть, и уедете. А может быть, и нет. Где его вещи?

— Чьи? — удивился Степан.

— Спрашиваю последний раз. Где его вещи?

— Все на нем, — ответил Дрейк. — Мы ничего не взяли.

— Ничего?

— Нечего было брать. Да и нет у нас такой привычки — брать чужое.

Один из всадников приблизился к могиле и заглянул внутрь. Второй остался на месте, держа винтовку наведенной на Степана.

— Ну, что там? — спросил он напарника.

— Ничего нет. Голый.

— Как — голый? А где "лонг джонс"?¹⁹ — На нем, на нем.

— Он мог спрятать что-нибудь под бельем.

— Да зачем ему прятать?

— Он мог.

Пока всадники переговаривались, Степан, прикрываясь собакой, незаметно опустил руку к бедру, вытащил кольт и взвел курок.

— Ну что, придется посмотреть под бельем.

— Я в могилу не полезу.

— А мы попросим. Эй ты, любитель собак!

— Вы это мне, сэр? — спросил Степан.

— Полезай в могилу и раздень мертвеца.

— Почему я?

— Ты мне больше нравишься, — сказал всадник.

— Давно мне не говорили такого. — Гончар улыбнулся.

Он потрепал собаку по загривку и, схватив ошейник, потянул книзу. Пес послушно нагнулся, и Степан выстрелил от бедра.

В ту же секунду Харви взмахнул лопатой, и песчаный заряд угодил прямо в лицо одного из всадников. Тот успел нажать на курок, но пуля ударила в землю. А Гончар не промахнулся, и оба всадника рухнули на землю один за другим.

Пес, рыча, кинулся к убитым. Он припадал к земле и разбрасывал песок задними лапами.

— Вот так, — сказал Харви, подбирая с земли винтовку. — Черт, я даже вспотел от злости. Ты почему тянул так долго? Надо было их валить, как только приблизились. Я же сразу понял, что это они застрелили парня. Почему ты тянул?

— Хотел узнать, зачем они вернулись.

— Узнал?

— Не успел.

Дрейк, взявшись за ствол двумя руками, с размаху ударил прикладом по валуну. Винтовка с треском переломилась, и Дрейк отбросил ее обломки.

— Не жалко? — спросил Степан.

— Жалко. "Спрингфилд", да еще офицерская модель — хороший мушкет. Но мы не берем чужого. И мой винчестер меня вполне устраивает, — ответил Дрейк и расколол вторую винтовку.

— А как же дальнобойность?

— Дальнобойным оружием пользуются только трусы. Ты смотри, у них калифорнийские седла. — Дрейк деловито изучил содержимое седельных сумок, а потом

---

¹⁹ "Лонг джонс" — жаргонное название шерстяного белья, состоящего из сшитых вместе рубахи и кальсон с клапаном.

обыскал убитых. — Так, это что? Старая газета. "Кроникл", Сан-Франциско. Почитаем на досуге. Часы с гравировкой. "Железная дорога Сентрал Пасифик". Краденые, конечно. Такие часики обычно носят машинисты. Тебе не нужны часы? И мне не нужны. А вот эти бумажки я заберу.

— Кажется, ты только что объявил, что мы не берем чужого, — напомнил Степан.

— А мы и не берем. Если ты насчет денег, то какие ж они чужие? Эти бумажки принадлежат федеральному казначейству, то есть всему народу, И я их не беру себе, а только попользуюсь какое-то время. Так-то вот, Стиви. Мы стали богаче на тридцать долларов. Негусто, но день только начинается. Слушай, а ведь их должно быть четверо. Подождем остальных? Заработаем еще немного, а?

— На сегодня хватит покойников. Кинь мне лопату.

— Да ты что? — возмутился Харви. — Собираешься весь день тут провести?

— Не бойся. Зароем бедолагу и поедем домой.

Они встали над могилой. Пес уже успокоился и стоял рядом с ними.

— Смотри! — озабоченно сказал Дрейк. — Видишь, на ноге?

Степан уже и сам заметил, что под красной тканью, которая обтягивала худую ногу покойника, проступало какое-то утолщение. Он спустился вниз и ножом разрезал штанину комбинезона. Там оказался запечатанный пакет, привязанный к голени.

— Что там, Стиви? Деньги?

— Непохоже.

Степан сломал печать, разорвал пакет и извлек сложенный листок, на котором было только несколько строчек.

— "Польди! Склон той горы в марте был чист от снега, и оттуда все вершины Трезубца были видны как одна. Начинайте рыть на песчаной косе. Удачи. Кинг", — прочитал он вслух.

— Так вот что они искали... Теперь все понятно, — заявил Дрейк. — Бедняга был простым курьером. И напоролся на простых грабителей. Они забрали все, что можно продать за деньги. И не нашли самого главного. Эта записка дорого стоит.

— Ты уверен?

— А ты еще сомневаешься? Видишь, как он запрятал ее! Здесь наверняка написано о золоте. Теперь мы с тобой разбогатеем, Стивен! — Дрейк приложил руку к груди и поклонился покойнику. — Спасибо тебе, благородный незнакомец! Спасибо и тебе, мудрый пес! Я готов кормить тебя свежим мясом до конца своих... нет, твоих дней!

Пес, услышав такое обещание, завилял хвостом.

— Смотри, даже собаке все ясно, а ты еще сомневаешься! — засмеялся Дрейк. — Вылезай. предадим прах земле и займемся более приятным делом! Нам с тобой остается только выйти на Трезубец — и золото наше!

— Здесь нет ни слова о золоте.

— Еще бы! Об этом не пишут на бумаге! "Начинайте рыть..." Ты знаешь еще какую-нибудь вещь, которую можно спрятать на песчаной косе в таком месте, как хребет Трезубец?

— Ты предлагаешь свернуть?

— Соблазн велик. — Дрейк покачал головой. — Да только мы же подрядились довести профессора до Семи Озер. Вот когда закончим с ним, тогда и свернем к Трезубцу. Это же совсем близко.

Они засыпали могилу и аккуратно притоптали землю. Выложили крест из стреляных гильз, втыкая их почти до самого донышка, а в изголовье приладили валун.

Поднявшись на холм, они оглянулись. Койоты уже вернулись к убитой лошади, а над двумя трупами перепархивали несколько ворон.

Пара осиротевших коней осталась возле могилы.

— Жалко, что мы не берем чужого, — сказал Дрейк. — Интересно, долго они будут так стоять?

— Пока койоты не прогонят.

Они поскакали к городу, и желтая собака, прихрамывая, трусила за ними.

Степан рассчитал, что достигнет Гарленда примерно на пару дней раньше, чем сюда прибудет экспедиция Фарбера. Потом они вместе отправятся в верховья Хампы, под изнуряющее солнце высокогорья. Понятно, что и Гончару, и Дрейку хотелось дожидаться профессора под крышей приличной гостиницы. В Гарленде, как им удалось выяснить заранее, путешественникам предлагался богатый выбор мест, где можно было переночевать, пожить недельку-другую, и было даже место, которое молодым мужчинам непременно следовало посетить хотя бы раз. Они могли остановиться на постоялом дворе при железнодорожной станции, а могли и снять номер с удобствами в одном из городских отелей, небольших и скромных, но одинаково уютных.

Самая роскошная гостиница, "Одинокая Роза", стояла на окраине, окруженная тенистым садом. Из-за ее больших окон, затянутых плюшевыми портьерами, доносились звуки музыки и женский смех. Там царило веселье, но Степан и Дрейк хотели просто отдохнуть. Друзья миновали "Одинокую Розу" и остановились перед небольшим двухэтажным отелем "Приют ковбоя".

— Как тебе этот приют? — спросил Степан.

— Не очень. Посмотри, что творится под коновязью.

Вдоль длинной коновязи под навесом в изобилии валялись кучки конских яблок. Из-за распахнутых ворот конюшни доносилось ржание множества лошадей, перемешанное с отборной руганью. Видно, ковбои, нашедшие здесь приют, не могли поделить овес.

— Здесь нам будет слишком тесно, — решил Дрейк.

Они проехали дальше между низкими дощатыми домами и скоро остановились на городской площади. Каждое здание здесь было украшено вывеской, а то и сразу двумя. Салун, аптека, галантерея, седла и сбруя — и отель "Эрмитаж". У отеля стоял только один конь.

— Остановимся здесь, — сказал Степан.

— Может быть, посмотрим дальше? Найдем более спокойное место?

— Здесь, и только здесь.

Прежде чем подняться на крыльцо, Дрейк тщательно стряхнул щеткой дорожную пыль с одежды, а потом придирчиво проследил, чтобы и на Степане не осталось ни пылинки. Пока они приводили себя в порядок, из отеля вышел ковбой в высоких сапогах, громко бряцая шпорами. Он выплюнул черную жвачку и ухмыльнулся:

— Зря прихорашиваетесь. Тут все занято.

— И здесь тоже? Похоже, мы не вовремя, — огорчился Дрейк. — Что, в Гарленде проходит всеамериканский конгресс ботаников?

— Ботаников? Вроде того. Двигайте на постоянный двор у станции, там можно приткнуться на конюшне.

Ковбой враскачку прошел мимо них к своему жеребцу, широко расставляя негнувшиеся ноги. Его шпоры звучали каждая по-своему, и тяжелые шаги сопровождались незамысловатой мелодией. Он взлетел в седло, так и не согнув ног. Жеребец злобно всхрапнул, вставая на дыбы, развернулся на месте и поскакал прочь.

— Видел? — спросил Дрейк. — У него калифорнийское седло. Точно такое, как у тех двоих с офицерскими "спрингфилдами". Эти ребята купили седла в одной и той же лавке. И манеры у них похожие.

— Наверно, поэтому ему и придется ночевать на конюшне, — спокойно ответил Степан. — А мы остановимся здесь.

— Что-то мне расхотелось задерживаться в этом городе. Слишком много ботаников с калифорнийскими седлами.

Харви Дрейк различал, наверно, сотни разновидностей седел, стремян и подпруг. Для Степана все эти тонкости были недоступны, как китайский язык. Зато он мог по нескольким фразам угадать, из какой местности его собеседник.

— Седла у них, может быть, и одинаковые. Но этот "ботаник" с Севера. Мичиган или

Висконсин. А те двое были техасцами, — сказал он. — Не думаю, что это одна компания. В шайку обычно сбиваются земляки. Соседи или родственники.

— Это если шайка приличная. А бывают компании, куда стекается всякое отребье. — Дрейк выразительно указал пальцем на след смачного плевок возле крыльца.

— Бывают. Но нам нет дела до них. Нам только переночевать. А завтра запасемся продуктами и исчезнем отсюда.

— Знаешь, среди скал я сплю спокойнее, чем в гостинице. Лучше слушать песни койотов, чем прислушиваться к шагам в коридоре. Ненавижу шпоры.

— Мне почему-то кажется, что в коридорах отеля "Эрмитаж" шпор ты не услышишь, — усмехнулся Степан.

Он первым вошел в просторный холл, где с каждой стены смотрели рогатые головы оленей. Седая женщина в строгом платье проходила вдоль одной из стен, протирая тряпкой многочисленные фотографии. Она вопросительно посмотрела на вошедших.

— Добрый день, мэм. — Степан снял шляпу. — Могу я спросить, откуда взялось название вашего отеля?

— Не знаю. Тот, кто его придумал, уже умер. А в чем дело?

— В Европе есть дворец с таким названием. Говорят, это самый красивый дворец мира. Всегда мечтал его увидеть.

— Если вы хотите здесь остановиться, то у нас свободен только один двухместный номер, — сказала женщина, зайдя за стойку. Она раскрыла журнал и приготовила перо. — Зовите меня миссис Браун. Подъем в семь. Завтрак общий. В десять вечера двери закрываются.

— Прекрасно! — Степан подтолкнул Дрейка к стойке. — Запишите нас, пока я пристрою лошадей.

— Наши фамилии Паркер и Спенсер²⁰, — подумав, сказал Харви Дрейк. — Стивен Паркер и Харви Спенсер. Ветеринары.

— Вы легко найдете работу, — заметила хозяйка.

32. СЪЕЗД БОТАНИКОВ

Миссис Браун была женщиной строгой, как и подобает вдове офицера, и любое проявление беспорядка воспринимала как вылазку недобитого противника. Но зато она легко прощала человеческие слабости тем постояльцам, кто без напоминания вытирал ноги и не стряхивал пепел на пол. Она обнаружила, что под деревянным тротуаром, который окружал гостиницу, обосновался желтый молчаливый пес. Понаблюдав за ним, миссис Браун сделала соответствующие выводы. И наутро Степан и Харви, спустившись к завтраку, получили вдобавок к яичнице увесистую вываренную кость.

— Покормите свою собаку, джентльмены, — сухо пояснила миссис Браун.

— Это не наша собака, — сказал Дрейк.

— Меня не интересует, кто ее хозяин. Но пес пришел с вами. Он уже отогнал кур, и они теперь не будут гадить перед моим отелем. Мне все равно, кто его хозяин. Но если после кур он не возьмется за постояльцев, то пусть живет. А кормить его будете вы, потому что от меня он ничего не берет. Вам все понятно?

— Да, мэм.

Пес утащил кость под настил, и оттуда послышались звуки, похожие на работу камнедробилки. Сидя на корточках, Степан ждал, когда пес вылезет на свет, — хотел осмотреть его раны. Харви присел рядом.

— Я прикинул, чем нам придется обзавестись, — сказал он. — Прежде всего нужны сменные лошади для нас, для профессора и компании. Возьмем трех-четыре местных пони

---

²⁰ "Паркер", "спенсер" — популярные оружейные марки.

и полдюжины мулов, с ними не страшны никакие скалы.

— Займись лошадьми, а я наберу продуктов, — решил Степан.

— Купи табаку.

— Разве наш запас сигар уже кончился?

— Он никогда не кончится, — вздохнул Дрейк. — Но я, пожалуй, перейду на самокрутки.

Степан вытянул из кармана рубашки тонкую зеленоватую сигару и откусил кончик.

— Странно, — сказал он, нежно покрутив сигару между пальцами и проведя ею под носом. — Самокрутки... Значит, надо еще и бумагу купить?

— Бумага бесплатно прилагается к каждому кисету. Табак "Булл Дарем" за пять центов, не забудешь?

— Постараюсь ничего не напутать. — Степан улыбнулся. — Не помню уже, когда я покупал табак.

Пес выполз из-под дощатого настила, отряхнулся и принялся чесаться.

— Сиди здесь, — строго сказал ему Степан. — Никого не трогай. Мы скоро вернемся. Тебе ничего не надо в магазине?

— Купи ему керосину от блох, — посоветовал Дрейк. — Я эту породу знаю. Когда будем ночевать на снегу, он обязательно залезет к тебе под одеяло.

— На снегу?

— На высоте там всегда снег. Конечно, можно сделать крюк и обойти хребет по реке. Но ведь мы пойдем коротким путем, так?

— Так. — Степан кивнул.

Они разошлись в разные стороны. Дойдя до угла, Степан оглянулся. Пес растерянно вертел головой, глядя то на него, то на уходящего Дрейка.

— Сиди на месте, — повторил Степан, и пес залез обратно под настил.

В магазине Гончар внимательно изучил рекламные проспекты, приклеенные к стенам. Самые свежие из них были двухлетней давности. Тут же красовались новенькие, еще не пожелтевшие, довольно качественные портреты двоих грабителей, Фрэнка Джеймса и Боба Янгера. Правосудие обещало по тысяче долларов за каждого.

— А что слышно про Сэма Басса, Потрошителя? — поинтересовался Степан у продавца.

— У нас такого еще не было, сэр. И не будет. У нас потрошат только кур, и то по большим праздникам. Все настоящие бандиты давно перебрались в богатые края. В Колорадо или Монтану, где золотые шахты. А здесь им нечего делать.

Продавец продолжал сетовать на упадок, укладывая покупки Степана в большие бумажные пакеты, когда в лавку шумно вошли двое. Они явно не мылись еще в этом месяце, не брились с прошлого лета, а одежду не меняли вообще никогда, пока она сама не начинала отваливаться кусками с их могучих тел. Но длинные винтовки, висевшие поперек живота, выглядели гораздо лучше одежды.

— Чья это псина околачивается под крыльцом? — просипел тот, у которого кудрявая рыжая борода торчала впереди, как скотоотбойник у паровоза.

— Не знаю, сэр, — развел руками продавец.

— Она тебе всю торговлю испортит. Никто не подойдет к твоей лавке, когда возле нее околачивается бешеная собака.

— Как насчет того, чтобы ее прибить? — спросил второй. Его пепельная жидкая борода свисала вниз двумя слипшимися крыльями.

— Мне все равно, — сказал продавец. — Но как бы не объявился ее хозяин. Вы уверены, что она бешеная?

— Хозяин не объявится, — заявил рыжебородый. — А если объявится, пусть найдет меня. Я отдам ему шкуру, так и быть.

Степан рассчитался с продавцом и обеими руками подхватил два объемистых пакета, прижимая к груди. Продавец выскочил из-за прилавка и предупредительно открыл дверь.

Спускаясь по ступеням, Степан заметил желтого пса. Тот сидел в тени, высунув язык. Степан прошел мимо него не оглядываясь. Скоро он услышал, как заскрипела и хлопнула дверь магазина у него за спиной, а потом по крыльцу прогремели тяжелые сапоги.

Он шел спокойно и неторопливо, рассеянно поглядывая по сторонам. Тяжелые шаги сзади не приближались, но и не отставали. Степан остановился у аптеки и поставил оба пакета на перила резного заборчика. Придерживая их одной рукой, раскурил сигару. Краем глаза он видел, что оба бородача тоже остановились, с глупейшим любопытством всматриваясь в витрину с корсетами. Желтый пес пробежал рядом со Степаном и нырнул под высокий дощатый тротуар.

Беззаботно дымя сигарой, Степан снова подхватил свои пакеты и направился к гостинице.

Миссис Браун подметала крыльцо. Она опустила широкий веник в ведро с водой, брызнула на ступени и распрямилась, потирая поясницу.

— Мистер Паркер? Может быть, это не мое дело, но ваш друг сел на лошадь и уехал. При этом интересовался ценами на лошадей.

— Все в порядке, — сказал Степан. — Давно он уехал?

— Минут пять. Можете оставить ваши пакеты в холле, с ними ничего не случится. Еще он спрашивал, где тут играют в карты.

— Он всегда это спрашивает. Но никогда не играет. У него не бывает лишних денег.

— Еще он спросил, где у нас самая большая конюшня. Я посоветовала отправиться на станцию. Вы понимаете?

— Не совсем.

— Не удивлюсь, если он вернется пешком, — поджала губы хозяйка.

— Ну что вы. Скорее он вернется с небольшим табуном, — успокоил ее Степан.

Беседуя с хозяйкой, он поглядывал на отражения в чистых сверкающих окнах отеля. Бородачи не таясь прислушивались к разговору. Когда же Степан, оставив пакеты, отправился за Дрейком, следом побрел только один, рыжий толстяк, а чернобородый торопливо ушел.

Степан увидел кобылу Дрейка гораздо раньше, чем ожидал. Она стояла уже за следующим поворотом, у здания с многообещающей вывеской "Игровой дом Круассона. Карты из Италии, вина из Франции. Чеки и векселя принимаются".

Наверно, это заведение знавало и более удачные времена, чем сейчас. Столы, обтянутые зеленым потертым сукном, пустовали, и только у дальней стены сгрудились немногочисленные любители фаро²¹. Среди них стоял и Харви Дрейк. Судя по умиротворенному лицу, он уже избавился от тридцати долларов, которые достались ему вчера утром. Заметив Степана, он еле заметно подмигнул, коснулся пальцем уха и отвернулся. Гончар сел на высокий табурет у стойки и тоже прислушался к разговору.

За игровым столом только что закончился очередной розыгрыш. Банкомет сидел, отодвинувшись от стола и спокойно держа руки на коленях. Игроки расставляли свои разноцветные фишки по картам, наклеенным на доску. Все они были местными жителями и одевались по-городскому — пиджаки, котелки, галстуки. Здесь не было никого в ковбойской рубашке или старом солдатском кителе. Игрок, сидевший на почетном месте напротив банкмета, был в черном сюртуке и высоком шелковом цилиндре. Перед ним выстроились несколько башенок, сложенных из фишек, и тут же высилась горка бумажных долларов. Прочие участники игры были не столь удачливы, и свои фишки они доставали из карманов. Игра еще не началась, и можно было поговорить о посторонних предметах. Речь шла о разбойнике, которого звали Джессе Джеймс.

Этот парень встал на тропу войны, когда ему и пятнадцати не было. Может быть, он бы и вырос достойным фермером, но началась Гражданская война, и Джессе вступил в

---

²¹ Фаро (фараон, штосе, банк) — азартная карточная игра.

партизанский отряд. В Канзасе он грабил обозы северян и переправлял добычу на Юг, нищим конфедератам. Когда война закончилась, Джеймс вернулся на свою ферму и собрался возделывать землю. Но тут, как назло, именно его земля понадобилась железной дороге. Правда, сама линия проходила далеко в стороне, и железнодорожные воротилы просто хотели заграбастать побольше прилегающих участков. Они щедро платили фермерам, так щедро, что те едва-едва могли добраться до ближайшего города и влиться в ряды грузчиков, шахтеров или землекопов. Но Джессе Джеймс нашел себе другое занятие. Вместе с братьями он принялся грабить подряд все банки этой железнодорожной компании и все ее поезда.

Три года назад ему вроде бы пришел конец. Банда попала в засаду при попытке ограбления банка в Миннесоте. Почти всех братьев перебили на месте, а израненного Джессе подлечили, чтобы предать открытому суду.

Да вот беда, врачи перестарались. Здоровья у Джессе с избытком хватило на то, чтобы бежать из-под стражи. И теперь он снова при делах. И сам губернатор штата Миссури пообещал за него десять тысяч долларов, за живого или мертвого.

— Ставки сделаны! — повысив голос, произнес банкомет и придвинулся к столу.

Все замолчали и сбились потеснее, напряженно глядя на плоскую коробку перед банкометом. Сейчас он начнет доставать оттуда карты, по одной, складывая их в две стопки, слева и справа от себя, и с каждой новой картой кто-то будет становиться богаче, а кто-то беднее.

Степан вышел на улицу, и Харви Дрейк последовал за ним.

— Хорошо, что ты пришел. Без тебя я бы не скоро оторвался, — виновато улыбнулся он. — Ты понял, о чем здесь говорили?

— Да.

— Местная публика встревожена. Слишком много крутых парней слетелись сюда. Говорят, что они из шайки самого Джессе.

— Полагаю, местной публике нечего бояться, — сказал Степан. — Как насчет лошадей?

— Плохо. Никто не продает своих. Надо ехать на ранчо "Семерка". Там и мулов найдем подешевле. Смотри, этот пес увязался за тобой.

— За мной увязался не только пес. Видишь толстяка на углу?

— Натуральный "ботаник", — помрачнев, кивнул Харви.

— Как ты догадался? Ты же не знаешь, какое у него седло? А вдруг не калифорнийское?

— Смейся, смейся. Держу пари, что калифорнийское. Только натуральные ботаники гуляют по улицам с мушкетом на груди.

Степан присел на корточки, и пес подбежал к нему.

— Ну что ты за нами бегаешь? — укоризненно спросил Гончар. — Занялся бы делом. Погоняй кур. Посторожи крыльцо. Столько важных дел для собаки, а ты бегаешь за нами.

— А знаешь, почему этот толстяк таскается с винтовкой? Ему негде ее оставить. Наверно, его команда еще не нашла себе берлогу.

— Может быть.

— Стивен, ты купил продукты?

— Купил. И табак для тебя.

— Так чего мы ждем? Поехали отсюда. На ранчо, потом в лагерь профессора. Чего ты ждешь?

Степан выпрямился. Пес настороженно повел головой и зарычал.

— Я уже не жду, — сказал Гончар. — Веди лошадей обратно и собирайся в дорогу. А я пока прогуляюсь.

Как и ожидал Степан, толстяк двинулся за ним. Пес убежал куда-то вперед, вернулся, снова убежал. Наконец Гончар остановился возле кузницы. Оттуда тянулся запах горячего металла, смешанный с кисловатой угольной гарью.

Здесь улица сворачивала в тупик, и Степан, пройдя немного, повернул обратно. Он

впервые встретился взглядом с толстяком, который преследовал его. Тот прислонился к стене и сложил руки на винтовке, висевшей поперек живота. Кроме них, в тупике не было никого, если не считать пса, который жался к ногам Гончара. Толстяк выплюнул жвачку и сказал:

— Ты плохо смотришь за своей собакой.

Степан прошел мимо.

— Эй, постой-ка, друг! — просипел толстяк. — Я с тобой разговариваю!

— Что тебе, друг? — Степан повернулся к нему, улыбаясь. — Может быть, ты меня с кем-то путаешь?

— Может быть. Но собаку твою я ни с кем не спутаю. Скажи, друг, откуда у нее кровь на брюхе?

— Я не лезу в собачьи дела. А собака не лезет в мои. Вот так и живем, друг.

— Постой, постой. — Толстяк оторвался от стенки и загородил выход из тупика. Он оглядывался, явно поджидая кого-то, и держал одну руку на винтовке, а другую выставил перед собой, почти упираясь в грудь Степана. — Постой. Это не собачьи дела. Может быть, это и наши дела. Ты откуда сам-то? Говор у тебя не местный.

Степан шагнул вперед, наткнулся грудью на выставленную руку и надавил на нее, как будто пытаясь столкнуть толстяка назад. Тот набычился и резко подался вперед, чтобы остановить противника. Но Гончар мгновенно развернулся на носках, и толстяк, потеряв опору, пролетел мимо. Зацепившись сапогом за подставленную ногу, он шумно повалился в пыль, гремя всей своей амуницией. Степан придавил каблуком его мушкет.

— Полежи, друг, отдохни, — сказал он.

Пес, осмелев, подскочил к застывшему на земле толстяку и зарычал, щелкая зубами и морща нос.

— Собаку... Убери эту чертову собаку!

— Если не будешь шевелиться, собака тебя не тронет.

На улице показались трое. Чернобородый приятель толстяка вел за собой двоих, одетых вполне прилично и без винтовок. Степан разглядел звезды на их жилетах и вежливо приподнял шляпу:

— Добрый день, шериф!

— Что тут творится? — Шериф недоуменно переводил взгляд с толстяка на Степана. — Из-за чего драка? Кажется, вас надо успокоить. Я могу проводить вас в одно спокойное место. Самый спокойный уголок в городе.

— Спасибо, шериф. Но никакой драки нет. Мы неловко столкнулись, вот и все. Уж больно тесные улицы в вашем городе.

Степан даже помог толстяку подняться. Шериф переглянулся с помощником и сказал:

— Ты, кажется, привык к широким улицам? Кто такой, откуда, зачем прибыл?

— Я ветеринар, приехал вчера из Небраски. Остановился в "Эрмитаже".

— Собака твоя?

— Нет.

— Почему она бежит за тобой?

— Привязалась по дороге. Я промыл ее рану, покормил. Наверно, псине это понравилось.

— Но мне не нравится, когда бездомные собаки бегают по улицам моего города, — угрожающе сказал шериф и засунул пальцы под ремень. Он откинул голову и свысока глянул на Степана: — Ты меня понял?

— Конечно. — Гончар улыбнулся. — Я привяжу пса под кроватью. Могу я вернуться в отель?

Шериф смотрел на желтого пса, барабанил пальцами по пряжке.

— Пойдем вместе, — решил он. — Как бы ты опять не свалил кого-нибудь по дороге. Говоришь, приехал из Небраски? Верхом?

— Да.

- А где нашел собаку?
- Это она меня нашла. У развилки, недалеко от города.
- Пес бежал впереди, оглядываясь.
- Говоришь, промыл рану? Какую рану?
- Похоже, койот цапнул.
- А ничего подозрительного по дороге не встретил? Не слышал стрельбы, к примеру?
- Стрельбы? Нет, не слышал, — твердо ответил Степан.

До самого отеля Гончар шел в сопровождении шерифа и помощника, а сзади плелись бородатые ковбои с винтовками. Пес юркнул под крыльцо и замер там.

— Имей в виду, — сказал шериф. — Если не будешь следить за псом, его прибьют. У нас не любят бродяг. Кстати, ветеринар, можешь дать мне совет насчет лошади?

— А в чем дело?

— Хромать стала. С виду все нормально. Недельку бегают и вдруг начинает хромать. Через пару дней все проходит, опять может месяц бегать. А потом опять та же история.

— Не волнуйтесь, шериф. Это точно не бруцеллез.

— Точно? Ну а мне-то что делать, не подскажешь?

— Подскажу, — серьезно сказал Степан. — В тот день, когда она не будет хромать, продавайте ее.

33. РАНЧО "СИНГ-СИНГ"

Вернувшись в номер, Степан принялся молча помогать Харви укладывать продукты в дорожные сумки. Он решил не рассказывать о встрече с шерифом.

— Выйдем на рассвете? — спросил Дрейк.

— Нет. На закате. Ты же любишь ночевать среди скал.

— Мы можем переночевать на ранчо.

— Мне почему-то кажется, — сказал Степан, — что нам уютнее будет под открытым небом, чем под крышей на этом ранчо. Ты заметил, что на улицах почти не видно местных жителей? Все куда-то попрятались.

— Все, кроме шерифа и ботаников, — согласился Харви.

— Все это очень похоже на войну. Но я не понимаю, из-за чего здесь могут воевать.

— Возможно, из-за кровной мести? На Юге бывает такое. Семья на семью. До четвертого колена. Когда собирается вся родня с обеих сторон, это уже война двух маленьких армий. И власти боятся вмешиваться. Может быть, и здесь такое принято?

— Тогда об этом говорили бы за каждой стойкой. Нет, здесь другое. Город наполнен чужаками, которых все боятся.

— Мы не в счет, — сказал Харви. — Нас тут любят. По крайней мере, два существа. Хозяйка гостиницы и твой рыжий пес.

— Возьмем пса с собой, пока эти ковбои его не пристрелили.

— Это не ковбои. Ты видел, в чем они ходят? Думаешь, грязное тряпье они надели из-за бедности? Как бы не так. Их одежда не просто грязная. Она пропитана именно той грязью, в которой они живут.

— Ну и что?

— А то, что они так сливаются с окружающей обстановкой. Это маскировка. Ты знаешь, что койоты в Техасе и в Вайоминге — разного цвета? — спросил Дрейк, сворачивая свои рубашки. — Так и эти ботаники. Если их сейчас вдруг перебросить в Канзас, они первым делом выстирают свое тряпье, а потом как следует извозят его в канзасской грязи. Вот ты назвал их ковбоями. Да, у них кожаные штаны, у них шпоры, и у некоторых сбоку под седлом болтается свернутое лассо. Но главный признак ковбоя — другой.

— Рубашка?

— Верно. Яркая рубашка, лучше всего в крупную клетку. И яркий платок на шее.

— Я никогда не задумывался об этом, — сказал Степан. — Правильно. Наши ботаники

все одеты так, чтобы оставаться незаметными. Ну а почему настоящие ковбои так любят яркие краски?

— Потому что ковбою надо, чтобы его видели издалека. Особенно если он сверзится с коня и будет валяться в высокой траве. Красно-белая клетчатая ткань уже спасла не одну жизнь.

Степан надел свою черную, поседевшую на спине рубашку и сказал, закатывая рукава:

— А у меня вот все рубашки черные. Впрочем, их всего-то две. Ну, мы с тобой не ковбои. Нам, ветеринарам, можно одеваться попроще.

Звание медика, как заметил Степан Гончар, вызывало особое уважение и доверие у всех, с кем ему приходилось встречаться. Оно и понятно. С одной стороны, ветеринар занят понятной и полезной работой. И в то же время эта чисто практическая деятельность несет на себе отблеск высокой науки, а ведь серьезное образование дается далеко не всем. Вот такое сочетание грязных рук и светлой головы и виделось каждому за скромным словом "ветеринар". Степану и Харви охотно подсказывали дорогу и при этом не докучали вопросами о своих болячках. Когда же просили советов насчет лошадей и коров, то Харви Дрейк вполне обходился собственным опытом. Он помнил, как лечится мастит. А Степан знал, что мальтийскую лихорадку теперь принято называть бруцеллезом.

Но нигде они не останавливались даже на день ради ветеринарной практики, какие бы гонорары им ни обещали.

Они оплатили свой номер в "Эрмитаже" на пять дней вперед и, уезжая, сказали хозяйке, что к вечеру вернутся.

— Надеюсь, вы успеете до вечера съесть все, чем набили свои сумки, — сухо сказала она. — Не беспокойтесь. Если меня спросят о вас, я знаю, что сказать.

Пес бежал рядом, пока они ехали по городу. Но стоило Степану и Харви оставить за спиной последний дом, как желтый пес резво помчался впереди, обнюхивая каждый камень и носясь из стороны в сторону.

Ранчо "Семерка" легко было найти по колючей проволоке, которая тянулась справа от дороги двумя ржавыми нитками на покосившихся столбиках. Путники свернули с дороги, добравшись до угла ограды, и двинулись вверх по еле заметной тропинке, натопанной объездчиком. Въездная арка из двух березовых стволов была украшена вывеской с выжженной цифрой "7". В сотне шагов за ней Степан увидел небольшой табун лошадей. Они понуро стояли под солнцем, обмахиваясь хвостами.

— Ты уверен, что эти кони нам подойдут? — спросил Харви Дрейк.

— Нет, этих нам не надо, — сказал Степан. — Их оставили пастись слишком далеко. Нам нужны те, которых держат поближе к дому.

Преодолев еще один подъем, они увидели вдалеке пару приземистых строений, сколоченных из широких неровных досок. Даже издалека были заметны широкие щели в стенах. Между домами желтело обширное пятно пустого загона, огороженного жердями. Вдоль забора неторопливо трусил по кругу одинокий всадник. Сначала Степан подумал, что он объезжает молодую лошадь, которая, впрочем, вела себя довольно смирно. Но наездник вдруг вытянул руку вбок, по направлению к центральному столбу загона. В руке блеснул револьвер, из ствола вылетела дымная струйка, еще одна, и только потом донесся звук выстрелов.

Всадник продолжал кружить по загону, непрерывно паля по столбу. Причем после каждого выстрела его револьвер крутился вокруг пальца. Отстреляв барабан, всадник подбросил кольт, поймал его левой рукой, а правой выхватил новый револьвер из-за пояса. Над загонем стояло облако пыли и порохового дыма.

— Ты знаешь, кто это упражняется? — Харви удивленно повернулся к Степану. — Смоки Бен из Чикаго!

— Что это значит? — спросил Гончар. — Нам надо убегать или нападать?

— Нам надо готовиться к пьянке. Когда я видел его в прошлый раз, он проиграл мне ящик виски. А Смоки не любит копить долги.

— Он циркач, этот Смоки? Репетирует номер для шоу "Дикий Запад"?

— Нет. Он просто хороший стрелок.

Тем временем хороший стрелок надавил стволом на бедро и переломил револьвер. Гильзы брызнули из барабана. Не выпуская поводьев, всадник перехватил ствол левой рукой, а правой достал из кармана пригоршню патронов и одним ловким движением запихнул их в открытый барабан. После чего убрал револьвер за пояс и наконец обратил внимание на гостей. Он нисколько не удивился, увидев Дрейка, и поздоровался с ним так, словно они расстались не далее как вчера.

— Привет, бродяга! — прокричал он. — Ты, значит, решил забрать свой ящик?

Его обветренное лицо до самых глаз было покрыто седой прозрачной бородой. Такая же редкая седина окружала его голову серебряным облачком. Волосы на скулах, висках и надо лбом были одинаковой длины, и от этого в лице Смоки было что-то звериное. Но это был дружелюбный зверь. Он приветливо улыбался и кивал. А потом попросил говорить громче, потому что он ничего не слышит. В конце концов Харви растолковал, что ему нужны лошади.

— Ах, лошади? — удивился тот. — Так вы, значит, куда-то собрались? Вы, значит, не останетесь тут? А как же виски? Ну ладно, поехали к лошадям.

Они с Дрейком ехали впереди и вели обычную беседу старых друзей. Степан мало что мог понять из их разговора. Незнакомые имена и клички, чужие места, чужие беды и радости... У Дрейка было много таких знакомых, но мало кто из них сейчас оставался в живых.

Бен и Харви расстались лет пять назад после удачного налета на почтовый поезд в Канзасе. Вся их шайка тогда разбежалась, чтобы отсидеться поодиночке в разных укромных уголках. Дрейк забрался в Небраску, прокутил все свои деньги и взялся за лопату на золотом прииске. А Бен Смоки купил вот это ранчо.

В стаде Бена трудно было отыскать хотя бы пару лошадей одной масти. Степан присмотрел себе низкорослую кобылу. Ее можно было бы считать гнедой, если б не белые пятна на животе и коленях. Таких лошадей многие относят к особой породе — "пинто". Шайены говорят, что их вывели апачи, живущие в горах. А апачи уверены, что пинто пришли к ним с севера, от шайенов. На самом же деле это обыкновенные техасские пони, неприхотливые, выносливые и своенравные. Они никогда не будут надрываться. Уставший пони может укусить наездника, если тот вздумает погонять. Но зато по горной тропе пони шагает так же свободно и уверенно, как по гладкой дороге.

Гончар уже поднял руку, чтобы показать на кобылу, но Дрейк его опередил.

— Пожалуй, я не откажусь от этой пегой малышки, — сказал он Бену.

— Ну а мне точно такую, только повеселее, — успел добавить Степан.

Когда все лошади были отобраны, Гончар спросил как бы невзначай:

— А чьи это парни собрались в Гарленде?

— Там разные люди, — неохотно ответил Бен Смоки. — Есть пара местных, но остальные — всякий сброд. Кто из Калифорнии, кто из Монтаны. Корчат из себя великих воинов, носятся со своими "спрингфилдами". Даже спят с ними в обнимку. А что тебе до них?

— Ваш шериф с ними снюхался, — сказал Харви. — Как думаешь, не готовят ли тут у вас новую войну? Не будут отстреливать стариков за былые заслуги?

— Шериф Юдл меня не трогает, я его тоже не задеваю. — Бен Смоки почесал бороду. — Но от этих законников всего можно ожидать. Мы с тобой слишком рано вышли из игры. Я-то думал, зацеплюсь за землю, пушу корни, стану на якорь. И никто меня не вспомнит. Но ведь эти законники ничего не забывают. Надо было мне по-другому сделать. Надо было грабануть еще пару поездов, накопить денег, да самому заделаться шерифом. Тогда бы я был поспокойнее. Тогда бы не пришлось мне ждать каждую ночь незваных гостей с латунными звездами.

— А ты ждешь?

— Я-то жду. А вот Длинный Хаммер не ждал. Думал, все будет по закону. Он отсидел свое. Перебрался сюда. Открыл харчевню при дороге. Юдл начал к нему придирааться. Но народ был за Хаммера. Жратву он готовил отменную и виски гнал первый сорт. Юдл донимал его, донимал, грозился братьев натравить. Но Хаммер держался как скала. Приехал брат шерифа Остин, тоже с латунной звездой на пузе. Затеял ссору с Хаммером, обозвал трусом. Но Хаммер не взялся за оружие, только ухмылялся. А утром его нашли с дыркой в виске. Говорят, застрелился от позора.

— Вранье, — сказал Харви.

— Это точно, вранье. Если Юдл и на меня полезет, я не стану стрелять себе в висок. Найду мишень получше.

— Я знал одного Остина Юдла, — сказал Степан. — Но тот был бандитом. Откуда-то с Юга. Алабама, кажется.

— Их было шестеро братьев, — сказал Бен Смоки. — Но они не с Юга, а из Нью-Йорка. Сразу после войны старший брат записался в армию, чтобы наводить новые порядки в Алабаме. Сам знаешь, в те годы можно было грабить чисто по закону. Конфискация, контрибуция и все такое. Любого южанина, который косо посмотрел на офицера, можно было застрелить на месте и спокойно обчистить его дом. Ну а Фрэнк Юдл немного перестарался, и его судили за самоуправство. Из тюрьмы он вышел уже настоящим бандитом. И подключил к делу братишек. Награбили золотишка, занялись игорным бизнесом. Сейчас трое служат шерифами. Считаю, подмяли под семью три округа. Двое держат казино и бордели в этих же округах. Семейка процветает, что и говорить. Только один братишка, Фрэнки, самый старший, не дожил до этого процветания. Вот как люди устраиваются, Харви, не то что мы с тобой.

— Если всем известно, что Юдлы — бандиты, то как же им удалось пробраться в шерифы? — поинтересовался Степан.

— Нас, честных фермеров, никто и не спрашивал. Юдла избрали старатели. Собрались толпой в салуне, проголосовали, да и разбежались опять по участкам. А что? Старателям главное — чтобы их не грабили. Их и не грабят. А то, что творится на дорогах, — это никого не касается. Честный скотовод не может перегнать стадо, чтобы не лишиться по пути десятка голов, а то и больше. И будет счастлив безмерно, если этим обойдется. А то ведь может и не вернуться на ранчо. И пожаловаться некому честному работяге!

— Это ты о себе? — спросил Харви.

— Я никогда не жалуюсь. Но таких, как я, здесь мало.

— А я вот знаю место, где много таких, как ты.

— Это где же?

— В тюрьме Синг-Синг.

Шутка понравилась Бену, и он еще долго посмеивался, показывая гостям свое жилище.

— Вот моя камера, а вот — ваши нары, — ухмылялся он. — Переночуете, а наутро захотите, чтоб вам накинули срок. Можете просить хоть пожизненное, я не против.

Узнав, что Харви со Степаном отправляются в горы, он поделился с ними своим запасом веревок и свечей, а потом еще и выволок из сарая мешок с самым лучшим топливом на свете. Это были бизоньи лепешки.

Вечером, достав первую бутылку виски из заветного ящика, он охотно поделился своими географическими познаниями.

— Если двигаться отсюда на север, сначала вдоль Зеленой Реки, а потом, после перевала Ганнета, по долине Змеиной Реки, то как раз через неделю вы увидите землю, из которой бьют фонтаны кипятка. Да-да, парни, целые фонтаны пара вылетают прямо из грязи. А в родниках там можно спокойно варить мясо. Я и сам варил. Неплохо получается, только соли расходуется слишком много. Вы увидите по берегам реки целые тучи огромных бизонов. Они там никого не боятся, и их убивают с пяти шагов.

— Извини, Бен, — невинно улыбаясь, сказал Харви Дрейк. — Кажется, то место, о котором ты говоришь, называется Йеллоустонский парк?

— Ну да.

— Я слышал, что там запрещена охота.

— Ну да, запрещена. Да там никто и не охотится всерьез. А есть парни, которые стреляют там оленей-вапити только ради того, чтобы выдернуть им зубы. Пара оленьих клыков стоит в большом городе десять долларов, говорят. Щеголи из "Ордена Американского Лося" носят их на золотой цепочке. Вполне прилично можно заработать. Вы, парни, не за клыками собрались?

— Нет, Бен, нам в другую сторону, — сказал Степан.

— Жалко, что мне надо гнать стадо. Я бы охотно помог вам перевалить через горы. В горах трудно без проводника. Я в первые годы испытал это на своей шкуре. Чуть без ног не остался, так обморозился. А эти чертовы лавины... И все же здесь хорошо, парни. Не знаю, как я жил в городе. Почти половину жизни зря потратил. Спасибо тебе, Харви. Это ведь ты подсказал, где можно отсидеться после канзасского дела. Я думал, что просто перезимуем тут, в Гарленде. И застрял навсегда. А ты все мотаешься по Западу?

— Я не мотаюсь, — важно ответил Харви. — Я работаю проводником в экспедиции Смитсоновского института. Это тебе не вагоны грабить. Институт! Наука, одним словом.

На рассвете Бен встал вместе с ними, чертыхаясь от головной боли. Он помог собраться и, прощаясь, напомнил:

— Если окажетесь на Йеллоустоне, не забывайте, парни, про кипящие родники. Не суйте туда руки, как я сунул однажды сдуру.

Гончар первый раз видел настоящего живого бандита, с которым ему было жаль расставаться.

Желтый пес бежал за ними, и несколько местных собак провожали его. Они отстали, только когда всадники выбрались на дорогу.

Пегие пони шли легко и быстро, мулов тоже не приходилось подгонять. В голове еще перекачивались острые камешки похмелья, но утренний свежий ветер быстро взбодрил Степана.

Дорога вела все выше и выше. К середине дня они уже были за первым перевалом, и здесь, на южном склоне, остановились на отдых.

Солнце обжигало лицо, но камни оставались холодными. Гончар положил на валун свою куртку и сел на нее. Когда глядишь на мир с высоты тысячи футов, с кружкой кофе в одной руке и сигарой в другой, начинаешь завидовать самому себе. Тропа извивалась длинными петлями по склону, то пропадая за деревьями, то снова белея в траве. Далеко внизу, в долине, тропу было уже не разглядеть, но зато хорошо виднелась дорога, к которой она вела.

Харви Дрейк стоял рядом, дымя самокруткой.

— Чем крепче табак, тем приятнее кажется горный воздух, — сказал Степан. — Все равно что закусывать бренди лимоном.

— Бренди? Лимоном? Так пьют моряки?

— Нет. Так я пил раньше.

— Я такого никогда не видел, — сказал Харви. — Мне приходилось пить бренди с людьми в дорогах фраках, но никто из них не закусывал лимоном.

— Люди в дорогах фраках не изучали химию. Бренди — это щелочь, а лимон — кислота. Лимонный сок очищает рот от остатков коньяка. Поэтому каждая новая рюмка воспринимается как первая, во всем богатстве вкуса. И точно такая же история с горным воздухом и крепким табаком.

— Слова-то все какие умные. Может, тебе и в самом деле заняться наукой? — спросил Харви.

— Например, ветеринарией?

Степан допил последний глоток кофе и вытряхнул гушу, постучав кружкой о край камня. До лагеря доктора Фарбера оставалось совсем немного. Миль десять по дороге. Еще один перевал. И за ним Степан увидит белые палатки за фургонами. И из палатки выйдет

девушка в синем комбинезоне и белой шляпе. Она помашет этой шляпой, увидев Степана издали, и он, как мальчишка, поскачет к ней, все быстрее и быстрее.

Эта радость будет все сильнее смешиваться со страхом. Может быть, как раз страх за эту девчонку и позволит Степану сохранять ясную голову перед надвигающейся опасностью.

Да, опасность становилась все более отчетливой. Здесь, в Гарленде, уже обосновались чьи-то бойцы, которые быстро наладили взаимодействие с шерифом. Значит, этих бандитов наняла какая-то важная фигура. Вполне возможно, что и сам мистер Даунвуд, он же Рочестер, уже обретается где-то поблизости. И если это так, то все попытки оторваться от его шайки были напрасными. И значит, в окружении профессора Фарбера не все так чисто, как ему кажется. Откуда Даунвуд узнал, что экспедиция направляется в Гарленд?

Степан собирался при встрече учинить профессору довольно жесткий допрос. Если Фарбер не говорил лишнего своим рабочим, то подозрение может падать на Фредерика Штерна. Или на жену профессора. Или на его дочь. В конце концов, на негритянку Роситу, которая присутствовала при разговоре.

Однако все оказалось гораздо проще, чем представлялось Степану.

34. ПОЧТАЛЬОН РЕКС

Когда они приблизились к лагерю экспедиции и сам профессор Фарбер вышел навстречу, пес неожиданно взвизгнул и со всех ног кинулся вперед. Напрасно Степан что-то грозно кричал ему вдогонку. Собака со звонким радостным лаем налетела на профессора и чуть не сбила с ног, толкая лапами в грудь и пытаясь лизнуть непременно в нос.

— Рекс, фу! Уймись! Откуда ты здесь?! — Фарбер тщетно пытался уклониться от собачьих знаков внимания. — Питерс! Почему с вами Рекс?

— Не знал, что это Рекс. — Степан спрыгнул на землю, и пес подбежал к нему, вильнул хвостом и снова прижался к ногам Фарбера. — Так вы знакомы?

— Еще бы! А почему он один? Где его хозяин?

— Неподалеку. Я не знал его имени, поэтому выложил на могиле только крест.

— Что? На могиле? Убит?

Доктор Фарбер редко терял самообладание, и сейчас Степан впервые увидел профессора по-настоящему потрясенным. Он отступил, словно от хорошего удара, и, шатаясь, схватился за щеку.

— Как... как это случилось? Где?

— В окрестностях Гарленда. Он напоролся на шайку и погиб в перестрелке. Кто это был, профессор?

— Это был... это был наш друг, — медленно выговорил доктор Фарбер. Он растерянно огляделся и спросил: — А откуда у вас столько лошадей, Питерс?

— Это помощники, которых я обещал привести. Но погодите, док, я хочу кое-что спросить насчет вашего друга.

Степан взял профессора под руку и увел подальше от палаток. Фарбер шел как пьяный, послушно и шатко.

— Слушайте меня внимательно, док. Вы никому не говорили, что отправляетесь в Гарленд?

— Никому.

— Допустим. Тогда какого черта... Извините. Тогда почему ваш друг оказался именно здесь?

— Теперь это неважно, Питерс. Теперь нам все равно, куда идти. Все пропало. Бедный Клаус, бедный Клаус...

— Стоп. Мне очень жаль вашего друга, — жестко сказал Степан и встряхнул Фарбера. — Очень жаль. Но откуда он знал про Гарленд?

— Я дал телеграмму в Денвер. Там сейчас... Неважно. Клаус должен был передать мне важные сведения.

— Вот эти? — Гончар развернул перед носом профессора записку, которую нашел у покойника. — Польди — это вы?

Фарбер невидящим взором уставился на бумажку. Он перестал шататься. Лицо порозовело.

— Откуда у вас это? — спросил он.

— Скажите спасибо Рексу. Это он сохранил записку, а я только снял ее с ноги вашего Клауса. Так Польди — это вы?

— Да, естественно, я, кто же еще? Питерс, но это все меняет! Теперь нам никто не нужен! Это же совсем рядом! Трезубец! Все вершины Трезубца на одной линии — это безупречный ориентир!

Фарбер больно вцепился длинными пальцами в плечи Степана.

— Клаус! Клаус! О майн Готт!²² Он не подвел!

Гончар, деликатно вырываясь из объятий профессора, отступил и оглянулся. Харви Дрейк стоял неподалеку, удерживая поводья сразу нескольких лошадей, и с ухмылкой наблюдал за этой нелепой сценой.

Вдруг Степан увидел, как на склоне отрога, с которого они только что спустились, что-то сверкнуло. Он и сам не смог бы объяснить, почему этот проблеск так его напугал. Но Гончар вдруг схватил профессора за руку и с силой потянул за собой к палаткам. Он почти бежал, и Фарбер, спотыкаясь и пытаясь высвободиться, семенил за ним.

— Харви, посмотри в бинокль, кто там на склоне! — крикнул Степан.

И в ту же секунду что-то ударило по глинистой земле. Взметнулся рыжий фонтан пыли, и надтреснутое завывание рикошета заставило всех пригнуться.

Гончар добежал до ближней палатки и залег за ней, прижимая к земле профессора.

— Всем лечь! — заорал Харви, вскакивая на лошадь. — Упали все, кому сказано!

Он засвистел, завизжал по-ковбойски и погнал весь свой табун вокруг лагеря, поднимая пыль. Степан прильнул к биноклю, пытаясь направить его на ту приметную ложбинку, протянувшуюся поперек склона, где сверкнуло стекло. Теперь-то он не сомневался, что это был блик от снайперского прицела.

— Док, у вас найдется пара надежных мужчин с оружием?

— Безусловно. Фредерик! Фредерик! — позвал профессор.

Штерн перебежал к ним и упал рядом.

— Ага, Питерс, вы не очень-то точны, — заметил он. — Мы ждем вас уже восемнадцать часов.

— Есть пара стрелков? — спросил Степан, не тратя время на приветствия. — Нужна дальнобойная винтовка. Иначе нам придется тут ползать до темноты.

— Вы полагаете, кто-то охотится именно за нами?

— Я полагаю, что вон там, в ложбинке на отроге, засел человек с хорошим "спрингфилдом". Скорее всего, он не один. И этим стрелкам очень хочется убить вас, доктор Фарбер.

— Одну минуту, — спокойно сказал Штерн и отполз в сторону.

Пыль, поднятая табуном, развеялась, и Степан снова поднял бинокль. Штерн вернулся с длинноствольной винтовкой и двумя дощечками. Сложил их крестом, опустил двумя концами на землю и пристукнул сверху. Получилась удобная крестовина, на которую он смог опереть граненый ствол.

— Я готов, — произнес он. — Скажите ему, пусть начинает.

— Не будет он стрелять по заказу. — Степан приподнялся на локте, оглядываясь. Его тревожило то, что он не видел Милли. — Ему нужна хорошая цель.

Подползли двое рабочих с винчестерами.

— Джентльмены, — обратился к ним Гончар. — Нам с вами надо добежать до крайнего

---

²² Боже мой! (Нем.)

фургона. Залечь за колесами. И стрелять в сторону отрога.

— Не знаю, — протянул пожилой рабочий с сомнением в голосе. — Не знаю, долетит ли туда пуля из винчестера.

— Вот и узнаем, — бодро сказал Степан и первым побежал к фургону.

"До чего же будет глупо схлопотать пулю именно сейчас", — подумал он, ваясь под защиту высоких колес.

Рабочие шумно упали рядом и просунули стволы между спицами колес.

Сзади кто-то свистнул, и Степан увидел Харви Дрейка, который перебежал на другой конец лагеря. Дрейк оглянулся и поманил Степана, а в руках у него были два винчестера.

— Начинайте стрелять, джентльмены, — попросил Гончар, выбираясь из-под фургона. — Цельтесь повыше и не высовывайтесь. Может быть, вам ответят парой выстрелов, пусть это вас не смущает.

Вместе с Дрейком они спустились в русло пересохшего ручья, которое тянулось в сторону склона. Подбираясь все ближе и ближе к отрогу, Степан слышал хлопки винчестеров. Но снайпер не отвечал.

— Да он уже смылся, — говорил Харви, перебегая вслед за Степаном от одного куста до другого. — Увидел, что промазал, и смылся. А ты предупредил своих, что мы сюда выдвинулись?

— А зачем? Все равно они не попадут.

— Как раз от таких-то мастеров и можно ожидать всяких чудес. Я вот однажды поспорил с одним почтальоном...

Степан поднял руку, и Харви замолк и застыл на месте. До них долетело эхо двух выстрелов. Стреляли на склоне, но звук был приглушенный. И то был звук револьвера, а не мушкета.

Оба, не сговариваясь, подняли бинокли, и оба в один голос произнесли:

— Что за черт? Да это же Бен!

На склоне отрога из-за деревьев показался всадник. За ним шли две оседланные лошади без седоков. Всадник снял шляпу и помахал ею над седой головой.

Степан вышел из-за куста, поднял винтовку прикладом кверху и закричал в сторону лагеря:

— Не стрелять! Не стрелять!

Они пошли навстречу Бену, и Гончар все поводил лопатками, пытаясь избавиться от неприятного ощущения в спине. "Вот что чувствует человек, когда в него целятся", — думал он, представляя, как Фредерик Штерн сейчас разглядывает в поднятой рамке прицела его вылинявшую рубашку.

— Ты забыл свой ящик виски, Харви! — крикнул издалика Бен Смоки.

— И ты привез его сюда?!

— Хе-хе. Как бы не так. Я еще не выжил из ума.

— Тогда как ты здесь оказался?

— Ко мне заехали двое. Неприятные типы. Грубые и неотесанные. Деревенщина, одним словом. Спрашивали про ветеринаров. Я им морочил голову сколько мог. Они отвалили. — Бен махнул рукой в сторону свободных лошадей: — Садитесь, парни, хватит вам на брюхе ползать.

Харви тщательно отряхнулся, прежде чем взлететь в седло.

— Не люблю я калифорнийские седла, — заметил он саркастически. — Ну, Бен, не томи душу, рассказывай, что дальше?

— Когда я увидел, что они взяли ваш след, я оставил ранчо на своего негритенка, а сам двинулся за ними. Они держались за вами очень даже грамотно, даром что деревенщина. Но не оглядывались. Так же как и вы, парни. А потом я увидел, что они стреляют по моим лошадам. Вот скажи, Харви, как бы ты поступил на моем месте?

— На твоем месте я бы привез с собой вещь, забытую другом, — ответил Харви Дрейк.

— Ты опять про ящик виски? Эта вещь очень пригодится нам на обратном пути, —

ухмыльнулся Бен Смоки.

— Их было двое, и оба остались там, в ложбине? — спросил Степан, разглядывая притороченный к луке седла офицерский "спрингфилд" с длинной латунной трубкой прицела.

— Остались, — кивнул Бен. — Похоже, Стивен, это те самые, которые снюхались с нашим шерифом.

— Те самые.

Они подъехали к лагерю. Штерн все еще лежал за своей крестовиной и глядел на них поверх винтовки.

— Черт побери, Питерс, — выкрикнул он. — Я ведь вас чуть не уложил от злости. У меня была такая роскошная позиция.

— Искренне вам сочувствую, сэр. Знакомьтесь, доктор Фарбер. Это мистер Смоки, он только что избавил нас от очень неприятных соседей. Но, кажется, теперь нам придется изменить наши планы.

— О да, — сказал Фарбер. — Теперь все пойдет совсем не так, как раньше.

Профессор пригласил к себе в палатку Степана и попросил Штерна постоять у входа, чтобы сохранить тайну переговоров. Развернув карту на своей походной кровати, доктор Фарбер показал Гончару на район, обведенный красным карандашом:

— Вот это — моя зона поиска. В других зонах работают другие экспедиции, а мне достался каньон Семи Озер. Довольно обширная зона, и я планировал затратить на работу и остаток лета, и всю осень. Но теперь все изменилось. Нам надо просто выйти вот в эту точку... — Он, подумав, провел ногтем по карте и ткнул пальцем в голубую кляксу озера. — И взять пробы. Все. Это займет два-три дня, не больше. И я могу это сделать в одиночку. Но, конечно, не откажусь, если вы мне поможете. Одна лопата — хорошо, а две — лучше. Только не спрашивайте у меня, что мы ищем. Мы берем пробы и возвращаемся в лагерь. Вас устраивает такой план?

— План хорош. Но вы не все учитываете, — сказал Степан Гончар. — У вас на пятках сидит банда. Вполне возможно, что уже сегодня в лагерь наведается шериф со своими многочисленными помощниками и под каким-нибудь предлогом арестует всю вашу экспедицию. Например, по жалобе владельца этой земли. Вы уверены, что не вторглись в чужие владения?

Профессор рассмеялся:

— Да я именно об этом и мечтаю! Я как раз для того и пришел сюда, чтобы отыскать чужое владение, вторгнуться в него и взять пробы земли! Потом я готов нести любую ответственность. Штрафы, скандалы — плевать. Но дело будет сделано, Питерс!

— Штрафы? Пожалуй, пуля в спине — это максимальный размер штрафа.

— До такого не дойдет, — отмахнулся Фарбер. — Это чисто юридический спор, с научным оттенком. И очень большим финансовым смыслом. Подробности вам знать необязательно. Но поверьте мне, Питерс, в этом деле замешаны люди, которые ни за что не рискнут прибегнуть к оружию. Их имена слишком известны. Один только намек на скандал — и их карьера погибнет. Нет, Питерс, до стрельбы не дойдет.

Степан опешил:

— А что это за странные звуки раздавались тут только что? Не знаю, как там у вас в Филадельфии, но здесь такие звуки называются именно стрельбой!

Профессор пожал плечами:

— Нас, возможно, хотели припугнуть.

— Припугнуть? — Гончар чуть не влепил старику затрещину, но вовремя одумался.

"Старый осел ничего не видит, кроме золота. Оно маячит у него под носом. Оно ослепило его. Бесполезно спорить", — подумал Степан и предложил:

— Может быть, прогуляемся? Посмотрим на тех, кто так мило шалил? Заодно я бы показал вам могилу вашего друга. Его тоже припугнули?

— Довольно, Питерс, — решительно сказал профессор, сворачивая карту. — Вы не

остановите меня. Я выхожу немедленно. Хотите — идите со мной, не хотите — оставайтесь в лагере. По крайней мере, здесь от вас тоже будет польза. Вы сможете задержать шерифа и его компанию, которая так вам не нравится?

— Черт с вами, док. — Степан устало вздохнул. — Мне говорили, что упрямее меня нет человека. Теперь я вижу, что есть. Ладно. Давайте хотя бы обсудим маршрут.

35. РАСХИТИТЕЛИ ПРИИСКА

Профессору не удалось выйти из лагеря незамеченным. Наверно, Штерн плохо охранял тайну переговоров, потому что к тому времени, когда Степан и профессор вышли из палатки, Оливия Фарбер уже навьючила на своего мула мешки с запасом продуктов.

Гончар уже на все махнул рукой. Пусть делают что хотят. Он будет держаться рядом только для того, чтобы с девочкой ничего не случилось.

— Теперь-то у вас найдется для меня винтовка? — спросила Милли, когда он подвел к ней пегую кобылу. — У меня просто руки чешутся проучить негодяев, которые охотятся за нами.

— Я надеялся, что маленькая разбойница немного повзрослела, — сказал он.

— Повзрослела. И превратилась в старую разбойницу. Знаете, мистер Стивен, чертовски приятно слышать это слово от вас. Никто не называл меня разбойницей. Только вы.

— А меня никто не называет мистером Стивеном. Только вы, мэм.

— О'кей, Стив. Так как насчет винтовки?

— Будет тебе винтовка.

Рабочие, оставшиеся в лагере, получили строгие инструкции: заниматься ремонтом фургонов и ждать возвращения профессора, который уехал на пару дней обследовать каньон Грин Ривер.

И первые несколько миль отряд Фарбера действительно двигался в указанном направлении. Однако как только лагерь скрылся за горой, Бен Смоки привстал в стременах, огляделся из-под ладони и уверенно показал плетью на север:

— Нам туда, парни. Держим нос вон на ту черную зазубрину, что торчит над холмом.

Бен знал все дороги, тропы и проходы в этих местах. Не раз и не два перегонял он через горы табуны и стада, приобретенные без лишних формальностей. Здесь он мог не опасаться встреч с кавалерийскими патрулями, которые любят придирааться к бедным скотоводам. Индейцев он тоже не боялся увидеть, потому что в этих горах жили только паюты, мирные земледельцы, которые ухитрялись выращивать кабачки и кукурузу на каменистых склонах. Их совершенно не интересовало, откуда и куда гонит Бен своих лошадей и бычков. А если бы вдруг пришлось случайно наткнуться на банду молодых шайенов, то Бен Смоки показал бы им, на что способен даже один хороший стрелок. В общем, он никого и ничего не боялся в этих краях. Но даже Бен никогда не пересекал границу каньона Семи Озер.

— Да мне там просто нечего делать, — говорил он. — Ни травы для скотины, ни деревца, чтобы поваляться в тени. Одни только голые камни, да песок, да соленые озера среди скал. Там живут только чайки да пеликаны.

— Если есть птицы, должна быть и рыба, — заметил доктор Фарбер, ехавший бок о бок с Беном. — А рыбы тоже должны чем-то питаться. Значит, там есть и рачки, и черви, и водоросли. Эти озера вовсе не такие безжизненные, как о них рассказывают.

— Рассказать-то можно всякое, да только не всякой сказке можно верить. Вот вы, док, можете мне по-научному объяснить, откуда здесь, в горах, вдруг завелись чайки, а? Это вроде морская птица, а до океана тысячи миль. Да нет, даже не пытайтесь придумать какую-нибудь вашу ученую причину. Потому что причина совсем другая.

— И какая же?

— Мне паюты все растолковали. В том каньоне, смею вас заверить, загнулся не один лихой бродяга. Там пропадали целые караваны, это уж наверняка. Но вы не увидите вокруг

ни одной человеческой косточки. Потому что люди там не просто гибнут. Они превращаются в чаек. Кто в чайку, кто в пеликана.

Харви Дрейк подмигнул Степану и заметил вполголоса:

— Ну, Бену это не грозит. Он если и превратится в кого, то только в попугая.

К вечеру они забрались довольно высоко в горы и остановились на ровной травянистой площадке среди отвесных скал. Дальше начинался крутой склон, а впереди синели остроконечные горы, с белыми пятнами снега на вершинах и зелеными подножиями. Они казались такими близкими, что их хотелось потрогать рукой.

— Ночевать будем здесь, — объявил Бен. — Выйдем на рассвете, тропу видно только при низком солнце. Дойдем до реки, а уж дальше я вас не поведу. Дальше я не ходил.

— Спасибо, мистер Смоки, — сказал профессор. — Полагаю, что мы вполне сможем одолеть этот спуск и без вас. Зачем вам утруждать себя? Вы указали путь, дальше мы пойдем самостоятельно.

— Утром будет видно, как вы пойдете, — многозначительно ответил Бен. — Как и куда. Может, к утру у вас пропадет охота шастать по проклятым местам.

Степан видел, что Бен Смоки — хороший проводник. Он выбрал самое безопасное место для стоянки и костер развел так, что ни огня, ни дыма нельзя было бы увидеть со стороны. Поэтому Гончар с чистой совестью доверил своим спутникам заботы об ужине и ночлеге, а сам забрался на выступ скалы, чтобы сверху наблюдать за тылом. Если за ними кто-то и увязался, то ему будет трудно скрыться на единственной тропе.

Но до того, как горы залила темнота, Степан не увидел на тропе никого, кроме мохнатых длинноногих коз.

Утром Бен Смоки спустился вместе со всеми в узкую долину и довел отряд до реки. Но там, вместо того чтобы распрощаться, он первым вошел в воду и перебрался на другой берег. Так он и сопровождал их до первого озера.

Здесь доктор Фарбер остановился и долго вертел головой, разглядывая горные вершины. Бен неприязненно косился на чайку, кружившую над ним, и всем своим видом показывал, что он уже не проводник, а такой же новичок в этом месте, как и все прочие.

— Судя по карте, — сказал профессор, — нам надо пройти на юго-юго-запад еще две с половиной мили. Но все эти карты и атласы составлялись без достаточно надежных измерений. Полагаю, нам не стоит во всем полагаться только на них. Если никто не возражает, то мы сейчас разделимся на две группы. Я, Фредерик и женщины — мы отправимся вдоль западного берега озера. Питерс, Дрейк, Смоки — вы обойдете озеро с восточной стороны. Встречаемся где-то на южном берегу. Во время этого перехода обращайте внимание на любые следы человеческой деятельности. Вы можете найти, например, старую доску или ржавый гвоздь, понимаете? Обязательно оставьте знак на этом месте. Следует также постоянно следить за горой Трезубец. Возможно, в какой-то точке вы увидите, что все три вершины Трезубца сольются в одну. В таком месте тоже надо будет поставить хорошо заметный знак. Итак, господа, я полагаю, что примерно через два часа мы с вами встретимся на южном берегу.

Степан Гончар знал, что многие приметы сбываются независимо от того, веришь ты в них или нет. Проводник, отправляясь по неизведанной дороге, никогда не станет загадывать, сколько времени будет затрачено на этот путь. Вот и Фарберу, конечно, не следовало назначать встречу через два часа. Сглазил профессор, обмишурился. Потому что два часа спустя Степан все еще торчал на восточном берегу этого озера, сидя на песчаной косе мутной речушки, и изображал собой тот самый приметный знак, о котором просил Фарбер. А Дрейку, как самому молодому из тройки, пришлось тащиться за всей остальной компанией. Что касается Бена Смоки, то он рыскал вокруг, возбужденно сопя, и, набрав пригоршню песка, опускал ладонь в проточную воду.

— Разрази меня гром, тут должно быть золото, — повторял он. — Чуюл я, что док неспроста сюда лезет. Неспроста, Стивен, неспроста. Он что-то знает.

— Я в этом не смыслу, — равнодушно отвечал Степан, оглядывая горы. — С чего ты

взял, что здесь есть золото? Какие признаки ты видишь? Я вот, например, не вижу никаких признаков.

— Хе-хе, вот самый главный признак, — ухмыльнулся Бен и кивнул в сторону покосившегося заявочного столба.

Эта был невысокий, с метр, оструганный ствол тонкого дерева, с прибитыми крест-накрест серыми обветренными планками от ящика, на которых были выжжены буквы Т и М.

— Знаешь, Бен, я и сам когда-то навтыкал таких "признаков" по всей прерии, — сказал Гончар. — Только не видел под ними никакого золота.

— Тут тебе не прерия. Тут никто не будет селиться ради того, чтобы сеять пшеницу или растить бычков. Если какие-то отчаянные парни забрались сюда, то только ради золота. Я вот думаю, Стивен, а не за столбить ли нам участок по соседству? Пойдем выше по реке, чем выше, тем лучше, а?

— Застолби, если тебе охота. И через месяц на озере станет одной чайкой больше.

— Хе-хе, даже если так, то это будет чайка с золотым клювом. — Бен с мечтательной улыбкой смотрел, как вода смывает песок с его ладони.

Степан поднял бинокль и снова, в который раз, оглядел безжизненные горы. Он уже видел, как быстро скакали сюда Фарбер и Дрейк. Штерн, жена профессора, Мелисса и негритянка Росита заметно отстали, не спеша продвигаясь среди чахлах кустов, и длинноухие мулы с громоздкой поклажей тянулись за ними.

Когда профессор увидел обнаруженный проводниками заявочный столб, он благоговейно поклонился ему, приподняв шляпу, и торжественно произнес:

— Достопочтенные джентльмены, мистер Морган, мистер Такер!

Бен и Харви недоуменно переглянулись, но профессор все так же напыщенно продолжал:

— От лица всей мировой науки я, ничтожный землекоп, приношу вам свои глубочайшие извинения! Питерс, не окажете ли услугу? Вы сможете, соблюдая все меры предосторожности, выдернуть эту деревяшку из земли, но так, чтобы не повредить ее?

— Это не очень-то хорошо, док, — нахмурился Харви Дрейк. — Вы знаете, как поступают с расхитителями чужого прииска? В лучшем случае их закапывают головой вниз.

— А в худшем? — любопытствовала Милли.

— Вниз ногами. А голову постепенно расклеивают вороны.

Профессор, не дожидаясь помощи, сам схватился за столб.

— Вам не следует принимать эти процедуры близко к сердцу, Харви. Ничего страшного, я надеюсь, не случится. Завтра же мы воткнем столб на место. А пока давайте поскорее зароем его поглубже в песок, чтобы его вид не смущал нас. Или тех, кто нас навестит.

Никогда еще Степан не видел доктора Фарбера таким счастливым. Профессор даже напевал что-то, отмеривая шаги по песчаной косе и втыкая через каждые десять шагов срезанные ветки, которые отмечали места взятия проб.

— Одна лопата — хорошо, а восемь — лучше, — посмеиваясь, повторял он.

Так началась "чисто геологическая работа", как называл профессор это ковыряние на чужом участке. Никто не остался без дела. Трое промывали песок лотками в реке. Двое таскали то песок, то воду к брезентовому желобу на шестах. А женщины, с их острым зрением, склонились над корытом с водой, где они покручивали свои плоские чашки с промытым песком.

Харви, старый золотоискатель, подсказывал Степану, как удобнее встать, как половчее взять лоток и сколько песка брать для пробы, чтобы не терять время, но и не ломать поясницу из-за лишней тяжести. Сказывался его старательский опыт.

— Много ты заработал на приисках? — спросил его Гончар, растирая пальцами под водой куски глины.

— Не помню. Все равно те деньги ушли, как вода через пальцы. Слушай, Стивен, не нравится мне это.

— Мне тоже.

— Первое, что мне не нравится, так это работа на чужом участке. Ты знаешь, как я отношусь к воровству. А ведь это самое настоящее воровство, как ни крути. Но это еще не все. Второе гораздо хуже, Стивен, гораздо хуже.

— Ну, что еще тебе не нравится?

Харви выпрямился, потер поясницу и сказал:

— Нет здесь никакого золота.

— погоди, мы ведь только начали, — сказал Степан и только сейчас заметил, что солнце давно уже опустилось к самой линии гор. Занятно. Ему казалось, прошло не больше часа.

— Я тебе могу сказать по цвету песка. По вкусу глины. И еще по сотне примет. Нет здесь никакого золота. Даже самого паршивого.

— Надеюсь, что вы правы, Харви, — слышался голос профессора.

Фарбер стоял у нижнего конца желоба и ворошил пальцами меховой коврик, на котором должны были осесть золотые крупинки.

— Могу сказать совершенно определенно. Я тоже не наблюдаю здесь никаких признаков месторождения. Ни по своему геологическому строению, ни по химическому составу грунта этот участок не напоминает золотоносную зону.

— Значит, можно укладывать чемоданы? — спросил Степан.

— Ни в коем случае! — с воодушевлением воскликнул Фарбер. — Мы скрупулезно проверим все отмеченные точки! Все до единой. И проверим с предельной...

— Ой! Есть! — вскрикнула Росита. — О, Господи! Сэр! Доктор! Есть! Посмотрите, это то, о чем вы говорили?

Профессор Фарбер недовольно поморщился и, вытирая руки о фартук, неспешной походкой направился к столу, над которым склонились женщины. Оливия Фарбер выпрямилась и, с сочувствием глядя на приближающегося мужа, сказала:

— Я искренне надеюсь, что Росита ошибается, но очень, очень похоже... Польди, неужели это алмаз?

36. АЛМАЗЫ, КОТОРЫХ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ

Вечером, когда все собрались у костра, доктор Фарбер открыл наконец своим спутникам ту причину, по которой они здесь оказались.

Он начал издали, напомнив историю финансовой пирамиды под названием "Северная Тихоокеанская железная дорога".

Когда-то никто в Америке не верил, что человеку по силам соединить железнодорожными путями два океанских берега континента. Но после того, как Трансконтинентальная магистраль была все-таки проложена, американцы впали в другую крайность, и теперь уже все верили, что строительство новых дорог — это самый прибыльный и надежный бизнес. Банки смело вкладывали миллионы в это дело, и блестящие нити рельсов перерезали просторы прерий. Когда же стало известно о планах постройки дороги на севере страны, от желающих стать акционерами новой компании просто отбоя не было.

Эта компания была предприятием, куда вливались сотни миллионов долларов: сбережения вдов и наследства сирот, капиталы мелких банков и торговых фирм, скудные накопления сотен тысяч тех, кто пытался вырваться из бедности. Строительство новой линии охватывало огромную территорию, почти треть страны. На рекламных проспектах эта линия тянулась от Великих озер через верховья Миссури и Скалистые горы к Тихому океану.

Однако так привлекательно и многообещающе будущая дорога выглядела только на бумаге. Пока что велись предварительные изыскания и укладывались первые мили путей, но и этого было достаточно, чтобы подогревать энтузиазм вкладчиков. И все-таки доктор Фарбер с самого начала подозревал, что руководство компании только делает вид, будто

осваивает эту гигантскую строительную площадку протяженностью в тысячу четыреста миль.

Конечно, вполне вероятно, что дорога пройдет по землям, богатым золотом, серебром и медью. Конечно, если осваивать просторы прерии, то можно добиться высоких урожаев. Но все это — дело далекого будущего. С каких таких выгодных операций могут уже сегодня набегать высокие дивиденды для множества акционеров? Эти земли не освоены и не будут освоены еще десятки лет. Не говоря уже о суровой природе тех мест, достаточно вспомнить об основном препятствии — на этой земле проживают десятки индейских народов, само существование которых окажется под угрозой. Индейцы никогда не сделаются кондукторами или рудокопами, никогда не встанут за плуг. Им придется либо умереть от голода и болезней, либо уйти куда-нибудь, на юг или на север. А те, кто не захочет уходить, возьмутся за оружие. Значит, новая железная дорога — это новая война.

Скорее всего, руководство компании прекрасно понимало все это. Шумная реклама нужна была только для того, чтобы распалять воображение вкладчиков и подталкивать их к покупке все новых и новых акций с гарантированным дивидендом. Рано или поздно эта финансовая пирамида должна была обрушиться. Так оно и случилось. В сентябре семьдесят третьего года банковский дом, финансировавший строительство дороги, "приостановил платежи по дивидендам", как деликатно выразилась депеша Нью-Йоркской биржи. Это означало полное банкротство банковского дома и всей Северной Тихоокеанской компании.

Сотни тысяч людей, отдававших свои сбережения на постройку дороги, были разорены в одно мгновение. Их акции превратились в никчемные бумажки. Отчаяние и озлобленность пострадавших вкладчиков были беспредельны. Но их печальная участь должна была послужить горьким уроком для каждого. Казалось, что должны пройти годы, десятки лет, чтобы в людях снова появилось доверие к самому слову "акция".

Однако всего через несколько лет после этой финансовой катастрофы сотни тысяч мелких вкладчиков уже принялись охотиться за акциями новой алмазодобывающей компании!

Конечно, на людей магически действовало само это слово — алмазы...

Совсем недавно газетные полосы кричали об открытии невиданного алмазного месторождения в Южной Африке. Неужели Америка хуже? Здесь есть золото и серебро, значит, должны быть и алмазы! Надо только искать, искать, искать.

И алмазы были найдены, как по заказу.

* * *

На этом месте профессор сделал паузу, поскольку Росита приготовила кофе. Сидя потурецки на расстеленном одеяле, доктор Фарбер мрачно держал перед носом изящную фарфоровую чашку, довольно странно смотревшуюся здесь, среди диких гор.

— Я не слышал об алмазах, — сказал Степан Гончар. — Наверно, до нашей глуши еще не дошли эти разговоры.

— Естественно. Эти разговоры не должны были даже выйти за порог кабинета. Об алмазах полагалось знать только нескольким людям. Все это предприятие с самого начала было окутано покровом тайны, — иронично протянул профессор. — А началось все очень обыденно...

Эта история началась, когда в одном из банков Сан-Франциско появилась пара оборванцев, типичных старателей с глухих приисков. Они держались робко и неуверенно, и банковские служащие долго не могли понять, что им надо. Наконец они добились, чтобы их принял "самый главный" из клерков. Запершись в его кабинете, эти парни, Генри Морган и Энди Такер, отдали на хранение небольшой кожаный пакет, содержимое которого следовало хранить под строжайшим секретом. Клерк все же сумел выудить из них признание, что в пакете алмазы. Старатели заставили его поклясться, что он никому не раскроет их тайну,

после чего исчезли.

По всей видимости, Морган и Такер знали, кому можно доверить такой секрет. Не прошло и недели, как сведения о пакете с алмазами дошли до самых богатых семей Сан-Франциско. Разработка алмазных месторождений — дело чрезвычайно выгодное, но требует огромных капиталовложений. Всем было ясно, что двум нищим старателям, которые обнаружили россыпь, не под силу будет справиться с такой работой. Поэтому следовало немедленно выкупить у них этот участок. Выкупить за любые деньги и как можно скорее, пока о находке не прослышали другие. Но старатели исчезли, словно растворились в горах Калифорнии. По счастливой случайности, через несколько недель они сами объявились в том же самом банке, чтобы пополнить свой вклад в банковском сейфе.

На этот раз грязные оборванцы оказались в центре внимания самого изысканного общества. Они не долго сопротивлялись напору тех, кто мечтал стать их компаньонами. Особенно податливыми парни стали после того, как получили по триста тысяч долларов. Пересчитав деньги, Морган и Такер согласились включить своих новых друзей в состав приисковой компании, которая и должна была начать разработку алмазных россыпей. Однако хитрые старатели не торопились сообщать, где именно находится их месторождение. Для начала они отправились в сопровождении компаньонов на Восток, и там, в Нью-Йорке, знаменитая ювелирная мастерская Тиффани подвергла найденные алмазы тщательной проверке.

Как только выяснилось, что алмазы настоящие, к новой приисковой компании немедленно присоединились и нью-йоркские банкиры. Они изрядно дополнили ее капитал, но решили устроить проверку месторождения для того, чтобы развеять последние сомнения (свои и своих будущих вкладчиков). Самые въедливые специалисты, забравшие не одну сотню проектов, отправились вместе с первооткрывателями на прииски. Простодушные и неотесанные с виду старатели сумели обставить проверку так, что специалисты не выяснили ни координат алмазных копей, ни хотя бы примерного пути к ним. Но по возвращении в Нью-Йорк самый главный эксперт заявил, что где-то в Колорадо, на сороковой параллели, действительно существует сказочно богатая алмазная россыпь.

Началась бурная скупка акций новой компании, и за считанные дни в дело было вложено больше десяти миллионов долларов. Алмазная лихорадка охватила Запад. Каждый стремился разбогатеть если не на самих алмазах, то хотя бы на перепродаже алмазных акций. Месторождение в Колорадо обещало сделать Америку главным поставщиком бриллиантов в мире.

Но был среди американцев человек, которого весть о грандиозном географическом открытии не обрадовала, а повергла в глубокую тревогу. Горный инженер и геолог Кларенс Кинг уже несколько лет вел исследование сороковой параллели по поручению Конгресса. Он не встретил никаких следов алмазов на своем пути. И та шумиха, которая поднялась на Западе, могла означать одно из двух. Либо Кинг прозевал неслыханное национальное богатство, и тогда все его исследования, прошлые и будущие, не стоят ни цента. Либо никакого месторождения не существует, а эти старатели — величайшие мошенники.

Кларенс Кинг поделился своими опасениями только с самыми близкими коллегами. Поскольку все алмазные предприниматели строго хранили в тайне расположение россыпей, Кингу и его друзьям пришлось собирать информацию по крупицам. В конце концов они решили отправить надежных людей во все неизученные районы Колорадо поблизости от сороковой параллели. Рано или поздно кто-нибудь должен был обнаружить эту таинственную россыпь и обследовать ее.

Штаб Кинга расположился в Денвере. Сюда стекались все сведения, которые удавалось выудить у владельцев и экспертов компании. Последнюю депешу о местонахождении россыпи профессору Фарберу должен был доставить один из курьеров Кинга. Он наткнулся на бандитов, но каким-то чудом письмо все-таки дошло до адресата, и вот теперь экспедиция Фарбера обнаружила секретное месторождение. И впервые в своей практике многоопытный геолог Леопольд Фарбер испытал глубочайшее разочарование, получив положительный

результат. Преодолев неслыханные препятствия...

— Одну минуту, док, — вежливо, но решительно перебил профессора Харви Дрейк. — Насчет препятствий. Если бы я нашел алмазную россыпь, я бы тоже постарался не болтать о ней на каждом углу. И я бы оставил возле россыпи надежных охранников, чтобы здесь не шатались посторонние. Эти парни, Морган и Такер, знают свое дело. И еще они знают законы. А по закону то, чем мы с вами занимаемся, это покушение на частную собственность. Поэтому нам остается только закопать этот алмаз обратно в песок и сматываться отсюда как можно быстрее.

Он так важно произнес слово "алмаз", что Степан невольно засмеялся. Находка была величиной с пшеничное зерно и примерно такой же формы. Трудно было поверить, что этот блестящий осколок кто-то всерьез называет драгоценным камнем, да еще и готов платить за него немалые деньги.

— Ты прав, Харви, — сказал он. — Эти парни знают свое дело. Вопрос в другом — какое дело они знают? По-моему, Морган и Такер водят за нос всю Америку.

— Что вас наталкивает на такие выводы, мистер Питерс? — спросила Оливия Фарбер.

Степан Гончар призадумался. Он-то хорошо знал, что в его мире были известны разные алмазы, но только не из Штатов. Якутские, африканские, индийские — но об американских он никогда не слышал. Про золото и нефть Аляски — слышал, про железную руду Миннесоты, про уран Аризоны и про многое другое — тоже слышал. Об алмазах — никогда. Но как растолковать это далеким предкам, среди которых ему приходится жить?

— Меня наталкивает на эти выводы количество трупов, которыми просто усеяна наша дорога сюда, — сказал он.

И профессор вдруг хлопнул себя по колену:

— Усеяна! Именно усеяна!

Он вскочил на ноги.

— Прекрасно, Питерс! Вы подсказали мне правильное решение!

— Значит, сматываемся? — спросил Дрейк. — Мне очень не хочется увеличивать число покойников.

— Нет, мой драгоценный Харви! Не сматываемся. Мы остаемся здесь и будем искать эти алмазы и дальше. Их здесь нет, я в этом уверен. Это зернышко было подброшено, когда Морган и Такер привозили сюда экспертов из Нью-Йорка. Оно было посеяно! Готов съесть свою шляпу, если завтра мы найдем хотя бы еще один алмаз!

В разговор вступил Бен Смоки:

— Видал я ребят, которые ели собственные мокасины. Так что шляпой меня не удивить. Вы, док, человек образованный, вот вы мне и растолкуйте — какой вам интерес копать тут дальше? Россыпь мы нашли? Нашли. Вы свое дело сделали? Сделали. Пора поворачивать домой. У всех нас есть дела дома. Наши дела не тянут на миллион баксов, но за нас их никто не сделает. Мне вот надо стадо перегонять, а вам, к примеру, наукой заниматься. А мы вместо этого торчим тут, на чужом участке, и рискуем своей шкурой, между прочим. Так мне хочется знать — какой в этом интерес? Для вас и для нас, а? Какой?

— Если речь о вашем интересе, то за эту прогулку каждый из вас получит по сто долларов, — пообещал Фарбер. — Что же касается меня, то я просто выполняю свои обязательства перед друзьями. Кларенс Кинг — мой старый товарищ. Вы, Бен, помогаете своим товарищам, а я — своим. В этом нет ничего удивительного.

— Тогда я заткнулся, — буркнул Смоки. — Друзья — совсем другое дело.

— Последний вопрос, док, — поднял руку Степан Гончар. — Теперь мне все понятно. Вы хотите разоблачить аферистов? Прекрасно, я с вами. Я даже могу вам подсказать, кто стоит за этой аферой. По крайней мере, одна фигура нарисовалась вполне четко. Это тот самый мистер Рочестер, который так охотно согласился сопровождать вас в походе к Семи Озерам. Впрочем, сейчас это не имеет никакого значения. У меня только один вопрос. Почему вы начали свой рассказ с истории про железную дорогу? Что общего между прогоревшей компанией и этими алмазами? Наверняка есть что-то общее, не так ли?

Профессор согласно кивнул, однако ничего не ответил, задумчиво потирая висок. Наступившую тишину вдруг нарушил голос Милли:

— Подумаешь, тайна мадридского двора! Папа, да скажи ты про Рейнольдса! Или, если тебе неудобно, я сама все расскажу!

— Хорошо, — уступил Фарбер. — Мой друг, мой финансовый покровитель и компаньон Говард Рейнольде... Это он разорил Северную Тихоокеанскую дорогу. Рейнольде и его напарник, Джеральд Даунвуд, организовали эту компанию через подставных лиц, и они же в один момент избавились от всех ее акций, а на следующий день пирамида обрушилась. Я подозреваю, что и в случае с алмазной корпорацией именно Говард является главным игроком. Говорят, преступник, который убивает топором, никогда не возьмется за револьвер. Преступный почерк не изменить. Здесь мы видим тот же самый почерк. Шумиха на пустом месте, обмен денег на разноцветные бумажки. Деньги перекачиваются по тайным каналам в засекреченные компании, а у людей остаются фантики.

— Приехали, — только и мог сказать Гончар. — Даунвуд, говорите, был напарником вашего дружка? Так Рочестер — это же и есть Даунвуд! Послушайте, док, а Рейнольде знает, чем вы тут занимаетесь?

— Надеюсь, что нет. Моя экспедиция вышла на поиски рудных минералов. О наших с Кингом делах не знает никто. По крайней мере, я на это надеюсь.

— Зря надеетесь, — бросил Дрейк. — Эх, профессор, до чего же вам повезло, что мы на вас работаем! Без нас вы бы давно уже пропали. Ведь за вами охотится настоящая банда. Я-то думал, чего им от вас надо? А теперь ясно. Ничего им не надо. Им надо только, чтоб вы не добрались до алмазов. А если доберетесь, чтоб здесь и остались. Так что, леди и джентльмены, мне очень неприятно это говорить, но жить нам осталось не больше суток. Завтра вечером нас догонят эти чертовы ботаники с калифорнийскими седлами.

— Они не знают, где мы, — сказал Фарбер не очень-то уверенно. — Никто не знает, где эта россыпь.

— Их могут направить, — сказал Степан.

— Тогда я им не завидую, — воинственно проговорила Милли.

— Хорошо, вы меня убедили. — Профессор обнял за плечи Мелиссу. — Завтра уходим отсюда. После обеда. Но с рассветом мы проверим еще десять проб. Только десять, и все.

37. КОНЕЦ ДИСКУССИИ

Степан выдернул ветку, отмечавшую место очередной пробы, и ладонями разгреб в стороны верхний слой гальки. Копнув лопатой, наполнил лоток и пошел к реке. Вода покрыла лоток, и вялые струи взмутили рыхлую глину. Степан отбрасывал гальку и глинистые комки на берег. Очистив пробу, он взял лоток за один конец, а другой немного наклонил под водой, непрерывно встряхивая и покачивая. Песок на глазах менял цвет, становясь все более однородным. Иногда Гончар ворошил его, и каждый раз мути поднималось все меньше и меньше.

Наконец весь оставшийся песок вытянулся на дне лотка узкой длинной полоской. Степан осторожно смыл то, что было на самом ее конце, а остаток пересыпал на жестяной совок и понес его к костру. Он заметил какие-то блестящие крупинки среди серого песка, но не стал их выбирать. Никуда не денутся.

Шлих был просушен и рассыпан по фарфоровой пластинке.

— Есть пиропы, — сказала Оливия Фарбер, пинцетом отодвигая в сторону блестящие красные зернышки. — Уже тридцать шесть пиропов и три алмаза.

— Копать дальше? — спросил Степан.

— Осталось всего три пробы, — с безнадежным вздохом ответила жена профессора. — Хотя мне уже все ясно.

— Мне тоже все ясно! — закричал профессор, распрямившись над водой с лотком в руках. — Мне давно все ясно! Оливия, перестань меня мучить своим пессимизмом! Здесь нет

никаких алмазов!

Но алмазы были. В каждой пробе обязательно обнаруживались либо сами алмазы, либо их неперменные спутники, кристаллы пиропы. И каждая такая находка вызывала новые возгласы разочарования у терпеливых старателей.

Когда все десять намеченных проб были взяты и исследованы, сорок восемь пиропов и четыре алмазных зернышка были пересыпаны в кожаный пакет.

— Вот мы и разбогатели, — заметил Степан Гончар. — А я и не знал, что алмазы добываются таким же способом, что и золото.

— Разве это добыча? — скривил губы Харви Дрейк. — Золотую песчинку я могу продать в любом салуне. А что делать с этими осколками? Может, какой-нибудь ювелир и польстится на такие камешки. Только я что-то не видел вокруг ни одного ювелира. Нет, парни, это не добыча. Может быть, надо копнуть глубже, чтобы найти камни покрупнее? Мелочь, она всегда держится наверху.

— Действительно! — Профессор хлопнул себя по лбу. — Если Морган и Такер все это подстроили, то камни должны быть у самой поверхности. Не стали бы они копать глубокие ямы. Харви, гениально! Давайте снова пройдем по всем местам, где взяли пробы.

— И что нам искать на этот раз? — спросил Степан.

— Искать ничего не надо. Вы сможете отличить нетронутый грунт от того, который уже был однажды вскопан? Это и будет самым главным доказательством. Мы нашли камни, которые были закопаны, а не принесены сюда рекой. И я уверен, что в плотном грунте мы уже не найдем ничего — ни пиропов, ни алмазов.

— Мне это и так ясно, — проворчал Бен Смоки.

— Время, время, профессор, — недовольно сказал Штерн. — Нет смысла так рисковать. Мы установили место. Сообщим об этом Кингу. Пусть он пришлет сюда хорошо вооруженный отряд, желательно с шерифом, и пусть они довершат нашу работу. А нам пора уходить.

— Мы уже практически ушли, Фредерик. Можете пока сворачивать желоб, он нам больше не понадобится. Оливия, начинай укладывать вещи. Росита тебе поможет, а ты, Мелисса, останься. Если даже твои глаза не увидят новых алмазов, значит, все в порядке.

Они начали углублять ту ямку, в которой нашли больше всего пиропов. Копать стало тяжелее — грунт здесь был гораздо более плотный. И ни одна новая проба больше не приносила алмазов. Предсказание Фарбера наконец-то исполнилось.

Пока Харви, Бен и профессор работали с лотками, Степан зарывался все глубже и глубже. Стоя по грудь в прохладной яме, он устало вытер пот со лба и привычно оглядел берега озера.

Почти незаметные точки двигались между сверкающим лезвием воды и бурой стеной отрогов. Их было видно только тогда, когда они пересекали светлые песчаные наносы на берегу.

— Харви, Бен, — позвал Степан, выбираясь вверх по осыпающимся краям ямы. — Кажется, мы дождались.

В бинокле эти точки превратились в едва различимые силуэты всадников. Гончар насчитал шестерых, и даже на таком расстоянии было видно, как развеваются полы длинных плащей.

— Док, Фред, уведите женщин к лошадям, за скалы, — попросил Бен, опустив свою подзорную трубу. — Сидите там тихо и не вылезайте, пока мы не позовем вас обратно.

— Штерн, прихватите свой "шарпс", — сказал Степан.

— А мне винтовку? — обиженно повернулась к нему Милли.

Степан вынул из чехла винчестер и бросил его. Девушка ловко поймала винтовку, правда, двумя руками, а не одной. Но Гончару стало ясно, что она умеет управляться с таким оружием.

— Быстрее, быстрее, — подгонял профессор свою жену и Роситу, которые торопливо шагали вдоль реки, прихватив с собой мешки с посудой и одеяла. Собака, оглядываясь,

бежала перед ними, словно показывала дорогу.

Харви Дрейк повесил "спрингфилд" за спину и перебрался вброд через реку, направляясь к изъеденной ветром пирамиде песчаника. Он ловко, извиваясь как ящерица, забрался на ее шестиметровую высоту и скрылся там на плоской макушке.

— Как устроился? — крикнул ему Степан, заряжая дробовик патронами с картечью.

— Жить можно! — послышалось в ответ.

Тайком от профессора Степан уже давно договорился с Беном и Харви, как действовать в случае появления незваных гостей. Сейчас Гончар подумал, что надо было бы посвятить в этот чрезвычайный план и Фарбера. Но он вспомнил, что профессор не умеет хранить секретов. Нет, пусть сидит вместе с женщинами за скалами и ждет окончания переговоров.

Бен Смоки приладил над костром треногу с котелком. Он оставил у очага только пару одеял, остальные быстро скатал и припрятал за палатку, в которой ночевали женщины.

— Лоток, — подсказал ему Степан. — Убери третий лоток. Нас тут только двое.

— Точно.

Гончар знал, что в прежние времена на золотых приисках старатели встречали чужаков предупредительным выстрелом. Догадавшись, что здесь не рады гостям, нормальные люди поворачивали назад, бандиты же вступали в перестрелку, а там — уж кому как повезет. Если б не женщины, спрятавшиеся за скалами, он бы не подпустил к себе пришельцев. Но сейчас не было смысла затевать бой на дальней дистанции.

— Ты говорил, их шестеро, а я вижу четверых, — сказал Бен Смоки и снова приложился к трубе. — Ага, двое повернули назад.

— Это плохо.

— Да уж, ничего хорошего. За подкреплением поскакали, это точно. Обидно, Стивен. Застряли на лишний час, и вот тебе, пожалуйста. Слушай, да это шериф! Ну, с этим-то я договарюсь.

Когда шериф Юдл и трое его спутников подскакали к месту стоянки, Степан и Бен спокойно сидели у костра и потягивали кофе.

Всадники окружили их, подняв тучи пыли. Шериф держал в руке кольт, и еще три винтовки нацелились на безмятежных и усталых старателей.

— Э, да это ветеринар! — удивился Юдл. — Далеко же ты забрался! И Бен Смоки здесь. Вот кого не ожидал встретить так далеко от ранчо. Бен, если ты надумал переменить бизнес, то выбрал не самое удачное место.

— В чем дело, шериф? — Степан вытряхнул гушу из кружки и встал, потирая поясницу. — Мы здесь никому не мешаем.

— Мешаете, и очень сильно.

— Кому?

— Закону, ветеринар. И значит, мне, потому что закон тут — это я! Те, кто роется в чужом добре, очень мне мешают! Бен, ты разве не знаешь, за что мне платят деньги? За то, что я охраняю закон и собственность.

— К чему такие длинные речи? — миролюбиво улыбнулся Бен Смоки. — Если этот поганый участок уже занят тобой, то я мигом исчезну отсюда. Подумай сам, как я мог догадаться, что кто-то до нас позарился на это гиблое место?

— Здесь где-то был заявочный столб, — сказал один из всадников.

— Не было, — заявил Бен. — Я бы увидел, если б он тут был.

— Должен быть где-то неподалеку, — настаивал всадник.

— Да что с ними спорить, шериф? — сказал другой. — Доставим этих молодчиков в город, ткнем мордой в земельный план. Пусть узнают, в чей огород они залезли.

Из-за скалы послышался лай. Желтый пес мчался оттуда к Степану, злобно облаивая чужаков. Он прижался к ногам Гончара, припадая мордой к земле и рыча.

— Знакомая псина, — сказал шериф. — Лучше убери ее, ветеринар. Она не даст нам поговорить спокойно.

— Рекс, фу! — Степан попытался ухватить пса за ошейник.

Но Рекс кинулся к лошади шерифа, пытаясь цапнуть ее за ногу.

Кобыла испуганно закружилась на месте, и Юдл выстрелил из своего кольта. Первая же пуля словно пригвоздила пса к земле, но шериф продолжал стрелять до тех пор, пока Рекс не перестал скулить и бить хвостом по песку.

— Стоять! — в один голос заорали спутники Юдла, когда Степан шагнул к убитому псу.

Он остановился, стараясь побыстрее успокоиться.

— Все, что вы тут намыли, придется отдать хозяину участка, — сказал шериф, вытаскивая гильзы из барабана. — Бен, говори, куда спрятал золото?

— Золото? Хе-хе. Не было тут никакого золота.

— Отдашь сам? Или заставишь меня рыться в твоём баракле?

— Ну, шериф, ты ведь сам выбрал такую работу.

— Ладно, ты все равно покажешь тайник, — пообещал Юдл. — Ветеринар, стой где стоишь.

Он тяжело слез с коня и, держа кольт наведенным на Бена, обошел вокруг костра. Носком сапога шериф откинул одеяло и поднял револьвер Степана.

— Теперь ты, Бен, — сказал он. — Ты меня знаешь, я люблю, когда все делается спокойно.

— Знаю.

— Спокойно, двумя пальцами, вынимаешь свой "скофилд"²³. Берешь за ствол. Рукояткой вниз. Так. И отдаешь мне.

— Могу я встать-то?

— Сиди, я подойду. Ветеринар, стой спокойно!

Шериф подошел к сидящему у костра Бену и чуть наклонился, чтобы взять револьвер, который тот держал за ствол в вытянутой руке.

"Только не отдавай! — мысленно взмолился Гончар. — Не надо, Смоки, не надо!" Но Бен Смоки лучше него знал, что делать в такой ситуации.

Револьвер в его руке вдруг повернулся стволом к шерифу. Рукоятка смотрела вверх, и Смоки нажал на спуск мизинцем.

Степан отпрыгнул к палатке, схватил дробовик и выстрелил по ближнему всаднику. Его выстрел слился с грохотом "спрингфилда", который ударил со скалы.

Дико заржал конь, взвываясь на дыбы.

Смоки, все так же сидя у костра, стрелял по удирающему всаднику, а шериф, лежа на боку рядом с ним, неистово сучил ногами.

"Спрингфилд" ударил еще раз, и всадник, раскинув руки, вылетел из седла, словно сдернутый невидимым лассо.

Смоки выстрелил шерифу в голову, и тот застыл у его ног.

— Все кончено, — сказал Гончар.

— Точно. Теперь нам конец, — согласился Бен Смоки. — Если мы будем и дальше прохлаждаться.

Фредерик Штерн выглянул из-за скалы. Граненый ствол его "шарпса" смотрел на Степана.

— Вы убили шерифа, — сказал Штерн.

— Кто учил вас обращаться с оружием? — спросил Гончар. — Никогда не держите ствол наведенным на человека. Если вы не собираетесь в него стрелять, конечно.

— Вы убили шерифа, — повторил Штерн, опуская винтовку. — Питерс, вы понимаете, что вам грозит виселица?

— Ненавижу, когда примазываются к чужой славе, — проворчал Бен Смоки, забрасывая костерок песком. — Юдл — мой. Это меня, а не Питерса будут поить самым

---

²³ Модель револьвера "Смит-и-Вессон".

лучшим виски во всех салунах Колорадо.

— Все кончено, Фредерик, — сказал Гончар, подойдя к скале. — Собираемся и уходим.

Здесь, в тени под скалами выше по реке, паслись их мулы и лошади. Милли поднялась из-за валуна, опираясь на винчестер.

— Они застрелили Рекса?

— Он их опознал. Наверно, эти ребята убили его хозяина. Собака не забывает такого.

— А вы убили их?

— Пришлось. Док, грузите мешки. Что можно бросить, бросайте здесь, нам придется скакать долго и быстро.

Степана порадовало то, как послушно и без лишних вопросов профессор принялся исполнять этот приказ. "Хорошо, что быстро разобрались с шерифом, — думал он, седлая Тучку. — Правильно, Бен, все правильно. Зачем тратить время на разговоры, когда ясно, чем они кончатся. А кончились бы они стрельбой. И наши трупы остались бы здесь вместо заявочного столба. Нет, у нас на сегодня другие планы. Через час мы будем далеко, и ни одна собака нас не отыщет".

Но тут подошел Харви Дрейк и все испортил.

— Я видел пыль, когда лежал наверху, — мрачно сказал он. — К нам несется целая толпа. И они довольно близко.

— Так чего же мы ждем?! — закричал Штерн. — Мне надоела эта игра в прятки!

Бен Смоки подтянул подпругу, похлопал свою кобылу по шее и сказал:

— Я кое-что слышал про эти места. Говорят, здесь иногда укрывают угнанную скотину. Где-то тут, поблизости. Держат стадо недельку-другую, пока хозяева ищут его на всех перегонных тропах. Заодно клеймят поверх прежнего тавра. В общем, для некоторых отчаянных парней эти проклятые места не такие уж и проклятые.

— Ты опять за свое? — возмутился Харви. — Говори быстрее, что ты придумал на этот раз!

— Если идти выше по этой речке, то попадете в ущелье. Его можно пройти прямо по воде, только обвяжитесь веревкой, чтоб не смыло. Дальше будет легче, увидите тропинку. Потом водопад. Рядом с ним есть вполне приличный подъем. Заберетесь наверх и через час выйдете к другой реке. Паюты называют ее Последней рекой. Через нее перекинут индейский мост. Лошадь не пройдет, а человек — легко. За мостом — тропа на перевал, а когда спуститесь с перевала, увидите меня. Вся эта прогулка отнимет у вас сегодняшний вечер и завтрашнее утро. В полдень увидимся на той стороне. Я буду ждать вас с лошадами.

— К чему такие сложности? — спросил профессор.

— К тому, док, что иначе нам не уйти от погони. А налегке наши лошадики поскачут быстрее. И следов оставят сколько угодно, чтобы те, кто погонится за ними, не сбились с дороги. Только они все равно сойдутся. Есть там одно место, ну совсем проклятое. Вот там я с лошадками и пропаду из виду. А в полдень встретимся за перевалом.

— А если не встретимся? — спросил Штерн.

— Ну, тогда идите вниз по течению Последней реки, — спокойно ответил Бен Смоки. — Два-три дня ходу, и вы в Гарленде.

— Профессор! Мне кажется, что неразумно отправлять лошадей с одним человеком, — звенящим от напряжения голосом произнес Штерн. — Наверно, мне стоит присоединиться к мистеру Смоки.

— Я полностью доверяю людям, с которыми работаю, — сказал доктор Фарбер. — Бен, если вам нужен помощник...

— Не нужен.

— Тогда, Фредерик, вы окажете мне бесценную услугу, если возьмете на себя заботу о наших дамах, — сказал профессор и первым пошел вверх по реке.

38. НОЧЬ БЕЗ КОСТРА

Степан шагал рядом с Милли, неся на каждом плече по тяжелому мушкету. Мокрая одежда липла к телу, вода хлюпала в сапогах, но времени на обсушку не было. Они и так слишком долго пробирались вверх по ущелью, борясь с быстрым течением.

— Хорошо бы перейти тот мост до заката, верно, Стивен? — сказала девушка.

— Было бы чудесно, — отозвался Штерн, плетущийся позади. — Если только он там есть, этот мост.

— Если? — спросила Милли. — Да нет, какие могут быть сомнения. Если Бен сказал, значит, мы выйдем на мост.

— Бен! — с сарказмом повторил Фредерик Штерн. — По теории мистера Смоки, покойники превращаются в чаек. Боюсь, что существование моста — это тоже всего лишь теоретическое предположение. Гипотеза. Нам предстоит ее доказать или опровергнуть. Путем наблюдения в полевых условиях.

— Все нормально, Фред, — сказал Степан Гончар. — Если мост и не сохранился, мы пойдем вниз по реке. С этих гор все реки текут в сторону Гарленда. Или, по крайней мере, в сторону железной дороги. Заблудиться невозможно. Все нормально, Фред.

Он умел гасить раздражение. Спорить с попутчиками — последнее дело. Если кому-то не нравится маршрут, он может идти своим путем. И проводник не будет с ним спорить, а молча поведет остальных за собой. Кто придет первым, тот и прав. А спорить — глупо, бесполезно, а иногда и опасно. Когда нервы напряжены, любой безобидный спор может перерасти в ссору, а то и драку. На подобные "развлечения" у Степана не было времени. Солнце неумолимо скатывалось все ближе к вершинам, и в ущелье давно уже сгущались сумерки.

Путники выбрались на каменистый ровный склон и пошли по еле намеченной тропе, забираясь все выше. Здесь еще грело солнце, и одежда скоро высохла. Харви на ходу срубил тесаком тонкую березку, обстругал ствол и вручил его Мелиссе.

— Вам будет удобнее с посохом.

— Лучше отдайте маме.

— Найдем и для мамы что-нибудь. — Харви Дрейк покраснел и торопливо ушел вперед, к профессору.

Неясный шум воды доносился откуда-то спереди, становясь все громче и отчетливее, пока они поднимались по склону к роще невысоких сосен.

Эти деревья стояли тесным строем на самом краю обрыва. Внизу между отвесными стенами с шумом проносилась вода, зеленая, как бутылочное стекло, испещренная белыми гребешками пены.

— Вижу мост, — доложил Харви, махнув рукой влево. — Зря мы вылезли на склон. Если бы поднимались и дальше по ущелью, вышли бы точно к мосту.

— Помнится, Бен говорил, что надо было подниматься у водопада, а мы не видели никакого водопада, — озадаченно сказал доктор Фарбер. — Может быть, это какой-то другой мост?

— Мы не в Амстердаме, профессор, — язвительно заметил Штерн. — Здесь не строят мосты через каждые двадцать шагов.

Они пошли вдоль обрыва, но уже через полчаса Степан Гончар остановился.

— Солнце садится, — сказал он. — Мы еще можем перебраться на тот берег, но тогда ночь застанет нас в незнакомом месте. Здесь хорошая площадка для ночлега. Не знаю, будет ли такая же на другом берегу. Переночуем здесь. Док, займитесь лагерем. Костер не разводить, нас могут увидеть издалека. А мы с Харви обследуем мост.

Ему приходилось видеть подобные сооружения в горах, и по некоторым он даже ухитрялся проводить мулов. Два сосновых ствола опирались на площадку в середине отвесной стены и склонялись над рекой, а навстречу им с противоположной стенки обрыва тянулась пара таких же стволов, и они соединялись над серединой реки, образуя подобие арки. Еще несколько стволов, потоньше, да и покривее, составляли пролет моста, а настил сплетался из толстых веток и сучьев. Никаких перил конструкция не предусматривала.

Считалось, что пользоваться такой переправой достоин только трезвый и хладнокровный человек с сильно развитым вестибулярным аппаратом и недоразвитым воображением.

У Харви Дрейка с воображением было все в порядке. Подойдя к мосту и сплунув сквозь зияющий настил, он сказал:

— Представляю, как весело будет смотреть на Штерна, когда он сверзится отсюда. Нет, Стивен, тут придется поработать. Я не пушу Милли на такой мостик.

— Что ты предлагаешь?

— Пока светло, нарублю веток и накрою все эти дыры.

Вдвоем они принялись ломать засохшие тонкие деревца. Без топора дело двигалось медленно, да еще у Степана переломился нож.

— Может, у кого-то найдется инструмент, — сказал он, отбросив обломки. — Сейчас вернусь.

Он пошел к месту стоянки и вдруг ощутил запах дыма. "Убью, — подумал Гончар. — Просил же не разводить костер! Убью".

Профессор и Штерн сидели возле низкого костерка, благодушно беседуя о высоких материях.

— Содержание чистого железа в таконитах не такое высокое, но это чистое железо, а не окислы, — говорил доктор Фарбер. — Когда мы научимся его извлекать... Что случилось, Питерс?

Степан молча опрокинул котелок, заливая огонь, и затоптал сапогом шипящие угли.

— Кажется, я сказал это недостаточно громко. Так я повторяю. Огонь не разводить.

— Что за глупости! — возмутился Штерн. — Кто нас тут может увидеть?

— Они. — Степан показал рукой в сторону долины. — Вы видите озеро?

За деревьями, далеко внизу, в вечерней дымке слабо поблескивало озеро. Отсюда, с высоты, не было видно ни реки, где они промывали песок, ни тех скал, за которыми укрывались, — все это уже заслонила густая тень. Но отблески вечернего лимонного неба еще играли на оливковом зеркале озера.

— Видите? Значит, с берега озера можно увидеть и нас. Особенно если мы поможем наблюдателям, разведя огонь.

— Нет там никаких наблюдателей, — сказал Штерн, отвернувшись от озера. — Ваши наблюдатели сейчас наблюдают следы, которые для них оставили наши лошади.

— Мне нужен большой нож, — сказал Степан, меняя неприятную тему. — Мы с Харви чиним настил.

Негритянка Росита развязала узелок с посудой и протянула Степану широкий тесак для рубки мяса.

— Отлично, — повеселел Гончар. — Инструмент что надо. Теперь-то мы справимся быстрее. Фред, я могу идти? Вы не будете разводить костер?

— Он не будет, обещаю, — успокоил его доктор Фарбер. — Раз вы так настаиваете, обойдемся без горячего ужина.

Харви тоже обрадовался тесаку, и работа пошла быстрее. Однако, когда темнота вдруг залила все вокруг, они добрались только до середины пролета.

— Утром закончим. — Степан осторожно попятился на четвереньках по скрипящему мосту.

— Ты иди, а я продолжу, — ответил Дрейк.

— Ты что, видишь в темноте, как кот?

— А тут нечего видеть. Даже как-то проще работать на ощупь. Ничто не отвлекает.

Степан вернулся на стоянку. Он легко нашел ее, потому что впереди звучал голос Милли. Она напевала какую-то французскую песенку.

— Шарман, шарман. — Гончар продемонстрировал могучий прононс, присаживаясь рядом с девушкой.

— Парле ву франсе, месье Питерс? — спросила из темноты Оливия Фарбер.

— Да нет, не говорю я по-французски. К сожалению. А вот у Милли здорово

получается.

От его похвалы девушка ничуть не смутилась, а, наоборот, запела чуть громче.

— Ничего удивительного. В прошлом году мы жили в Париже всю зиму, — сказала Оливия Фарбер. — У нее было время для практики.

— А я вот целый год провел на Кипре, среди турков. Но так и не научился петь по-турецки.

— Вы были на Средиземном море? — спросил профессор. — Я так и знал. Вы европеец. Когда мы встретились в первый раз, я сразу подметил ваше произношение. Кто вы, Питерс? Немец, голландец, швед? Скорее всего, швед. Я угадал?

— Какое это имеет значение? — Степан с трудом скрывал досаду. Он злился на самого себя — ну к чему надо было вспоминать о Кипре? — Я Стивен Питерс, житель Эшфорда, штат Небраска. И мои дети, Джефф и Пол, они тоже не шведы и не шайены. Они жители Небраски, и все.

— У вас — дети? — спросила Милли, оборвав пение.

Девушка сидела близко, почти касаясь его плечом, и Степан почувствовал, как она напряглась, ожидая ответа.

— Да, у меня есть дети, приемные. Их родители погибли, а я усыновил, крестил, дал имена. Они вырастут не индейцами, а гражданами Америки.

— Это невозможно, — проворчал Штерн. — Никогда индеец не станет таким же, как белый. И нет никаких американцев. Все равно немцы остаются немцами, англичане — англичанами, а евреи — евреями.

— Национальный характер, безусловно, существует, — согласился доктор Фарбер. — Немецкая точность и дисциплина, английское уважение к личности, французское воображение — все эти качества передаются из поколения в поколение. Но Америка похожа на плавильную печь, в которой самые разные металлы плавятся вместе и перемешиваются. А в результате мы имеем сплав, который не похож ни на что. Вот таким рано или поздно будет американский характер.

— Если так, то настоящим американцем я назову любого, кто не стоит на месте, — сказал Штерн. — Европейцы — люди ограниченные. Они привыкли жить на месте. А мы все время двигаемся вперед. Если человек заработал доллар и тут же тратит его, чтобы заработать два, — то это американец. Если у тебя в банке лежат десять миллионов, а ты не спишь ночами и думаешь, как бы удвоить капитал, — то ты настоящий американец. Да, профессор, я полностью согласен с вами. Мы — это сплав.

— Скорее коктейль, — поправил Степан. — Сплав уже не изменится, пока не попадет в печь еще раз. А в коктейль можно все время подливать чего-нибудь.

— Не слишком лестное сравнение, — заметил профессор. — Скажите, Питерс, что думают об американцах в Европе? Что вы сами думали о жителях этой страны прежде, до того, как попали сюда?

Степан Гончар задумался. Милли перестала петь и повернула к нему свое белеющее в темноте лицо. Он видел, что ее блестящие глаза смотрят на него. Она ждала ответа.

— Да никому в Европе нет дела до нас, — сказал он. — Американцев, в общем, не любят. Считают грубыми и диковатыми. Нация-подросток. Причем подросток, который считает себя очень крутым и постоянно суется в чужие дела.

— Ваша мысль мне понятна. — В голосе Фарбера сквозила академическая снисходительность. — Выражаясь философски, нас считают нацией без собственной культуры. Но я должен отметить, что мы отнюдь не лезем в чужие дела. Такое впечатление складывается из-за того, что американцы ведут бизнес по всему земному шару. А там, где мой бизнес, там я уже не чужой. Бостонец Тюдор поставлял лед из Новой Англии во все порты Карибского моря, в Индию, Китай, Австралию и на Филиппины. Персидский принц лично выразил признательность Тюдору, потому что во время эпидемии сотни людей были спасены примочками со льдом, доставленным из Америки. Вот вам достойный пример американского характера. В Новой Англии не растут ни кофе, ни пряности, ничего такого, с

чем можно выйти на мировой рынок. И все же Бостон стал всемирным экспортером ценнейшего продукта. Хотя этот продукт — всего-навсего лед. А теперь скажите, разве эти поставки не сделали Персию в каком-то смысле частью Америки? И такая же картина наблюдается во всем мире.

— Да, — сказал Степан. — Весь мир в каком-то смысле — это часть Америки.

— Вы тоже не любите американцев? — спросила Милли. — Когда я жила в Лондоне, я это замечала. Англичане вели себя с безупречной вежливостью, но я была готова всех их перестрелять.

— Я люблю американцев, — сказал Степан Гончар. — Почти так же сильно, как японцев, индусов и эфиопов. Потому что люди-то все одинаковы. Только живут в разных странах. А Америка — это такая страна, к которой трудно относиться равнодушно. Это самая богатая и самая мощная страна. Ее жители — самые богатые люди в мире.

— Что-то незаметно, — хмыкнул Штерн.

— Скоро это будет заметно. Скоро.

— Когда же?

— Когда всюду поднимутся огромные заводы и фабрики. Когда все города будут связаны отличными дорогами. И когда от индейцев останутся только географические названия. Оттава, Юта, Делавэр...

— Кстати, об индейцах, — неожиданно сказал профессор, нарушив торжественную тишину. — Сколько лет вашим детям?

— Девять.

— Вы собираетесь учить их? Учить по-настоящему, чтобы они умели не только считать патроны и читать надписи на коробках?

— Постараюсь, чтобы они знали и умели не меньше меня.

— В ноябре мы возвращаемся в Филадельфию. Надолго. Я буду читать лекции, и моя жена не выпустит меня даже на короткие полевые работы. Привозите своих мальчишек к нам. Не пожалеете. Когда-то меня вот так же отправили в Филадельфию, и я стал профессором. А мог бы грабить поезда.

— Польди, Польди, — с упреком произнесла Оливия Фарбер. — По твоей логике получается, что если дети не будут учиться в Филадельфии, они обязательно станут грабителями.

— Одно другому не мешает, — сказал Степан, и все рассмеялись.

Фредерик Штерн вдруг приподнялся, вглядываясь в темноту, а потом сказал, сев на свое место:

— Питерс, вы, как всегда, оказались правы. Признаю свой промах. У озера кто-то есть.

Все одновременно повернулись в сторону склона. Далеко внизу мерцала едва заметная золотая точка.

— Это костер? — спросила Милли, и никто не ответил ей.

Степан дожевывал свою порцию вяленого мяса, запил водой из фляги и поднялся на ноги.

— Советую вам лечь парами и укрыться двумя одеялами. К утру будет довольно холодно и сыро.

— Мы так всегда и делаем, — весело сказала Милли. — Я всегда спала между мамой и Роситой. Правда, им не нравится, что я все время верчусь.

— Скорей бы выдать тебя замуж, — вздохнула Оливия Фарбер. — Пускай супруг испытает на себе силу твоих острых коленей, чертенок.

— Куда вы, Питерс? — спросил профессор.

— Попытаюсь уложить спать своего друга-строителя, пока он не свалился в воду.

Конечно, Гончар не собирался ложиться спать, да еще в обнимку с Харви Дрейком. Он мог не смыкать глаз по двое суток. И похоже, что как раз такие сутки и наступили.

Да и как заснешь, когда в долине у озера был виден огонек? Кто-то жег костер на месте их старой стоянки. Кто-то, наверно, похоронил там шерифа Юдла и его незадачливых спутников и теперь сидит среди могил и пьет поминальную чарку. И все поглядывает на

темные силуэты гор, пытаюсь отыскать там хотя бы малейший отблеск огня.

Неужели они не поддались на уловку Бена Смоки и не пустились в погоню за ним? Скорее всего, банда просто разделилась. Одни погнались за Беном, а другие остались хоронить своих покойников.

"Как жаль, что мы забрались так далеко, — думал Степан, глядя на мерцающую точку в темноте. — Сейчас было бы несложно подобраться к ним. Зарезать часовых, если они есть. Скрутить спящих. Забрать лошадей и уйти на север, в Дакоту".

Он бы именно так и поступил, если б не женщины, спящие за его спиной в лесу на краю обрыва.

Впрочем, если б не эти женщины, Степан Гончар и не оказался бы здесь. Он бросил дом, бросил все дела только ради того, чтобы отвести беду от девчонки, которая когда-то подарила ему серебряный доллар. Тогда она была просто милым ребенком, а теперь превратилась в очаровательную барышню. Ее очарованию не могут помешать ни мешковатый комбинезон, ни обветренная кожа. Гончар понимал, что влюбился в профессорскую дочку. И ему было приятно то волнение, с каким Милли спросила о детях. Она равнодушна к нему, это точно.

Усмехнувшись, он прогнал от себя романтические мысли. Нет, сначала надо довести свой караван в целости и сохранности, а потом уже думать о личной жизни.

Укутавшись в одеяло и поглубже надвинув шляпу, Степан прислонился спиной к сосне. Ветви скрипели и стонали над головой, и в ночной тишине особенно звучно отдавался шум реки между каменных стен ущелья. Но Гончар не сомневался, что сможет расслышать шаги тех, кто попробует подкрасться снизу.

Ночь уже близилась к рассвету, когда Степан заметил, что далекий огонек пропал. "Плохо следят за костром, — подумал он. — Или, наоборот, слишком хорошо. Возможно, они куда-то уходят и загасили огонь".

Ему почудилось, что в воздухе появился запах дыма. Нет, не почудилось. Степан тревожно оглянулся, но в лесу над обрывом не было никаких признаков огня.

Новый порыв ветра принес еще одну волну легкой гари. Степан вскочил на ноги и увидел отблески высокого пламени на скалах другого берега реки.

"Там Харви! Что он затеял?" Степан побежал в сторону моста, выставив перед лицом согнутую руку, чтобы отводить гибкие колючие ветви. Он повернул за скалу и остановился, яростно ругаясь.

Мост горел. Горел весь, от одного берега до другого. Трещали и постреливали сухие ветви настила, оранжевый дым клубился под бревнами пролетов, и сыпались вниз, в черную быструю воду, горящие сучья.

39. ИЗМЕНА

До самого утра они сидели на обрыве и смотрели, как догорает мост.

— По крайней мере, погрелись, — сказал Степан Гончар.

Ни профессор, ни его жена и дочь, ни Росита — никто из них не ответил на эту шутку. Они сидели, обнявшись, укрытые одеялами, и вид у них был неважный.

— Я не могу понять, — медленно произнес доктор Фарбер. — Зачем они это сделали? Зачем им эти пиропы и алмазы? Они даже не смогут их продать нигде поблизости. Скажите, Питерс, вы давно знаете этого Дрейка?

— А вы давно знаете этого Штерна?

Профессор потер висок.

— Понимаю. Для вас это такая же неожиданность, как и для меня. Как вы думаете, Бен Смоки с ними заодно?

— Я думаю о другом, — сказал Степан. — Я думаю о том, как бы нам поскорее спуститься к воде и пойти вдоль реки. Смотрите, док!

Он лег на самый край обрыва и свесил вниз руку.

— Смотрите, как раз вдоль нашего берега тянется галечник. Наверно, Бен имел в виду как раз эту отмель, когда советовал идти вниз по реке.

— Довольно, Питерс. Нам надо вернуться к стоянке. Я помню дорогу. Как-нибудь дойдем до лагеря. Как-нибудь...

Не договорив, профессор с отчаянием хлопнул себя по лбу:

— Все пропало! Нам остается думать только о том, чтобы выжить!

Степан Гончар еще и еще раз оглядел то, что осталось от моста. Бревна обрушились в воду, и зеленые струи огибали их, завиваясь в маленькие водовороты.

Высота обрыва здесь была примерно пять-шесть метров. Спрыгнешь вниз — не убьешься. Но ноги переломать можно. А с переломами далеко не уйдешь. ' Вербку бы. Но веревки у Степана не было.

— Пора вставать. — Он сдернул с профессора одеяло.

— Отдайте, Питерс, я замерз.

— Сейчас согреетесь, — пообещал Степан и, надрезав складным ножом край одеяла, рывком разорвал его пополам. — Видели, как это делается? А теперь пусть каждый разрежет свое одеяло на четыре части, только вдоль, а не поперек. И поторопитесь. По моим подсчетам, через час сюда доберутся те парни, снизу.

— К чему это все? — Профессор пожал плечами.

— Польди! Не задавай идиотских вопросов, — сказала Оливия Фарбер. — Делай что тебе говорит Стивен. Росита, подай, пожалуйста, мои ножницы.

— Когда наделаете полос из одеял, свяжите их, да покрепче, — приказал Степан, поднимая с земли "спрингфилд" и подсумок с патронами. — Получится лучший в мире спасательный канат. А я пойду проведу наших соседей.

"Как все-таки здорово я придумал с одеялами, — похвалил себя Гончар. — Милли сразу ожила. На нее жалко было смотреть, а теперь глазки загорелись. Главное — вовремя загрузить человека работой, чтоб у него не было времени на тоску, страхи и прочую психопатию".

Наверно, на него тоже было жалко смотреть в первые минуты, когда он осознал случившееся. А что, собственно, случилось? Ночью их отряд уменьшился на две единицы. Харви Дрейк и Фредерик Штерн исчезли без следа. Вместе с ними исчез и кожаный пакет с найденными камнями. А также вместе с ними исчез и мост, который Харви так тщательно чинил всю ночь.

Предательство неприятно само по себе, но оно к тому же влечет за собой и определенные неудобства для тех, кого предают. Например, сейчас предатели отрезали путь к спасению.

Однако Степан Гончар знал, что в каждой ситуации можно отыскать и светлые стороны. Например, ему больше не придется терпеть этого Штерна.

А что касается Харви... Ну, наверно, у него были очень веские причины для такого поступка.

"Ладно, потом разберемся", — решил Степан, устраиваясь поудобнее на каменистом склоне и вынимая бинокль из чехла.

Лучше бы не вынимал. Вот теперь у него действительно испортилось настроение. Потому что в такой ситуации он при всем желании не мог увидеть ни малейшего светлого пятнышка. Из ущелья на склон выбирались один за другим люди в длинных плащах. Он насчитал семерых, прежде чем сообразил, что до них всего-то метров пятьсот, и, значит, через десять минут они будут здесь.

— Ну, это мы еще посмотрим, кто где будет через десять минут, — сказал Степан Гончар и выстрелил в того, кто так уверенно шагал первым.

Откинув сверху затвор, он вставил новый патрон, снова прижал плечо к прикладу и только сейчас увидел, что промазал. Ничего, зато противники отступили обратно в ущелье, и оттуда уже вылетели две белые струйки. Стреляют, целясь по дыму. Это правильно. Это хорошо, потому что Степан давно уже откатился в сторону. Он тоже выстрелил по

невидимым врагам, целясь пониже их порохового дыма. Пониже, потому что рикошет лучше перелета.

Еще два выстрела с разных позиций, и можно отступать. Он отбежал к мосту и увидел, что Оливия Фарбер уже привязала один конец "спасательного каната" к дереву на краю обрыва.

— Док, вы первый! — приказал Степан. — Встанете внизу, будете держать канат и принимать женщин! Вперед!

Профессор снял свой плащ и бросил его вниз, после чего, поплевав на ладони, ухватился за скрученное одеяло и начал спускаться.

Степан видел, что предстоящий спуск несколько не смутил женщин. Росита неистово перекрестилась, подтянула штанины своего комбинезона и встала на колени на краю обрыва, держа за одеяло.

— Давай, давай! — прозвучал снизу голос профессора. — Давай, Олли!

— Это я, сэр, Росита!

— Извини, но снизу вы все на одно лицо, — прокричал Фарбер.

Степан подобрал одну из срубленных вчера веток и прошелся с ней, замечая следы. Когда все женщины оказались внизу, он еще раз придирчиво оглядел место спуска. Никаких следов, если не считать гирлянды из одеял.

Наверно, можно было придумать что-нибудь другое. Но ничего другого не приходило в голову. И он, спустив вниз свои вещи и оружие, отвязал верхний конец от дерева и пропустил его под своим поясом. Наклонившись над обрывом, увидел, что все они смотрят на него.

— Док, держите канат крепче. Не знаю, какая там глубина, но течение сильное. Вы готовы?

Он бросил вниз шляпу и сапоги. А потом оттолкнулся что было сил и полетел в зеленую воду.

Конечно, если ты не мастер спорта по прыжкам с вышки, то тебе подходит только один стиль — "солдатиком". Но Степан не успел распрямиться в полете и со всего маху саданулся по воде задницей. Хорошо еще, что глубина оказалась нормальная — он ушел под воду с головой, и течение опрокинуло его ногами кверху. Степан увидел перед собой белое песчаное дно с черными округлыми камнями и поразился прозрачности воды. Прямо перед его лицом редкие нити водорослей стелились над песком и синхронно колыхались влево-вправо.

Что-то сильно дернуло его за пояс, и он понял, что профессор решил все-таки вытянуть своего проводника из-под воды.

Степан вынырнул и в два гребка добрался до берега. Его пальцы и колени одновременно ударились о гальку, но встать он не смог, потому что течение опрокинуло его на бок. Если бы не цепкие руки профессора, так бы и отправился Степан по волнам Последней реки.

Но он все же выбрался, выжал рубаху и снова натянул ее на мокрое тело. Оливия Фарбер подала ему сапоги, а Милли надела шляпу.

— А теперь — вперед, и как можно быстрее. Не думаю, что за нами будут гнаться. Но все же не будем медлить. Нам давно пора быть дома.

Галька хрустела под ногами. Ее полоса вдоль отвесной стены становилась то уже, то шире, иногда полностью скрывалась, и приходилось идти по колено в воде. Но зато стены ущелья постепенно раздвигались и становились более пологими, и примерно через час дорогу перегородил первый куст, свисающий над водой.

— Как думаете, здесь мы уже можем подняться? — крикнул профессор, перекрывая шум воды.

— Может быть. — Степан, держа за гибкие ветки, обошел куст и посмотрел вверх по склону, покрытому каменной осыпью. — Только зачем? Будем идти до долины. Вдоль реки.

Он увидел, как на осыпи вдруг с громким щелчком подпрыгнул камень. Подпрыгнул и

покатился вниз.

— Что за черт! — удивился Степан Гончар.

И услышал далекий раскат выстрела.

— Быстрее! — закричал он, кидаясь навстречу Мелиссе. — Быстро всем залечь за кустом!

Он успел увидеть облачко, которое расплывалось над краем обрыва у самого дальнего поворота.

"Плохо, если у них есть снайперский прицел", — подумал Степан, оглядывая через бинокль скалы и верхушки кустов над линией обрыва.

Среди желтых ветвей вдруг вырос четкий силуэт — голова в шляпе с высокой тульей.

Гончар бросил бинокль и навел винтовку на куст. Он был один такой желтый. И Степану даже казалось, что он видит в прорези прицела черную голову под высокой шляпой.

Он выпустил по этому кусту четыре патрона подряд. И с ликованием увидел, как что-то бесформенное, кувыркаясь, слетело с обрыва в реку.

— А теперь уносим ноги, — весело крикнул Степан, убедившись, что противник не отвечает огнем на огонь. — Всем держаться за канат! Пустите меня вперед! И — бегом марш!

Он бежал по воде, в одной руке — "спрингфилд", в другой — веревка, за которую он тянул за собой Милли. Больше всего ему хотелось бросить винтовку, поднять девчонку на руки и... Что дальше? Например, взмыть в небо, взять курс на север и спокойно набирать высоту, плавно взмахивая могучими крыльями.

Он забежал за выступ скалы и увидел впереди на реке что-то длинное, серое, стоящее на одном месте, но слегка качающееся кормой вправо-влево. Кормой, потому что это была лодка.

От носа лодки к берегу протянулся шнур. Он заканчивался несколькими витками вокруг запястья Харви Дрейка. Сам Харви лежал лицом вниз. Но даже издалека Степан узнал его рыжие непокорные кудри.

40. НА КАНОЭ ПО ПОСЛЕДНЕЙ РЕКЕ

— Стивен, это ты? Милли с тобой? — спросил Харви Дрейк, не открывая глаз, когда Степан перевернул его на спину.

— Да, Харви, все в порядке. Ты ранен?

— Стивен, привяжи ее к себе. Береги девочку... Дальше река кончается. Но еще дальше шумит вода. Ты уйдешь по реке. Привяжи ее к себе, Стивен.

Он бормотал, не открывая глаз, и лицо его было серым, как галька, на которой он лежал.

Вместе с Фарбером Степан перенес друга в каноэ, где уже сидели женщины. Вдвоем они столкнули лодку с галечника и едва успели забраться в нее на быстром течении.

Голова Дрейка покоилась на коленях Роситы.

— Он просит пить, — жалобно проговорила негритянка.

— Не давать! — крикнул профессор, яростно выгребая коротким веслом, чтобы развернуть нос по течению. — Питерс, табань!

Стоя на коленях и перегнувшись над кормой, Степан изо всех сил работал веслом. Каноэ нехотя развернулось и понеслось бортом на отвесную стену.

— Отталкивай!

Фарбер успел подставить свое весло одновременно с Гончаром, и вдвоем они оттолкнулись от гранита. Дальше лодку вынесло на середину потока, и она заскользила по течению.

Оливия Фарбер и Мелисса вычерпывали воду из-под ног своими шляпами.

— О, Боже, здесь кости! — вскрикнула Милли.

— За борт! — невозмутимо приказал профессор. — Питерс, корму вправо! Впереди

камень! Выгребаем к левому берегу!

Неповоротливая тяжелая лодка все же чиркнула бортом о гладкий валун, над которым переливалась радужная пленка, но дальше пошла ровно, потому что ущелье опять раздалось в стороны и река вдруг успокоилась. На ее зеленой глади уже не было ни гребешков, ни оспинок водоворотов, и шум воды становился все мягче.

А за поворотом, оттолкнувшись от крутой скалы, Степан увидел широкий сверкающий плес между отвесными стенами.

Здесь кончалась Последняя река.

Каное вынесло носом на крупную гальку. Вода тут бурлила, словно кипяток, и накатывалась на пологий берег прозрачными длинными волнами.

— Прыгайте на берег с носа! — командовал Фарбер. — Неизвестно, какая тут глубина у берега, весло не достает! Это козырек! Река уходит под землю!

На берегу лежали еще три лодки, серые, с зияющими дырами, через которые проглядывали прутья каркаса, словно ребра скелета.

Вытянув свое каное до середины на берег, они смогли осторожно вытащить Харви.

— Кровь, много крови, — проговорила Росита. — Сэр, он истекает кровью.

Оливия Фарбер разодрала рубашку на спине Дрейка и, сорвав с себя нашейный платок, приложила его к ране между лопатками.

— Его ударили ножом в спину, — сказала она. — Это чудо, что он до сих пор жив.

— Штерн, — проговорил Харви. — Ничего толком не умеет этот ваш белоручка... Я думал, он хочет помочь... Он пырнул меня тесаком и столкнул с моста. Пить, дайте хоть глоток воды...

Она профессора приложила горлышко фляги к его серым губам и тут же отняла, как только Харви сделал глоток.

— Вам нельзя много пить. Росита, дай что-нибудь!

Степан уже стянул с себя рубашку и, свернув, подал Оливии Фарбер. Она обвязала ее вокруг груди Дрейка.

— Вот мы вас и перевязали, теперь дело пойдет на поправку. Главное — остановить кровотечение.

— Стивен, привяжи Милли к себе... — прохрипел Харви Дрейк и обессиленно опустил голову.

Степан прошелся по берегу, осматриваясь. За старыми опрокинутыми лодками он увидел несколько человеческих скелетов. Он вытряхнул кости из тонкой кожаной рубахи с бахромой и надел ее на себя.

— Это кладбище индейцев? — спросила Милли, с ужасом глядя на него. — Что вы делаете, Стивен?

— Одеваюсь. Под горным солнцем нельзя ходить с голой кожей. Да, это кладбище. Жаль, что индейцы не давали своим покойникам в дорогу запасов еды. Но я не могу понять, как Харви выбрался отсюда, да еще с тяжелой лодкой на привязи.

Дрейк поднял голову и произнес:

— Вдоль скалы. Там мелко. А лодка вовсе не тяжелая. Прутики да кора. Стивен, ты догнал Штерна?

— Не уйдет, не волнуйся. Ты еще и сам с ним разберешься.

Из глубины ущелья послышался голос профессора:

— Питерс! Идите сюда, да поскорее!

Его не было видно, потому что галечник сначала круто поднимался вверх, а потом так же круто спускался, и Фарбер стоял на склоне. Подойдя к нему, Степан увидел, что дальше ущелье раздваивается. Острая грань черной отвесной скалы разделяла осыпь на две неравные части. Справа от нее вдалеке блестела вода, а между скалами были видны небо и далекие зеленые склоны гор. Слева, стиснутый черными стенами, клубился туман.

— Там выход, — показал вправо профессор. — На карте тут обозначен исток Змеиной реки, но теперь понятно, что никакой это не исток, а продолжение Последней реки. Дотащим

каное волоком, лишь бы не продырявить кору. И сплавимся до порогов, а дальше я знаю дорогу. От порогов до моего лагеря не больше десяти миль через горы. Мы спасены, Питерс.

— Подождите, док. Зачем вам возвращаться в лагерь? Вас ждут в Денвере, вот и отправляйтесь туда, — сказал Степан. — А в лагере будет засада, я почти уверен. Нам нужно выбраться на железную дорогу. Остановим поезд, и вы без лишних проволочек поедете к своему Кларенсу Кингу.

— Разумно, — согласился доктор Фарбер. — Но мне все-таки хочется сначала заглянуть вот сюда.

Он показал на левое ответвление, где завивались клочья тумана.

— Интересно, там что-то горит, или это испарения от подземной реки? Я видел нечто подобное в бедлендах Дакоты. Там глубоко под землей тлеет каменный уголь, и край горящего пласта, видимо, граничит с подземным водяным слоем. Очень интересное явление. Видите, какие черные здесь стены? Словно антрацит. Но это не уголь. Это гранит, покрытый вековой сажой. Как думаете, Питерс, можем мы потратить полчаса, чтобы спуститься туда, пониже?

"Еще одно ущелье Туманов", — подумал Степан, глядя, как профессор осторожно спускается по гальке вдоль отвесной черной стены. Он шагнул следом и почувствовал, какая зыбкая и ненадежная здесь осыпь.

— Стойте, док! — приказал он. — Ни шагу дальше! Прижимайтесь спиной к стенке и медленно двигайтесь назад!

— Да-да, — дрогнувшим голосом ответил Фарбер. — Пожалуй, спуститься-то мы сможем... а вот подняться...

Он осторожно, приставным шагом, выбрался обратно, и Степан подал ему руку, чтобы подтянуть к себе. Ладони профессора были мокрыми и черными.

— Видите, какая сажа? Очень интересное явление, — говорил доктор Фарбер испуганно.

Они вернулись к реке, и Милли побежала навстречу. Она уткнулась мокрым лицом в грудь профессора и всхлипнула:

— Он умер, папа! Наш Харви, он умер! Как жалко его, папа! Он был такой... такой смелый, честный, добрый! Почему умирают только хорошие люди, папа?

— Жаль Харви, — сказал Степан.

Он подумал, что Дрейк своей смертью здорово облегчил их дальнейший путь. Харви молодец. Он все сделал правильно.

Гончар встал на колени перед телом друга и сжал его холодную ладонь.

— Ладно, брат. Я твой должник, — сказал он. — Я рассчитаюсь за тебя.

Он поднял лицо к небу, пытаясь вспомнить слова молитвы. Ему часто приходилось хоронить, но он так и не запомнил ничего, что обычно говорили над могилой. "Господи, — подумал Степан Гончар. — Этот парень не был святым. Но он не брал чужого, не обижал слабых и не лжесвидетельствовал. Он не успел посадить дерево, построить дом и вырастить сына. Но, по крайней мере, он успел подарить жизнь девушке, которую так любил. Да, он спас Мелиссу Фарбер и еще четыре души, которые были с ней рядом. Господи, зачти ему это, когда будешь рассматривать дело Харви Дрейка в последней инстанции".

— Смотрите, смотрите! Что это?! — закричала Росита, показывая на реку.

В волнах темнело что-то блестящее, длинное. С очередной волной к берегу приблизилось тело человека в длинном плаще. Полы задрались и заплелись, укрыв лицо.

Степан ухватился за край плаща и подтянул труп поближе, на галечник. Откинул мокрый жесткий брезент и разглядел знакомое лицо. Длинные усы слиплись, как два крысиных хвоста.

— Милли, вы ошиблись, — сказал он. — Умирают не только хорошие люди. Знаете, кого я подстрелил?

Профессор тоже наклонился над покойником и проговорил:

— Не думал, что мы когда-нибудь встретимся еще раз. Этот человек держал нас в

пещере три года назад. Помнишь, Оливия, я тебе рассказывал?

— Ты ничего такого не рассказывал, — сердито ответила жена профессора. — В какой пещере? Зачем?

— Теперь это не имеет значения, — немного смутился доктор Фарбер. — Что будем делать с ним, Питерс? Мне кажется, он не достоин покоиться рядом с прахом мистера Дрейка.

— Недолго ему тут покоиться, — сказала Оливия Фарбер. — Посмотрите на небо. Стервятники уже слетаются к нам.

— Не к нам, а к нему. — И Степан Гончар снова укрыл брезентом лицо Остина Юдла.

41. ЧАЙКА ПО ИМЕНИ БЕН СМОКИ

Они гребли вчетвером: Фарбер и его жена по левому борту, Росита и Степан — по правому. Милли сидела в корме, сразу за Гончаром, и держала в руках свой винчестер.

"Вот мы и выбрались из ловушки, — думал Степан Гончар, глядя на зеленые берега. — И что дальше? А дальше — ничего хорошего. Лучше отстреливаться от нападающего врага, чем ожидать, когда он подкрадется к тебе и пырнет тесаком в спину. А ведь так оно и будет".

— Что вы намерены теперь делать, док? — спросил он.

Фарбер, сидящий на носу каноэ, долго не отвечал, равномерно погружая в воду короткое весло.

— Что делать? Буду продолжать свои поиски рудных минералов.

— То есть — работать на Рейнольдса?

— Вы не совсем верно представляете себе систему наших взаимоотношений. Говард — просто друг нашей семьи. Он помогает нам, мы помогаем ему, но это не значит, что я на него работаю. Я не клерк из его многочисленных контор и не инженер с его фабрик. Он миллионер, а я просто честный специалист. Он занимается своим бизнесом, а я — наукой.

Степан Гончар хорошо представлял себе, в чем заключался бизнес Говарда Рейнольдса. Этот миллионер делал деньги из денег, играя на бирже.

Когда-то он сам копал землю. Потом научился торговать этой землей. Земельные спекуляции обогатили его, но и этот труд показался Рейнольдсу слишком тяжелым, слишком вещественным. Он смог исключить землю, это лишнее звено, из своих финансовых операций, работая только с бумагами. Различные сертификаты и ордера, сменив нескольких владельцев, возвращались к нему, заметно прибавив в цене. Но Рейнольде стремился к совершенству и в конце концов достиг его. Теперь он даже не прикасался ни к каким разноцветным бумажкам. Он только называл цену, по которой эти бумажки продавались и покупались. И каждая такая операция обогащала его. Наверно, это можно назвать идеальным бизнесом.

Да, доктор Фарбер не был простым клерком. Он не получал жалованье от Рейнольдса. Но именно благодаря ему и сотням таких же честных и порядочных специалистов Говард Рейнольде мог заниматься своим идеальным бизнесом.

Кстати, о честных специалистах.

— А Штерн? — спросил Степан. — На кого работает Штерн?

Профессор не ответил, полностью сосредоточившись на работе с веслом.

— Фредерик был переводчиком, — печально, как о покойном, сказала Оливия Фарбер. — Мы познакомились в нашей первой африканской экспедиции. С тех пор он был с нами везде. Много раз его мужество и решительность спасали нас в безвыходных ситуациях. К тому же он был прекрасным переводчиком. Любой язык Фредерик мог освоить за пару недель. Незаменимый помощник.

— Скажите, мэм, он как-то связан с Рейнольдсом?

— В каком-то смысле. Как сотрудник Леопольда.

— Ставлю вопрос иначе. Штерн и Рейнольде — они знакомы?

— Да. Но какое это имеет значение?

— Сейчас — уже никакого, — сказал Степан Гончар.

— Я понимаю, на что вы намекаете, Питерс, — повернулся к Степану профессор. — Неужели вы подозреваете Фредерика в том, что он шпионил за мной?

— Да какая разница, шпионил он или нет, — равнодушно ответил Гончар. — Я просто хочу знать, где мне его искать, вот и все. Кстати, он не шпионил. За вами следили совсем другие люди, и они едва не убили Штерна. Так что в этом смысле он чист.

"А ведь те, кто стрелял, могли и не знать, в кого стреляют, — вдруг понял Степан. — Они следили за двумя всадниками, а потом напали на двух всадников. Могли и не знать, что стреляют не в тех, за кем следили. Черт, зря я тогда вмешался!" — Фредерик никогда не давал повода усомниться в его порядочности, — сказал профессор.

— Но он убежал, прихватив то, что мы нашли. Вот я и думаю: куда он побежит с этими алмазами? К вашему Рейнольдсу или к кому-то еще? Может быть, он направится в Денвер, чтобы отдать находки Кларенсу Кингу?

Степан пошутил, но Фарбер воспринял его слова всерьез.

— Это было бы прекрасно, — заявил профессор. — Как только Кинг узнает правду о фальшивой россыпи, он оповестит всех. Слово Кинга слишком авторитетно, чтобы его не услышать. Тем более если это слово может спасти миллионы долларов.

— Прекрасно? Я не ослышался? Вы сказали "прекрасно"? — Степан от злости чуть не выронил весло.

— Возможно, Фредерик рассчитал, что в одиночку он легче оторвется от преследователей. И возможно, он прав. Он оторвется. Он достигнет Денвера. Поставленная задача будет решена, — твердо сказал Фарбер. — А это — самое главное.

"Бесполезно спорить, — подумал Гончар. — Интересно, как бы запел профессор, если бы Штерн убил кого-нибудь другого, а не беднягу Харви?" — Но вы, док, так и не ответили на мой вопрос, — вспомнил Степан. — Вы-то что будете делать, когда вернетесь в Филадельфию? Вы будете по-прежнему дружить с Рейнольдсом? И по-дружески выполнять его маленькие просьбы? Ведь ему, наверно, не очень-то понравится, когда об афере с россыпью узнают вкладчики. Вряд ли он простит разоблачение даже самому близкому другу.

— Почему вас так беспокоят мои отношения с друзьями?

— Потому что ваши друзья убивают моих друзей.

Профессор надолго замолчал, и брызги из-под лопасти его весла стали вылетать с удвоенной силой. Вместо него в разговор вступила Оливия Фарбер:

— Но Рейнольде вовсе не такой близкий друг, как вам кажется, Стивен. Когда-то мы были близки. Но теперь он отгородился от всех своими сейфами и маклерами. К тому же мы намерены перебраться из Филадельфии на Запад. Например, Мейер Гуггенхайм, наш друг и земляк, собирается вкладывать деньги в медь Колорадо. А это обеспечит нас работой на долгие годы. Еще один друг, Горацио Табор, надеется с нашей помощью отыскать новые залежи серебра. Мы останемся в Денвере, Стивен. А Рейнольде пусть и дальше проворачивает свои темные делишки в Филадельфии.

— Навряд ли ты найдешь в денверских гостиницах номер с водопроводом, — сказал Фарбер.

— Не страшно. Зато мы не найдем там ни одного биржевика.

— Как видно, ты уже все решила? — сердито спросил профессор у жены.

— Это жизнь все решила за нас.

— Ну, знаешь...

— Смотрите! — перебила их Росита. — Сэр, там лошади!

Берега по обеим сторонам реки были покрыты зарослями ивы, но справа, выше по склону, на ровной зеленой лужайке виднелось пестрое пятно небольшого табуна. Под солнцем блестели рыжие, черные, пегие лошади, и несколько мулов с навьюченными мешками щипали траву поодаль.

Степан положил весло на дно каноэ и взялся за винтовку. Профессор греб, разворачивая лодку к другому берегу. Все напряженно оглядывали склон, на котором не

было видно никаких следов человека — ни костра, ни шалаша. Но табун не мог гулять тут сам по себе. К тому же в бинокль Степан разглядел, что некоторые из лошадей были оседланы.

— В кустах, — тихо сказал профессор. — Они могут сидеть в кустах у самой воды. Милли, возьми весло! Гребите быстрее, милые леди.

Но ничего нельзя было разглядеть за сплетением ивовых веток и дрожащих листьев. В бинокле снова промелькнули лошади, потом показались кудрявые макушки низкорослого кустарника выше по склону, а дальше, между черных узких елей, Степан увидел песок, изрытый множеством копыт.

Лошади спустились с этих гор, понял он. Возможно, это и есть тот самый перевал, о котором говорил Бен Смоки. Так, может быть, это наши лошади? Но где же тогда сам Бен?

— Поворачивайте к берегу, — сказал Степан. — Там никого, кроме лошадей. И это наши лошади.

— Не будем рисковать, Питерс! Спустимся до порогов. В этих кустах может быть засада.

— Это легко проверить.

Степан Гончар стянул сапоги и переложил кольт в наплечную кобуру. Он перемахнул через борт лодки и поплыл к берегу. Уже через пару гребков его ноги коснулись илистого дна, и он проплыл еще немного, пока пальцы не зачерпнули прибрежный песок. Здесь он встал и, пригнувшись, побежал по воде к нависающим ивам.

Он не верил, что на берегу может быть засада. Но и шагать, как на параде, почему-то не хотелось.

Упав за низко склонившуюся толстую иву, Степан оглянулся на каноэ. Лодка уже пристала к другому берегу. Все, кто в ней был, пригнулись, спрятавшись за бортами. И только чья-то голова виднелась над кормой рядом с тонким стволом винчестера.

"Если здесь засада, то они успеют уйти по реке. Или хотя бы скроются в горах, — подумал он. — А вдруг Фарбер захочет избавиться от меня?" Никакой засады. Заржала лошадь, и Степан узнал свою Тучку. Он свистнул, и она потрусил к нему, радостно взбрыкивая.

Поймав босой ногой стремя, Гончар забрался в седло и поехал к табуну. Он уже узнал пятнистую кобылу Бена Смоки. Подъехав ближе, увидел в ее соломенной гриве слипшиеся красные волосы. Белая холка тоже была залита кровью. Свежей, красной и блестящей кровью.

— А где Бен? — спросил Степан у кобылы, но она только встряхнула ушами, продолжая выщипывать травинки под ногами.

Он повернулся к реке и увидел, что каноэ пересекает ее под углом, приближаясь к берегу.

Ему пришлось еще долго кружить по склону, разглядывая следы. Он нашел тропу, по которой табун пришел сюда из-за гор. Где-то вдалеке, в сплошной стене отрога, скрывался невидимый отсюда проход, и Бен Смоки воспользовался им, чтобы оторваться от погони. Но там, где прошел табун, всегда останутся следы, как бы ты ни пытался их скрыть. Значит, преследователи рано или поздно придут сюда.

Нашел Степан и две латунные гильзы пятидесятого калибра. Они валялись в песке под низкорослой и широкой елью. "Отсюда из своего "шарпса" стрелял Штерн, — подумал Гончар. — Но куда? Где мог быть Бен в этот момент? И как же Смоки прозевал выстрел? Так-так. Кровь на гриве... Штерн стрелял в спину".

Он вспомнил старину Эрни, который ненавидел оружие. Как он говорил? Какой-нибудь мозгляк с револьвером может лишить жизни мужчину, который в сто раз сильнее. Да, а тут был не револьвер, а "шарпс". И его пуля не оставляет шансов.

Он пошел к берегу, чтобы помочь женщинам выбраться из лодки, и на песке увидел параллельные полосы — такие обычно остаются от веток, которыми заматают следы. Кто-то очень хотел скрыть свои следы на песке, но, наверно, слишком спешил. Степан присел,

чтобы лучше видеть эти полосы, — и заметил, что они ведут к реке. У самой воды он увидел кровь на траве и все понял.

Песчаное дно еще хранило отпечатки каблуков Штерна. Вот здесь он втопил тело Бена в воду и оттолкнул его от берега, и оно поплыло по течению. И было это совсем недавно — следы под водой только наполовину заполнились илом.

Фредерик Штерн был большим педантом. К тому же к нему, очевидно, было применимо правило, о котором говорил профессор, — преступник не может изменить почерк. Убив Бена Смоки, Штерн сбросил его тело в воду точно так же, как он поступил с Дрейком.

"Я еще могу его догнать, — подумал Степан Гончар. — Похоже, он прихватил с собой пару сменных лошадей. Следов будет много. Он не уйдет".

— Что вы ищете в воде, Стивен? — спросила Милли, подбегая к нему.

— Уже ничего.

— Все наши сумки пусты, — сказала девушка. — И недостает трех лошадей.

— Нам хватит остальных, чтобы добраться до Денвера. — Степан Гончар повернулся к Милли. — Говорят, это большой город. Мы с Харви давно туда собирались.

— Может быть, Штерн и Смоки тоже направились в Денвер?

— Штерн и Смоки? Может быть.

Он последний раз посмотрел вдоль реки, но не увидел ничего, кроме одинокой чайки, которая парила высоко в небе, с каждым кругом поднимаясь все выше.

Вместе с профессором они развернули карту на песке, и Фарбер обвел карандашом то место, где река уходила под землю.

— При случае обязательно обследую участок с тлеющими пластами. Как вы намерены двигаться, Питерс?

Степан провел пальцем вдоль извилистой линии реки:

— Вниз по течению до холмов. Отсюда поворачиваем строго на восток и выходим на железную дорогу. Здесь подождем поезда. Остановим его, и вы поедете в Денвер. А я с лошадьми отправлюсь через перевал. Люди Даунвуда будут идти по моим следам, но в горах я от них оторвусь.

— Вы снова спасли меня, — сказал профессор. — Не знаю, чем отблагодарить вас. Не говорите ничего, Питерс. Просто приезжайте к нам в Денвер. И привозите детей. У них будет школа не хуже, чем в Филадельфии. Приезжайте. Не пожалеете.

— Сочтемся, док. Хорошая у вас карта. Не оставите? На память.

Фарбер молча свернул карту и отдал ее Степану.

"Пропуск в ущелье Туманов, — подумал Гончар. — Не помешает иметь его под рукой".

Может быть, когда-нибудь он воспользуется этим пропуском. Но не в этот раз. Сначала надо посадить Мелиссу на поезд. И найти Штерна.

Ему вспомнилась китайская притча о том, что незачем гоняться за врагом. Надо просто сидеть у реки, и рано или поздно течение пронесет мимо тебя его труп. Что ж, не врут китайцы.

42. ЗАКАЗНОЙ ЭКСПРЕСС

Дым паровоза был замечен издалека. Поезд, огибая холмы, шел по дуге, а Степан направил свой табун напрямик и добрался до рельсов как раз вовремя. Он быстро развел костер прямо у полотна и подкладывал в огонь пучки травы, чтобы густым белым дымом привлечь внимание машиниста. Росита достала из узелка с вещами красную блузку, и Гончар привязал ее к стволу винчестера.

Размахивая блузкой, как флагом, он стоял на рельсах, глядя на приближающийся локомотив.

После длинных гудков поезд начал тормозить. Из будки выглянул пожилой машинист:

— Что случилось? Опять полотно размыло?

— Надо взять пассажиров, сэр, — вежливо, но твердо сказал Степан. — Профессор Фарбер и его экспедиция.

— Мы не берем пассажиров! Это заказной экспресс, идем без остановок! За мной — обычный состав, он вас возьмет!

— Кажется, я слишком тихо сказал, сэр, и вы не расслышали. Это не пассажиры. Это экспедиция федерального земельного управления. Федерального, сэр. Профессор Фарбер. И остановки нам не нужны. Его надо срочно доставить в Денвер.

— Так бы сразу и сказал! — закричал машинист. — Живо полезайте в пассажирский вагон! Ну и компания подобралась! Сплошные шишки!

Степан схватил Мелиссу за руку и побежал мимо локомотива, вдоль тендера и синего багажного вагона к зеленому пассажирскому. За распахнутой дверью стоял очень приличный джентльмен в бежевом костюме. Без лишних слов он подал руку девушке, и та вспорхнула на подножку. Степан посадил жену профессора и Роситу. Фарбер, уже стоя на подножке, оглянулся:

— Жду вас в Денвере, Питерс! Не откладывайте свой визит.

Паровоз запыхтел чаще, стреляя паром во все стороны, большие колеса провернулись на месте, и весь состав дернулся с лязгом и скрежетом.

Степан вдруг сообразил, что даже не попрощался с Мелиссой. Он пошел за вагоном, но тут же остановился. Слишком поздно.

Мимо него медленно проплыл зеленый вагон, за ним — красный вагон для скота, и из щелей между досками потянуло запахом подгнившего сена и конского навоза. Дверь этого вагона была немного сдвинута в сторону, и два ковбоя стояли в проеме. Перед Степаном промелькнули их рыжие сапоги со шпорами и полы длинных плащей. Затем показалась открытая платформа с бухтами колючей проволоки, и еще один товарный вагон с лошадьми. Последним катился синий служебный вагон, где на площадке стоял тормозной кондуктор в черном мундире, облокотившись о задний бортик.

Поезд медленно набирал ход на подъеме, и Степан шел за ним вдоль рельсов. Ничего страшного, что он не попрощался с этой разбойницей. Даже наоборот, получилось очень удачно. Он не смог бы подобрать нужных слов. Разве только сморозить какую-нибудь глупость насчет ее серебряной монеты, которую он всегда носил с собой, на счастье. В голове вертелся мотив французской песенки, которую напевала Милли сегодня ночью. Неужели это было только сегодня? Кажется, что прошла целая жизнь. Так оно и есть. В эти часы уместились ровно две жизни — Харви Дрейка и Вена Смоки. Юдл не в счет.

Юдл! Степана бросило в жар. Он отчетливо вспомнил тех ковбоев, что стояли в вагоне с лошадьми.

Это же приятели шерифа Юдла! Два бородача. Один с седой длинной бородой, другой — с кудрявой, рыжей. Они следили за ним в Гарленде. С рыжим толстяком он едва не подрался из-за собаки. Точно, это они!

Гончар побежал за поездом. Он ухватился за поручень последнего вагона и запрыгнул на подножку.

— Эй, приятель, — недовольно сказал тормозной кондуктор. — Сомневаюсь, что у тебя есть билет.

— Все нормально, сэр. Откуда идет ваш поезд?

— Гарленд. Это специальный экспресс. Заказной.

— Вы знаете, кто его заказал? Не судья Томсон? Или, может быть, мистер Рочестер? Или Рейнольде?

— Мне никто не докладывал, — проворчал кондуктор. — Какие-то важные шишки, а как зовут, не знаю. Постой, постой. Рейнольде? Когда мы стояли в Гарленде, они получали телеграммы от какого-то Рейнольдса. Да нам-то какая разница? Деньги заплачены, мы и едем. Ты бы сошел, приятель, пока наша пыхтелка не разогналась. А то на скорости прыгнешь — костей не соберешь.

— Я бы сошел. Да вот беда — забыл кое-что сказать машинисту. Вы позволите, сэр,

пройти через ваш вагон?

Кондуктор не успел ничего ответить, потому что Степан уже юркнул за его спиной в приоткрытую дверь.

Он пробежал по вагону и осторожно открыл дверь в тамбур. Там никого не было, и, выйдя из тамбура, Степан оказался над сцепкой с товарным вагоном. По выступающим скобам забрался на крышу. Стараясь не топать, перебежал вперед и так же бесшумно спустился. Под ним на открытой платформе покачивались бухты колючей проволоки, и Степан долго примерялся перед прыжком. Пока он стоял на краю платформы, поезд успел разогнаться. Незакрепленные бухты раскачивались, и Гончар понимал, что пробраться между ними на ходу будет нелегко. Ему повезло: поезд втянулся в крутой поворот, и все бухты немного откатились к левой стороне платформы, освободив достаточно широкую площадку, куда он немедленно прыгнул. Однако ему удалось сделать только пару шагов, когда все бухты разом двинулись обратно. Гончар едва успел прижаться спиной к низкому борту платформы и выставить вперед ногу. Шипы колючей проволоки впились в подошву сапога.

В этой ловушке он провел минут десять, пока не дождался нового поворота. И теперь уже Степан не медлил, а рванулся вдоль борта, как мышь, удравшая из когтей кота.

Дальше перед ним появился вагон, в котором ехали те двое бородачей. Степану очень хотелось поговорить с ними, но он знал, что разговор не получится. К тому же неизвестно, сколько их там. Нет, мы найдем себе других собеседников, решил Гончар и полез на крышу. Он шагнул по выгнутым доскам, и они ходили под ногами, словно палуба.

Заскрежетала дверь, и Гончар застыл на месте. Внизу раздался чей-то голос, заглушенный стуком колес. Наверно, кто-то из ковбоев отпустил удачную шутку, потому что в ответ послышался гогот десятка глоток. "Кто-то едет в пассажирском вагоне, а кто-то в теплушке, — подумал Степан. — Осталось только пересчитать вас. Всех до единого".

В это время поезд вынырнул из теснины между песчаными холмами, и локомотив дал три коротких гудка.

Стоя на шаткой крыше, Степан посмотрел вперед. Блестящая нитка рельсов тянулась между каменистых склонов и пропадала за тополиной рощей. И там, вдали, под деревьями стояли три лошади, а над ними мелькала белая тряпка. Гончар не сразу разглядел человека, который махал ею, потому что тот стоял ногами на седле и был почти неразличим на фоне темной листвы.

Поезд замедлил ход, Степан быстро перепрыгнул на крышу пассажирского вагона и лег там. Ему не хотелось, чтобы его кто-нибудь увидел. Особенно — тот, кто привел сюда, к железной дороге, этих лошадей. Потому что среди них были две пятнистые кобылы, которых Степан и Харви Дрейк подобрали для себя на ранчо "Семерка". И привести их сюда мог только один человек.

Степан и сам не заметил, как в его руке оказался револьвер. Он с замиранием сердца следил, как поезд, притормаживая, подходит все ближе и ближе к тополям, а от них навстречу составу бежит Фредерик Штерн. В одной руке тот держал винтовку, в другой — пару туго набитых седельных сумок.

Движение поезда замедлилось, и в пассажирском вагоне пропела, открываясь, дверь. Кто-то крикнул с подножки:

— Вы опоздали, любезный! Профессор занял ваше место.

— Неудачная шутка! — крикнул Штерн.

— Забирайтесь сюда! Для вас приготовлен диван в багажном вагоне. Давайте вещи!

Поезд продолжал медленно двигаться. Степан повернул голову и увидел на земле ползущие и выгибающиеся тени от вагонов. Вот мелькнула тень человека, на ходу поднявшегося на площадку переднего вагона. А вот над сцепкой проскочила другая тень.

Двое стояли на площадке багажного вагона. Степан, лежа на крыше, слышал почти каждое их слово.

— Камни у вас?

— Вот здесь, поближе к сердцу.

— К чему? Вы меня удивляете. Какое сердце? Ладно-ладно, не злитесь.

— Не могу привыкнуть к вашим шуткам, Даунвуд.

— Я никогда не шучу. Я говорю неожиданные вещи, которые кажутся смешными. Но они не смешные. И насчет Фарбера — это не шутка. Он жив.

— Что?!

— Жив, жив. Больше того, он едет вместе с нами. Мы только что подобрали его со всем семейством. Видели бы вы, как вытянулась его физиономия, когда он увидел меня с судьей.

— Черт! Как они выбрались? Это же невозможно! Как ваш Юдл упустил их?

— Об этом спросим у Юдла. Но меня такие детали уже не интересуют. Вы сами видите, Штерн, что из-за вас я оказался в довольно щекотливой ситуации. Завтра Фарбер встретится с Кингом и все ему расскажет. И тогда нам всем будет не до шуток.

— Они не должны встретиться.

— Ну, отчего же? Пусть встретятся. Но только при одном условии. Ваш профессор скажет, что россыпь алмазов существует.

— Вы не знаете Фарбера. Он не станет врать. Он сумеет доказать, что мы все подстроили.

— Почему вы так думаете?

— Я провел рядом с ним много лет. В нем нет ничего человеческого. Он будет тупо говорить, что черное — это черное, даже если поджаривать его на медленном огне.

— А если поджаривать не профессора, а, допустим, его дочку? Ну, почему вы не смеетесь, Штерн?

— Потому что это не смешно. Черт, где же мне теперь спрятаться?

— Спрятаться? Наоборот! Вам обязательно надо увидаться с Фарбером! Тогда-то он точно сломается. А мы еще и расскажем ему, как следили за каждым его шагом, как устраняли всех его помощников и проводников! Он должен знать, что мы не шутим. Только тогда в его сухих мозгах пробьется живое человеческое чувство. И это будет чувство страха. Идемте, Штерн.

Хлопнула дверь вагона, и Степан в отчаянии ударил кулаком по лбу. Надо было стрелять! Они стояли в трех шагах от него! Застрелить обоих, забрать камни и прыгнуть с поезда — это заняло бы несколько секунд. И все!

Да, но что тогда было бы с Мелиссой?

Гончар еще не знал, как он спасет эту маленькую разбойницу. Но не сомневался, что сделает это. Причем немедленно.

Разбежавшись, он перепрыгнул на крышу багажного вагона, а оттуда прыгнул на угольную кучу в тендере.

Чумазый кочегар повернулся на шум и удивленно уставился на Степана. Гончар отряхнулся от черной пыли и поправил кобуру под мышкой. Когда он снова поднял взгляд на кочегара, тот уже стоял с поднятыми руками. Но за ним скрывался машинист, который держал одну руку на регуляторе пара, а в другой у него был "миротворец", и широкое дуло смотрело прямо в лоб непрошеному гостю.

— Все нормально. — Гончар миролюбиво выставил перед собой ладони. — Поговорить надо.

Он пробрался в тесную будку и стал рядом с машинистом.

— Вы знаете, кого везете, сэр?

— Важных персон. — Машинист запихнул кольт за пояс и плюнул в окно. — Таких важных, что президент нашей дороги перед ними на цыпочках ходит.

— Это точно, — поддакнул Степан в манере Бена Смоки.

Сейчас он чувствовал себя примерно так, будто вел сложные переговоры с докерами, которые никак не хотели переставить его контейнеры в более удобное место. В таких ситуациях все решали личные связи. Для неведомой фирмы докер пальцем не пошевелит сверх задания. Но для своего парня работяга сделает все.

Степан уже знал, как надо говорить с машинистом.

— Персоны такие, что на хромой козе не объедешь. Да только это все видимость одна. А копнешь — такое говно поперет! Я чего залез-то? Рожу знакомую увидел. Хлыщ в костюме за тыщу баксов. Знаете, кто это, сэр? Это ж Даунвуд! Слыхали про аферу с железнодорожными акциями?

— Северная Тихоокеанская? — уточнил машинист.

— Ну да. Я-то от нее не пострадал, а вот кореш мой, Эрни О'Хара, вот тот чуть не вешаться собрался из-за тех акций. Сколько ирландцев он разорил, этот Даунвуд!

— А говорили, будто он утопился.

— Такое говно не тонет.

— Да, это точно. А ты сам-то откуда, братец? Смотрю, рубаха на тебе индейская, а говоришь по-нашему, будто вчера из Дублина.

— Из Небраски я. А с ирландцами сызмальства рос рядом, вот и перенял все, и говор, и норы. А только слыхал я, что тут у вас новая афера затевается. С алмазными акциями.

— Это не афера. — Машинист оторвал взгляд от путей и глянул на Степана. — Это честный бизнес.

— Ну да, честнее некуда. Сказки это все. Вы знаете, кто такой профессор Фарбер? Знаете, чего ради тут его экспедиция шаталась? Мы в этих горах каждый камень обнюхали. На брюхе ползали, по десять пар башмаков износили, а дело свое сделали.

— Что за дело-то?

— А все насчет алмазов. Пусто там. Нет никакой россыпи. Еще неделя-другая, и вся компания накроется.

— Да ты что!

— Ну да. Это ж одни и те же аферисты все прокручивают. Даунвуд и его шайка. А что это вы расстраиваетесь, сэр? Тоже попались на ихнюю удочку?

— Две тысячи... У меня жена акций накупила на две тысячи! — выкрикнул машинист. — Все наши сбережения за семнадцать лет! Это же целое ранчо можно было купить!

— Мой вам совет, сэр. Вам, конечно, виднее. Но я бы на вашем месте дал телеграмму домой. Вот прямо на следующей станции и дал бы. Пусть супруга не медлит и сейчас же продает все ваши алмазные акции. А вторую телеграмму дайте в агентство Пинкертон. Эти парни давно охотятся за Даунвудом. Еще и премию от них получите.

Машинист снял фуражку и вытер лоб кулаком.

— Телеграмму, говоришь? Не получится у нас с телеграммой. Идем без остановок до самого Денвера. Потом обратно в Форт-Коллинз, домой, обычным рейсом. Думаешь, пока приеду домой, они успеют приостановить выплаты?

— Думаю, что уже завтра ваши акции резко упадут в цене, потому что Даунвуд от них постарается избавиться.

— Если я сделаю самовольную остановку, меня уволят. Там, в пассажирском, сидит зять президента железной дороги. Он здесь командует, братец.

Степан почесал затылок и тихо ругнулся по-русски. Президент железной дороги в этих краях — фигура поважнее президента Штатов. С таким прикрытием Даунвуд был неуязвим. Ни один представитель закона не станет портить отношения с железной дорогой. И ни один машинист не станет портить отношения со своим боссом.

Столь успешные переговоры закончились полным провалом. Да, эти двое могут посочувствовать Степану, но не более того. Они не станут ему помогать. Будь ты хоть трижды ирландец, но — каждый сам за себя.

— Не знаю, зять или не зять, но только попутчиков он себе выбрал не очень-то подходящих, — сказал Гончар. — Видели, кто едет в конских вагонах?

— Вроде рабочие. Проводники и все такое.

— Ну да, рабочие. Слыхали про банду братьев Юдл? Вот эти-то братишки как раз сейчас в ваших вагонах.

— Что-то ты не то говоришь, братец. — Машинист неприязненно покосился на

Степана. — Ты на себя-то посмотри. Одет как последний бандит. А еще на честных работяг наговариваешь.

Кочегар у них за спиной сказал:

— Дядя Том, еще один гость!

По угольной куче через тендер пробирався ковбой в длинном плаще.

— Кто тут у вас прячется? — кричал он, размахивая револьвером. — Кто-то спрыгнул с крыши в тендер! Эй, старик, кто разрешил брать посторонних? Хочешь остаться без работы? Так считай, что...

Он увидел Степана и замолчал, разевая рот, как рыба, выброшенная на берег.

— Питерс! — наконец заорал ковбой, вскидывая револьвер. — Теперь не уйдешь!

Гончар стоял, держась за стенку. Он знал, что, как только пошевелит рукой, противник выстрелит.

— Выходи, тварь! — приказал ковбой.

"Кто такой? Откуда он меня знает? Морда знакомая. Где я его видел?" — недоумевал Степан.

— Помнишь, как ты убил Фрэнка Юдла в Небраске? Так знай: Фрэнки мой старший брат! Меня тогда ранило, и я сидел в фургоне. Ты, тварь, ползал перед нами на карачках! А потом выстрелил Фрэнку в спину! Я все видел! Жалко, Остин тогда же не прикончил тебя! Ничего! Я отрежу тебе голову, чтобы порадовать Остина!

— Ты не порадуешь Остина, — сказал Степан. — Его уже никто не порадует.

— Выходи, тварь! Хватит прятаться за чужие спины!

В этот момент поезд резко дернулся вперед, и ковбой, потеряв равновесие, сел на угольную кучу. Над ухом Степана прогремел выстрел, и горячий дым обжег его лицо.

Он присел, выхватив револьвер, и выстрелил по ковбою — но опоздал. Тот был уже мертв. Потому что когда пуля "миротворца" входит вам в череп, вам не остается ничего другого, кроме как покинуть сей бранный мир.

А машинист плавно вернул регулятор пара в прежнее положение, сунул кольт за пояс и сказал:

— Зря он это. Зря представился. Кто же у нас не слыхал про братьев Юдл? В прошлом году за каждого по тысяче обещали. А теперь, говорят, и на три потянет.

— Это точно. — Степан, не медля, снял с бандита оружейный пояс. — Первоклассный выстрел, сэр.

43. ПОЕЗД СЛЕДУЕТ БЕЗ ОСТАНОВОК

Для записки Степану пришлось пожертвовать куском профессорской карты.

Машинисту очень хотелось написать, что он лично уложил одного из братьев Юдл, но почерк у него был слишком крупный, а на обрывке было слишком мало места. Впрочем, и без таких подробностей сообщение получилось достаточно выразительным.

"Заказной экспресс Гарленд — Денвер захвачен бандой братьев Юдл. Попытаемся остановить поезд на станции Боулдер. Готовьте встречу. Майк, сообщи Кларе, пусть немедленно продает акции. Старший машинист Томас Кеннеди".

Записка была спрятана в жестяной стакан с красной лентой. Когда экспресс проносился через станцию Лонгмонт, кочегар свесился с подножки, размахивая этим стаканом, и бросил его к ногам дежурного.

Степан в это время уже переоделся в замасленную кочегарскую робу, нахлобучил форменную фуражку и повесил на шею сумку из-под инструментов. Он спрыгнул с тендера на площадку багажного вагона, растер пыль по щекам и лбу, а потом решительно открыл вагонную дверь.

Вдоль одной стены стояли ящики и сундуки, мешки и корзины с винными бутылками. Вдоль другой тянулись широкие полки, между которыми примостился узкий кожаный диванчик. Рядом был стол на одной ножке, привинченной к полу.

На диване сидел в небрежной позе, закинув ногу на ногу, Фредерик Штерн. Склонившись над столом, стоял холеный красавчик в бежевом охотничьем костюме. (Степан понял, что это и есть Даунвуд.) Он перекатывал пальцем блестящие красные зернышки. Больше в багажном вагоне никого не было.

Пока все шло именно так, как и рассчитали Степан с машинистом.

— Что там Случилось? — Даунвуд повернулся и увидел Степана. — А где...

— На пол! Оба — на пол! — приказал Гончар, наведя на них револьвер. — Мордой вниз!

— Даунвуд, не спорьте с ним! — простонал Штерн, послушно опускаясь на четвереньки. — Это Питерс! Он стреляет насмерть!

— Приятно познакомиться, — улыбнулся красавчик и вытянул за уголок из верхнего кармана френча свой белоснежный платок.

Опустившись на одно колено, он протер платком пол, прежде чем лечь на него, и уютно опустил голову щекой на скрещенные руки.

— Последний раз мы виделись в Эшфорде, если мне не изменяет память...

— Руки за спину! — рявкнул Степан. — Энди, заходи!

Кочегар забежал в вагон с веревкой наготове и без лишних разговоров принялся связывать руки.

— Эй, любезный, полегче! — недовольно поднял голову Даунвуд. — Не думаю, что мистер Лавленд похвалит тебя за это!

— Джеральд, Джеральд, не спорьте! — пролепетал Штерн.

— Ты знаешь, кому связал руки? — не унимался Даунвуд.

— Не знаю, — ответил кочегар. — Мистера Лавленда знаю, и про зятя его слышал. Только того малого вроде зовут Арчи Рочестер, а ты какой-то Джеральд.

Гончар снял с вешалки "шарпс", висевший рядом с брезентовым плащом, и кинул его кочегару.

— Умеешь обращаться?

— Немного.

— Если я не вернусь, застрели обоих. Вот этого первым. — Он пнул Штерна. — Он убил моих лучших друзей.

— Не промахнись!

Степан переложил свой кольт в нагрудную сумку. Бандитский "смит" уже лежал там. Еще один револьвер был у него под мышкой, в наплечной кобуре. Итак, три шестизарядника. Надо уложиться в восемнадцать выстрелов. Времени на перезарядку не будет.

"Валить любого, кто поднимет оружие. Не думать о последствиях. Главное — перевести из пассажирского вагона в багажный Мелиссу и ее семью. Потом — расцепить вагоны. Поезд идет на подъем, отцепленные вагоны быстро отстанут и покатаются вниз. Бандиты останутся на перегоне, а мы долетим до ближайшей станции. Это Боулдер. Там люди. Там мы отобьемся, даже если бандиты нас догонят.

Да, но там и шериф. И неизвестно, на чьей он будет стороне. Смоки предупреждал, что семейка Юдл контролирует здесь несколько округов. Решено — гнать паровоз до самого Денвера. Штерна и Даунвуда сдать властям. Впрочем, это уже забота Фарбера. Что же до Стивена Питерса, то он незаметно исчезнет по дороге. После захвата экспресса, пальбы и насилия над почтенными гражданами его ждет камера в местной тюрьме. Пока будут разбираться, все может измениться. И герои станут преступниками, а ворье — оплотом цивилизации.

Надо же, зять президента! Плохо, что Даунвуд меня опознал. Заложит. Придется забыть об Эшфорде примерно на год, пока все не утихнет".

Проще всего, да и приятнее, было бы пристрелить их обоих, и Даунвуда, и Штерна. Но Степан все-таки надеялся, что их будут судить и они будут все валить на своего босса, Рейнольдса. А вот тогда уже самому Рейнольдсу будет некогда сводить счета с каким-то профессором геологии. И Мелисса наконец окажется в безопасности.

Все эти глубокомысленные расчеты промелькнули в голове Степана за то время, которое нужно человеку, чтобы уложить в сумку два револьвера и прокрутить на всякий случай их барабаны. Двенадцать щелчков.

Все. Вперед.

Он прошел через тамбур к пассажирскому вагону. Сжимая шершавую рукоятку кольца в сумке, левой рукой открыл дверь.

Пассажирский вагон третьего класса напоминал салон пригородной электрички — такие же скамейки, расставленные спинка к спинке, такой же проход. Прекрасное место для перестрелки, если ты стреляешь первым.

— Кто тут, это самое, профессор Фарбер? — спросил Степан с порога. — Зовут его. Пусть, это самое, зайдет в багажный вагон.

Он говорил медленно, немного коверкая слова. Глаза быстро нашли мишени — двое играют в карты на передней скамейке, еще три головы в широкополых шляпах виднеются над спинками сидений в дальнем конце вагона. Вот Мелисса, в середине вагона, она сидит между матерью и Роситой. Фарбер стоит в проходе. Перед ним — низкорослый толстячок. "Судья Томсон, — вспомнил Степан. — Только бы не задеть судью". Рядом с ними, спиной к Степану, стоял высокий худой ковбой в кожаном жилете. Он повернулся, и Гончар увидел на его груди латунную шерифскую звезду.

— Шеф зовет профессора? Сейчас придем.

— Одну минуту, — сказал судья. — У нас с доктором Фарбером небольшая дискуссия. Предварительно нам необходимо определить сложившуюся ситуацию.

— Это самое, — сказал Степан, поворачиваясь боком. — Мне про ситуацию не сказано. Мне сказано — профессора, это самое, привести.

— Я никуда не пойду! — вдруг закричал Фарбер. — Судья! Вы отдаете себе отчет? Что вы мне предлагаете?

— Зачем же горячиться, профессор? — увещевал его Томсон. — Мистера Рочестера рекомендовал сам губернатор. Весьма достойный гражданин. Уверен, что он не стал бы подвергать сомнению результаты вашей экспедиции, если бы не обладал более обширными данными. Ведь вы обследовали только один маленький участок. А россыпь занимает весьма обширную территорию. Кроме того, ведь вы даже на этом участке нашли алмазы, не так ли?

— Судья, сколько можно повторять? Все это подстроено! Мы нашли не алмазы, а алмазные осколки. Это отходы какой-нибудь ювелирной мастерской.

— Ваше обвинение слишком серьезно, — сказал судья. — Что же, думаю, Арчибальд согласится, что надо провести еще одно обследование. Я устрою вам встречу с губернатором. Надо обсудить с ним...

— Хватит! — резко сказал шериф и наставил кольт на судью. — Идите в багажный вагон!

— Как? Что? Что вы себе позволяете, шериф Юдл?

"Юдл? Еще один братец, — подумал Степан. — Да когда ж они кончатся!" Шериф Юдл поднес ствол к носу судьи:

— Я-то себе все могу позволить! Я тут и судья, и губернатор, и президент. Понял? Чего придумал! Еще одно обследование! А какого черта мы потратили все лето, я тебя спрашиваю? Надоела мне ваша болтовня. И компания ваша надоела. Мы свое дела сделали. Хватит с вами носиться. Пошел в багажный!

Судья побледнел и пошел к выходу, оглядываясь и натываясь на скамейки.

Юдл схватил профессора за локоть и грубо потащил за собой.

— Вам... вам придется расстаться со своим постом, — дрожащим голосом произнес судья.

— Как бы тебе не пришлось кое с чем расстаться! А ну, пошел!

Степан посторонился, пропуская судью.

Как только Томсон оказался в тамбуре, Гончар выстрелил, не вынимая револьвер из сумки.

Он стрелял в тех двоих, что сидели рядом. Одного отбросило к стенке, а второй выгнулся всем телом и свалился в проход.

— Док! На пол! — закричал Степан, вытянув руку с кольцом, и опустился на колено.

Целясь снизу вверх, чтобы не задеть Фарбера, он выстрелил в Юдла. Тот согнулся пополам и упал на колени.

Профессор нырнул за спинку сиденья. В конце вагона вскочил бандит, выхватывая револьвер. Степан выстрелил одновременно с противником. В лицо ударили острые щепки от соседнего сиденья. За густым дымом не было видно ничего, и Степан бросился в угол и выстрелил оттуда по темному силуэту.

Из дальнего конца вагона по нему били сразу три ствола. Пули кромсали дощатую обшивку вагона и прошивали спинки скамеек.

Гончар нырнул на пол и стрелял, прикрывшись телом убитого. Он бил по вспышкам. Бандиты укрылись за сиденьями, но Степан знал, что это не защита от пуль сорок пятого калибра.

Он отбросил второй револьвер и выхватил кольчугу из-под мышки. Осталось шесть патронов.

Сизый дым слоями кружился в вагоне. Кто-то хрипел, захлебываясь. Бешено грохотали колеса, их шум влетал в разбитые окна.

— Милли! — крикнул Степан, поднимаясь над трупами.

— Все нормально! — ответила девушка.

— Бегом отсюда! В багажный! Живо!

Он вскочил на скамейку, держа под прицелом дальний конец вагона. Мимо него прошмыгнула Мелисса, за ней Росита и жена профессора. Милли задержалась у выхода, поднимая с пола два винчестера. Фарбер все еще лежал между сиденьями, и Степан уже мысленно попрощался с ним. Но профессор, постанывая, все же поднялся на ноги.

— Куда бежать? — спросил он, размазывая кровь по лицу.

— Сюда, сюда! — Степан толкал его к выходу и сам пятился, не опуская кольчугу. — Позовите ко мне кочегара! А сами держите на мушке Штерна! Живее!

Под ногой оказался еще один труп, и Гончар присел, подбирая чужой револьвер. Двенадцать выстрелов в запасе.

В дальнем конце вагона распахнулась дверь, и в светлом прямоугольнике показался силуэт. Степан выстрелил, и силуэт словно сдуло, и дверь захлопнулась за ним.

— Энди, Энди! — Гончар звал кочегара, боясь отвернуться.

— Здесь я!

— Отцепляй вагон!

— Шкворень застрял! Не могу выдернуть!

Сквозь грохот колес Степан различил какой-то шум на крыше. Обходят сверху!

Он выстрелил в потолок, еще раз, и еще. Попасть он и не надеялся, хоть бы остановить.

Снова вспышка в дальнем конце, и тяжелый удар в плечо развернул Степана. Он повалился в тамбур и увидел, что кочегар лежит поперек буферной площадки.

— Готово! — крикнул кочегар, поднимаясь. — Давай сюда!

Гончар повернулся на бок и поднял револьвер, стреляя в набегающего бандита. После второго выстрела курок щелкнул по пустому барабану.

Он вскочил на ноги и перешагнул через растущий просвет между вагонами. Левая рука плохо слушалась, но он смог закинуть ее через ограждение площадки и согнуть в локте. Теперь его не свалят.

Отбросив револьвер, вытащил из сумки второй. И тут же увидел над собой чью-то тень. Выстрелил вверх от бедра. Слобно тяжелое бревно ударило в бок, но согнутая рука удержала Степана на площадке, а на щепку к его ногам свалился убитый бандит.

Зеленая стенка в грязных разводах медленно отдалялась. Блестящие цепи свисали с буферов и, звеня, волочились по шпалам.

Степану казалось, что его тело становится легким, как перышко, вот-вот ноги

оторвутся от площадки и взмоют выше головы. И он изо всех сил сгибал онемевшую руку, предплечьем зажимая поручень.

Снова что-то показалось на крыше отстающего вагона, и снова он выстрелил по неясной тени. Все плыло перед глазами. Но он с ликованием заметил, что отцепленный состав удаляется все быстрее.

Черные кольца медленно кружили в воздухе, мешая целиться. Потом вдруг они превратились в оранжевые волны, которые плескались перед Степаном. Они были горячими и солеными, и он чуть не захлебнулся в них. Рука вдруг распрямилась сама собой, и Гончар понял, что сейчас свалится на рельсы. Последним усилием он развернулся и оттолкнулся от площадки. И увидел, как стремительно набегают на него щебенка насыпи...

44. НА ПОРОГЕ УЩЕЛЬЯ ТУМАНОВ

Он не потерял сознание. Он ненадолго перестал ощущать свое тело и ничего не видел. Но при этом отчетливо понимал. Правда, только отрывками. Вот сейчас он скатывается с насыпи. Это больно. А сейчас лежит на чем-то жестком и колючем. Это еще больнее.

Пульсирующая боль под ребрами понемногу утихла, но плечо все еще ныло. Временами Степану казалось, что все его тело покрыто слоем грязи, которая начинает засыхать и твердеть, превращаясь в непробиваемую корку.

Сквозь туман показались мелкие острые листья. Они дрожат перед глазами, а за ними — небо, и одинокое плоское облачко, и черная птица кружит как раз под ним, словно прячется от беспощадного солнца в его тени.

"Пора, — подумал Степан Гончар и закрыл глаза. — Пора и мне туда, под это облачко. Пора уходить в туман".

"Можете не торопиться, — ответил ему женский голос. — У нас еще много времени".

"Десять минут назад его было мало, — услышал Степан свой голос, хотя он ничего не говорил. — Что-то изменилось?" "Разве вы не заметили?" "Не идите так быстро", — попросил он.

"Мы найдем друг друга", — ответила женщина.

"Я подстрелил шерифа, — пропел кто-то, — но не трогал я помощника... " — Пошли глюки, — сказал Степан и чуть не подавился песком, который набился в рот.

Если тебя достают глюки, значит, ты еще как бы живой.

А если ты живой, то нечего тебе валяться под солнцем возле насыпи.

Его лицо закрыла тень, и песок захрустел под тяжелыми шагами.

Степан открыл глаза и увидел Тучку. Лошадь наклонила к нему голову и коснулась щеки холодным черным носом.

— Да живой я, живой, — сказал ей Степан.

Он с трудом повернул голову. То, что казалось ему насыпью, на самом деле было склоном горы. Гончар медленно перевернулся на бок, а потом, схватившись за свисающие поводья, осторожно приподнялся. Каждое движение причиняло боль, однако Степан все же смог встать на колени. Тучка мотнула головой, как бы торопя его, но Гончар не шевелился.

Стоя на коленях, он увидел, что в склоне горы чернеет широкая расщелина. Оттуда веяло смертельным холодом.

Он стер с лица налипший песок. Ощупал плечо и обнаружил, что оно покрыто твердой коркой засохшей грязи. Такой же панцирь плотно охватывал его бок. "Вот что мешает вздохнуть полной грудью, — догадался Гончар. — Ну, дышать-то можно и так, зато, похоже, эта корка остановила кровь из ран. Удачно получилось".

Его взгляд вернулся к черной расщелине, и теперь он увидел, что там, в глубине, клубится туман. Белые клочья взвивались и переплетались, поднимаясь из темноты. Туман медленно и неотвратно накатывался на Степана.

"Вот оно, ущелье Туманов, — подумал Гончар. — Как все просто. Оказывается, его не надо было искать. Оно само нашло меня, когда наступило время".

Он выпустил повод из руки. Тучка потерлась мордой о его плечо, отчего он чуть не повалился наземь. Степан легонько похлопал ее по шее и оттолкнул от себя.

"Не идите так быстро", — снова услышал он себя. И снова в ответ прозвучал голос женщины: "Мы найдем друг друга".

— Где? — спросил Степан. — Где мы найдем друг друга?

— Денвер, — сказала женщина.

Туман застилал все вокруг голубыми и пепельными слоями. Липкая влага оседала на лице. Еще немного — и вот уже ничего не видно за висящей завесой...

"Денвер. Денвер", — звучало в ушах.

И вдруг он узнал этот голос. Так могла говорить только Мелисса...

— Милли, — позвал Степан. — Разбойница, ты здесь?

— Мы найдем друг друга, — еле слышно ответила она.

"Поздно, — подумал Степан Гончар. — Слишком поздно".

Он вглядывался в непроницаемую стену тумана и видел за ней черноту. Все темнее становилось вокруг, все холоднее. Степан почувствовал, что его колотит сильнейшая дрожь.

Где-то впереди, там, за туманом, за чернотой, отчетливо прозвучал автомобильный гудок.

Сейчас все кончится, понял Степан. И мы никогда уже не найдем друг друга. Если только я не попаду в Денвер...

Денвер? Да это же совсем рядом!

Он попытался встать, но потерял равновесие и рухнул лицом вниз. Где-то рядом по шоссе пронеслась невидимая машина.

Из последних сил приподнявшись на дрожащих руках, Гончар свистнул. Тучка всхрапнула в ответ, и он почувствовал, что по лицу скользнули поводья. Вцепившись в них, Степан просвистел коротко и часто. Поводья натянулись, и Тучка потянула его за собой.

— Тяни! — прохрипел он слабым голосом. — Тяни сильнее, малышка! Нечего нам тут делать... тогда он смог забраться в седло, солнце уже садилось за горы. Телеграфные столбы отбрасывали длинные тени. Степан Гончар не мог пошевелить рукой, не мог повернуть голову без того, чтоб не материться от боли, но он сидел в седле и был жив. Глядя между ушами кобылы, он видел только седую траву. Где-то впереди, за этим морем травы, за горами, в конце железнодорожного пути стоит город Денвер.

Он нащупал флягу, подвешенную за седлом. Вода была холодной и удивительно вкусной. Возвращая флягу на место, он увидел винчестер в седельной кобуре и вынул его. Всегда чувствуешь себя немного спокойнее, когда оружие под рукой.

— Если я отключусь, ты не останавливайся, — предупредил он кобылу. — Так и шагай вдоль рельсов. Они для того и проложены, чтобы вдоль них шагать. Мы с тобой никогда не были в Денвере. Мы с тобой вообще нигде не были. Столько мест на земле, которых мы никогда не увидим. Потому что нам туда не надо. Человеку надо туда, где его ждут. Как думаешь, нас ждут?

Тучка фыркнула и встряхнула головой, отгоняя мух, но Степан понял ее по-своему.

— Сомневаешься? А я вот не сомневаюсь. Раз уж я не провалился в ущелье Туманов и не поднялся к облакам... Значит, еще не время. Потому что есть дела, которыми придется заняться. Надо найти подходящее Дерево и повесить на нем Штерна. Надо купить дом и привести в него жену. И еще надо нарожать сыновей. Но тут я не справлюсь без Милли. Так что хочешь не хочешь, а надо попасть в Денвер.